

Константин Банников

АНТРОПОЛОГИЯ
ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ
ГРУПП

9711

ДМБ-82 ПЕННА

С Д Е М Б Е

Р М О С К В А

А П А З О

БЕЛГОРОД ЧИТА
АМР
ЛБ-М 70/2.

ККРДОВ

Надежде Ильиничне Банниковой

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MIKLOUHO-MACLAY INSTITUTE
OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

K. L. Bannikov

**THE ANTHROPOLOGY
OF REGIMENTED SOCIETIES**

*Relations of Dominance
in Social Interactions among
Russian Soldiers*

This research was founded
with the support
of the McArthur Foundation
grant No 99-57242

**MOSCOW
2002**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

К. Л. Банников

АНТРОПОЛОГИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ГРУПП

*Доминантные отношения
среди военнослужащих срочной службы
Российской Армии*

Исследование проведено
при поддержке
Фонда Джона и Кэтрин Макартуров
грант № 99-57242

**МОСКВА
2002**

ББК 88.53
Б 23

Ответственный редактор:
Член-корреспондент РАН С.А. АРУТЮНОВ

Научный редактор:
кандидат исторических наук М.В. ТЕНДРЯКОВА

Рецензенты:
кандидат исторических наук О.Ю. АРТЕМОВА
доктор исторических наук М.Л. БУТОВСКАЯ

Книга представляет собой первое социально-антропологическое исследование системы неуставных доминантных отношений в Советской и Российской Армии, широко известной как «дедовщина». Автор рассматривает ряд актуальных армейских проблем: знаки и символы неформальной иерархии среди солдат, семиотика бытового иррационального насилия и способы его преодоления, десоциализация и ресоциализация личности, архаизация общественного сознания в армии, генезис армейской субкультуры и другие.

Свободный стиль изложения делает монографию доступной широкой аудитории читателей, всем тем, кто интересуется глубинными социокультурными процессами, протекающими в армии и других обществах закрытого типа.

ISBN 5-201-14632-5

© К.Л. Банников; 2002

Предисловие	7
Введение	9
«Индивидуальность» и «рядовой». Социальная структура экстремальных групп	24
Время как социообразующая категория. — Социальные страты и система отношений прав и обязанностей. — Взаимное соглашение субъектов и объектов доминантных отношений.	
Социальная мобильность и переходная обрядность	42
Ритуал инициации. — Аккультурация и системы ценностей.	
Нравы и добродетели	47
Статус и поведенческий комплекс. — Метаморфозы общечеловеческих ценностей.	
«Ландшафт» армейского жизнеобеспечения	57
Столовая. — Баня. — Санчасть и госпиталь. — Специализированные подразделения. — Боевые задачи. — Гауптвахта и дисбат	
Труд и теневая экономика в армии	87
Труд. — Деньги. — «Работоторговля».	
Знаки и символы иерархии в системе жизнеобеспечения	105
Социально-знаковая трансформация военной формы. — Знаковая организация пространства. — Статусная знаковость в системе питания.	
Архетипы и социальность. К проблеме семиотики насилия	130
О феномене архетипа. — Символизм физиологизма: образ тела и образ мира. — Орган самца как символ власти. — Экскременты в головном уборе как семиотический этюд. — Образ антипода в мобилизации социальных систем, или что такое <i>чмо?</i> — «Любить оружие». — Социальность и сексуальность. — Татуировки. — Символизм волос: статус, подавление, протест. — Архетипы речевой коммуникации. — Архетипы пищевой коммуникации. — Сон как архетипическое состояние.	
Инфантильность и насилие	186
«Армейские маразмы»: от диктатуры абсурда к культуре абсурда	191

Социальный, этнологический, семиотический аспекты смеха. — Ритуальное смехотворчество. — Юмор, пафос и абсурд	
Искусство и социальная идентичность в армейском контексте	205
Атрибуты и индустрия дембеля. — Дембельский альбом.	
«Якоря культуры» в культурном вакууме	216
Письма и переписка. — Рационализация деятельности. — Образование. — Аутсайдность.	
Экстремальные группы в гражданском сообществе	236
Военная история как фактор национальной идентичности. — Каналы трансляции армейских доминантных отношений в гражданское общество. — Экстремальные группы и большая политика. — Восприятие иноэтничности. — Образ армии в общественном сознании и проблемы ее профессионализации.	
Заключение	273
Приложения	
Дневники, интервью, письма, воспоминания, документы. — Образцы армейского фольклора	278
Библиография	356
Summary	363

Данная книга, как, впрочем, всякая другая, есть плод удивления ее автора. Когда я в свое время служил в армии, то не переставал удивляться новым для меня формам взаимоотношений людей друг с другом: от экзальтированной сентиментальности до крайней агрессивности. Удивляло и то, какую роль в отношениях между солдатами играют их статусы, как они материализуются в сложной системе неформальных знаков и символов, которые приобретают порой самые причудливые формы, как на их основе складываются оригинальные обычаи и ритуалы, как в этих ритуалах воспроизводят себя неуставные доминантно-статусные отношения — социокультурный феномен, широко известный российскому читателю под названием «дедовщина». Не может не удивлять и ее размах, и универсальность. В каждой воинской части имеются какие-то свои особенные обычаи, но в каких бы войсках и в каком бы регионе нашей страны солдаты не служили, они понимали всю систему неформальных знаков и символов как общий язык.

Когда, после демобилизации я продолжил образование в области истории культуры, этнографии, социальной антропологии, то на основе этих армейских удивлений и воспоминаний в последствии сложились размышления уже относительно общих культурных и социальных процессов в армии. В процессе исследований архаических мифоритуальных систем, которые я вел в Институте этнологии и антропологии РАН, открылось много прямых и косвенных аналогий между культурой организации власти у первобытных народов и неуставными доминантными отношениями у военнослужащих срочной службы поздней Советской и современной Российской Армии. Тогда и возникла идея проанализировать этот, по сути, полевой этнографический материал на основе методов и концепций социальной антропологии, аналитической психологии и семиотики. Речь не об оппозиции «первобытное—современное» как «высшее—низшее» или «плохое—хорошее», но об универсальных, архетипических парадигмах социальных организаций, которые принимают на себя функции правовых институтов там, где эти институты пребывают в состоянии затянувшегося кризиса. На мой взгляд реактуализация архетипов — явление положительное. Как я пытаюсь доказать в книге, архетипы культуры помогают пережить кризис культуры. Этот феномен архаизации общественного сознания, который переживают все общества в состоянии кризиса, в современной антропологии получил название «архаический синдром».

Проблемы, связанные с армией, российское общество воспринимает весьма болезненно, поскольку остро стоит вопрос ее неотложного реформирования. Определенной субъективности и полемичности не удалось избежать и мне, что я прекрасно осознаю. Более того, я склонен считать, что в гуманитарном исследовании объективность невозможна в принципе, как невозможно отделить

объект наблюдения от его субъекта. Поэтому стараюсь приводить как можно больше оригинальных источников — солдатских писем, дневников, документов, интервью с правозащитниками и офицерами, чтобы читатель, лично с армейской действительностью не знакомый, мог бы сделать самостоятельные суждения.

При цитировании источников полностью сохранен их стиль, включая экспрессивно-эмоциональные выражения. Так я считал недопустимым заменить нецензурную речь на более благозвучные эквиваленты, в силу того, что мат является отдельным феноменом социальной коммуникации в армии (это анализируется в соответствующих разделах). Тем не менее, нецензурные обороты разряжены многоточиями.

Текст иллюстрирован оригинальными рисунками из солдатских «дембельских альбомов» и блокнотов, поэтому изобразительный материал так же имеет значение самоценного источника.

Благодарности

Данная работа обязана своему происхождению очень широкому кругу людей; перечислить все имена мешает лимит печатного пространства, но отнюдь не памяти автора.

В первую очередь хочется поблагодарить тех, кто когда-то участвовал в создании корпуса источников для данной монографии. Одним из главных источников написания данной работы является солдатская переписка. Поэтому спасибо всем моим корреспондентам: Сергею Монькову, Елене Ждановой, Виктору Андрееву, Дмитрию Зубовичу, Татьяне Медведевой, Александру Доманову, Максиму Стеблюкову, Наталье Семеновой, Дмитрию Кожедубову, Эдуарду Казанцеву, Инне Медведевой, Виктору Дьякову, Сергею Романенко, Елене Арабян, Эдуарду Шкиренко, Игорю Дунаеву, Станиславу Якушевичу и другим.

Благодаря общению с коллегами из Института этнологии и антропологии РАН, специалистами в области антропо- и социогенеза О.Ю. Артемовой, М.В. Тендряковой и М.Л. Бутовской, весь собранный материал оформился во что-то более-менее связное, что позволило ему быть изложенным на бумаге.

Профессоры С.А. Арутюнов и Н.Л. Жуковская руководили моими исследованиями архаического мифа и ритуала традиционных обществ Восточной Азии — сферой, на первый взгляд, весьма далекой от темы настоящего исследования. Но, именно благодаря им, я получил возможность вывести свои наблюдения на уровень теоретических обобщений относительно универсальных закономерностей социокультурного развития, что мне очень пригодилось при работе над настоящей монографией.

Хотелось бы также поблагодарить всех тех, кто оказал мне помощь в сборе необходимого материала, особенно социолога И.А. Климова, любезно передавшего мне свой личный армейский архив; председателя Новосибирского отделения Комитета солдатских матерей РФ Р.А. Белик; военного обозревателя газеты «Новая Камчатская правда» правозащитника Владимира Яковлева, предоставивших мне материалы по состоянию прав человека в военных гарнизонах своих регионов.

Итак, данной работой я обязан своим друзьям, коллегам и учителям. Разумеется, я не собираюсь делить с ними ответственность за все недостатки этого исследования.

Общества, которые принято называть цивилизованными, отличаются от традиционных не только наличием храмов и библиотек, но также тюрем и казарм.

Люди в казармах представляют собой концентрированную в пространстве на продолжительное время человеческую массу, собранную и локализованную механически, т. е. насильственно и без учета их личностных особенностей и культурных принадлежностей.

Круг этих людей замкнут и постоянен. Они одеты в одинаковую форму, вместо имен им присвоены номера. Перемещение их тел в пространстве, перемена функций и даже поз регламентированы общим распорядком, регулярными построениями и прочими средствами тотального контроля. Эта человеческая масса изолирована от гражданского общества, но внутри нее ни один из индивидов не имеет возможность уединения. Они вынуждены вместе не только работать, но также есть, спать, строем передвигаться по территории, по команде справлять «естественные надобности», вместе и по команде мыться, читать, писать письма, чинить одежду, — одним словом, вместе *быть*.

Что происходит внутри этой массы человеческого «концентрата»? Как взаимодействуют между собой ее отдельные человеческие «атомы»? В какие структуры они выстраиваются и как в них функционируют? Что движет их самоорганизацией? Ответы на эти вопросы представляют собой предмет особого антропологического интереса.

В основу настоящего исследования легли наблюдения автора за жизнью воинских подразделений изнутри во время прохождения им срочной службы в рядах Советской Армии в конце 1980-х годов, а также материалы специального социально-антропологического исследования, проведенного в 1999–2000 годах, в ходе которого был проведен ретроспективный анализ доминантных отношений военнослужащих срочной службы уже

Российской Армии за последнее десятилетие XX столетия. География исследования покрывает практически всю территорию бывшего СССР и охватывает все основные рода войск, за исключением всякого рода спецподразделений.

«Человеческий концентрат» — среда высокого внутреннего давления. Здесь межличностные отношения отличаются повышенной агрессивностью, а насилие утверждается в качестве института социальной коммуникации. Это оказывает существенное влияние на психику каждого из участников коммуникации и приводит к трансформации сознания.

В современной российской армии насилие представлено в двух уровнях одной системы социального контроля: 1) «механический» фактор консолидации (насильственный призыв); 2) «генетически» сформировавшаяся в условиях «механической» консолидации система статусных отношений («дедовщина»). Обе направлены на подавление свободы личности, поэтому бытовое насилие и агрессия актуализируются как способ конкуренции и не столько за ресурсы жизнеобеспечения (необходимый минимум которых здесь положен каждому), но за средства самовыражения, в числе которых — право на переоформление всех единообразных элементов уставного жизнеобеспечения в разнообразных знаках и символах социальной иерархии.

В результате в группах «механической» консолидации естественным образом складывается упорядоченная система доминантных отношений. В ходе этого процесса происходит идеологическое переосмысление бытового насилия.

Осмысленное в социальной парадигме насилие составляет каркас системы ценностей в армии, и, по закону апологии образа жизни социума, превращается в его идеологию, чем, наконец, формирует идентичность его членов.

Итак, идеология насилия обуславливает экстремальность состояния общественного сознания подобных социальных образований, в силу чего я предлагаю для них определение «экстремальные группы» (Банников, 1999; Вапніков, 2000). Экстремальность здесь рассматривается как внутреннее состояние данных сообществ, их социокультурная и ментальная парадигма, отличающая их от основного гражданского сообщества критически высоким градусом насилия, которое здесь является социо- и культурогенным фактором.

С точки зрения антрополога, насилие рассматривается не как поведенческая аномалия, но в качестве специфически человеческого способа жизнедеятельности, т. е. этот феномен не выходит за рамки культуры (Curtis, 1975; Barker, 1993; Violence Culture, 1996; Hatty, 2000; Антропология насилия, 2001). Даже там, где насилие принимает ужасающие формы, которые на уровне обыденного сознания можно охарактеризовать как извращение, мы видим антропологическую проблему, поскольку за каждым «извращением» стоят метаморфозы культуры.

Формулируя определение экстремальных групп, я имею в виду экстремальность не внешней среды, но внутрисоциального и психологического состояния. Потому что, во-первых, внешняя среда не может быть критерием типологизации социума; во-вторых, в данном случае прослеживается обратная закономерность: экстремальность внешних условий может быть фактором внутреннего сплочения членов группы. Так мы находим совершенно здоровый психологический климат в отдельных воюющих подразделениях, на боевых дежурствах, на пограничных заставах — там, где перед всеми в равной мере стоит проблема выживания.

Впрочем, армия на войне — вообще тема отдельного исследования. Тем более, если одна и та же армия в разное время ведет совершенно разные по целям, задачам, средствам, а также в плане морально-этических критериев, войны. Поэтому ни Советская Армия в годы Великой Отечественной войны, ни подразделения, воевавшие в Афганистане и Чечне, не являются предметом данной работы. Здесь нас будет интересовать армейский социум мирного времени, и причины агрессии военнослужащих, направленной не против внешнего врага, но против своего соседа по солдатской койке.

Экстремальные группы — в высшей степени закрытые сообщества, вследствие чего их очень сложно не только изучать извне, но и контролировать изнутри, как это хорошо известно любому командиру взвода.

Социальная антропология очерчивает круг задач, важных для рассмотрения феноменологии экстремальных групп:

- выявление механизмов трансформации идентичности личности, использующей агрессию как средство социального взаимодействия;
- определение критической степени зависимости личности от собственной социальной роли;

— определение степени диффузии личности при редукции ее культурной многомерности до какой-либо частной функции.

Отдельного внимания заслуживает трансформация установок, мотиваций, апология действий индивида по мере перехода из генерального социокультурного контекста в маргинальный и обратно. Пожалуй, в этом следует искать ответы на вопросы: как образованный и воспитанный человек может допускать чудовищное насилие над собой и быть его источником? Какая система психологических защит и аполгии образа жизни складывается в его голове? Каким образом, при каких условиях и с какими потерями ему удастся вернуться к общекультурным нормам?

По свидетельствам очевидцев, неуставные доминантные отношения в Советской Армии имели место уже с конца 1950-х годов. А первое официальное упоминание дедовщины как «казарменного хулиганства» было сделано министром обороны в самом начале 1960-х. Так что явлению уже почти полвека, и исчезать оно не собирается, несмотря на непрекращающиеся попытки его «искоренения». В чем причина такой жизнеспособности?

Даже поверхностный взгляд заставляет сделать вывод о том, что дедовщина состоит в генетической связи с уставом. Официальная принудительная система прохождения воинской службы, лишая человека свободы во всех ее проявлениях, не предусматривает никаких эффективных стимулов к добросовестной службе. Таким образом, устав из воинского закона превращается в инструмент репрессии, что сами же командиры всех уровней и озвучивают: «Не хотите жить по-человечески — будем жить по уставу». Соответственно, предполагается, что «жизнь по уставу» не совместима с «жизнью по-человечески». «Жизнь по уставу» в данном контексте — это репрессии от имени закона. Но в рамках устава и аппарат насилия действует также не эффективно, потому что в своем воздействии на тело и душу солдата он формально ограничен рамками закона, в качестве которого применяется.

Следовательно, устав не выполняет возложенных на него функций — управление служебной и социальной сферой отношений. Эта логическая незавершенность уставного принуждения восполняется дедовщиной — системой физического и морального насилия, неограниченной в средствах воздействия на личность, посредством которого достигаются и выполнение

экстраординарных задач, и поддержание рутинного порядка. Поэтому дедовщина в современной российской армии продолжает оставаться основным фактором социального управления.

Так что, для того чтобы искоренить дедовщину, нужно искоренить всю армию в том виде, в котором она существует: с ее насильственным принципом формирования личного состава. Переход к армии профессионалов будет целесообразен не только с позиций прав человека, но и в целях обеспечения реальной обороноспособности и престижа страны, ибо как справляется с этой задачей «армия рабов», мировая общественность наблюдает каждую очередную военную кампанию России — никак.

На пути к переходу армии на профессиональную основу стоят не столько объективные социально-экономические проблемы, сколько сопротивление высших эшелонов военного командования.¹ Очевидно, что новая профессиональная армия потребует и новых профессионалов на всех уровнях, с которыми старые кадры военной бюрократии не смогут конкурировать (Гольц, 2002: 8). Где взять таких профессионалов? Их резерв огромен. Это, в первую очередь, молодые кадровые офицеры, которые сегодня покидают армию именно в силу своей пассионарности, поскольку ныне действующая система не отвечает ни их амбициям, ни элементарным материальным потребностям. Большинство из них вернется к службе сразу же, как только им будут созданы условия, совместимые с понятием профессионализма. И дело здесь не столько в зарплате, сколько в царящих в офицерской среде нравах «доминантного бюрократического абсурда» или, популярно выражаясь, принципа «ты — начальник, я — дурак», в котором критерием офицерского профессионализма является умение «не залетать» и «отмазываться».

Однако военная бюрократия предпочитает терять активных и грамотных офицеров и заполняет освободившиеся офицерские вакансии по все тому же принципу рабского принуждения,

---

¹ В настоящем исследовании мы не ставим целью давать какие-то рекомендации относительно того, где взять деньги на профессиональную армию. Т. к. компетентные эксперты в этой области публикуют свои аналитические и программные материалы в средствах массовой информации. (См. к примеру: Ходорыч, 2002: 23–30).

призывая на срочную службу выпускников гражданских вузов, имеющих военные кафедры.

Что касается рядового состава, то его незаконная эксплуатация в качестве бесплатной рабочей силы сегодня призвана удовлетворять материальные потребности офицеров среднего звена и выше, то есть компенсировать их социальную необеспеченность «по уставу». Понятно, что солдата-профессионала, знающего свои права, будет труднее заставить строить генеральский коттедж или работать где-нибудь на «левой» ферме.

В силу своей актуальности тема реформирования армии не сходит с газетных полос. Но нас интересуют не эти очевидные проблемы, лежащие на поверхности. Предмет нашей работы — внутренние социально-антропологические процессы, протекающие в существующих сообществах военнослужащих срочной службы, те внутренние отношения, которые не видны стороннему наблюдателю в марше их стройных шеренг. Но тот, кто был в их составе, увидит в однородном строю сложную социальную структуру, различив каждого из солдат по микропризнакам его неуставного статуса, которые непосвященный и не заметит. И эти неуставные статусы для самих солдат более значимы, чем официальные воинские звания: именно первые, а не последние определяют жизнь человека в армии и его место в ее конфликтном социуме.

Впрочем, все социумы в силу естественной асимметрии их структур потенциально конфликтны. Бесконфликтных обществ не бывает. Доминантные отношения есть и в гражданском обществе, и в профессиональных армиях, были они и в элитных корпусах царской армии. Своего рода «дедовщина» существует и в вузах, и в научно-исследовательских институтах, как естественное доминирование старшего над младшим, которое в определенных условиях легко переходит в неестественное. Неестественные формы доминантных отношений начинаются там, где кончается свобода личности выбирать среду своего присутствия — в армии, в тюрьмах, в люмпенских поселках, в коммунальных квартирах — везде, где люди вынуждены строить систему отношений только потому, что не имеют возможности разбежаться.

Социально-антропологическая картина во всех экстремальных группах, и, прежде всего, — в российской армии и колониях заключенных, на данный момент представлена в единстве двух

систем организованного насилия: неформальная система является ресурсом функциональности формальной.

Военные, разумеется, возмутятся тем, что я сравниваю армию и зону. Я, разумеется, извиняюсь. Но они похожи. Естественно, не по декларированным целям, не по заложенным в их уставах идеям и идеалам, но по положению человека.

Хотя идеологически и формально эти структуры действительно полярны: армия — символ правильной жизни, тюрьма — символ жизни неправильной. Но и то, и другое — это концентрированная человеческая масса, окруженная забором. И в обоих случаях эта масса далеко не безлика, как это может показаться со стороны.

Устойчивая ассоциация «армия—зона» в советском сознании утвердилась довольно давно. Мне доводилось общаться со многими подростками, чье девиантное поведение в переходном возрасте было выдержано в директории уголовной романтики, более соответствующей, на их взгляд, идее самовыражения личности, ее свободе. Некоторые из них с детства прониклись идеей вместо того, чтобы отслужить в армии, эти два года «отсидеть» в тюрьме (что им с успехом удавалось осуществить).

Метафизику данной антитезы, пронизавшей тоталитарное общество вплоть до детских умов, предельно ясно выразил Иосиф Бродский в одном из своих эссе: «На мой взгляд, тюрьма гораздо лучше армии. Во-первых, в тюрьме никто не учит тебя ненавидеть далекого «потенциального» врага. <...> В тюрьме твой враг — не абстракция; он конкретен и осязаем. В тюрьме имеешь дело с одомашненным понятием врага, что делает ситуацию приземленной, обыденной. По существу, мои надзиратели или соседи ничем не отличались от учителей и тех рабочих, которые унижали меня в пору моего заводского ученичества. Служба в советской армии длилась от трех до четырех лет, и я не видел человека, чья психика не была бы изуродована смирительной рубашкой послушания. За исключением разве музыкантов из военных оркестров да двух дальних знакомых, застрелившихся в 1956 году в Венгрии, — оба были командирами танков. Именно армия окончательно делает из тебя гражданина; без нее у тебя еще был бы шанс, пусть ничтожный, остаться человеческим существом. Если мне и есть чем гордиться в прошлом, то тем, что я стал заключенным, а не солдатом» (Бродский, 1999: 20–21).

С точки зрения тождества уголовного и армейского миров подошел к этой проблеме и Сергей Довлатов, заметив, что не было ни одного зека, который бы не заслужил прощения, и ни одного надзирателя, которого не было бы за что посадить (Довлатов, 1998).

Данное тождество «армия—зона» воспроизводит и армейская «народная мудрость». Как любил повторять один полковник, начальник штаба крупной бригады связи: «Если бы армия не была тюрьмой, не было бы заборов». И так далее.

Здесь я слышу еще один упрек со стороны военных, которые наверняка возмутятся тем, что выводы, претендующие на статус научных, делаются на основании каких-то частных высказываний. Совершенно согласен. Однако настоящая армия, как и любой сложный организм, состоит из частей — из частных мнений и действий, частных нарушений, частных побегов солдат, их частных убийств и самоубийств, частных пыток, а также частных нищенствующих офицеров с их частными представлениями о воинском долге. И эту книгу следует рассматривать как анализ частностей армейской жизни. Слагаются ли они в закономерности? Являются ли следствием закономерностей? Или все это — случайности, открытый разговор о которых «порочит армию»? Ответы на эти вопросы так же будут частными мнениями читателей.

И еще. Кадровые офицеры часто упрекают всех, кто пишет об армейской действительности, тем, что они фокусируют свой взгляд именно на проблемах армии и тем самым якобы подрывают ее репутацию. Дескать, для повышения ее престижа полезно писать только о хорошем и молчать о плохом. Но так обычно говорят о мертвых. Хочется верить, что наша армия все еще жива, хотя и серьезно больна. Армии болят, как и люди, и так же, как людям, их исцеление требует открытого разговора о болезни. Было бы странно упрекать хирурга в том, что он «пристрастно» сосредотачивается на аппендиците больного атлета, а не любит красотою его торса. Так же странно видеть источником проблем тех, кто о них говорит — журналистов, правозащитников, или, скажем, вашего покорного слугу, который тоже пишет о дедовщине и совсем не пишет про отличников боевой и политической подготовки. И не напишет, хотя бы ввиду простого разделения труда: все идеальное — предмет заботы идеологов, исследователи же имеют дело с проблемами.

Тотальность социального контроля при низком уровне правового сознания можно определить как фундаментальную гуманитарную проблему российской социальной истории вообще, которая в сознании творческой элиты преломляется в качестве проблемы, пафосно названной проблемой свободомыслия, но являющейся органической и естественной потребностью любого мыслящего субъекта.

Проблема свободомыслия в России реализовалась, помимо прочего, и в том, что со второй половины XIX века здесь начал формироваться своеобразный литературный жанр — записки интеллигента о быте и нравах заключенных. У истоков этой антропологической традиции в литературе мы видим «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. «Достоевский, прежде всего, великий антрополог, исследователь человеческой природы, ее глубин и тайн. Все его творчество — антропологические опыты и эксперименты. Достоевский — не художник-реалист, а экспериментатор, создатель опытной метафизики человеческой природы. Он проводит свои антропологические исследования через искусство», — пишет о нем Н. А. Бердяев (1994: 4—5).

Этот жанр бурно развивался на протяжении всего XX века: не было недостатка тюрем в стране и образованных людей в тюрьмах. Александр Солженицын, Валерий Шаламов, Лев Разгон, Анатолий Рыбаков, Сергей Довлатов, Иосиф Бродский, Игорь Губерман — имена, озвучившие драму эпохи. И это далеко не полный перечень имен.

В их работах мы находим сложившуюся исследовательскую традицию, и не потому что описанная в них реальность человеческих отношений не требовала вымысла, отличающего художественную литературу от научной. И не потому, что любая из этих книг — цельное исследование, проведенное путем включенного наблюдения — основного этнографического метода. Наблюдая людей в «концентрированном виде», они обращались к глубинам природы человеческого существа. Именно поэтому их работы глубоко антропологичны.

По известным причинам, данное писательское направление в Советском Союзе могло развиваться только вопреки официальной доктрине, следовательно, публиковаться за его пределами. В советской антропологии (этнографии) таких исследований не было. И не потому, что этнографов меньше сажали. Не меньше. Думаю, каждый из героев книги «Репрессированные

этнографы» (1999) мог бы написать о лагере не меньше и не хуже Солженицына.

Дело в том, что развитие литературно-публицистической традиции менее зависимо от государственных структур, чем становление научной школы. Состояние в оппозиции органично природе художника. Поэтому конфронтация с государством только повышает тонус художественного произведения. У него больше возможностей быть опубликованным в самиздате, у него больший общественный резонанс, позволяющий автору существовать в собственной интеллектуальной реальности, альтернативной официальной культуре, как это было с Высоцким, или быть изгнанным из нее, как Бродский.

У научной работы другая судьба. Она более тесно связана с судьбой государства. Поэтому первые собственно научные исследования по этнографии лагеря появились во время перестройки.

В начале 1990-х годов на страницах «Этнографического обозрения» проходила одна из наиболее ярких в отечественной этнологии дискуссий, инициированная работами Л. С. Клейна (Льва Самойлова) о трансформации культуры в режимных сообществах, получившем в его трудах определение «этнография лагеря» (Клейн, 1990). Эта дискуссия затихла в немалой степени по причине недостатка новых материалов, подтверждающих, уточняющих или пересматривающих общие методологические положения, высказанные ее участниками, не получив какого-либо концептуального выражения. Важнейшей заслугой Л. С. Клейна и всех остальных участников этой дискуссии было представление феномена лагерной субкультуры в качестве предмета социальной и культурной антропологии — науки о наиболее общих, универсальных законах природы человека и общества.

В западных научных школах антропология агрессии давно сложилась как самостоятельное направление, объединяющее методы и концепции ряда дисциплин — психологии, социологии, этнологии и т. п. Имеется целый ряд работ, в том числе и фундаментальных. Это работы, посвященные социальным структурам, естественно формирующимся в местах заключения, в армейских подразделениях и т. п. Агрессия в них нередко рассматривается как структурообразующий, нормативный и, в конечном итоге, культурогенный фактор. В их ряду следует

назвать исследования неформальных социальных организаций среди заключенных (Cloward, 1960; Yochelson, Samenow, 1984), маргиналов (Briedis, 1975), полицейских (Sholnich, 1969), теоретические исследования девиантного и протестного поведения (Blau, 1960; *Sociology of Deviant Behavior*, 1967; Sotherland, Cressey, 1966; *Dominance Relations*, 1991).

Для настоящего исследования принципиально важно то, что такие фундаментальные положения теории статусных переходов, как концепции «лиминальности» (от латинского *limen* — «порог», «граница») и «социальной драмы», разработанные классиками антропологии Арнольдом ван Геннепом и Виктором Тэрнером (Genep, 1960; Turner, 1957, 1968, 1977), находят точную иллюстрацию и в неуставных реалиях Советской/Российской армии. Феномен лиминальности является, по сути, следствием процессов десоциализации, которым подвергается личность в любом режимном социуме, исследованию которых посвящены работы Ирвина Гоффмана (Goffman, 1967, 1971).

Человек в социальной системе тотального контроля не может действовать как полноценный субъект информации, то есть как лицо, обращающееся с информацией творчески. Его задача — моментально выполнять адресованные ему сигналы-команды. Именно способность реактивно подчиняться — «не тормозить» — является главной «добродетелью» неофита армейского социума. Именно эта способность обеспечивает ему наименее конфликтный путь ресоциализации, но ей он изначально не владеет, поскольку его социализация в гражданской культуре протекала в противоположном направлении.

В процессе социализации человек с рождения начинает усваивать сложные объемы культурно-значимой информации, развивая способность с ней оперировать и порождать новые смыслы. Степень свободы личности в социальном пространстве прямо пропорциональна объему освоенной культурно-значимой информации.

Личность как субъект культуры — это всегда аккумулятор и ретранслятор множества культурных потоков. Личность — это информационный узел, в котором связаны синхронные и диахронные потоки культуры (Арутюнов, 1989). Культура приобретает многомерный объем только в сознании личности и, отделяясь от сознания, теряет его и оборачивается плоскостью исторического текста.

Потребность личности в самовыражении и самоутверждении оживляет культуру; в ней проявляется динамика воспроизводства культуры в пространстве и во времени. И напротив — подавление свободы социализированной личности всегда приводит к прерыванию канала воспроизводства и развития культуры. Именно это и происходит в экстремальных группах. С точки зрения устава, исходная поликультурность личного состава является не только бесполезным, но вредным фактором, и поэтому всякое культурное разнообразие целенаправленно подавляется, что и приводит к десоциализации личности солдата.

Параллельно с десоциализацией личности протекает процесс десемиотизации межличностных коммуникаций — фактически процесс распада языка. Индикатором этой деградации информационного поля является перевод правовых отношений от манипуляций со знаками и значениями к манипуляциям непосредственно с телами: физиология и физиологические акты (например, мужеложство с целью понижения в статусе) актуализируются в качестве знаков и символов статусных отношений и восполняют коммуникативную функцию, но уже на более низком семиотическом уровне. Свидетельством семиотической деградации сферы коммуникации в армии является переход всего личного состава на междометия в общении друг с другом. В этом так же проявляется коммуникативная актуализация физиологии, но уже в вербальных эквивалентах.

Упадок информационной коммуникации выражает тенденцию деградации культуры. Но это деградация до определенной степени. Люди в экстремальных группах вынуждены как-то сосуществовать, — и значит — решать проблему преодоления деструктивности. То есть налаживать конструктивные отношения. Поэтому за деградацией культуры следует ее регенерация, в ходе которой мы наблюдаем процесс формирования новых правил и норм, новой иерархии, новой системы знаков и символов, и, наконец, новых культурных традиций. Однако, новые знаково-нормативные структуры более напоминает архаические ритуалы, чем современные общественно-правовые институты. Это, не странно но, естественно, поскольку десоциализированные индивиды от современных правовых систем отстают дальше, чем от архетипов коллективного бессознательного. Именно архетипы — структуры психики, определяющие саму возможность информационной деятельности, — являются средой и средством

регенерации семиотического поля правового взаимодействия индивидов. Отсюда и то высокое социальное значение архаических знаков и символов, в проекции которых социум выводит свою иерархию.

В исследовании знаков и символов власти В. А. Попов выделяет принципиальный для нас момент: «Для человеческой культуры характерно использование знаков, служащих для управления поведением. Особенно это свойственно ранним этапам становления потестарности, когда поведение человека было исключительно стереотипизированным, и семиотизация власти играла доминирующую роль. Отсюда и особая значимость символов власти, поскольку обладание ими рассматривалось как обладание самой властью, и, как следствие, наблюдалось отождествление символа и власти. Поэтому властный символизм оказывал непосредственное воздействие на мышление архаического человека и, прежде всего, на его иррациональные пласты. <...> Более того, в периоды общественно-политических кризисов и дезинтеграций, а также идеологических деградаций реактуализируются наиболее архаические формы проявления властных отношений. Этот феномен возрождения комплекса архаических представлений, стереотипов и норм поведения уже получил название архаического синдрома» (Попов, 1996: 12–13).

Дедовщина — ярчайший пример этого «архаического синдрома». Неуставные доминантные отношения выражены в знаках и символах, прямые аналогии которых мы находим в глубокой первобытности. В знаках и символах здесь переоформляются все сферы человеческой жизнедеятельности, вплоть до физиологии, а фазы социальной мобильности отмечаются переходными обрядами.

Так что же это? Деградация или регенерация? Распад культуры в кризисе социума или преодоление кризиса в реактуализации архетипов культуры? Очевидно и то, и это. Культурные процессы вообще не поддаются однозначным толкованиям. Переход от простого насилия к изощренным издевательствам отражает наиболее критические аспекты культурной трансформации и деградации армейского социума, в которой социокультурные отношения являют полную меру архаизации общественного сознания. Но, с другой стороны, что такое издевательство, как не творческий подход к насилию, придающий элементарной деструктивности семиотическую многомерность?

С одной стороны, это означает аккумуляцию деструктивности, с другой, — ее виртуализацию и преодоление.

Все это свидетельствует об обратимости процессов культурогенеза, утрате того многовекового опыта человечества, который лежит в основе общегражданских этических и правовых систем.

Однако сам факт зарождения и развития альтернативных субкультур в казармах, в среде людей, подвергшихся насильственной десоциализации, являет собой свидетельство не примитивизации культуры, но механизм ее самосохранения и регенерации за счет реактуализации архетипических структур сознания. Таким образом, казарменные субкультуры — это и пример распада культуры и культурогенеза одновременно. Иными словами, те причудливые символические формы, которые принимают социальные отношения в казармах, — есть показатель не «одичания», но попыток преодоления «дикости», наступающей при переходе «пустыни безстатусности» тождественных друг-другу «строевых единиц».

Механизм самосохранения культуры заложен в самой способности человека к информационной деятельности. В. Р. Кабо, полемизируя с Л. С. Клейном по вопросу архаизации общественного сознания заключенных, сформулировал суть проблемы: «В основе этого феномена, как я думаю, лежат единые для всего человечества структуры сознания, единые как в пространстве, так и во времени. Они-то и способствуют воспроизводству в различных группах человечества в разные эпохи неких универсальных явлений в социальных отношениях и духовной культуре, сближающих современные социальные системы или отдельные явления культур с первобытными» (Кабо, 1990: 111).

Соционормативный, а значит — культурогенный потенциал неформальных статусных знаковых систем в армии вполне осознан солдатами. Почти 100 % опрошенных военнослужащих срочной службы разных призывов понимали дедовщину как неизбежность, при этом выступая против физического насилия, но за сохранение знаковых различий между молодыми и дедами.

Выведение физического насилия в символической проекции вовсе не обязательно означает его преодоление и гуманизацию отношений. Но всегда — переход от манипуляции с телами к манипуляциям с их смысловыми значениями, и этим выражает динамику культурогенеза. И мы видим в экстремальных группах

зарождение и развитие самобытной традиции, ее репрезентации в сложных художественных формах изобразительного искусства и фольклора, которые составили целый пласт национальной культуры России второй половины XX века.

Таким образом, в экстремальных группах современный антрополог находит «лабораторию», где не прекращается эксперимент культурогенеза, регенерации культуры в среде культурного вакуума. Случай для гуманитарных наук уникальный, и нам бы радоваться, если бы не одно «но»: данный эксперимент — это опыты на живых людях. Это не пересадка органов — это пересадка систем ценностей и мировоззрений. Главное из прав человека — это право человека на культуру; его он в реалиях современной правовой системы России вынужден доказывать в судах. Сегодня, когда гражданское общество в противостоянии с военным лобби исчерпало все возможности национального законодательства (о чем говорит факт принятия дел об альтернативной службе, гарантированной Конституцией РФ, к рассмотрению Европейским судом по правам человека), мы видим подобные исследования востребованными в качестве антропологической экспертизы широкого прикладного значения.

«ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ» И «РЯДОВОЙ». СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ГРУПП

Время как социообразующая категория. — Социальные страты и система отношений прав и обязанностей. — Взаимное соглашение субъектов и объектов доминантных отношений.

Время как социообразующая категория

«В самом общем виде время можно определить как понятие, отражающее объективный процесс изменения окружающего нас мира» (Бочаров, 1996: 154). Изменяться во времени свойственно не только биологическим структурам, но и социальным, причем последнее можно отнести к одной из фундаментальных потребностей человека. Статус — детерминант времени социального тела, прямо пропорционален возрасту — времени тела физического. Каждый хочет, чтобы завтра его статус был выше, чем сегодня, и выбирает то общественное устройство, которое этот рост гарантирует. С этой точки зрения устав, провозглашая тотальное равенство *рядовых*, не рассматривает солдат срочной службы как субъектов времени.

Военные идеологи имеют свою точку зрения насчет того, как личность должна готовить себя к армии. Кандидат военных наук В. А. Поварцов так излагает свое представление о профессиональной армии: «В моем понимании, профессиональная армия это такая армия, солдаты которой имеют постоянную возможность всесторонне обучаться и шлифовать свое мастерство: в метании гранат, стрельбе, надевании противогаза. А для этого необязательно переходить на полностью контрактную систему и отменять призыв. Отделам агитации и пропаганды следовало бы отчасти изменить методы работы: пойти в школы, училища, колледжи» (Бедановский, Марзеева, 1999).

В. А. Поварцов справедливо полагает, что для поднятия престижа армии «нужно разъяснять шестнадцатилетним, что армия не монстр, уничтожающий любую индивидуальность, а государственный институт, обеспечивающий спокойствие граждан» (Бедановский, Марзеева, 1999). Однако для того, чтобы эти разъяснения достигли цели, а не превратились в циничный

фарс, необходимо все-таки выяснить, как на деле обстоят дела с индивидуальностью и с правами человека в «институте, обеспечивающем спокойствие граждан», и совместимы ли в принципе эти понятия — «индивидуальность» и «рядовой»?

Пока что любая идеологическая работа и пропаганда «почетной обязанности» разбиваются о реалии, несовместимые не только с понятием чести, достоинства и права личности на самоопределение, но часто и с элементарными психофизиологическими потребностями человека, начиная с потребности в пространственной автономии. В результате идеологическая пропаганда, направленная на «поднятие престижа» армии, превращается в пародию, причем прежде всего внутри самих армейских коллективов. Поговорки типа «рота без замполита — что деревня без дурака» родились задолго до эпохи гласности и перестройки, и не журналисты их придумали.

Люди, собираемые на призывных пунктах-распределителях, представляют собой аморфную массу, своего рода социальную протоплазму. С момента сдачи паспортов они перестают существовать как граждане, но до принятия присяги они не существуют и как военнослужащие. Это люди, уже лишённые гражданских прав, но еще не принявшие на себя воинские обязанности. Эти люди — «лиминальные субъекты», лишённые и социального тела, и социального пространства (Турнег, 1957, 1977). Масса призывников — это даже не социальная группа, это скорее протосоциальное образование, притом весьма абстрактное с точки зрения юридическо-правового обеспечения. И это нормативное и психологическое состояние асоциальности усугубляется комплексом официальных мер, направленных на «размалывание» личности и лишение ее индивидуальности: призывника стригут наголо, раздевают догола на медкомиссиях, ставят в строй, отбирают запрещенные и/или ненужные с точки зрения военных контролеров вещи. Таким образом, манипуляции с людьми на призывных пунктах направлены на семиотическую редукцию всех средств их личностного выражения путем унификации внешности, стиля одежды, набора вещей.

Насильственная редукция личностей до социальных нулей, превращающая их в совокупность одинаковых бритоголовых строевых единиц, встречает с их стороны встречную адекватную реакцию: если не удалось избежать призыва, то следует воспринимать его как карнавал. Сущность карнавала как феномена

культуры заключается в инверсии социальных ролей и ритуальной деструктуризации социума с целью последующего обновления образующих его связей.

Путь в армию связан с реальной декультурацией личности, что вызывает у нее ответные бессознательные реакции, со всеми сопутствующими карнавальными атрибутами. Показательно, что свое состояние социальной аморфности призывники часто выражают различными действиями: рвут одежду, разрисовывают зубной пастой свои фуфайки, рисуют на бритых головах авторучкой или выбривают незамысловатые изречения типа «ДМБ — 19...» и пр.

В итоге — формируется положительный эмоциональный фон; на призывных пунктах-распределителях обычно весело. Как и на всяком карнавале, здесь нередко возникают казусные ситуации.

По рассказу бывшего черноморского пограничника Эдуарда Казанцева, он еще на призывном пункте разрезал свои брюки на ленточки и в таком виде прибыл в часть. Часть старалась быть уставной. Упреждая возможные обвинения в том, что армия присваивает гражданские вещи новобранцев, им при выдаче военной формы приказывали отправлять свои вещи домой, не разрешая ничего выбрасывать. Наш герой был вынужден послать эти брюки домой. У его родителей был шок: когда они получили одежду сына, то решили, что над ребенком в армии издевались. Ему стоило труда убедить их, что это сделал он сам «для прикола».

(Полевые материалы автора, далее — ПМА, Новосибирск, 1990 г.)

Преобразование стресса в положительные эмоции посредством знака позволяет оценить универсальную функцию карнавала как средства апологии образа жизни и психологической адаптации личности к социально экстремальным условиям.

В качестве одного из универсальных карнавальных алгоритмов стоит отметить истинно «раблезианское поведение» — призывники в знак собственной асоциальности мажут друг друга зубной пастой, кетчупом, майонезом и прочим «антивеществом», маркируя им свое «анти-структурное» состояние (Тигнер, 1977).

Важно отметить соотношение ощущения времени с социальной идентичностью всех, кто направляется в армию по при-

Я умерал, а ты тащила
 Я воевал - ты смеяла
 Да чтоб ты, подла, убавилась
 Тот, кто от армии скопил

М М
 "Любля поход" - сказал козлик,
 Закинув толстую зад в машину
 Ебись ты в рот - скажет солдат.

М М
 Взвонил в межок за стину

Два года пройдут незаметно,
 Вернусь я в родные края
 И встретит меня у порога
 Любимая мамка моя

М М
 Френде телекрутить любовь,
 нацены мотать портянки

**ПИЩА
 ГРАЖДАН!**

Призыв в армию воспринимается призывниками в качестве карнавального гротеска. Из солдатских блокнотов:

зыву: их идентичность стопроцентно перенесена в будущее, к моменту демобилизации. Переживаемый стресс активизирует «территориальное» поведение: по дороге в армию они как бы «метят территорию», т. е. везде, где это возможно, стараются запечатлеть дату своего будущего «освобождения» — пишут на стенах, на заборах, на теле год демобилизации. Идентичность личности, направляющей выполнять «почетную обязанность», целиком соотносится с моментом завершения данного жизненного этапа.

Реализация социальной функции карнавала — инверсия ролей — приводит к психологической разрядке. Армия по определению — социальная инверсия гражданского общества, и карнавальные алгоритмы, предварительно организующие массу призывников, выступают как особого типа психологическая за-

Человеку свойственно «метить территорию» посредством настенных надписей. Территориальное поведение обостряется в кризисе идентичности личности.

щита. Весь предыдущий опыт, весь запас знаний и культурных ценностей, все гражданские привычки и привязанности в этой новой агрессивной среде воспринимаются как бремя, от которого следует на время избавиться. Чем меньше человек знает и значит, тем легче ему подчиняться, т. е. полноценно функционировать в армии, поскольку суть армии — в подчинении. Когда автор данной работы еще только «собирал материал методом включенного наблюдения», он однажды попытался выяснить смысл абсурдного, на его взгляд, приказа. Понимание смысла абсурда было доведено до него командиром с поистине дзэнским пафосом «войны с рассудком» (Померанц, 1995: 469): «Товарищ солдат! Не ищите в приказе высокого смысла! Вам жить будет проще! Выполняйте!».

Хороший солдат — тот, кто подчиняется на уровне рефлекса. «Приказ не надо ни объяснять, ни даже формулировать, — пишет Мишель Фуко, — достаточно того, чтобы он вызвал требуемое поведение. Ответственный за дисциплину сообщает с тем, кто ей подчиняется, посредством сигнализации: не надо понимать приказ, надо воспринимать сигнал и немедленно на

него реагировать, следуя заранее установленному более или менее искусственному коду» (Фуко, 1999: 242).

Человек, готовящийся к службе в армии, полусознанно начинает слагать с себя ограничения культуры еще за несколько недель до ухода по повестке. Это называется «догулять». «Догулять» — это значит допить всю водку, долюбить всех женщин и так далее, в полном спектре социальных девиаций, имеющих тенденцию роста от невинных оргиастических пирушек к уголовным преступлениям. Если бы велась статистика преступлений, совершенных призывниками в процессе «догуливания», то такого рода явления следовало бы выделить в отдельную социально-психологическую аномалию с единым смысловым контекстом: имея перспективу лишиться свободы, человек воспринимает актуальные культурные нормы в карнавальной инверсии, вплоть до полного их отрицания. В этом проявляется механизм адаптации личности к грядущему состоянию строевой единицы.

Этим и обусловлена реактуализация архетипа карнавального поведения. В качестве примера приведу текст письма, написанного одним тихим и скромным студентом-отличником в его последние перед армией дни:

Салют!

Сейчас уже прошло 1-е мая, и как ты уже понял, был праздник. С чуваками из института рванули на маевку, прихватив с собой водяры, жратву и гондоны. Ты знаешь, они сейчас жуткий дефицит. На «балке» одна резина стоит 3 руб. За голову можно схватиться, точнее за голову. Ну, в общем, забухали, пошли кидать за...ну, снимать б...ей. П... не получили, одни б...ди сами на меня повесались, но помня:

*Если красавица
На х... бросается,
Будь осторожен,
триппер возможен,*

мы их бортанули, сняли еще троих, но они не местные, а угла у нас не было. Потом на тачке до Речного, оттуда до НЭТИ пешком. Выдернули 2 флага, и, идя по мосту, покосили все на свете, переворачивали все урны, били бутылки, свернули дорожный знак. В 4 ночи завалились в общагу, орал с балкона по-немецки, размахивая голубым флагом. Так продолжалось с полчаса. Почти

всех поперебудили вместе с общаговскими чуваками с нашего потока.

А вскоре после нашего ухода на квартиру дежурная вызвала наряд «рексов». Так что вовремя сделали ноги.

Сейчас стараюсь учиться, хотя остались предметы, в которых я не прорубаю ни на дюйм. И что странно, понимают единицы из более чем 200 человек. Да и предметы долб...ие: теория вероятностей и основы дискретной математики. Даже и не знаю, как выкручиваться. Сессия. А 12-го мая пойдем целять б...й в ДКЖ, на дискотеке (нужно чем-то ублажить душу!). Этого добра хватит и на твой век, мы же только распахиваем почву разврата. Да, похвастаюсь, ин-яз сдал и досрочно получил зачет. Скооперировался с одной девчонкой, огромные труды прилагаю, чтобы заиметь с ней хорошую дружбу, но то ли я долб...б, то ли еще что... — она пока не очень.

А скоро салажья жизнь и воспоминания о том, какой был дурак и упустил такой клад.

Ну да ладно, сам видишь, проблем, хоть ж...й ешь. Больше ничего не помню, не слышал, не знаю.

Пусть нам всем повезет!!!

(ПМА, Новосибирск, 1988 г.)

Автор — психически абсолютно нормальный, уравновешенный человек, разумеется, не сексуальный маньяк, не алкоголик и не дебошир, как это следует из его письма. Структура и принципы построения текста воспроизводят ситуацию диффузии культуры в трансформации личностных мотиваций и жизненных стимулов человека, переходящего из гражданского социума в экстремальную группу, человека, вырываемого из привычного социокультурного контекста своего бытия. «Культурный самораспад» личности призывника — скорее правило, чем исключение.

Прибыв в воинскую часть, новобранцы расстаются с последними личностно-знаковыми вещами, а зачастую и с деньгами. Не выделяться! На первом этапе службы унифицируются даже средства личной гигиены. Командиры всех уровней следят, чтобы минимум вещей, составляющих содержание прикроватных тумбочек (зубные щетки, паста, мыло, нитки и пр.), был у всех одинаков. С этой целью армейским начальством культивируется такой институт социального контроля, как смотр

тумбочек и карманов, во время которого изымаются все неуставные вещи. Неуставной считается любая вещь, не входящая в регламентированный минимум единообразных предметов, которые предписано носить в карманах — носовой платок, расческа, блокнот с выписками из уставов, сигареты.

Присутствие владельца при «смотре тумбочек» не обязательно, поэтому все, что может быть изъято, рано или поздно изымается. К примеру, у автора в свое время изъяли даже такую «идеологически зрелую» вещь, как учебник по истории СССР для поступающих в вузы, под предлогом «рано еще».

Фраза «рано еще» проходит рефреном через весь первый год службы. За календарь с отмеченными днями можно получить наказание. Фактически люди в армии делятся на тех, для кого время существует — это старослужащие, и на тех, для кого оно не существует — так называемые молодые бойцы, которым вести счет времени, равно как и обзаводиться лично-знаковыми вещами, «рано еще». То есть социальной протоплазме рано думать об очертаниях. Она не имеет права ни на время — счет времени «не положен по сроку службы», ни на место в пространстве — они «духи», им «по сроку службы» положено «летать». Для социальной протоплазмы хронотоп вообще не существует. «Лиминальные существа ни здесь, ни там, ни то, ни се; они — в промежутках между положениями, предписаниями» (Тэрнер, 1983: 169). Формула «положено/не положено по сроку службы» имеет соционормативное значение и выражает принцип распределения привилегий в армии согласно социальной стратификации.

Социальные страты и система соотношения прав и обязанностей

Структура экстремальных групп отражена в оригинальной системе номинаций, воспроизводящей полный спектр статусных состояний. Термины иерархии, от низшей номинации к высшей, образно воспроизводят тенденцию социального «осуществления» во времени. Критерий социальной сущности — соотношение прав и обязанностей.

«Духи» (также «птурсы», «зеленые», «салаги», «солобоны», «слоны», «чижи» и пр.) — это новобранцы, низшая каста, те,

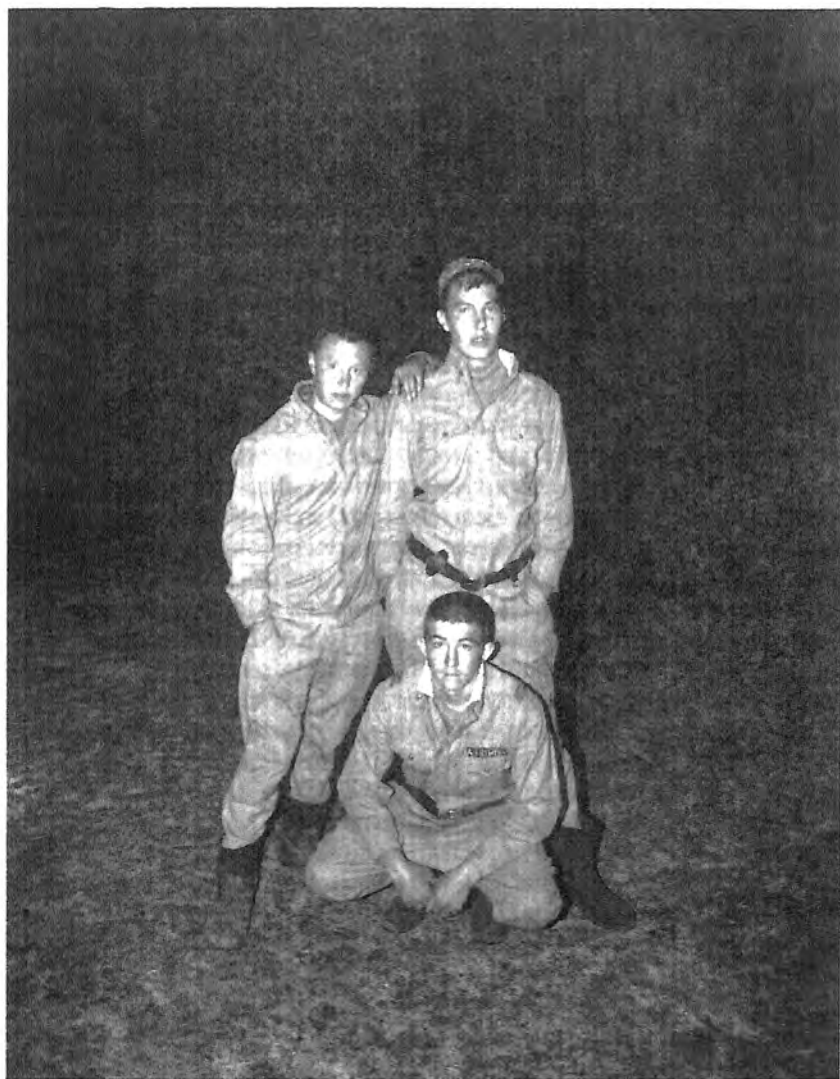
кто только что призван и не имеет никаких прав. Их называют «духи», видя в них нечто эфемерное. Статус духа сохраняется за солдатом первые 6 месяцев службы.

«Молодые» («фазаны», «стажеры» и пр.) — от 6-го до 12-го месяца службы — следующая ступень социальной лестницы. Спектр их обязанностей предельно широк. Представители этой группы уже имеют некоторые незначительные права (в основном это право оказывать психологическое давление на духов). Молодые отвечают за социализацию духов в «правильной» директории. По завершению года молодых «переводят» на следующую ступень, в результате чего они переходят в разряд элиты.

«Черепя» («черпаки») — первый привилегированный слой в системе экстремальных групп. Их главная функция — контроль за исполнением обязанностей молодыми и духами. Черепя пользуются всей полнотой прав: ведут счет своего времени, т. е. считают дни до дембеля, обсуждают связанные с демобилизацией вопросы. Отличия от вышестоящей касты наблюдаются в основном в области символов иерархии и в более активной, исполнительной, доминации.

«Деды» — полноценные субъекты экстремальных групп. Это военнослужащие «четвертого периода» (от 18-го до 24-го месяца, т. е. последнего полугодия службы), которые пользуются всеми правами. Их основная обязанность — блюсти себя, поддерживать репутацию элиты и готовиться к дембелю. Это в прямом смысле слова обязанность, поскольку в конечном итоге сводится к противостоянию официальному командованию, офицерскому составу. Их доминация носит уже не столько исполнительный, сколько законодательный характер. Они выступают своего рода «гарантами» неписаного права дедовщины, осуществляя контроль над всеми уровнями доминантных отношений и их знаково-символическим выражением. Кроме того, они являют собой образ социального осуществления, столь желанного для бесправных духов и молодых.

«Дембеля». Дембелями становятся те, на кого распространяется действие очередного приказа об увольнении в запас с момента его опубликования. Реальная практика прохождения воинской службы предполагает, что между приказом об увольнении (20-е числа сентября и марта) и самим увольнением может пройти неопределенное время, обычно не далее даты окончания текущего призыва (1 января и 1 июля). Как правило,

Манера ношения уставной формы призвана демонстрировать место солдата в неуставной иерархии. Элита демонстрирует свою доминантность и свободу ношением ремней максимально распушенными, расстегнутыми воротниками и максимально сдвинутыми головными уборами.

дата увольнения определяется непосредственным начальником. в особых случаях — командиром части. Разумеется, можно уволиться и в срок — в день призыва, отмеченный в военном билете. Но, как правило, командиры не спешат расставаться с дембелями и выискивают причины, чтобы их задержать. Распространена порочная практика «дембельских аккордов» — когда командир привлекает дембелей на ударные хозяйственные работы, играя на их желании поскорее уволиться. К примеру, командир собирает всех дембелей и приказывает построить из подручных материалов новый военный объект. Это может быть все что угодно — забор, свинарник, гараж, казарма. Демобилизация — по окончании работы.

Дембель — лицо особого статуса. Он уже вне социума, но в центре его внимания. Для характеристики такого состояния лучше всего подходит термин «трансцендентность» — переход за некий предел. В религиозной философии этот термин предполагает отстраненность безусловного авторитета, и это полностью соответствует психологическому состоянию дембеля. Он в своем роде трансцендентный армии субъект, на полном основании соотносящий себя с гражданским обществом. Его обязанности в системе экстремальных групп относятся исключительно к сфере символов. Он мог бы пользоваться всеми правами, но блага казарменного мира — уже не его блага. Дембель демонстративно выходит из сферы внутренних статусных отношений и подчеркивает этот переход символами своего аутсайдного, лиминального состояния.

Время в армии физически осязаемо. Единицы времени службы — это кирпичи пирамиды социальных статусов экстремальных групп. Квадратный в своем плане забор воинской части давит на массу и выдавливает из нее пирамиду, с вершины которой возможно движение только в чистый хронос, т. е. на дембель.¹

«Чмо» — так в армии называют париев, людей, опущенных на нижний порог аутсайдности. На них социальная динамика, выраженная статусным переходом, не распространяется. Статус чмо лишает индивида возможности самоосуществления во времени. Феномен изгоя возникает не случайно, но там, где группа

¹ Метафизическая картинка тоталитарного общества Иосифа Бродского весьма удачно ложится на предмет нашей дискуссии.

испытывает в нем потребность. Наличие чмо в армейском коллективе показательно тем, что с ним социальная структура приобретает двойной стандарт: на специфическую пятичленную модель (духи—молодые—черепа—деды—дембеля) накладывается универсальная трехчленная (парии—масса—элита).

Л. С. Клейн относит трехчленную лагерную модель к архетипу социальной структуры, и, как видно, не напрасно. Он наблюдал, как однородная масса опущенных, изолированных в целях пресечения доминантных отношений заключенных заново структурируется и воспроизводит общую трехчленную конфигурацию. Бывшие узники фашистских концлагерей описывают этапы процесса слома человеческой личности в первый год заключения, который начинался с активного противостояния и заканчивался подражанием лагерной охране в поведении и даже в попытках как-то обозначить свой статус, преобразуя лагерную робу при помощи каких-то лоскутов на манер униформы своих надзирателей.

Архаическая модель «парии—масса—элита» органично укладывается в пятичленное строение современного армейского социума, поскольку положение солдат второго периода (полугодия) качественно не отличается от положения солдат первого периода — и те, и другие — объекты доминантных отношений. Так, черепа (черпаки) как субъекты доминантных отношений лишь номинально отличаются от дедов. Дембеля же полностью выделяются трансцендентностью своего статуса. Они — это те, кем хочет стать каждый, и в этом смысле слова дембеля — абсолютная элита экстремальных групп. Об этом повествует старый анекдот:

В казарму заходит генерал и видит: на заправленной кровати в сапогах лежит военнослужащий срочной службы. Генерал, не зная как реагировать на столь вопиющее нарушение воинской дисциплины, спрашивает:

- *Товарищ солдат, Вы — кто???*
- *Я — дембель, а ты кто?*
- *Я? Генерал...*
- *Тоже неплохо.*

О функционировании в неуставной иерархии универсальной трехчленной системы говорит и одежда. Парии (духи и молодые) ходят в уставной форме без лишних знаков различия. Привив-

легированный слой (черела, деды) носит трансформированную согласно неуставному регламенту уставную форму с положенными и не положенными регалиями: предусмотренными уставом нагрудными знаками и нашивками, которые у «черепов» и «дедов» приобретают значение знаков их неуставного статуса. Их «чем больше, тем лучше». Элита в лице «дембелей» фактически полностью игнорирует и уставную форму, и знаки неуставной иерархии — они не стирают одежду, не меняют подворотнички, демонстративно распрямляют бляху ремня и кокарду головного убора, всем видом подчеркивая свою отстраненность и от обязанностей уставщины, и от привилегий дедовщины. Субститутот тела дембеля выступает костюм другого рода — «дембельская парадка» — предметное олицетворение праздника. Изготавливается она на основе парадной формы или камуфляжа, которые немислимым образом расшиваются всевозможными аксельбантами, чеканками, золотыми погонами.

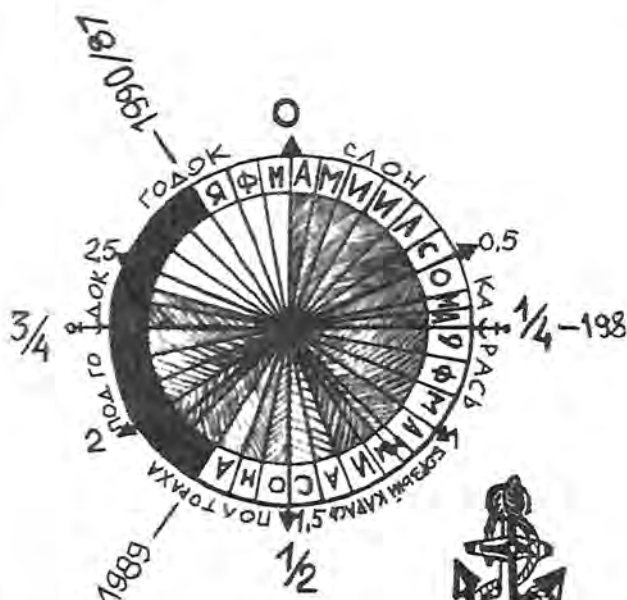
Надо сказать, что в самих подразделениях осознается актуальность трехчленной модели и номинальность пятичленной, поэтому в некоторых воинских частях номинальные неуставные страты на сегодняшний день волевым решением «дедов» устранены, хотя солдаты знают, что в других частях они есть. Этим часто отличаются подразделения тех родов войск, которые претендуют на право быть элитой всех вооруженных сил — десант, погранвойска, морская пехота и пр. Так, в одном из сибирских погранотрядов мне сообщили следующее:

«Черепов», или как их там, у нас нет. У нас есть «духи», «деды», «дембеля». Все.

(ПМА, Акташ, 1999 г.)

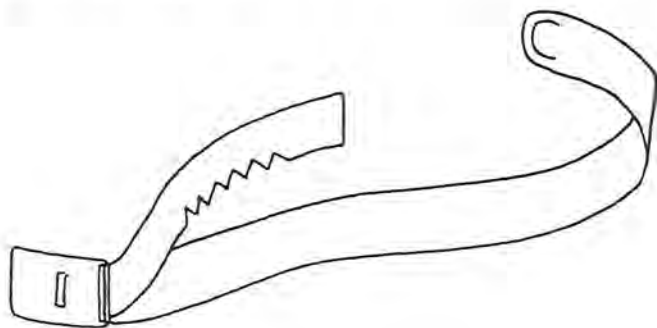
Однако в той же части существует более разветвленная номинально-символическая иерархия среди духов. Ее придумали как пародию на реальный статусный переход. Тот же информатор продолжает:

Вообще духи, пока их везут в автобусе — они еще даже и не «духи», а «нюхи». Как форму на них надели, так весь карантин и до присяги — они уже «запахи», а как присягу приняли — они целые «духи». Первые полгода, пока они всасывают службу, они «духи-стажеры», их «стажируют» «духи-стажирующие», ну, те

• SANDREYEV PRODUCTIONS '87 •

Календарь из блокнота матроса В. А. Андреева. Каждому временному периоду соответствует определенный социальный статус в неуставной иерархии.

Поясной ремень часто выполняет роль календаря. Каждый зубец на его внутренней части обозначает месяц службы.

кто второй период служат. Не я же /мой собеседник там был «дедом» — К. Б./ буду учить их «родину любить».

(ПМА, Акташ, 1999 г.)

Если продолжать примеры внутренней структурированности экстремальных групп в разных родах войск, то нельзя обойти вниманием и флот. Там трехчленная система (притом не отягощенная излишними знаками и символами) наиболее рельефна. На Тихоокеанском флоте к низшему страту относятся «слоны» (первые 6 месяцев) и «караси» (6–12 месяцев), к среднему — «борзые караси» (12–24 месяцев), к высшему — «полторахи» (24–30 месяцев) и «годки» (30–36 месяцев). О разделении обязанностей в доминантных отношениях на флоте лучше всего расскажут сами информаторы:

[Из рассказа бывшего матроса Тихоокеанского флота В. А. Андреева]

«Слоняру» гоняют все, в том числе и «караси». Хотя они мало чем различаются, а вот «борзые караси» следят за тем, чтобы «караси» лётали правильно, чтобы приборку делали три раза в день. Сами они обычные приборки уже не делают. «Борзый карась» делает большую приборку, по субботам. Они все ее делают. А когда «борзому карасю» чешую отобьют, ну, это табуреткой по жопе, он уже «полтораха». Тогда-то у него жизнь и начинается. «Полтораха», а потом «годок». Они между собой так-то не различаются. Только по названию.

(ПМА, Новосибирск, 2000 г.)

Характерно, что и на флоте при реальной трехчленной структуре номинально все же сохраняется пятичленная, как и в сухопутных войсках, хотя продолжительность службы в ВМФ на год больше.

Взаимное соглашение субъектов и объектов доминантных отношений

Магнетизм социального осуществления — вот тот механизм, который приводит в движение машину экстремальных групп и дает ответ на вопрос, почему люди добровольно и практически без сопротивления допускают насилие над собой. Человек принимает насилие системы как должное в том случае, если система

гарантирует ему компенсацию и признает его право на социальное осуществление путем повышения статуса. Дедовщина — это не просто системное насилие, это насилие статусное и компенсаторное, чего нельзя сказать об уставщине.

В условиях отрицательного межличностного взаимодействия, которым отличаются механические формирования, только доминанция обеспечивает вертикальную социальную мобильность, т. е. переход из объекта в субъекты. В экстремальных группах экстремальное звучание обретает поставленное с ног на голову «золотое правило» этики: *«Я обращаюсь с ближним так, как здесь обращались со мной».*

Логика агрессивной компенсации такова: чем сильнее черпаки будут «гонять» духов, тем полнее изживут собственное вчерашнее унижение. Поэтому каждый черпак очень точно воспроизводит ту модель доминантного поведения, жертвой которой он был вчера. Поэтому каждый дух не оказывает сопротивления, имея в виду перспективу отыграться, которой, кстати говоря, он может лишиться в случае сопротивления общим правилам.

Социальная структура экстремальных групп включает в себя оба порога аутсайдности: нижний (духи) и верхний (дембеля), состоящие в отношениях этической и эстетической инверсии, в отличие от пары дух—дед, которые находятся в этическом и эстетическом антагонизме.

В авторитарном социуме утверждение индивида в качестве субъекта доминантных отношений — это процесс его социального осуществления, — ресоциализации. Суть этого процесса состоит в поступательном движении от сверх-обязанностей к сверх-правам; ведь соотношение прав и обязанностей обеспечивает статус реальным содержанием в спектре между низшим и высшим порогами аутсайдности.

Человек, вырванный военкоматом из родной культуры, в которой формировалась его личность, погружается в новую систему социально-экстремальных отношений, основанную на жестком, но логичном соглашении: сначала человек соглашается быть объектом доминантных отношений, т. е. служить топливом и фоном для личностного самоутверждения субъектов. Те, в свою очередь, гарантируют ему переход в субъектно-доминантное состояние, т. е. подготавливают условия для его последующего социального осуществления и личностного самоутверждения, противостоя общему антогонисту — официально-

му и обезличивающему уставу, источником которого номинально является командование.

Самоутверждение — естественная потребность человека. Агрессивное поведение в целях самоутверждения в нормальных условиях Эрих Фромм относит к псевдоагрессии или доброкачественной агрессии, наряду с игровой и непреднамеренной (Фромм, 1994: 165). В обществе «рядовых» потребность в самоутверждении реализуется в злокачественных формах вследствие закона «сжатой пружины».

Таким образом, проблема злокачественности доминантных отношений — это системная проблема рекрутской армии мирного времени, основанной на иных, нежели воюющая и/или профессиональная армия, принципах и стимулах.

Одним из принципов существования и внутренней организации армии в новых стратегических условиях стал абсурд, пронизывающий все сферы жизни этого организма. Это состояние порождает в армии особую форму общественного сознания, которое отличает рефлексия абсурдности своего существования с его намеренным алогизмом: «Да, это глупо и бессмысленно, но так положено, и мы тебя научим это делать, или заставим». Данную сферу военной ментальности в народе именуют «армейский маразм» и относят к жанру фольклора.

Социализаторская задача первого года службы в армии — уничтожение гражданской личности, поэтому здесь намеренное нарушение здравого смысла, порядка вещей и нормальных отношений между людьми, одним словом — абсурд, имеет большое социализирующее значение.

Абсурд — ключевое понятие социализации, раскрывающее истинное значение иррационального труда, направленного на эстетическое оформление пространства. «Принуждение к (казарменной) чистоте и (казарменной) красоте побоями и оскорблениями помещает переживание красоты симметрии ровных поверхностей и т. п. в репрессивный контекст. Но на первом году это репрессии, направленные против тебя (тебя угнетают этой красотой). А на втором году принципы прекрасного, воплощенные в идеальной чистоте и идеальном порядке, есть уже твои инструменты репрессии и властвования, средства абсолютного владения людьми. Добавим, что реализуемый подневольным трудом солдат идеал чистоты и порядка имеет при этом явную направленность вовне, а не внутрь — это чисто-

та/красота не для обитателя, а для наблюдателя. Как и многое иное в армии, она имеет "отмазное" назначение — "отмазаться" от проверяющего начальства, т. е. сохранить неформальные структуры от контроля со стороны формальных и соблюсти правила игры.

Можно говорить о том, что перед нами "неклассический", но мощный, развернутый по фазам механизм формирования особого варианта авторитарной личности, имеющей опыт рабства и порабощения, испытавшей пытки и умеющей пытать.

Подобные системы социализации и раньше складывались в некоторых анклавных структурах — детских исправительных колониях, молодежных группировках и пр. В Советской Армии они, как мы уже сказали, сумели соединиться с ее формальными структурами. Офицеры низшего звена стали использовать эту систему как средство управления молодыми военнослужащими, передав ей свои функции, превратив ее, таким образом, в неотъемлемую часть армейской системы» (Левинсон, 1999).

Видимо, тогда и началась история дедовщины, когда пресловутый «человеческий фактор» попытался реализовать себя в противостоянии обезличивающе абсурдному качеству гигантской невоющей армии, разлагающейся от замкнутой на себя энергии. А еще есть мнение, — и оно принадлежит представителям старшего поколения, — что дедовщина началась после того, как из кадрового офицерского состава уволился последний фронтовик, живой носитель идеи армии, действующей в мифологической парадигме борьбы добра и зла.

Подавление индивидуальности и отсутствие условий для самореализации личности становятся основным источником доминантных отношений; они происходят из самой основы социальной организации и социального контроля в армии и охватывают все сферы жизненной активности. Но, что самое интересное, в области принципов социальной консолидации неформальные армейские структуры демонстрируют аналогии с традиционными и архаическими культурами. Основным таким принципом является ритуализация насилия. Ритуал раскрывает свой социообразующий потенциал и в неуставной жизни армии, возникая как средство оживления безжизненных, механических отношений и преодоления социальных конфликтов (Turner, 1957).

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ПЕРЕХОДНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Ритуал инициации. — Аккультурация и системы ценностей.

Ритуал инициации

Солдатские коллективы отличаются от других изолированных сообществ единым для каждого его члена сроком изоляции и сезонным обновлением личного состава. В условиях, когда место в иерархии определяется сроком службы, социальная мобильность, а именно поступательный переход от низшего порога аутсайдности к высшему, осуществляется автоматически и ритуализированно.

Как правило, перевод на следующую ступень иерархии заключается в ритуальной (по содержанию, но отнюдь не по форме) порке неофита. Каждая воинская часть имеет свои вариации обряда, но принцип один — сколько месяцев прослужил, столько ударов получи. Где-то сразу бьют бляхой, где-то просто порют разными концами ремня, и посвящаемый должен отличать удары бляхой от прочих.

Духов переводят в разряд молодых шестью ударами, бьют их собственным ремнем, после чего могут оставить на внутренней стороне ремня автограф. Перевод «в молодые» носит довольно формальный характер и не влечет никаких особых изменений в жизни солдата. Разве что теперь он отвечает не только за себя, но и за того духа, которого должен «воспитывать».

Качественное значение имеет перевод «в черпаки», после которого посвящаемый пополняет ряды элиты, т.е. переходит из разряда объектов доминантных отношений в разряд субъектов. Если за первый год службы у него сложились устойчивые отношения с каким-либо определенным дедом, тот и будет его переводить. Если нет, то перевести может любой, кто пожелает. Дед бьет своим ремнем двенадцать раз, после чего этот ремень переходит во владение новоиспеченного черепа, который так же через год передаст его «своему» духу. На внутренней поверхности ремня оставляется автограф, изречение, наставление, вроде «служи-сын-как-я-служил» и т. п.

Акцию «перевода в черепа» можно с уверенностью отнести к переходной обрядности, поскольку социализирующая функция видна, что называется, не вооруженным глазом. Передача пося — квинтэссенция не только обряда перехода, но и всей системы самовоспроизводства деловщины, в которой архетипы культуры реанимируются как факторы социализации, о чем красноречиво свидетельствуют и символика, и структура действия.

Аккультурация и системы ценностей

Под аккультурацией здесь мы понимаем процесс воспроизводства социума путем формирования у индивида просоциальной системы ценностей (Schultz, Lavenda, 1994: 140). Как можно заставить угнетаемого принять как личную ценность систему угнетения? Очевидно, гарантировав ему переход в разряд угнетателей.

Деловщина как саморазвивающаяся и живая система основана как раз на идее перехода человека из «ничто» в «нечто», воплощенной переходной обрядностью. Принявший условия деловщины может быть уверен, что завтра его статус будет выше, чем сегодня. Не принявший — таких гарантий не имеет. Соответственно, именно духам жестокие неуставные нормы кажутся наиболее привлекательными, и это хорошо видно по их отношению к переводам. Инициация представляется максимой всех ценностей. Устав же не предусматривает повышения статуса для каждого, поэтому не отвечает главной потребности личности в самоутверждении, обостренной в атмосфере армии, где все говорит тебе: «ты рядовой».

Диахронная трансляция нормативной информации выражает динамику социообразования. «В теории информации предполагается схема коммуникативного акта, в котором имеется две роли: отправителя и получателя сообщения. В естественном языке для коммуникативного акта большее число ролей: роль источника сообщения, роль свидетеля передачи сообщения, которая часто расщепляется на две: свидетеля со стороны отправителя сообщения и свидетеля получателя, роль косвенного сообщения и т. п.» (Лекомцева, 1979: 22).

Общественные связи в экстремальных группах устанавливаются путем репрессий и воспроизводятся в сознании коллектива и личности как социально значимые. Акт репрессии повышает роль второстепенных каналов коммуникации — не столько от субъекта к объекту, сколько к свидетелям. Наблюдение репрессии формирует у аудитории наблюдателей определенные установки, превращающие их из свидетелей и объектов доминантной информации в ее носителей и субъектов (Bandura, 1973: 29).

Перевод — главное событие в армейской жизни, и молодые бойцы накануне приказа буквально выкладываются, чтобы заслужить милость быть переведенными. Удары бляхой — не самые суровые «тяготы и лишения воинской службы», с которыми они успевают к этому времени столкнуться, поэтому принимаются ими как дар небес. Стойкое перенесение боли является одним из стереотипов маскулинности, за которыми «в мужских инициациях стоит не просто половая принадлежность, а противопоставление двух миров — посвященных и не посвященных» (Тендрякова, 1992: 35).

Соответственно, отказ дедов перевести кого-то из молодых в черпаки — это даже не наказание. Это уничтожение. Наказанием могут быть угрозы «не перевести», к которым деды иногда прибегают, шантажируя своих духов. Это, пожалуй, самый сильный стимул социальной активности из действовавших в армии на протяжении последних сорока лет. Но, как правило, переводят всех, и тех, кто «на духанке» был апологетом дедовщины — «золотым духом», и тех, кто подчинялся без особого рвения. Переводят и тех, кто в течение первого года пытался противостоять дедовщине. В этом «даре» проявляется «инстинкт» группового самосохранения, посредством которого социум воспроизводит себя во времени.

Именно ради сохранения своей целостности социум наделяет правами даже тех, кто противился обязанностям, так как привилегии дедовщины есть главный механизм ее самовоспроизводства. Привилегии есть инструмент формирования идентичности элиты — класса, обеспечивающего функционирование всей системы (Лурье, 1994). Отказ в переводе в «череп» — мера исключительная и применяется только по отношению к чмырям, что равнозначно акту «опускания».

Не без оснований считается, что деды этим посвящением подвергают себя большому риску, поскольку командование ви-

дит в данном ритуале источник всех бед Вооруженных Сил и жестоко за него преследует. К тому же по автографам на ремнях легко «вычислить» того, кто переводил, и, соответственно, наказать за неуставные отношения. Поэтому молодым иногда приходится даже упрощать старослужащих товарищей перевести их. Деды ломаются и провоцируют любовь масс: «Я вас переведу, а потом вы меня застучите». — «Нет, не застучим!» — «Ну, смотрите, сами так решили». И переводит. Праздничная атмосфера, в которой духи делают выбор в пользу дедовщины, усиливает эффект социализации и снимает психологическую напряженность.

Самые младшие солдаты наблюдают эту формулу дедовщины «год летаешь — год ташишься» в действии и понимают, что этот переход ждет каждого, кто принимает правила. Это понимание позволяет им апологизировать свое временно подчиненное положение и положительно воспринимать всю систему, доминанты которой становятся их референтной группой. Таким образом, жертвы дедовщины принимают ее законы благодаря основному принципу статусного перехода еще задолго до того, как придет срок его совершить. Нормы доминантной экспансии формируют содержание единой системы ценностей независимо от социальных статусов ее отдельных adeptов.

Переводы в фазаны и черпаки по форме и содержанию (на наш взгляд — несомненно), являются инициацией. Подготовкой к этому обряду посвящения становится весь первый год службы — «умерщвление» мальчика ради его «возрождения» в новом качестве — мужчины-воина. В течение первого года человек уничтожается как личность, в течение второго — он уже сам уничтожает личность другого человека. Это почти всегда сопровождается психологической компенсацией.

Солдаты ждут статусного перехода не только как избавления от страданий, но и как начала самоутверждения: восстановления собственной личности, потраченной состоянием постоянного унижения.

Семиотика инициации позволяет рассматривать дедовщину целиком как систему, распространяющуюся далеко за пределы армии. Характерно, что срочная служба в армии до сих пор воспринимается общественным сознанием именно с позиции инициации: «Нельзя ли отменить льготу студентам на отсрочку? Пусть тоже послужат...» — задавали вопрос В. В. Путину

во время его телефонного разговора «с народом», организованного редакцией «Комсомольской правды» в разгар президентской предвыборной кампании 2000 года. Этот вопрос озвучивает мнение определенных социальных групп. По данным опросов ВЦИОМ, большинство мужчин старших возрастов высказывается за всеобщую обязательную воинскую службу, тогда как большинство молодых мужчин и женщин — против этого. Апологеты всеобщей армии считают, что служба «делает из пацанов настоящих мужиков», и это перекликается с апологетикой дедовщины. Фактор обороноспособности страны при этом отступает на задний план.

НРАВЫ И ДОБРОДЕТЕЛИ

Статус и поведенческий комплекс. — Метаморфозы общечеловеческих ценностей.

Статус и поведенческий комплекс

Как себя вести в армии отдельному человеку? Это — основная проблема личности, входящей в новый коллектив. Еще в приемниках-распределителях юноши стараются себя вести согласно неким стереотипам лидерства: выглядеть максимально раскованными, грубо выражаться, резко и размашисто жестикулировать, громко смеяться, говорить низким голосом, в целом вести себя агрессивно. Так стремится выглядеть человек, попавший под пресс обстоятельств, ломающих его личность, которую он всеми силами пытается сохранить, тот, кто сознательно формирует свой имидж, скрывающий «слабые» стороны характера. Актуализация брутальности есть защитная реакция психики. Это называется «себя поставить»: «Как буду жить в войсках?» — «Как себя поставишь». Или: «Переведите меня в другую часть, товарищ полковник!» — «Зачем? Там такая же дедовщина». — «Я там себя по-другому поставлю».

Действительно, имели место случаи, когда «забитый» человек не мог никому противостоять только потому, что в этой воинской части его противостояние всерьез никто бы не воспринял, — оно бы свелось к очередному «шоу» и в любом случае было бы подавлено. Но такая жертва, имеющая за спиной большой опыт объекта насилия, на новом месте нередко утверждала себя в качестве жесткого доминантного лидера, поскольку им двигал страх занять прежнюю позицию.

Известны и другие примеры. Сразу после призыва — еще в распределителе или по дороге в армию, или во время «карантина» в кругу лиц своего призыва человек спешит утвердить себя в качестве лидера. Но по окончании курса молодого бойца новое пополнение распределяют в подразделения с полным призывным составом, где такой лидер может стать одним из главных объектов насилия, поскольку его претензии на лидерство воспринимаются не просто как самоутверждение, но как

посягательство на права элиты. Если он не успевал вовремя переориентироваться и не менял линию поведения, то его «ломали» в первую очередь.

Отношения в армейских подразделениях также регламентированы правилом, предписывающим каждому обладателю определенного статуса свою линию поведения, что характеризует механизм естественного формирования этикетных норм. В экстремальных группах представлены два поведенческих комплекса: это комплекс субъекта и, соответственно, объекта доминантных отношений. Первый предполагает такие качества, как активность, развязность, агрессивность и веселость, второй — нейтральность, исполнительность, покорность. Однако и тот и другой включает определенный набор вариаций.

Поведение духов, как социально аморфных индивидов, должно быть максимально нейтральным. Им не следует проявлять никаких эмоций. Перед нами безликая машина, выполняющая набор функций, которую для оптимизации процесса следует периодически «взбадривать», «включать зажигание», «придавать ускорение». Хороший дух — тот, кто все делает быстро и безотказно («не тормозит») и воспринимает свое место как должное («не высовывается»). Духам приличествует скромность, исполнительность, немногословность. Все отклонения от предписаний устава пресекаются формулой «не положено по сроку службы». Духи могут быть неопрятны в одежде и невоздержанны в пище — есть все подряд. Их за это «гоняют» (как и за все остальное), но им так «положено».

Адекватное поведение на первом этапе (как говорят в армии — периоде¹) — залог высокого положения в своей группе на втором. Черепа и деды ставят положительных духов в пример остальным и делают их своими фаворитами.

Молодые — те, чей будущий статус в элите, а иногда и официальная должность уже predeterminedены. Они отвечают за поведение духов. «Продвинутые» и активные молодые приглашаются к разговорам; они служат связующим звеном и

¹ *Период* — понятие из армейской социологии. Обозначает срок службы (шесть месяцев) между осенним и весенним приказами об очередной демобилизации. Первый период — первые полгода службы, второй — вторые, и так далее. В сухопутных войсках их всего четыре, в Морфлоте — шесть.

ретрансляторами доминантой экспансии «элиты» в «массы». В последние месяцы второго периода молодые выступают активными апологетами дедовщины, так как «перевод» в черпаки — главный стимул данного этапа их армейской жизни. Аккуратность — один из ключевых моментов, от которого серьезно зависит репутация молодого. То, что прощается духу (допустим, неопрятность в одежде), молодому может серьезно повредить.

Поведенческий комплекс черепов, т. е. тех, кто только что стал полноправным членом общества, отличается повышенной агрессивностью. Они хорошо помнят прежнее состояние постоянного унижения и жаждут компенсации. Их действия обосновываются неопровержимым, на их взгляд, аргументом: «мы в свое время», «нас в свое время». Им приличествует резвость, агрессия и личная аккуратность.

Дед должен быть ленивым и толстым. Ему надлежит передвигаться медленно, волоча ноги, всячески демонстрировать утомленность службой, жаловаться на жизнь и препираться с начальством. Дед отличается безукоризненной опрятностью и исключительной разборчивостью в питании.

Дембель в силу своей «трансцендентности» эстетически изоморфен духу. Существует изречение «дембель должен быть чмошным». Естественно, «чмошность» имеет знаковое качество, направленное на обозначение его «потусторонности» (Ван Геннеп, 1998). Дембель редко бреется, практически не стирает одежду, не чистит бляху ремня и сапоги, не подшивает подворотнички — в целом знаково демонстрирует свою социальную смерть. Семиотика быта передает бытийный смысл.

Состояние социальной аутсайдности, или лиминальности, переживается как состояние инобытия (инверсии бытия) и имеет соответствующее знаковое выражение: статусу аутсайдности, как антисостоянию, предписываются своего рода антиповедение и антивыражение, имеющие параллели в архаических обществах (Тэрнер, 1983: 169).¹

¹ Так, к примеру, аналогичным образом, в некоторых архаических культурах демонстрировалась ритуальная смерть. Например, «хранителю траура в древней Японии», по данным китайской хроники Вэйчжи (III в. н. э.) предписывалось «не мыть тело и одежду», не обрезать ногти и волосы и не ловить вшей.

Вальяжные позы в армии могут принимать только тела, облаченные высоким статусом.

Получение документов на увольнение — это возрождение «социального покойника» в новом качестве гражданского человека. В этот день дембель снимает свои лохмотья и облачается в «дембельскую парадку» — собственноручно изготовленное нечто в вензелях и аксельбантах (это исчадие барокко мы условно назовем «костюмом»). Но, как правило, дембеля сразу же снимают свои наряды и покидают часть «по гражданке», ввиду опасности быть посаженными на гауптвахту «за нарушение формы одежды» случайным патрулем или особо «доброжелательными» офицерами своей части. И часто только в поезде или даже по прибытию в родной город, они совершают торжественное переоблачение, чтобы явиться домой в военной форме, расшитой неуставной мишурой, и это будет финалом и апофеозом статусной эстетики.

Дембельские одежды, которые в воинской части воспринимались равными сенаторским тогам, дома низвергаются в

Костюм дембеля — апофеоз статусной эстетики солдат срочной службы. Он выражает «трансцендентное» состояние облаченного в него субъекта, которому в силу этого свойственен нарциссизм.

прах по закону инверсии: знаки элиты экстремальных групп в гражданском обществе становятся атрибутами низших существ — ремни, кокарды, значки дарятся детям, животным и птицам. Приведу забавный эпизод:

Один дембель владел исключительно красивой шапкой, которой после многих усилий придал идеальную форму, готовя себе дембельский венец. В момент всеобщего любования однополчан его головным убором нервы одного из сослуживцев не выдерживают, и он, озабоченный судьбой изделия, вопрошает:

— Слушай, ну вот придешь ты домой, ты же не будешь в этой шапке у себя по Жмеринке ходить? Вышли ее мне, я в ней тоже на дембель пойду. ...Ну, хочешь, я у тебя ее куплю!

— Не-е-е, я ее курям в подклеть отдам. Пусть они мне в эту б...кую шапку яйца несут!

Метаморфозы общечеловеческих ценностей

Нравы в армии отличаются своей неоднозначностью и колеблются в спектре от «войны всех против всех» до истеричного братания. Миф про эдакое «армейское братство», «суровую мужскую дружбу», разумеется, «на всю жизнь» культивируется и официальной идеологией, и дедовщиной. Он соответствует и потребности в идентичности. В неписаном кодексе неуставной этики эмоции солидарности следует выражать экзальтированно и обращаться к любому мужчине с неизменным «братан». Все это так. Но в этом видится протоэтический комплекс, в котором есть нечто от первобытных мужских союзов: приязнь по праву идентичности. Каждый видит в каждом отражение своей и общей судьбы.

Разумеется, экзальтированное братание дедов и дембелей не имеет ничего общего с той самой «фронтальной дружбой» ветеранов Великой Отечественной войны.

В процессе синхронной коммуникации, т. е. во время самой службы, ни о каком общем братстве по принадлежности к роду войск речи быть не может. Оно формируется уже после демобилизации, и только у солдат действительно боевых родов войск (ФПС, ВДВ) и служивших в «горячих точках». Во время службы актуальны другие принципы — не романтический, а социальной идентичности, и ритуалы посвящения в пограничники (десантники, моряки и т. п.) таковы же, как аналогичные посвящения в других родах войск — это ритуалы статусного перехода. Межличностные отношения далеки от романтики братской солидарности, поскольку в казармах царят не самые возвышенные нравы.

Дембель имеет иной взгляд на мир, чем дух. Настолько иной, что забывает о том, что сам не так давно был духом. Дембель озабочен романтизацией и демонстрацией собственного образа, дух — дилеммой физического выживания и сохранением элементарного достоинства.

Проблема трансформации личности в армии волнует каждого солдата. Рефлексирующий молодой человек постоянно задумывается, почему люди становятся такими, и спрашивает себя, а каким буду я через два года? Тема армейских нравов насквозь пронизывает письма многих солдат, не спешащих расставаться с человеческим лицом.

[Из солдатских писем]

<...> В армии я все чаще замечаю, что ребята становятся какими-то раздражительными, даже не то слово. Эгоистами, что ли. Если плохо мне, пусть будет плохо другому тоже; делают другим то, что себе не желают; урвать кусок побольше, даже если другому не хватит, и сделать похалтурнее работу. И чтобы по шее за это надавали не ему, а сержанту, кому-то другому. Я и в себе чувствую, что не очень хочется делиться с кем-то конфетами, купленными на последние гроши, хочется взять лишний кусок хлеба или сахара. Работа меня очень сильно огорчает. <...> Никого из ребят я раньше не знал, может быть на гражданке они другие. Но поразительно, насколько не тактичны они, даже пошлы многие. Не знаю, как изменился я сам, но рассказывать, как ты и твоя девушка занимались любовью где-то на даче, показывать при этом ее фотографию... Извините. Есть тут мой земляк, мы с ним в одной школе учились, Коля Колесников. Еще когда нас везли на аэродром с ГСП, мне не понравился хвастливый рассказ о том, как он назанимал триста рублей у своей милки, и что не собирается возвращать. Ему все с интересом внимали... По-моему, больше всего раздражает ребят столовая и придирки, дурость (как им кажется) сержантов и капитанов — комвзводов. Конечно, идиотизма и тупости, хамства здесь хватает, но сейчас трудно что-либо изменить, действует закон: «Один за всех, все за одного». «Коллективная ответственность». Мы сами тоже хороши. Ничего нельзя оставить — тиснут. Воруют все: от одеял, шапок, портянок до зубных щеток. Все считают, что работают больше всех. Все озлоблены и взвинчены.

Нас долго-долго строили. Комбриг орал на капитанов — командиров рот, те — на командиров отделений. «Капитан Гирис! — кричал наш замполит, капитан Решетняк. — Где вы...ходите! Почему рота так плохо построена!?» — «Да пошел ты на...!» — при всем батальоне послал его Гирис. Потом на всех офицеров вместе снова орал комбриг, а мы стояли и мерзли. <...>

(Из архива И. А. Климова)

<...> Смотрю на тех, кто уже отслужил 2 года. За 2 года я стану тут, наверное, тоже каким-нибудь психом, дебилом, или у меня будет с головой не в порядке, как у некоторых (зато они гордятся этим). Они могут избить ни за что. Поднять руку на

человека для них не проблема. В роте из 40 человек у 30 человек с головой не в порядке, они сами говорят и хвастаются, кого и чем они били (табуретом, стулом, штык-ножом, дверью, об стену, об пол и т. д.). <...> Здесь, если часто лежишь в медсанчасти — значит косишь, а снять со службы они не захотят, лучше сгноят, чем будут возиться с тобой. Бьют дембеля тут всех молодых, но мне достается, по-моему, больше всего из-за того, что нет денег, сигарет, не умею «рожать». Все почти тут «рожают», потому что ко всем приезжают и дают деньги. У одного, например, родители начальники. Он на гражданке после школы не учился и не работал, гулял, висел у родителей на шее, этим он даже гордился, родители его снабжают, поэтому он здесь хороший человек. Ну, ничего, я все переживу. Пусть бьют, унижают даже свои, но я все выдержу, и при этом останусь человеком, хотя бы для себя, а что думают они — мне все равно. Я не сволочь, я не могу бить человека ни за что, просто так — взять и избить. Здесь, в моей роте, законы такие: пропустил человека впереди себя — бьют, помог человеку — бьют, подал человеку что-нибудь — бьют, не «родил» — бьют, не подчинился дембелю, даже когда тебя зовет офицер, — бьют. Бьют сильно. Но все-таки я выдерживаю. Я останусь человеком. Офицеры знают, что тут творится, но прикидываются, что не замечают. Сволочи. <...>

<...> Здесь, мама, можно стать сволочью или тварью, они здесь звери почти, смеются над глупыми шутками, гордятся тем, что кого-то избili. Я все-таки боюсь стать здесь как все. Злости здесь много. Убили перед всеми котенка, и все смеялись. Могут ударить, толкнуть, а всем почему-то смешно. Жить здесь тяжело. Друзей здесь у меня нет, каждый унижает, выдает друг друга, хотя делают вид, что дружат. Желание быть военным, как я поначалу думал, а особенно здесь, у меня отпало. <...>

<...> Потом нас опять повели на склад, чтобы получить валенки. Господи, это не армия, это бордель! Прапорщик выкидывал валенки, а солдаты хватили их как собаки кость. Одни валенки не совпадают с другими, больше или меньше, старые, потертые, в них уже ходили по два года. Мерили валенки на морозе, портянки с ноги послезали, дул сильный холодный ветер, мороз, снег. И мы снимали сапоги и примеряли валенки. Мне достались валенки, у

которых размеры разные, один выше, другой ниже, цвет разный, качество разное. Многие говорили об этом прапорщику, а он отвечал: «Мне наплевать, сами разберетесь, поменяетесь между собой». Такое отношение здесь у всех сержантов и офицеров, у них тут ненависть ко всему. Они воруют друг у друга и у нас все, что им нравится. <...>

(«Армия рабов» www.bkv.salehard.ru/map/slave.htm)

Людей, не приемлющих насилие, более всего беспокоит предчувствие потери собственного человеческого достоинства, которое для них равно сумасшествию. Этот страх не меньший, чем страх смерти и увечий.

Особая тема для разговора — воровство. Оно, конечно же, осуждается, однако предметы краж семиотически не равноценны. Восприятие воровства складывается из материальной и знаковой ценности украденного предмета, статусов крадущего и обокраденного, степени их личного знакомства. От этого зависит, будет ли воровство воспринято как грех или как доблесть. Как учил в «учебке» наш старшина: «В армии не крадут, в армии “находят”». «В армии нет слова “потерял”, здесь есть слово “прое...л”».

Отношение к воровству и у солдат, и у офицеров двойственное. Когда предметом кражи является любой уставной предмет, то воровство не считается аморальным поступком. К таким предметам относятся соответственно абстрактно, ведь уставная вещь заведомо обезличена. Если ты утром проснулся, и на твоём ремне нет бляхи, а впереди строевой смотри, считается доблестью добыть бляху, сняв ее с чьего-нибудь ремня в соседнем взводе. Можно, конечно, и в своем, только это уже не только неэтично, но непрактично — все равно накажут всех. Уставные безликие вещи циркулируют в пространстве, освобожденные от моральных оценок, так же, как и от знаков индивидуальности. Другое дело — неуставные вещи, те же бляхи, но трансформированные согласно статусному канону, т. е. несущие эманацию владельца. Красть такие вещи предосудительно. Кстати, бляха — один из наиболее интенсивно циркулирующих в коллективной собственности аксессуаров. Старослужащие воины склонны подвергать их механической трансформации, в результате чего они ломаются. Тогда можно дать задание духам, и те добудут новую. Откуда, мы уже при-

мерно представляем. Но остается загадкой, куда же могут деваться такие экзотические предметы, как хлястики шинелей, которые все друг у друга постоянно крадут. В Кемеровском военном училище связи существовала загадка:

(Вопрос): У кого в этой части не крадут хлястик?

(Правильный ответ): У Дзержинского.¹

Характерная черта нравов в экстремальных группах — это дестабилизация телесности. Она проявляется как следствие метаморфоз общечеловеческих норм — ценностей и запретов в условиях системного насилия, а эти метаморфозы, в свою очередь, влияют на его рост. «Запрет устраняет насилие, и наши жесты насилия (в том числе и те, которые откликаются на сексуальный импульс) разрушают в нас спокойную гармонию, без которой не мыслима человеческая совесть» (Bataille, 1965. Цит. по: Жирар, 2000: 266). Совесть, (в терминологическом плане) не мыслима и без морального осознания личной ответственности. Внешние механические запреты, до крайнего предела ограничивая свободу воли личности, снимают все внутренние самоограничения, так же, как и ответственность за любые действия, совершенные по приказу. В армии, где вся система социальных отношений строится на переадресации ответственности низших к высшим, запреты не становятся моральным содержанием внутреннего мира личности. Начальники отдают подчиненным приказания, которые для них — не только руководство к действию, но и оправдание этих действий.

---

¹ Имеется в виду бронзовый памятник Ф. Э. Дзержинскому, бронзовая шинель которого отличается гипертрофированно массивным хлястиком.

«ЛАНДШАФТ» АРМЕЙСКОГО ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Столовая. — Баня. — Санчасть и госпиталь. — Специализированные подразделения. — Боевые задачи. — Гауптвахта и дисбат.

Столовая

Культура питания раскрывается в обновлении социальных связей посредством ритуализации такой базисной потребности, как удовлетворение пищевого инстинкта. При этом роль элиты подчеркнута субъектна и субстанциональна: элита предстает в качестве ее создателя и распределителя.

В обладании пищей есть семиотика власти. Культурологические исследования раскрывают феноменологию праздничного застолья: это институт архетипической организации власти и перераспределения социальных отношений (пиры римлян, пиры викингов, пиры Ивана Грозного и пр.). Рассмотренный с этой точки зрения пир — не просто обжорство, но демонстрация субстанционального статуса власти как источника изобилия и жизненных сил, выраженных пищей непосредственно, причем не только максимально обильной, но и максимально разнообразной.

Архетипическое оформление власти через пищевую коммуникацию, свойственное архаическому социуму, в России оказалось весьма устойчивым и воспроизводится в разные исторические эпохи. Как показала Тамара Кондратьева, кремлевский распределитель советского времени структурно и функционально аналогичен институту царской подачи, поскольку воспроизводит одни и те же архетипические принципы социальной коммуникации, основанные на символах субстанционального статуса власти (Кондратьева, 2000).

Солдатская столовая так же является зоной обострения грани иерархии. Для представителей элиты это место демонстрации власти, для духов — место стрессов и даже изощренных физических пыток. Пик доминантных отношений в столовой — наряды. В наряд по столовой ходят подразделениями. Все ее пространство поделено согласно производственной специали-

зации на участки, где чистят и режут овощи, мясо и рыбу, хлеб и масло, варочный цех, зал приема пищи и посудомойка. Места и функции в наряде распределяются согласно неуставной иерархии. Работы хватает всем, но ее основной объем выполняют молодые солдаты. Духов направляют на самые трудные и грязные участки (посудомойка и варочный цех), дедов — на самые легкие и чистые (обеденный зал).

Наряд возглавляет дежурный по столовой офицер или прапорщик. Он же отвечает за распределение солдат по рабочим местам. Но соблюсти справедливость он просто не в состоянии. Допустим, если он захочет поставить какого-нибудь «крутого дембеля» на посудомойку, тот немедленно принесет из санчасти «законное» освобождение. Дескать, у меня опухли ноги, и фельдшер прописал ходить в тапочках, а в посудомойке сыро, поэтому или я выхожу из наряда, или работаю в обеденном зале. А все духи вдруг «сами просятся» в варочный цех, ведь там же «хавку готовят»! И деды просто «идут навстречу» молодым бойцам. Поэтому дежурные по столовой предпочитают проблему распределения вакансий доверять самоорганизующейся солдатской массе.

Любопытно, что однородная в плане иерархии масса не в состоянии самоорганизоваться и в наряде. Наряд, состоящий из одних только духов, добавляет работы поварам. Они их воспитывают, как могут, руководствуясь принципом коллективной ответственности. Еще один пример из жизни.

Духи украли кочан капусты и тайно съели. Повар про это узнал, и не то чтобы пожалел этот кочан, он на тысячу человек готовит, у него этих кочанов. Просто обиделся: «Ну, что они, как чмыри? Попросили бы, я бы и так дал». И он всех собрал, построил в круг, дал на всех один самый большой кочан и заставил по хлопку откусывать и передавать другому. При этом хлопал в ладоши довольно быстро, пока кочан был не обглодан до самой кочерыжки.

*(ПМА, Новосибирск, 1991 г.
Из воспоминаний Д. Стадничука)*

Сфера производства, распределения и потребления пищи глубоко символична, поскольку в ней социальная коммуникация воспроизводится в наиболее полном объеме. В наряде по столовой среди вечно голодных духов драматизируется восприятие

пищи и обостряются пищевые запреты. Семиотика пищевых запретов выражается в наказаниях, которым они здесь подвергаются. Орудием наказаний становится сама пища, средством наказания — извращенная ситуация ее поглощения, которую «воспитатели» моделируют по законам публичной казни. Ее средой и средством оказывается обеденный стол.

Когда насильно заставляют съесть неестественно огромное количество еды, то наказания за пищевые преступления часто эксплуатируют архетипы смехового поведения и перерастают в своеобразное шоу. Все собираются поглазеть на жертву. Смешат не ее мучения сами по себе, а то, что они вызваны таким всеобщим благом, как пища. Пища как орудие пытки может предстать лишь в карнавальной инверсии, когда устраняется основное условие превращения пищи как продукта физического потребления в средство социальной коммуникации — принцип ее разнообразия, или вариативность блюд. В карнавале-наказании пища выступает как абстрактное благо, набор килокалорий в чистом виде — вне иерархии вкусовых и престижных свойств.

Первый наряд по столовой лишает солдата иллюзий. Он разрывает в его сознании ассоциации пищи и кухни, продукта и вкуса, созидания и потребления. Естественный шок вызывает и объем продовольственной массы, и ее низкое качество, в общем — некие новые, до сих пор не известные свойства пищи, и ощущение собственного отчуждения от нее, смешанное с чувством голода.

Ниже приведу два описания одного автора. В первом описывается «культура» распределения и потребления пищи, во втором «технология» ее приготовления.

[Из солдатских писем]

(1)

Здравствуй, мама!

Хотел вот отправить письмо вчера, но пришлось идти в наряд по столовой и мне захотелось написать тебе о столовой.

Идет ли на улице дождь, снег, мы строимся по восемь человек и в одних хэбзиках топаям с песней к заветному месту. Как обычно, «ары» и «азеры» насколько могут оттягивают момент входа в теплый зал столовой. Они вечно нарушают строй, сержанты возвращают всю роту назад. Но вот, наконец-то, мы

выходим на финишную прямую и, отдав честь духовому оркестру, исступленно наигрывающему «все выше, и выше, и выше», заруливаем к столовой.

Тут начинается новое испытание: с какого края отправят в столовую в первую очередь: с левого или с правого. Я при построении все пытаюсь стать крайним, все больше надежды пораньше нырнуть в тепло. «Ары» и тут ломают строй. Они перебегают из одной колонны в другую, уже идущую обедать. Поэтому старшина часто возвращает всех обратно.

Не дай бог сидеть за столом с «арами»! Это сто процентов, что ты останешься без масла, или без сахара, или без хлеба. О мясе и говорить не приходится. Первое время за преждевременное расхватывание пищи наказывали — ели стоя. Сейчас все более культурно, хотя эти наглые типы ничего не стесняются. Они берут столько, сколько влезает в руку, их не заботит, что кому-то не достанется. Я несколько раз ел с этими «друзьями», если не сказать «свиньями». «Ары» рвут хлеб так, что крошки от него разлетаются и на соседние столы. Все очень похоже на зверинец. Я как-то собрал ребят из моего взвода за одним столом. Теперь мы едим все время в одном составе. Во главе стола, как и полагается, сержант. Наш Феликсов.

Первое время кормили мало и плохо. Давали по половине половника второго, косточку с клочком мяса, жиденькие щи из кислой капусты, в которых плавают несколько громадных плохо почищенных картофелин. Но каждый раз на завтрак и ужин дают масло и кусковой сахар. На хлеб они тоже не скупаются. Полторы буханки белого, порезанного на 12 ломтей, и буханка черного, тоже на 12 человек.

Дня три у нас в части проходили союзные сборы командиров частей связи. Сразу же в столовой появилась музыка, стали давать рыбу, иногда красную (жутко соленую), или мясо. Стали в бачок класть больше жратвы. Теперь больше приходится на брата, по половнику. Огромный минус — холодный или чуть теплый чай. Да и его первое время давали по половине стакана. Сейчас прогресс! По два, а то и по три! На обед чай не выдают. Разбавленный компот или жидкий кисель.

Теперь меню. Солянка с картошкой, изредка с мясом. Из той же капусты — щи. Макароны с мясной подливой. Мясо, прожаренное настолько, что крошится на зубах. Один раз давали пшеничную кашу с мясом. «Фирменное» блюдо — пшеничная каша с горохом.

Примечание: все это не соленое. Вместо соли дают рыбу эту. Красную. Или зеленого засола помидоры. Это все наоборот, жутко соленое. В воскресенье дают яйца. Пару раз давали порубленную свеклу, но я ее таки не попробовал, я тогда с «арами» ужинал.

Пожирание происходит в полном молчании. Все торопятся — время ограничено. Не успеешь — уйдешь голодным. Когда все уничтожено, одни передают тарелки, другие чашки. Ложки складываются в центр стола. Потом переворачивают пластмассовую тарелку из-под сахара и ей сгребают крошки со стола.

Очень интересно смотреть на ребят после обеда. Все сидят с глазами, обращенными внутрь, как будто видишь, что в желудок. Все голодно цыкают зубом, как Саша Привалов у Стругацких, и счастливики выковыривают остатки мяса. Угадать их мысли не трудно. Такой «параксизм довольствия» продолжается недолго. Следует команда: «Встать! Заправить скамейки». Все вскакивают, но еще с минуту что-то жуем стоя, а потом выходим строиться. За столом у «аров» по-иному. Они, как кадавры, набрасываются на пищу и пожирают ее мгновенно. Это столь заразительно, что и ты сам теряешь элементарное приличие. Разбросав все остатки по столу, «ары» начинают кидаться хлебом — катают шарики и бросают их в друзей, а то и просто, куда прилетит.

Вот что удивительно, я попал как-то за стол к «деревяшкам».¹ Здесь вообще все тихо и прилично. Если все молодые — более или менее степенно разбирают хлеб и сахар, здесь вообще не увидишь, чтобы кто-то рвал к себе хлеб. Ну, совсем другая атмосфера. Никто не ругается, что ему мало положили, всем все хватает. А ведь кладут на все столы поровну.

Теперь о сержантах. Сержанты едят вместе с курсантами. Они, не дожидаясь приказа, берут хлеб, еду, кладут столько, сколько хотят. От наглости сержанта зависит, положит ли он себе один половник или три. Наш Феликсов очень интеллигентный человек. Есть начинает со всеми, а не так как другие — все еще стоят, а он улетает. Феликсов спокойно может отказаться от рыбы, или супа, или второго. Ни на кого не кричит, лишь спросит: «Вороненкоуф, где же ваша интеллигентность?» И ста-

¹ «Деревяшки» — от понятия «деревянный дембель» — выпускник учебной воинской части, прослуживший полгода.

нет стыдно. По крайней мере, мне было стыдно, когда я однажды нарвался на такой вопрос.

Пицца не очень сытная, не очень вкусная. Ну какой вкус у комбиджира, плавающего в каше? Первое время, пока у меня не сперли шоколад, я давал после еды кусочек Димычу и брал себе. Все как-то радостно. Иногда удается выбраться в магазин, купить конфет, или в «чепок» («чрезвычайная помощь оголодавшему курсанту») попить соку, или купить пирожное, пончик.

Местные из-за ограды торгуют лепешками. Иногда горячие, иногда холодные. Дорого! 50 копеек. А мука-то серая, не такая, как на Кубани. Но покупают, у кого деньги есть. Но у большинства нет денег, и большинство смотрит на этих пацанов-замухрышек, и ждут, кто же купит. Сразу же лепешка расходуется по двум десяткам рук. Хоть нас и предупреждали, что один раз в такой лепешке обнаружили желтуху, все равно их едят. Даже офицеры. Все-таки это было один раз, да и то лишь по слухам.

Вот так. Сначала все возмущались качеством еды, многие ее не ели. А теперь тот, кто не доел, выглядит белой вороной. Мой земляк Толя Швед из Краснодара все ворчит: «Ну ты! Олух! Вот вы все! Кричите мне, мне, а сами. Кто это не доел? Ты, Мишка? В следующий раз меньше положу, а то мне вечно не достается». Но я должен сказать, что ни один раздатчик еще себя не обделил.

(2)

Здорово, Антон!

Вот я уже и обряжен в военную форму. Сижу я в Самаркандской учебке связи. Делать пока нечего, скучно, всеобщее отупение. Тебе, к счастью, это чувство не знакомо, когда ты чувствуешь, что покрываешься шерстью, вот-вот отрастет хвост. Жуткое чувство.

Бардак в армии жуткий. Был тут со взводом в наряде по столовой. Понял, почему же нас так плохо кормят. Нас заставили чистить картошку. Считалось, что чистит ее машина, а мы только выковыриваем глазки и мельчим ее. Машина допотопная, вот-вот рассыпется. Ну, качество соответствующее. Картошка не почищена. Крупную мы режем на три части, мелкую — на две. Нас все время подгоняют, кричат, да и нам хочется спать, уже скоро отбой, мы устали. А начистить надо четыре твоих ванны. Полных. Одни режут картошку, другие плачут над луком, а меня

через некоторое время послали перебирать соленые помидоры. Зеленые соленые-соленые помидоры. От их вида меня чуть не вырвало, запах жуткий. Маленькие сморщенные шарики плавают в грязном рассоле. Если бы еще горел свет, я бы ни за что не взялся за такую работу. В полутьме мы втроем обрывали палочки и выбрасывали гниль. Вернее, то, что нам казалось гнилью. Так мы работали часа два. Руки чесались от соли, хотелось поесть и попить. Но есть можно было только эти помидоры (больше трех в горло не лезет), а пить — рассол. Перебрав все, мы спустили эту коричнево-красную жижу прямо на плиточный пол и погнали венками в водосток, поминутно очищая его от мусора. Где-то в другой смежной с нами секции делали то же самое с картошкой, луком и свеклой, с очистками.

Вдруг послышался смачный звук пинка, и ругань. «Деды» — повара, возглавляемые прапором, пронесли несколько кусков мяса, не костей, что нам дают на обед, а мяса. Килограмм 50. Они открыли дверь и канули в ночь.

Выпрямив затекшую спину и помыв кое-как руки под еле сочившимся краном, я вдруг увидел огромную бадью кислой капусты. «Вот это да!» — но капуста почему-то расплзлась в руке, на ощупь она была... ну как сопливый носовой платок. Ребята смеялись: «Ну, что же ты, попробуй».

Я обернулся и сказал: «Теперь я понимаю, почему нас так плохо кормят, понимаю, откуда исходит "советская угроза"».

Понимаешь, Антон, в Америке делают все, чтобы научить солдата воевать. А у нас солдаты — объект наживы, дешевая и безотказная рабочая сила. Чем больше людей в армии, тем больше надо средств, чтобы их содержать, тем меньше среди них порядка, тем легче их обворовывать, тем легче их заставить молчать. Ну и, конечно, тем больше желающих нагреть на этом руки. Я так думаю. Пока. Наш сержант смеется: «Посмотрим, что вы будете думать через год, как вы письма эти читать будете». Может, он и прав, но сейчас я думаю так.

«Хэбэ» мокры, стоим по щиколотку в воде, стекающей из машины. Портянки мокрые все, сапоги тоже. Везде грязь и вонь. Проторчали мы там до половины второго ночи. Пока выносили мусор на свалку, пока закрывали двери, заморзли страшно. Мокрые сапоги обледенели, ведь именно сегодня выпал первый снег. На улице не намного суше, чем в картофелечистке. Хорошо, что наш сержант отвел нас в сушилку, где мы бросили все на горячие батареи.

Самое обидное, что негде даже сварить картошки, хотя «деды» из автомобильной команды два раза приходили с казанками за картошкой. Заставляли ее еще чистить и резать мелкими ломтиками. Видно, у них есть возможность варить. Я наобум спросил Феликсова, сержанта нашего, где можно, и можно ли вообще сварить немного картошки. Он ответил: «Здесь обычному курсанту можно получить только по рожге», — и грустно усмехнулся.

Вот такая жизнь здесь. Радуйся, что тебя здесь нет. У меня создается впечатление, что в армии перестройки не будет еще лет десять.

Ну, ладно, пока. У меня больше нет желания описывать нашу столовку. Передавай привет всем нашим, новогодние поздравления родителям.

(Из архива И. А. Климова. Самарканд, 1988 г.)

Приведенные выше описания процессов потребления и производства пищи специфичны тем, что они сделаны в учебной воинской части, и характеризуют отношения внутри однородной солдатской массы без дедов и прочей неуставной элиты. Ценность данных текстов не только в их полноте, но и в том, что их автор тонко уловил самую суть — состояние хаоса при потреблении пищи, переживаемого солдатской массой, и желание упорядочить этот процесс путем привлечения во главу стола представителя власти — сержанта. В тексте дан портрет «хорошего» и «плохого» сержанта. Это отражает стремление дифференцировать элиту на «свою» и «чужую». Если «чужой» сержант деперсонифицирован в совокупном антикультурном образе, то в характеристику «своего» вводится предельно личностная формулировка, определяющая статус как центр культурного пространства: «Во главе стола, как и полагается, сержант. Наш Феликсов». Автор тонко подмечает его сдерживающую функцию, причем критерием «интеллигентности» сержанта является его способность к самоограничению.

Описание солдатской трапезы воспроизводит мифологическую картину всеобщего хаоса «пожирания», которое происходит «в полном молчании», и усилено аллегориями, которые в универсальном архетипическом коде представлены существами-антиподами — животными и инородцами, рвуши-

ми хлеб, так «что крошки летят на соседние столы». Посреди этого разгула инстинктов — островки культуры: столы, за которыми сидят «сержанты», «деревянные дембеля», или лица, способные договориться о взаимном сдерживании, что семиотически выражено знаками их культурной однородности. Но если за столом собираются представители разных культур, именуемые сленговыми синонимами слова «инородец», то их векторы силы образуют в центре стола семиотическую воронку. В ней исчезает не только пища, но и личность человека: «За столом у “аров” по-иному. Они, как кадавры, набрасываются на пищу и пожирают ее мгновенно. Это столь *заразительно*, что и *ты сам теряешь элементарное приличие*. (Курсив мой. — К. Б.)».

Граница «свой/чужой» при отсутствии социо-культурных маркеров проходит в области восприятия иноэтничности. Интересно, что, проводя этнические маркеры в культуре питания, автор цитированных писем отмечает некультурное поведение за солдатским столом у представителей кавказских народов, которые в своей родной среде как раз отличаются высокой культурой застолья. Это говорит только о том, что солдатский стол не ассоциируется ни с застольем, ни с культурой. Солдаты не воспринимают унифицированные армейские нормы в качестве культурно значимых. Но они это рефлексировать только в письмах домой.

Баня

В баню человек идет, как известно, голым, оставляя все знаки своего статуса (разве что за исключением татуировок) в предбаннике. Однако это обстоятельство не снижает остроту межстатусных отношений в парилке.

Человек, лишенный возможности обозначить свой статус визуальным символом, начинает бессознательно выражать его в агрессивных действиях. Поэтому армейская баня — это всегда среда нагнетенного межстатусного конфликта. Младших оттесняют от лучших крапов, и они толпятся у единственного, едва работающего крана с кипятком, или напротив, ледяной водой. Им не достаются тазы, мочалки, мыло. Их грубо подгоняют, им перебивают воду.

[Из солдатских писем]

<...> И баня тут вообще не баня. Забежали 40 человек на 10 минут, или вода идет только холодная, или только кипяток, толком и не помоешься. Купаемся три раза в месяц. Грязь растерли и выбежали, и белья не хватает, бывает. Трусы грязные чьи-нибудь оденешь, или майку, а потом спрашивают, откуда эти болезни.

(«Армия рабов» // ...)

[Из воспоминаний бывших солдат]

— У нас в бане в учебке под Калининградом вода текла из двух «сосков». Из одного лучше, из другого хуже. Под тем, что лучше, моется сержант, взвод — под остальным. А банщик был такой здоро-о-вый осетин. У него был длинный такой кожаный ремень. Он любил там прохаживаться и хлестать по голым задницам. Это он подгонял нас так.

— А у нас тоже эпизодов хватало. Как-то в учебке роту пригнали в баню. Нас там по несколько взводов загоняли мыться. Предбанник маленький, давка страшная, суета, все издерганные. Мы стоим, ждем команды. А жара страшная уже, в Средней Азии весна, что у нас лето, а мы все еще в зимних рубахах две недели без перемены пробегали. И что-то в ожидании очереди расслабились, и давай нательные рубахи снимать. Не терпелось скорее снять с себя эту вонь. Ну вот, поносили и в кучу их сложили, как обычно. А сержант за этим наблюдает, и потом вдруг говорит: «А что, была команда раздеться?». Все замерли. «Слушай мою команду. Рубахи надеть!» А разобрать, где твоя, где чужая уже невозможно. Что делать. Пришлось надевать. Я до сих пор помню то обращение от липкой чужой рубахи.

(ПМА, 1999 г.)

Подобные примеры можно приводить без конца. В итоге семиотика доминантных отношений в солдатской бане сводится к примитивной социальной стратификации голой человеческой массы в бинарной оппозиции «чистый/грязный». В армии чистота тела — признак элитарности. Одна из привилегий элиты, достигаемая за счет знакомства с банщиком, — возможность помыться в любое время.

Персона армейского банщика предельно знаковая. В ней, как в капле, отражается вся система актуальных отношений. На службу в подобные заведения попадают люди особого склада.

Они обладают собачьим чутьем иерархии, улавливают тончайшие нюансы настроения высших командиров и адекватно на них реагируют, умеют поддержать не раздражающий начальственное ухо разговор, вставить нужную шутку в нужное время, в общем, вести себя соразмерно социальной дистанции, при том, чтобы старший получил от этого максимум удовольствия. В иерархических группах этот талант чрезвычайно ценится. Кроме того, они вырабатывают к каждому члену иерархии особый подход и, тем самым, воспроизводят общую иерархию в частных ситуациях: почтительность к старшим офицерам, к которым он может обращаться по имени-отчеству; корректная фамильярность к младшим офицерам, прапорщикам и наиболее влиятельным дембелям; холодное презрение к духам и всем остальным.

Банщик исключительно аккуратен в одежде, которая выдерживается во всех атрибутах неуставной иерархии. Кроме того, он постоянно демонстрирует еще один важный символ исключительности: связку ключей от своего хозяйства. Она прикреплена на тонкую цепь к поясу, и он ее постоянно вращает, поигрывая. На языке жестов это означает только одно: «Смотрите, у меня, есть хозяйство». По отношению к остальным солдатам, это значит: *«у меня, в отличие от вас»*; по отношению к должностным офицерам: *«у меня, как и у вас»*. Символы исключительности часто становятся символами идентичности.

Санчасть и госпиталь

Путь человека в армию лежит через медкомиссию, которая решает его судьбу. Здоровый идет служить, больной остается дома. Это в идеале, поскольку в реальности очень часто все оказывается наоборот. Здоровый получает «белый билет», а больной призывается на службу. Проблема, во-первых, в том, что большое количество призывников стараются уклониться от службы, используя свои настоящие и вымышленные болезни как ресурс для маневра; во-вторых, спрос на «белые билеты» рождает предложение и «рынок услуг», который создают коррумпированные сотрудники военкоматов в тандеме с отдельными врачами. При этом они обязаны регулярно выполнять

план призыва. А численность призывников, годных к строевой службе, сокращается как вследствие массовых уклонений, так и в результате значительного роста числа хронических больных. В результате ради выполнения плана призыва больные признаются здоровыми и направляются на службу.

На медкомиссиях царит нездоровая атмосфера презумпции «здоровья». Все чаще больной вынужден доказывать факт собственной болезни, и последним аргументом в тяжбе с отдельными врачами становится не история болезни, а деньги, позволяющие купить правильный диагноз. Факт болезни сам по себе не имеет особого значения. Важна не болезнь, а ее должное оформление, и здесь законы физиологии отступают перед законами бюрократии. При должном оформлении бумаг можно поверить и в дистрофию розовошекого культуриста, и в пригодность к строевой службе того, кто едва ходит. При желании можно призвать в армию даже обладателя истории болезни объемом с медицинскую энциклопедию. Ее можно просто «потерять», завести новую, и срочно признав ее обладателя здоровым, отправить его служить куда подальше.

Пример одного из сотен подобных фактов приведен в приложении (Приложение, I.8. a-b), а также опубликован в интервью с председателем новосибирского отделения Комитета солдатских матерей РФ Р.А. Белик (Банников, 2000).

В 1990-е годы в Новосибирске подтверждение истинного диагноза в военкомате и получение, подчеркиваю, законного «белого билета» обходилось хроническому больному в 1–2 тыс. долларов США. В Москве, соответственно, 5–8. Не стану претендовать на документальную точность этой «бухгалтерии».¹ Суть не в цифрах, а в том, чтобы напомнить, откуда в армии столько больных людей, которые попадают в условия, отнюдь не способствующие их выздоровлению.

Конечно, прибыв к месту службы, больной солдат может обратиться в санчасть, оттуда быть направленным в госпиталь и даже комиссованным. Но прежде ему следует вспомнить о своем месте в неформальной иерархии, ибо здоровье духа и

---

¹ Данные приводятся по свидетельствам плативших эти деньги призывников. Экономический анализ рынка услуг по «закоосу» от армии, его масштаб и роли руководства военкоматов см. в статье: Ходорыч А. Белый билет по черному // Деньги. 2002. № 17–18 /от 15 мая/, с. 23–30.

здоровье деда здесь не в равной мере драгоценны. Поскольку отношение общества к болезни определяется статусом больного, то солдату до перехода в разряд элиты лучше не болеть. Впрочем, дадим слово самим пациентам.

[Из солдатских писем]

Здравствуйте, дорогие мои!

Недавно я попал в медсанчасть. В медпункте у нас не лечат, а калечат. Тут от всех болезней делают укол пенициллина. Я сказал, что мне нельзя и мне стали давать таблетки от кашля. По 8–10 таблеток в день. В медсанчасти подъем в 6 утра и уборка — мыли полы холодной водой: два этажа и туалет. Всего там было много больных, но нас, которые служат от 2 недель до 3 месяцев, было 3 человека. Мы и мыли, остальные считались дембеля, они не мыли, а указывали. Был там врач-лейтенант, он мог запросто ударить, и не один раз, сапогами или руками (мне, слава богу, не доставалось). Кормили мало и плохо, хлеба две корочки, если посмотреть их на свет — то почти все видно. Чай вообще без сахара, они (врачи и дембеля) его брали себе и пили сами, еды давали мало, хотя она чистая и похожая на домашнюю. Я мыл полы холодной водой, а когда понял, что здесь можно только еще сильнее заболеть, решил поскорее выписаться. В конце воскресенья нас, «пациентов», заставили стирать для всех халаты белые и подшивки на шею медперсоналу (все они, кстати, тоже молодые солдаты). Я отказался, а врач-лейтенант сказал, чтобы я тогда шел мыть туалет.

(«Армия рабов» // www...)

Армейский медперсонал подозревает всех пациентов в симуляции недуга, и не без основания, так как чаще всего в санчасти обращаются люди за тем, чтобы получить облегчение от страданий иного рода. Деды — за тем, чтобы получить освобождение от физзарядки и ходить в строю в тапочках, духи — чтобы получить временное убежище и просто передохнуть. Впрочем, настоящие больные тоже, бывает, обращаются.

Санчасть не заинтересована в накоплении пациентов, поэтому там созданы такие условия, чтобы люди в ней не задерживались и по пустякам не беспокоили. Распространенная притча военных врачей и фельдшеров: «Не умер — не приходи». Там, где врачи в равной степени гуманно относятся ко всем своим пациентам, молодые солдаты используют болезнь как

предлог, чтобы получить хоть какую-то передышку от пресса уставных и неуставных обязанностей. Поэтому часто доминантные отношения в санчастях воспроизводятся в не менее жесткой форме, чем в подразделении, и более того, по возвращению из санчасти солдата ждет наказание за то, что он «отдыхал», а все «службу тащили». Поэтому, как правило, настоящие больные хотят поскорее поправится.

Р. А. Белик сталкивалась и со случаями летального исхода: так, больной пневмонией солдат, не долечившись, уговорил врача выписать его, зная, что будет, если он пролежит в санчасти дольше трех дней. Да и автор этих строк в свое время сбегал из санчасти, предпочитая «тяготы и лишения воинской службы» средствам организованного исцеления.

Когда нет смысла «косить по мелочи», а терпеть издевательства старослужащих больше невозможно, жертвы дедовщины начинают всерьез калечить себя, надеясь на комиссование по инвалидности.

[Из солдатских писем]

<...> В госпитале когда был, дагестанцы обнаглели, начали бить в туалете, я при ударе стукнулся лбом о стеклоблок, рассек лоб. Это вообще не армия, а дурдом какой-то. Я в гробу видал такую армию, и кушать охота, и не спишь ни фига, все как дерганые. Вот сейчас подойдут и чего-нибудь сделают, а жаловаться бесполезно, офицеры сами тут этих правил придерживаются. Нет уже никакого терпения. У нас тут пацаны хлорку жрут, чтобы заработать язву и комиссоваться, потому что устали. Один в зенитном дивизионе повесился, от хорошей жизни, наверное. Двое уже из нашего батальона убежали. <...>

(«Армия рабов» // www...)

Здорово, Костян!

Вчера получил твое письмо с открыткой. Поверь друг, мне было очень приятно. Спасибо тебе. <...> Сразу хочу сказать, что то, о чем ты пишешь, мне чертовски знакомо. Первые полгода вообще были мраки, сейчас легче. Мне тогда, особенно первое время, дико хотелось заболеть чем-нибудь серьезным, чтобы пролежать где-нибудь в госпитале месяца 3–4. Каждый день я думал: вот сегодня сменюсь с вахты (я меняюсь в 1 час ночи), пойду в галюн, разденусь да пояса и высунусь в форточку (дело было зимой). Но каждый раз, сменившись, мне хотелось только одного —

спать. Я не мог заставить себя раздеваться в холодном галюне, обливаться и т. п. Я только валился на шконку (на кровать) и моментально засыпал. Я в то время спал не больше 5 часов в сутки (с 1 до 6). Так я ничем и не заболел, а по прошествии 2–3-х месяцев я уже привык к этому мраку, и больше меня не тянет в форточку лезть. <...>

(Из архива автора // Переписка с В. А. Андреевым).

<...> Руки гниют, трескаются до крови, кожа на сгибах расходится. Поэтому у меня и почерк плохой, но высылать мне ничего не надо, все отберут дембеля. <...> Здесь, если часто лежишь в медсанчасти, значит — косишь, а снять со службы они не захотят, лучше сгноят, чем будут возиться с тобой. <...>

(«Армия рабов» // www...)

Пишет вам ваш военный сын. У меня все хорошо. Есть много новостей — плохие и хорошие. Начну с плохих. Нашли мой тайник, забрали значки, мазь, таблетки от кашля и глюкозу, музыкальную открытку, ручки, лезвия «Рапира», письма не выкинули, 2 тетрадки оставили, таблетки от гноя не заметили. Бинты забрали. Жалко значки, открытку музыкальную.

(«Армия рабов» // www...)

Последнее письмо показывает еще одну проблему больного солдата — запрет лечиться собственными средствами. Опасения командиров, что солдаты, если им разрешить хранить лекарства, станут хранить наркотические и психоделические вещества, понятны. Но, во-первых, действующие запреты никак не мешают наркоманам «ширяться», а во-вторых, если кто-то «глючит» от паров бензина, то это еще не повод для перевода войск на альтернативные источники энергии.

Совершенно очевидно, что тотальный запрет на лекарства в армии должен быть снят и приведен в соответствие с общемедицинскими нормами, и солдатам вполне возможно разрешить пользоваться своими лекарствами от самых распространенных в войсках заболеваний. Не вижу большой опасности ни для боеготовности, ни для престижа армии, если солдат, больной наиболее распространенными в армии кожными заболеваниями (стрептодермия, часотка и пр.), будет пользоваться тем же купленным на собственные деньги стрептоцидом, если им не в состоянии обеспечить его санчасть. Эффект самолечения

при данном заболевании будет гораздо выше, чем при регулярном посещении санчасти за порцией «зеленки». Понятно, что при дефиците лекарств лечат не тем, чем нужно, а тем, что имеется в наличии. Не понятно только, почему солдатам запрещают самостоятельно выходить из положения? И факт не объективных трудностей, но намеренного алогизма системы порождает анекдоты на тему армейской медицины:

Врач пациенту: «Чем болен? Говоришь, головная боль и понос? Сейчас вылечим», — достает таблетку аспирина, ломает на две части и протягивает пациенту со словами: «Вот эта — от головы, эта — от поноса. Смотри, не перепутай!»

(Армейский фольклор)

Специализированные подразделения

В настоящем разделе мы попытаемся проследить особенности неуставной иерархии в подразделениях, обслуживающих воинскую часть в плане жизнеобеспечения. Доминантные отношения в «рабочих» группах, сформированных на основе определенных критериев отбора кандидатур, в некоторых случаях развиваются несколько иначе, чем в остальных подразделениях, занимающихся исключительно строевой службой.

В специализированные подразделения (ремонтная рота, хозяйственный взвод, санчасть, оркестр, штаб и т. п.) набирают, разумеется, специалистов, т. е. в комплектации таких подразделений заложен некий принцип, учитывающий специальность, образование или даже тип личности и характер кандидата. Именно поэтому в специальных подразделениях служат люди, объединенные, во-первых, неким общим профессионально-личностным началом, во-вторых, ритмом жизни, отличным от общеармейского распорядка.

Так как проникновение в специальные подразделения связано с «естественным отбором», местом в них дорожат, и нежелание быть переведенным в обычную роту представляет собой серьезный стимул хорошо служить и «не зарываться».

Служба в таких местах гарантирует элитарный статус, формирующий идентичность, недостаточность которой в «простых» подразделениях вызывает компенсаторную агрессию. Все эти персональные водители, баншики, каптерщики и т. п. занима-

ются общим жизнеобеспечением, пребывая вне системы как формальной, так и неформальной. Поэтому они в компенсации идентичности не нуждаются, и доминантные отношения среди них менее жестоки, более ритуализованы и напоминают нравы, царящие в большой патриархальной семье, или отношениях вассальной зависимости.

Кандидаты на вакантные места увольняющихся дембелей проходят жесткий отбор, критерием которого является не только профессионализм, но и легкость характера, исполнительность и коммуникабельность, составляющие стереотип конформной личности. Это особенно важно в подборе таких «штучных» кадров, как личные водители командира части и его заместителей (так называемые таксисты). Часто начальник просит подчиненного самому подыскать себе замену из молодого пополнения. Неофит, попавший на «блатное» место, чувствует себя обязанным своему патрону за то, что он избрал именно его. Поэтому естественные доминантные отношения в специализированных подразделениях редко принимают «злокачественный» характер. Конфликт дедов и духов может здесь стать чисто номинальным, и в этом случае ограничивается областью знаков и символов.

Боевые задачи (тревога, полигон, боевые дежурства, учения, «точки» и т. п.)

В целом боевые задачи, как и любая рациональная и осмысленная работа, способствует преодолению ощущения бессмысленности собственного существования. Они приносят разнообразие в армейский распорядок дня, полный монотонных и часто абсурдных занятий. Организация жизни в конструктивной логике здравого смысла снижает потребность в самоутверждении деструктивным путем. Жажду серьезных целенаправленных действий вполне передает следующее письмо, в котором с характерным юношеским максимализмом и романтизмом описывается первая учебная тревога:

[Из солдатских писем]

<...> Я проснулся где-то часа в четыре, натянул еще влажные носки и уснул. Сегодня в пять часов должна быть тревога, а после нее — стрельбы на полигоне. Так что я специально постирал

носки в бане и сушил их под матрацем. Эту ночь я спал в штабах, ведь по боевому расчету я и мой сосед с нижней кровати — светомаскировщики. Едва только дежурный включил свет, я уже натягивал на окно одеяло.

По тревоге мы должны свернуть матрацы, надеть шинели, и, разобрав автоматы, построиться на улице. Я намотал портянки, схватил шинель и подбежал к оружейке. Там была толпа полусонных, полуодетых и полоумных курсантов. Никто никуда не спешил. Я взял свой автомат, рожки, подсумок и противогаз, тоже не спеша заправился, и следом за ковыляющими по лестнице «солдатами» вышел на плац. В общем, минут через пятнадцать мы, вторая рота, уже (!) стояли. Феликсов дал мне чей-то автомат (нельзя ничего оставлять в оружейке при тревоге) и подсумок. Мы немного постояли, посмотрели на третью роту, которой понадобилось лишь 5 минут от постели до построения. Опять замполит наш «поздравлял» с первой тревогой. Репетировали, репетировали целую неделю, а все равно четвертый и третий взвода не поделили окно, так и осталось оно не завешанным. После своей речи замполит приказал сложить шинели, снять противогазы, автоматы, сложить все это культурно на землю, и мы пошли в столовую. Наскоро перекусив, стали собираться на полигон. Димке Вороненкову повезло. Он и еще несколько ребят поехали вперед на машине, повезли патроны. А мы, все остальные, еще час ждали отправки на КПП. <...>

Тут к нам перевели из учебки ВДВ ребят-связистов, так они очень и очень отличаются от нас, олухов. Более собранны, дисциплинированны, не ноют, как тот же Смирнов Валерка, что у них поясница болит, что им трудно «очко» драить. <...>

В семь часов подошли машины, и нас стали туда загонять. День должен был быть теплым, вставало солнце. Но еще было морозно. Не растаявший снег превратился в лед, и ноги развезжались в разные стороны. Мы плотно-плотно набились в кузов, подняли воротники. Всю дорогу кимарил. Машины остановились, и мы на полугнувшихся ногах начали вываливаться из кузова. Наполеоновская гвардия! Замерзшие, с поднятыми воротниками, неловко держащие автоматы окоченевшими руками! Хорошо, что мне удалось сохранить перчатки.

Картина была дикая и величественная. Вокруг обступали горы. Белые-белые, сверкающие под солнцем. А до них — равнина, снег, кое-где деревья. И громадный завод, весь окутанный дымом и

чадом. Сизый дым сносило в сторону, но он не улетал, а плавил таким же сизым туманом. Подножья гор расплывались в этой едкой дымке. «Вот местная достопримечательность. На этом фосфатном заводе снимался фильм «Джентльмены удачи», — сообщил нам капитан. Кое-как мы построились и пошли на полигон. Откуда-то издали доносилась стрельба. Я ведь раньше никогда гор не видел, особенно таких, поэтому крутил головой налево и направо. Да еще время от времени налетал на автомат Сани Скорых, идущего впереди. Но мне это быстро наскучило, надо было смотреть под ноги. «Равнина» была изгрызена какими-то оврагами, карьерами, каньонами. Было скользко, и то тут, то там раздавался грохот упавшего автомата и матерщина. Вдруг Качковский, молчавший в стороне, крикнул: «Танки справа!» Рота остановилась, как вкопанная, и недоуменно посмотрела на него: чего это, мол, он вякнул? А капитан скорчил рожицу и кричит: «Банда! Ха! Советская угроза! Колхоз! Танки справа!» Тут мы поняли, чего от нас хотят, и побежали на обочину, в снег, куда-то вбок, попадали, стали рвать затворы. «А это что за куча?! Пятый взвод?! Читайте, что вас уже нет. В атаку!»

Мы опять бегали, вспахивая снег, кричали «ура». Потом, выбравшись на дорогу, шли, бежали, шли, бежали еще километра два.

Полигон заметили сразу. В поле стояли какие-то раздолбанные ржавые машины, БТР. Все сразу стали тыкать пальцами: «Во! Во! Смотрите, из Афгана!» И такой благоговейный шепот вокруг. «Вот наивные люди, — с ухмылочкой сказал Саня. — Конечно, мы шли в армию, думая, что это нечто строгое, серьезное. Но за месяц уже всякого понасмотрелись, вот и хочется чего-нибудь героического».

На стрельбище было еще лучше. Две бетонные вышки, палатка с двумя дымящимися трубами, полевая кухня и огороженный палатками бункер, где снаряжают магазины. Приехавший на час раньше Димыч сообщил, что он скорефанился уже с поварами и попил чайку горячего. «Два с половиной литра!» — гордо сообщил он. Я не успел позавидовать ему — все вокруг весело заржали.

Строй сразу рассыпался — все побежали смотреть, как какой-то парень провалился по пояс в засыпанную снегом канаву. Как его вытаскивали и тряхиwали.

Шли мы на полигон, предвкушая, как будем стрелять, а оказалось все гораздо прозаичнее. Сначала корреспондент какой-то

долго нас расставлял, примеривался, мы и майор — высокий улыбочивый старик — терпеливо ждали. Майор должен был показывать пулеметы, автоматы, рассказывать об оружии. Мы пожирали глазами все эти патроны, ленты, стоящие на сошках пулеметы. Это было, пожалуй, самое интересное место полигона. На других «точках» мы еще по несколько раз повторяли движения на огневой, и вот, наконец-то, я вставляю магазин с патронами в автомат. Какие там репетиции! Над головой свистят гильзы, вылетающие из соседних автоматов, дым, запах пороха. Попал я или нет — не знаю. Для всех, кто стрелял, мишени были одни и те же, результаты никого не интересовали. Важно было поставить галочку, ведь необстрелянный солдат к присяге не допускается.

Вообще, я понял, здесь все всем до лампочки. Пока нетух в темя не клонет. И в нас людей не видят. Например, замкомвзвода сержант Герасименко видит в нас лишь четырехугольный строй четыре человека на восемь и дешевую, послушную рабочую силу. Он считает, что нас надо насиловать, насиловать до потери пульса. Вообще, это точка зрения всех начальников, за редкими исключениями. Работы здесь невпроворот, инструментов элементарных нет, нет даже изоленты, олова. Радисты! Радиомонтажники! Ребята тут уже прикидывают, сколько бы они получили бы на гражданке за такой объем работ и за такую скорость. А здесь даже «спасибо» не услышишь.

Еще одно изречение, любимое и офицерами, и сержантами, и прапорщиками: «В армии не может быть демократии, в армии единоначалие». С одной стороны, это верно: если все будут командовать — порядка не будет. Мне кажется, что демократия в армии должна выражаться как-то иначе. Хотя бы общественный контроль за средствами для армии, за повседневной жизнью солдат. Я лишний раз убедился, что наиболее радикальным решением была бы вольнонаемная армия. Это бы вытащило на свет столько проблем, пороков, что реформы бы стали просто необходимы. И не такие косметические, как делают сейчас: новый устав, короткое «Ура» вместо длинного. «По новой методике», — так заявил комбат.

(Из архива И. А. Климова,

Романтизм и максимализм есть форма протеста личности против рутины и бюрократии. Солдаты требуют активной, на-

стоящей службы, результативной и осмысленной деятельности. Там, где боевая задача превращается в бытовую рутину или становится фикцией, служба превращается в фон и катализатор доминантных отношений и перекладывается на плечи «молодежи», которая «тащит службу» за дедов:

[Из солдатских писем]

<...> У меня все по-старому, службу тащу и жду молодых карасей, когда же они мне облегчат мою участь. Я ведь экспедитор, а тут один телеграфист меня своей специальностью обучил, и я теперь зае...ся на телеграфе за него вахты стоять, а весной должны молодого телеграфиста дать и тогда я буду кайфовать. Но это еще будет где-то через месяц после приказа, тогда таких, как вы, списывать в части начнут. Ну ладно, не вешай нос, дембель неизбежен! <...>

(Из архива автора // Переписка с В. А. Андреевым)

На изолированных «точках», где контингент, как правило, немногочисленный, внутренние отношения целиком зависят от командиров, их способности контролировать неформальных лидеров. Трагический случай, произошедший на Мысе Желтый, где располагался пост радиотехнического наблюдения, долгое время считавшийся лучшим на всем Тихоокеанском флоте, позволяет представить, как могут развиваться события при самоустранении непосредственного начальника от личного состава (Яковлев, 1999).

[Из интервью с В. Яковлевым, обозревателем «Новой Камчатской Правды». Полный текст см. в приложении (Приложение, 1.3).]

Я, в общем, был в шоке. Конечно, я не служил в Чечне, в боевых условиях. Там совсем другое. А вот в нормальной советской армии, в нормальных условиях, в общем-то... Ну да, пост отдаленный, 200 километров во все стороны до дорог. А все остальное, условия питания, там все нормально. Королевский пост был. Там начальство заготавливает рыбу... Такая деланка.

Ну, моряки там жили нормально в плане жизнеобеспечения, материального обеспечения. Там все было. Тем более они сами там и рыбу ловят, грибы, дикоросы собирают. Проблем, как в других местах, где они бы не доедали, или их там службой

бы до того бы перетруждали, что они на посту засыпают и падают, — да ничего подобного. Там практически боевое дежурство не несется. Несется для галки. По идее они за кораблями наблюдают, но там в среднем два-три корабля за полгода пройдет. Просто так расположен сам по себе, не на самом оживленном месте. Поэтому люди заняты сами собой. Нет нагрузки служебной, нет каких-то там невыносимых бытовых условий, что часто бывает причиной всплесков насилия, как на броненосце «Потёмкин», например.

И вот там очень опытный мичман, командир был. Служил он там, (а я его лично сам знал), со времен царя Гороха, на своей службе собаку съел. Он знал, как все организовать, и из года в год там был порядок в этом отношении. Тем более, это все было удивительно. Я знаю неблагополучные посты, где постоянно что-то происходит. Но там! И вот, как я писал, молодое пополнение, которое было призвано зимой прошлого года, попадает туда. Они прошли этот полужукипаж в Петропавловске, вот четверо из молодого пополнения, всего там семь человек, ну восемь. Четверых человек первого апреля направили бортом туда, на Желтый, и тем же бортом сняли мичмана в отпуск, в котором он не был два года.

И там остался другой мичман, который всегда заявлял: «Я техник, мне личный состав до лампочки». И вот как дальше развивались события. Они развивались настолько стремительно, что когда я смотрел материалы, у меня дух захватывало. Буквально, не прошло и недели.

Не прошло и недели, вся неформальная иерархия полностью сложилась. Там четверо молодых было и семеро старослужащих. Им вскоре надо было увольняться. Мичман сразу отстранился от личного состава полностью и занимался своими делами. А когда формальный лидер самоустраняется, его место пустое не остается, оно занимает неформальным лидером. И в этом случае этот лидер оказался очень негативной, отрицательной направленности. Я изучал его психологические характеристики, у него были приводы в милицию, он употреблял наркотические вещества до службы, он из неполной семьи, его одна мать воспитывала, т. е. полный набор факторов, которые сформировали его еще до службы. И мичман, который там был, он очень четко это понимал и умел пресекать, умел их работой занять, хоть дурной, как это водится, но все-таки, мог распылять эту

негативную энергию, чтобы она не концентрировалась. А в данном случае оказалось, что такого лидера нет, и ее накопление (и формирование структуры) шло всего неделю. Потом начали искать козла отпущения. Им оказался этот бедный Войтенко. Хороший мальчик такой, небольшого роста, хотя повыше меня будет, 174 см роста. Ну, такой худенький, когда отправлялся, 65 килограмм весил. Замкнутый по характеру, стихи даже писал, такая романтическая, утонченная в чем-то натура, совершенно не соответствующая тому, что сейчас происходит в вооруженных силах.

И вот он и оказался козлом отпущения. Его начали проверять на вшивость. <...> И вот его начали бить. Просто бить. За все про все, любые придирки, на которые в принципе, в нормальной ситуации не обращаешь внимания. Дальше — больше. Это разрасталось как снежный ком, и все большее количество человек в этом участвовали. Началось с малого, с каких-то пинков, ударов, зуботычин, а закончилось тем, чем закончилось.

(ПМА, Петропавловск-Камчатский, 1999 г.)

Ни о каком «боевом дежурстве» в подразделении, где произошло это преступление, говорить не приходится, ибо само это подразделение на тот момент юридически не существовало. Радиотехнический взвод на мысе Желтый был ликвидирован директивой Главного Штаба ВМФ от 18 июня 1996 г. Более того, преступление совершено при косвенном соучастии исполняющего обязанности командира, у которого давно закончился срок службы; он «командовал» подразделением, будучи гражданским лицом (Яковлев, 1999). Характерно, что командование Северо-Восточной группировки войск, которое возглавлял в то время вице-адмирал Валерий Дорогин (ныне депутат Государственной Думы), пыталось сокрыть преступление: списать убийство на несчастный случай, давить на судмедэкспертов, препятствовать работе следствия и журналистов. Все это подробно описано в серии материалов В. Яковлева, опубликованных в номерах «Новой Камчатской Правды» за 1999 г., и в интервью, приведенном в приложении (Приложение, 1.3).

В целом, история эскалации неуставных отношений, равно как и реакция командования их на них, характерна для закрытых обществ и показательна как их патология.

Гауптвахта и дисбат

Отношения солдат с офицерами строятся не на уставе, но на негласном договоре: «Мы вас не трогаем, вы нас не подводите». Когда девиантное поведение выходит за рамки договора, о чем, как правило, сигнализирует взыскание непосредственному начальнику от вышестоящего командования, тогда и к солдатам применяются крайние меры наказания — гауптвахта. Дисциплинарный батальон остается исключительной мерой, применяемой вследствие преступлений против всей системы.

Частое применение этих взысканий в той или иной воинской части становится прямым свидетельством сбоев системы взаимодействия солдат и офицеров. С другой стороны, крен в сторону отсутствия практики подобных наказаний может свидетельствовать как об исключительной дисциплине в воинской части, так и о железном соблюдении договора: подразделения содержатся в образцовом порядке, но достигается этот порядок за счет жесткой деловщины.

Напомним, что гауптвахта — самое радикальное средство наказания солдата, из числа легитимных, и не требующих решения суда. Однако в военных тюрьмах содержание под стражей не исчерпывает всей полноты наказания. Лишение свободы для уже не свободного солдата не является наказанием, поэтому на гауптвахтах оно также сопровождается насилием, но уже от имени закона. Точно так же командир может назначить любой срок заключения, формально не нарушая устав, который ограничивает содержание на гауптвахте 10 сутками. Все просто: на одиннадцатые сутки объявляют следующее взыскание в виде новых 10 суток, и так далее. Пример слишком заурадный, чтобы его конкретизировать.

Конфигурация неуставной иерархии в местах заключения для военнослужащих такова. Все гауптвахты делятся на «плохие», где «воспитание» арестантов проводится методами «выбивания дури», или, называя вещи своими именами, пытками, и «хорошие», где дело ограничивается отбытием назначенных суток ареста. И на тех, и на других гауптвахтах «губарей» (отбывающих наказание на гауптвахте солдат) могут отправлять на работы и даже продавать в рабство частным лицам. Тогда их положение зависит от отношения к ним этих частных лиц.

Неуставная иерархия военнослужащих разных сроков службы в камере гарнизонных гауптвахт сохраняется, несмотря на, казалось бы, единое положение и принадлежность к разным частям и родам войск. Первый вопрос входящему в камеру новичку: «Сколько служишь?». Конечно, если в этом есть необходимость, потому что это, как правило, видно по манерам держаться, по выражению глаз, по ауре, отличающей забитого духа от вальяжного деда.

[Из воспоминаний И. А. Климова]

<...> На гауптвахту попал вдвоем с товарищем. Тогда мы оба уже были дедами, и за наше положение в камере переживать не приходилось. Но в целом на душе было погано. Тюрьма все-таки. «Губа» в Самарканде была нормальная, караул над нами не издевался. Самым сильным впечатлением от пребывания в камере было чувство брезгливости, которое вызывали нары. Они были деревянные и засаленные настолько, что жир их покрывал слоем чуть ли не в два пальца. Камера была переполнена, и мест на этих нарах не хватало. Мы вошли, и черпаки из авиационной части моментально уступили нам свои места. Но лежать на них представлялось очень противно, и мы сказали, что ляжем на полу, на шинелях. С черпаками случился легкий шок: как же так, деды и на пол! А на бетонном полу лежать было гораздо лучше, это же лето было, жара. <...>

(ПМА, Москва, 2000 г.)

Дисциплинарный батальон радикально отличается от гауптвахты во всем. В том числе и в неуставной социальной структуре и символике, которая больше напоминает лагерно-уголовную. Все заключенные делятся на три класса: блоть (элита), пацаны (масса), палево (парии).

[Из интервью с солдатами-заключенными одного из дисциплинарных батальонов]

— Видите ли... Люди делятся на три части. Те, которые все делают, которые делают не все и которые ничего не делают.

— Ну, это как сказать, «ничего».

— Ну, скажем, которые всеми ими командуют, управляют, скажем.

— Это кто, офицеры?

- Нет, не офицеры. Из своих же.
- И как они называются?
- Блоть. Блатные, типа.
- А среднее звено, масса?
- Мужики, пацаны.
- А те, «кто все делает»?
- Палево, в смысле, пидоры.
- Что, вы их «любите»?
- Раньше их е...и. А сейчас вот год уже как их никто не е...т, простите, не трахает.
- Кому они нужны.
- А как вы сейчас «опускаете»?
- Да они сами...
- Вот этот сам так жить захотел. Ему сказали — «иди мой очко», он и пошел. И вовсе не обязательно его е...ть, в смысле трахать, или там ссать на него. Раз пошел сам на «очко» — то он уже «опущенный».
- «Опущенные» — это те, кто не хочет жить, как пацаны живут.

(ПМА, 2000 г.)

В основу деления оказавшихся в дисбате заложен принцип градации качества совершенных преступлений, за которые они были осуждены. В дисбат попадают совершившие правонарушения. Притом трибунал, приговаривая солдата к лишению свободы в дисциплинарном батальоне, чаще всего не принимает во внимание самый важный для отправления правосудия факт: причины нарушения устава. Очень часто на одних нарах с настоящими преступниками оказываются и их жертвы — молодые солдаты, оставившие часть, не выдержав издевательств. Для них нет иного выхода, кроме обращения в правозащитные организации. Эту ситуацию комментирует председатель Новосибирского отделения Комитета солдатских матерей РФ Р. А. Белик:

[Из интервью. Полный текст см. в приложении (Приложение, 1.5).]

- В дисбат попадают и те, кто пытался бежать от армейского насилия, и те, кто это насилие осуществлял. Их там вместе содержат?
- Да, и более того, не учитывают это при определении наказания. Вот недавно случай был. Парня забрали, а у него

отец — инвалид, мать — гипертоник. И вот мать попадает в больницу, соседи дали телеграмму, и ему предоставляют отпуск на 10 суток. Но мать в больнице-то не 10 суток лежит. Ну, в комендатуре ему еще три дня добавили. Но когда он стал возвращаться, билетов не было даже по воинским требованиям. Опоздал в часть. Ему дали два года дисбата. И вместе с ним, в том же этапе ехал садист, который изуродовал другого солдата, несколько раз приложил раскаленный утюг к его лицу. И ему тоже дали два года. Я беру эти два дела и иду к прокурору, спрашиваю: «Это, по-вашему, справедливо?».

— *И что он ответил?*

— А, говорит, ничего не могу поделать, такова судебная практика. Так соответствует эта судебная практика целям и задачам наказания? На справедливость ориентируется правовая система или на судебную практику? Бывает, что в тюрьму попадают просто ни за что. Например, один взял машину покататься. Круг по плацу сделал и куда-то въехал, помял машину. Ему вменили «порчу государственного имущества» и дали срок.

С другим, вообще, история была. Он с детства бредил лошадьми. Когда подрос, все свои вещи продал, собрал деньги, купил жеребенка. Потом ушел армию. Служил нормально, во время службы где-то работал в сельской местности. И тут он увидел лошадей. Ну, не мог сдержаться, вскочил на коня и помчался, душу отвел. Покатался и вернулся на место. На него завели уголовное дело за конокрадство. А он еще тихий такой был, ничего объяснить не мог, что-то мямлил. Ну, его, слава Богу, мы спасли, дело закрыли. И эта практика суда, этот невнятно прописанный закон, оставляет судьбу человека полностью на откуп следствию.

Вот, например, одному мальчику за какую-то мелочь решили устроить показательный суд. Продемонстрировать на его примере, как они блюдут закон, и дать на всю катушку 10 лет. Так после моей речи ему дали 1 год условно!

(ПМА, Новосибирск, 2000 г.)

Как видно из ее повествования, судебные органы руководствуются формальной стороной вопроса, ориентируясь на «судебную практику», которая, рассматривая отношение «лич-

ность — система», de facto руководствуется презумпцией виновности личности и даже не предполагает возможность преступности самой системы. Отдельные представители командования дисциплинарных батальонов, с которыми нам удалось побеседовать (по этическим соображениям я не называю фамилий, должностей и прочих координат), также не видят проблемы в совместном содержании объектов и субъектов неуставного насилия, равно как и в самом существовании категории опущенных:

[Из интервью с представителем официальной власти одного из дисциплинарных батальонов]

— *И что, у вас все вместе — и преступники, и беглецы?*

— *Во-первых, беглецы тоже преступники. Почему они должны бегать, а кто-то за них служить? Во-вторых, у нас все сидят вместе, и я считаю это правильным.*

— *То есть все, кто сидит, находится в одинаковом положении? Все в равной мере работают? А какая иерархия у вас в дисбате: дедовщина, или как в тюрьме?*

— *А у нас нет неуставных отношений. Все одинаковые, все осознали свою вину и все исправляются.*

— *Извините. Я хотел спросить, кто в дисбате чистит туалеты?*

— *Как кто?! Пидоры чистят.*

— *???????*

— *А что? Пидоры нужны. Они порядок наводят. Этих же скотов не заставишь. А так — везде порядок! Ведь чисто же? ...И вообще, вот Вы наверное подумаете, что это неправильно, а я считаю, что эти ...ну, опущенные, самые опасные. Они на воле совершают самые жестокие преступления. Потому что озлобленные. <...>*

(ПМА, 2000 г.)

Подобной точки зрения придерживаются и некоторые заключенные:

— *А туда, в опущенные, попадают какие люди? За что они в дисбате?*

— *Палевом здесь становится тот, кто в своей части был чмом, кто сюда за это и попал.*

— *Нет, серьезно! Они только о себе думают. Убегают они из части, а ведь не думают, что пацанам потом неделю не*

спать, его ловить. Вот я, например, здесь сейчас стою, за забором ведь. И что бы мне не убежать? Раз плюнуть. Вот она, свобода! А я не бегу, почему? Не потому, что боюсь, что поймают. Не поймают! А потому, что знаю, что пацанов из-за меня по тревоге подымут.

— Убегают они почему? Им, видите ли, тяжело! А кому не тяжело? Все через это прошли.

— А вы сюда за что попали?

— Мы-то? За грабеж. Гражданского одного ограбили, когда в отпуске были. А он, сука, в суд подал. Не хорошо это, конечно, грабить. Да ничего, жизнь она же учит. Вот это мне урок на всю жизнь. Без него, наверное, еще чего серьезнее бы натворил. Но зато я из части не убежал.

— Раз ты здесь за грабеж, ты к какой группе относишься, к блоти?

— Нет, мы здесь все мужики.

— А чтобы попасть в блоть, по какой статье нужно проходить?

— Не в статье дело. И вообще-то об этом вот так, на улице, не говорят. Ты уж извини.

— Понятно. А как на положение в дисбате влияет то, сколько ты прослужил вообще?

— Никак не влияет, здесь все совсем по-другому. Главное это вовремя понять. Здесь все зависит не от того, сколько ты прослужил, а от того, что ты за человек. Конечно, это многим не понятно. Бывает, придет та-а-а-кой кру-у-у-той дембель! И ему не понятно, почему он, крутой дембель, должен слушаться, например, меня, маленького и чахлого, и мыть пол. Ему объясняют, что здесь другие порядки. Если поймет, тогда с ним будет все нормально.

(ПМА, 2000 г.)

Как следует из разговоров с командованием дисциплинарных батальонов, с заключенными и правозащитниками, для солдата, попавшего в ситуацию, грозящую ему физическим и/или моральным уничтожением, нет иного выхода, кроме обращения в правозащитные организации и освещения своих проблем в самой широкой аудитории.

Источниками доминантных отношений в дисциплинарных батальонах являются, во-первых, уголовные традиции, поскольку

ку большинство заключенных солдат проходят через общие следственные изоляторы, в которых расширяют свои навыки выживания в экстремальных группах. Во-вторых, на уголовные нравы накладываются рефлексы дедовщины. В-третьих, неуставное насилие питает официальная «судебная практика», смешивая тех, кто творил насилие, с теми, кто нарушил устав, от насилия спасаясь. При этом совершенно ясно, что доминантные позиции в дисбатах занимают наиболее агрессивные лица, осужденные за преступления против личности, тогда как вынужденные дезертиры займут низшие этажи социальной иерархии.

Как мы видим, основной заботой судебной практики является не восстановление справедливости по отношению к конкретной личности, а воспроизводство самой себя.

«Армейский ландшафт» — «местность» крайне «пересеченная», неоднородная, на которой по-разному раскрываются возможности человека и общества. В целом прослеживается такая тенденция: чем более специализировано подразделение и чем более рационализирован его быт и трудовой процесс, и чем шире поле самовыражения личности, тем более здоровые отношения складываются на данном участке армейского «ландшафта». И тем меньше он напоминает унылый пейзаж экстремальных групп, тем слабее потребность оживлять его манипуляциями с вещами и телами в попытке освоить это казенное пространство и ускользающее от измерения время.

ТРУД И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В АРМИИ

Труд. — Деньги. — «Работоторговля».

Труд

Труд в армии является не столько средством жизнеобеспечения и поддержания боеготовности, сколько средством социального контроля, т. е. репрессивным институтом. Репрессивное значение армейскому труду придает заложенный в нем принцип абсурда. Данное положение отражено в армейском фольклоре: «В армии все круглое носят, все квадратное катают» и т. п.

Разумеется, труд в армии бывает как рациональный, так и иррациональный. Причем первый имеет тенденцию превращаться во второй. Сам фактор иррациональности труда используется как средство поддержания доминантной социальной структуры, запечатленные фразеологизмами типа «драить очко» (чистка унитазов) или «упал на взлетку» (мытьё пола в коридоре). Рациональный же труд — это рутинная работа по жизнеобеспечению воинских формирований, поглощающая время службы и усилия военнослужащих, но не имеющая ничего общего с военным искусством, ради которого человек формально находится в армии. Это пресловутые покраски тумбочек, строительство казарм и коровников, работа в приусадебных хозяйствах, постоянный уход за всеми без исключения поверхностями в казармах (стен, мебели, полов, потолков) и т. д. и т. п. В целом этот вид труда рационально оправдан, хотя постоянно используется в качестве средства социального контроля (пресловутое «занять личный состав»).

Существование солдата, занимающегося преимущественно хозяйственной рутинной, становится иррациональным, поскольку не понятно, для чего он служит в армии: для обеспечения безопасности государства или для хозяйственного обеспечения самой армии? Мысли и переживания по этому поводу неоднократно высказывали наши информанты.

Ни репрессивный, ни рациональный труд здесь не соответствует потребности личности в самореализации. Другое дело — труд «внеуставной», для которого командиры привлекают солдат, используя вполне конкретные стимулы. Почему-то счи-

тается, что труд солдата, выполняющего рутинную работу на плацу, никак не должен стимулироваться, а труд работающего на благо конкретного частного лица должен поощряться (даже если это поощрение не в виде материального эквивалента, а в виде поблажек на службе). Видимо, так считается потому, что первый вид труда представляется как бы правильным и официальным, имеющим воспитательную функцию, а второй — неправильным и неофициальным, так как обусловлен персональной заинтересованностью начальника.

Поскольку никакой труд сам по себе не воспитывает, а воспитывает только та деятельность, которая имеет для человека смысл (Асмолов, 1996: 422), становится ясно, какой из двух видов труда воспитывает на самом деле — официальный репрессивный или теневой стимулированный. «Работа может быть безразлична человеку <...> такая работа не только не воспитывает, а является суррогатом, приводит к очень вредным последствиям» (Асмолов, 1996: 422).

Фольклорный пласт сознания чутко реагирует на негативные аспекты реальности. Анекдоты-былины про подметание плаца ломом и покраску жухлой травы зеленой краской давно переросли границы жанра и превратились в национальные афоризмы. По сути, в фольклоризации реальности проявляет себя один из фундаментальных принципов культуры адаптации сознания к реальности путем выведения ее образа в семиотической перспективе. Посредством фольклора, тем более юмористического, сознание дистанцируется от всего дискомфортного на расстоянии семиотической проекции. Преобразование реальности в художественный текст делает ее не страшной, «комфортной».

Репрессивный труд, естественно, не может формировать у человека позитивные мотивации. Поскольку труд целиком направлен на механистическое оформление пространства, то подавление личности начинается с самой пространственной геометрии. Эстетика каразмы и этика труда сливаются в единой нерасчлененности репрессивного акта.

«Грязи и произволу в отношении людей видимым образом противостоят чистота и порядок в отношении вещей. Поверхности, которые окрашены, побелены, покрыты плиткой или пленкой, выровнены по приказу непосредственного начальства и его вкусу, подлежат непрерывному уходу. Уборка имеет ха-

Распределение обязанностей согласно сроку службы.

рактир ритуала и репрессии разом. Уборка есть не действие в свете ценности универсальной чистоты, но соображение “местных” норм и специально выдуманных правил. Скажем, в одной часть от моющих (а это всегда “молодые”) требуют: мыльная пена должна быть по колени. В других наоборот, мыть в порядке наказания заставляют мылом, которое специально сварено, чтобы не мылилось. Не менее тягостным является поддержание красоты. Одним из самых распространенных является ритуал заправки кровати: одеяла, полоски на них, угол простыни и многие другие элементы выравниваются по нитке, выставляются строго параллельно или строго перпендикулярно. Этот порядок и есть казарменная красота. Такова общая эстетика казармы. Но в конкретных случаях ритуал включает такие невообразимые детали, как расчесывание ворса на шерстяных одеялах в определенном направлении и такие экзотические технологии, как выравнивание складки на одеяле с помощью табуретки и тапочка. Здесь в самом деле налицо определенные принципы пространственной, пластической организации объектов. Словом, есть не мало оснований, чтобы повторять — да, в казарме есть своя эстетика, есть своя красота в строе, шеренге и т. д. и т. п.

<...> Но не забудем кардинальное отличие казарменной красоты от обычной. Последняя есть ценность, и притом универсальная, а казарменный порядок есть норма, и притом частная. То, что это так, подтверждается репрессией, наказывающей отступление от данной, придуманной в данной части декоративной формы. Более того, для первоодков обсуждаемая красота (как и чистота) оборачивается наказанием, издевательством. Солдатский фольклор отражает это так:

- *Возьми лом и подмети плац!*
- *Зачем лом, метлой же лучше мести!*
- *Мне не надо, чтобы ты подмел, надо, чтобы ты помучился.*

В уникальном документальном фильме «ДМБ-91», снятом в рядовой казарме, можно видеть, как молодых заставляют натирать до блеска натертый пол. Уборка по ночам, многократное перемывание одних и тех же мест превращает труд по уборке в пытку и каторгу. Разумеется, тем самым достигается деструкция «гражданского» или «рационального» представления о чистоте» (Левинсон, 1999).

Однако понятие «абсурд» следует применять по отношению к армии лишь как условное. Что кажется абсурдным гражданскому лицу, имеет принципиальное значение для конституирования всего армейского организма. Абсурд, или как его называют в фольклоре «армейский маразм», является инструментом конструирования социальной системы экстремальных групп.

[Из солдатских писем]

<...> *На зарядку после подъема нас не выгнали. Вместо этого мы убрали снег. Снега выпало громадное количество. На плацу, на крышах, на деревьях лежал тридцатисантиметровый слой «ваты». Было не холодно. Снег был мокрым и тяжелым. Вместо лопат нам выдали фанерки, картонки и доски. Счастливики получили четыре штыковых лопаты. Наш сержант выругался: «Вот чмошные фанерки, такими только и работать!»*

— *А что, разве в части нет снегоуборочной машины, — кто-то спросил из темноты.*

— *Брата-а-ан! — протянул насмешливо Феликсов, вытянув губы. — Какая машина! Обычных лопат-то...*

Вот мы и гребли эту мокроту полками, стендами и дверцами от шкафов. Ноги скользили, тонюсенькие фанерки ломались, а

доски набухали и становились неподъемными. Да, еще, ну что такое кирзовые сапоги?! Через час они были уже вдрызг мокрые. Технология уборки была крайне проста и примитивна. Разбегаешься, толкаешь перед собой доску и врезаешься в кучу снега, пролетаешь несколько метров вперед, и доска натывается на трещину в асфальте, и ты лежишь в сугроб.

Вот сегодня, например, убирали снег. Капитан нам говорил: «Такого не было 50 лет, в Самарканде объявлено стихийное бедствие!» А нам-то от этого не легче. Портянки мокрые, снег гребем тяжелыми плитами ДСП и хрупкой фанеркой. Одно и то же место в день убираем по три раза. Ну, какое там удовольствие, был бы хоть инструмент хороший. Я все вспоминаю, как я чистил дорожки у Федоровых на даче! <...>

(Из архива И. А. Климова)

Для добросовестной службы в рамках устава у рядовых-срочников стимулов нет. Стимулами является все, что связано с прекращением службы «дембелем». Контекст дембеля — это контекст мотивированности и заинтересованности солдата. Поэтому если командиру части важно, чтобы некий объект был построен быстро и качественно, то этот объект поручат строить дембелям. Это называется «дембельский аккорд» — разрядки на глобальные и наиболее важные в масштабах части работы. Суть «аккорда» проста — пока не сделаете, не уволитесь.

«Дембельские аккорды» — почти всегда работа по строительству новой недвижимости — казарм, автомобильных боксов, каменных заборов, коровников, конюшен и т. п. Трудно сказать, какой процент в бюджете армии покрывают эти работы. Наблюдая их масштабы, когда каждые полгода бесплатно и ударными темпами воздвигаются новые постройки и ремонтируются старые, думается, что не малый.

В условиях дефицита и неравномерного распределения армейского бюджета госпиталя и санчасти так же вынуждены эксплуатировать труд больных либо заинтересовывая, либо принуждая. В конце 1980-х годов я два раза лечился в прекрасном Кишиневском госпитале, и каждый раз, пытаясь продлить это удовольствие, устраивался там на работу. Надо сказать, работа была не трудной, и никто никого не принуждал ее выполнять, — напротив, надо было приложить усилия, чтобы устроиться в

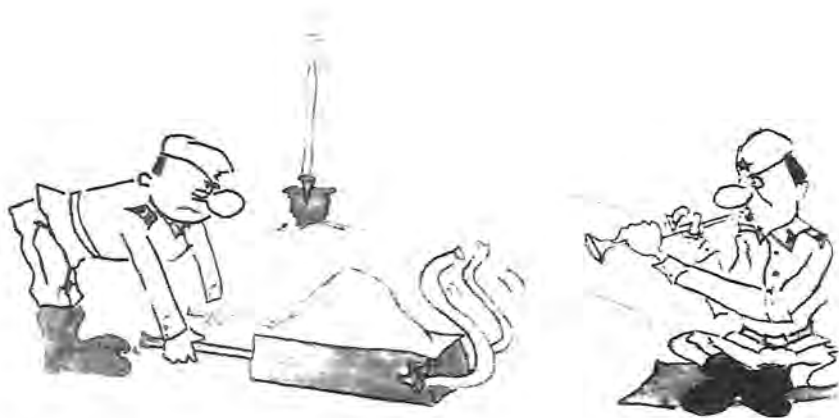
рабочую команду. В первый раз это была работа лаборанта в биохимической лаборатории, где приходилось мыть пробирки, а во второй раз удалось попасть в тайную бригаду каменщиков, созданную из солдат стройбата. Они якобы страдали от каких-то страшных болезней и поэтому лежали в госпитале месяцами, до тех пор, пока не подойдет срок, после которого их следовало направлять на комиссование. Тогда их на неделю выписывали в часть, где им «вдруг» становилось хуже, и они возвращались обратно, строить новый лечебный корпус из камней старых румынских конюшен.

Казалось бы, какая солдату разница, где работать — в госпитале или в собственной части. Выгода, тем не менее, очевидна. Она определяется отличием конструктивного труда, пускай бесплатного, от труда репрессивного, организованного как средство социального подавления.

Разумеется, практика дембельских аккордов противозаконна. В разгар «перестройки» с ней пытались официально бороться, но это ни к чему не привело. Командир части может любой комиссии сказать то, что приходилось неоднократно слышать автору данной работы: «А их никто не заставляет. Просто солдаты, уходя, рады сделать этот подарок родной части, где они были так счастливы!» Это, разумеется, цинизм, но цинизм не конкретного командира. Это цинизм системы. Юноши, одетые в х/б б/у, получающие жалование 15 руб. в месяц, строящие и подновляющие для себя бараки, обслуживают и несут материальную ответственность за системы, стоимость которых исчисляется миллиардами. В результате воинские части получают новые казармы (или — автомобильные боксы, заборы, коровники, свинарники и т. д.), неуставные отношения — официальную санкцию, а общество — дедовщину как стратегию выживания.

Деньги

Весна и осень в любой воинской части — это время всеобщего ожидания новых духов. Молодые бойцы (прослужившие полгода) ждут их как младших напарников для того, чтобы возложить на них часть своих обязанностей; деды же ждут их из патриархального любопытства, акцентируя общесоциальный

Вполне адекватное выражение солдата своего отношения к подневольному труду составляет сюжетный канон рисунков дембельских альбомов. Из архива Д. Л. Зубовича.

дискурс своего ожидания: дескать, «и кто же нас заменит». Офицеры (особенно старшие) также ждут молодое пополнение, стараясь отобрать в свое подразделение наиболее доброкачественные «экземпляры». При этом все, обладающие хоть какой-нибудь властью, видят в духах возможность поправить свое материальное положение. Но о материальной стороне общения с «карантином» вслух говорить не принято.

Прапорщик Николай считался в своей воинской части лучшим специалистом по качественной доставке молодого пополнения со сборных пунктов разных городов страны в свою часть. Начальство его за это ценило и постоянно, два раза в год, посылало в такие командировки. Николай в своей компании рассказывал об уловках, к которым он прибегал, чтобы выкачать побольше денег из новобранцев.

«Подписная кампания»

В поезде, незадолго до прибытия, прапорщик начинает проводить компанию за подписку на газеты и журналы. Якобы,

когда призывники приедут, чтобы они имели подписные издания. Это заведомая ложь, поскольку новобранцев потом разбрасывают по разным подразделениям. Кроме того, подписка уже и так давно оформлена теми, кто служит, и/или уволился. При этом выписывался на год стандартный набор газет: «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и «Красная звезда». Истинная стоимость подписки на два порядка меньше тех денег, которые собирали,¹ но посчитать никому в голову не приходило. В ротах подобные поборы осуществлялись на демонстративно «добровольной» основе. Замполит выступал с длинной речью о том, что «те, кому дороги его семь рублей, конечно же могут их не сдавать». На языке толпы это звучит так: «Те козлы, которые хотят зажать свои жалкие семь рублей, пусть их зажмут, за них товарищи заплатят этот сбор. А то они еще, чего доброго, застучат». Манипуляторы эксплуатируют корпоративную этику.

«Выкуп военного билета»

В случае, если кто-то из новобранцев в пути про штрафится, нарушители порядка могут быть поставлены в положение, когда им придется выкупать свои военные билеты. Сопровождающий здесь якобы не причем, он просто «договаривается» с мифическим комендантом, который возвращает конфискованный документ за деньги.

«Взятка»

Прапорщик опытным взглядом вычисляет в группе новобранцев лидеров, и как бы в доверительной беседе сообщает, что есть возможность устроить надежных ребят на службу в хорошее место (в санчасть, хоз. взвод, столовую), и просит подобрать кандидатов. Естественно, услуга не бесплатна, причем все кандидаты платят (речь шла о 50 советских рублей), «конечно же, не ему», а тому, кто этим распределением заведует. Потребовать деньги назад в такой ситуации просто невозможно хотя бы потому, что команду новобранцев еще не раз могут передать с рук на руки, переформировать, раскидать по разным подразделениям и т. п.

¹ В нашей учебной роте деньги на подписку собирали дважды — перед новым годом и перед выпуском (сто человек сдавало по семь советских рублей).

«Сбор натурой»

Это наиболее безопасная для сборщика и благовидная форма поборов. «Сбор натурой» состоял в следующем. Когда запасы спиртного у новобранцев кончались, это не ускользало от взгляда сопровождающего прапорщика. На подходящей станции он вдруг всех отпускал «погулять», зная цель таких прогулок. При входе же в вагон устраивал обыск каждого, и все изымал. Так он собирал несколько ящиков водки, которые по прибытию в часть передавал вышестоящему начальству.

«Подарки»

Подарки дарятся младшими старшим на дни рождения, на дембель, к очередному приказу и т. п. — в зависимости от местных традиций. Допустим, во взводе учебной части два сержанта — старший и младший. Младший отводит в сторону одного из лидеров-активистов и доверительно сообщает, что, дескать, у старшего скоро день рождения, не хотят ли ребята скинуться на подарок и преподнести «обожаемому» «старшому» «сюрприз»? Эти трюки проходят запросто у прирожденных манипуляторов. Они так и обращаются — «ребята». Услышать нечто человеческое от «зверя»-сержанта, да и сама возможность неофициального контакта воспринимаются как благо, и тот, кто посмеет «зажать» свое денежное довольствие, покрывается в глазах общества презрением и порицанием, не столько за жадность, сколько за нарушение этой межсоциальной гармонии. Если допустить такую возможность, то сержант тут же обижается, говорит: «Мне от вас ничего не надо» и начинает «жить по уставу», т. е. проводить репрессии всеми «доступными методами».

«Сборы на цветы»

Командир роты объявляет о необходимости украсить спальное расположение. Рота (больше ста человек) сдает по пять рублей. Покупаются 20–30 горшков, стоимостью не более 0,5 руб. каждый, и казарма преобразуется, но никто не задумывается, что на собранные деньги можно было бы купить целую оранжерею. Через некоторое время цветы при соответствующем уходе засыхали, и все повторялось сначала.

«Сборы на однообразные туалетные принадлежности»

Те зубные щетки и бритвы, с которыми приехал каждый, объявляются «нелегитимными», потому что они разные. Армейская эстетика требует единообразия. На этом требовании сержант может немного заработать. В преддверии «смотра тумбочек» солдаты сдают по 5 руб. Сержант на них покупает каждому бритвенный пластмассовый станок (70 коп.), набор лезвий «Нева» (1 руб.), зубную щетку и пасту (1 руб.). По 1 руб. 30 коп. с человека (умножаем на 30) оставляют себе, в качестве «сервисного сбора».

Таким образом, за полгода пребывания в учебке курсанты получали свое денежное пособие целиком один или два раза. Каждый раз в день полочки с них собирали по 3–5 рублей на какую-нибудь необходимость, выдуманную как повод собрать деньги. При этом на денежные переводы из дома в то время никто откровенно не посягал. Другое дело посылки. Распределение натурального продукта имеет семиотику социально-пищевой коммуникации (потлача), включающую его владельца в систему взаимных обязательств. Все, что приходит из дома, делится на 20–30 человек: эти «кусочки свободы» этично поедать сообща. Впрочем, и с тем, и с другим положение в каждой части разное.

[Из солдатских писем]

С деньгами и посылками тут дохлый номер. Все равно узнают и отнимут. Письма и переводы тоже получают деды.

Мама, вышлите мне переводом, если сможете, 30 тысяч. Меня здесь подставили. Дембель дал постирать новую тельняшку, я ему постирал и повесил на вешалке сушить в сушилку, а когда потом кинулись, то в сушилке висела тельняшка какая-то старая, потрепанная. Теперь требуют новую тельняшку или 30 тысяч рублей [неденонимированных уже постсоветских рублей. — Прим. К. Б.]. <...> Мама, меня здесь не жалуют, не только дембеля, но и свои ребята. Недавно 8 человек били в туалете при всех дембелях. За то, что не умею воровать как они, («рожать» называется). За то, что у меня нет денег, и я не могу их достать. не покупаю дембелям сигареты. <...>

(«Армия рабов» // www...)

Коррупцированность в армии начинается с порога военкомата. Купить «белый билет» можно было всегда, поскольку с временами меняются не принципы, меняется валюта. Вот, к примеру, выдержка из письма Д. Кожедубова, писавшего мне в армию в 1988 г. В числе городских новостей сообщается, что работник одного из новосибирских военкоматов, некто прапорщик Балашков (фамилия изменена), арестован за взятки.

[Из солдатских писем]

<...> И еще одно событие, которое, по-моему, заслуживает внимание. О нем нам поведал товарищ майор в связи с гласностью в нашей стране. Может быть, помнишь старшего прапорщика Балашкова? Так вот, недавно его арестовала военная комендатура за взятки. Ну, вот и все новости. <...>

(Архив автора // Из переписки с Д. Кожедубовым)

Я же накануне призыва и сам слышал, что если договориться с данным прапорщиком, то стоимость «белого билета» тогда, в конце 1980-х годов, могла составить ящик армянского коньяка. Несметное по тем временам богатство. Впрочем, трудно поверить, что прапорщик, хотя бы и старший, мог самостоятельно решать вопросы отсрочек и «белых билетов». Он был лишь начальным звеном целой системы, которая в случае опасности смогла с ним легко расстаться.

Сегодня под воздействием все повышающегося спроса торговли «белыми билетами» и отсрочками развивается более динамично. В обществе существует объективная потребность в добровольном комплектовании армии, и если государство не желает решать эту проблему, то это не значит, что ее некому решить за него.

Коррупция, с точки зрения теории права, феномен виртуальный. Причина коррупции — в негибкости макроструктуры, неуспевающей подстраиваться под объективные потребности субъектов административно-правовых отношений. Коррупция исчезает вместе с легализацией сделки. Например, в Турции призывник может заплатить государству, и срок его службы будет официально значительно сокращен. В России можно и вовсе откупиться, только деньги идут не государству, а частным лицам. Если бы они шли государству, то по оценкам экспертов их бы хватило на создание профессиональной армии (Ходорыч, 2002: 23–30).

«Работорговля»

Последнее время в прессе появилось множество материалов, «уличающих» армию в «не целевой» эксплуатации труда солдат. При этом самих солдат редко спрашивают, хорошо ли им от этого или плохо.

Надо сказать, что использование солдат в качестве «рабов» на армейских и околоармейских плантациях во всю осуществлялось и в Советской Армии. Как правило, солдату такая «левая» работа в радость. Не потому, что его эксплуатировали меньше, чем в части, а потому, что это вносило разнообразие в его монотонный быт. Вакансии рынка армейской «работоторговли» разнообразны — от банального грузчика до «бэбиситтера», присматривающего за офицерскими детьми. Первый раз я столкнулся с этим еще в учебной воинской части, в 1987 г. Командир нашего взвода, когда ему нужно было отлучиться в город вместе с женой, приглашал к себе своего посыльного сидеть с ребенком. Жена солдатика кормила и, естественно, такая услуга могла восприниматься замордованными сослуживцами не иначе как большая удача и на этого посыльного смотрели как на богом избранного.

Все знакомые мне солдаты и я сам на протяжении всей службы постоянно привлекались на разные «левые» работы, которые нами воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Приходилось делать разное: то перевозить мебель генерала из одной квартиры в другую, то красить веранды в детском саду, где работала жена комбата, то пилить доски на какой-то сомнительной пилораме, то разгружать уголь, цемент, сахар, муку и т. п. Это практиковалось и практикуется повсеместно, во всех частях и подразделениях. Даже заключенные гарнизонной гауптвахты продавались для работы на фермах и частных предприятиях.

На «левую» стройку можно попасть не только с гауптвахты, но и из госпиталя. В разных госпиталях с солдатами обращаются по-разному: где-то хуже, где-то лучше, есть госпиталя очень хорошие и даже элитные. Как правило, в госпитале солдату живется лучше, чем в части, и в хорошем госпитале больные стараются задержаться подольше, благо время болезни не увеличивает общий срок службы, как время, проведенное на гауптвахте. Однако просто так никого задерживать в госпита-

ле не будут, тем более, когда вокруг столько финансовых проблем. Поэтому в конце 1980-х годов, как это было описано выше, стационарная медицина в отдельных гарнизонах предлагала своим подневольным пациентам такой договор: мы вас «лечим» максимально долго (месяц, два, три), а вы на нас работаете.

Впрочем, есть и другие сведения, согласно которым с больными солдатам в некоторых госпиталях обращаются хуже, чем со скотом:

[Из солдатских писем]

<...> Я ваших писем жду как обеда. Я, наверное, вам писал, что лежал в госпитале. В КВО, кожно-венерическом отделении с чесоткой. Я ее просто сразу не увидел, а потом уже просто загнил. Теперь вот остались следы, синие пятна. Меня там сразу положили в изолятор с двумя больными сифилисом, еще пацаны лежали с экземой. Короче, полный атас. Лежал две недели, но до конца так и не вылечился. Нас, пока мы там лечились, направляли на работу к осетинам. Вкалывали, как на каторге, строили трехэтажные коттеджи. <...>

(«Армия рабов» // www...)

<...> Я когда в госпиталь попал, у меня чесотка в запущенной форме была, в паху воспалились лимфоузлы (меня в госпиталь дня 4 увозили, все завтра да завтра, вот и начал гнить). Но никакого лечения не было, да еще военный билет куда-то потеряли. В госпитале творится просто кошмар. Я там в первый раз увидел как гниют люди. А нас еще гоняли на работу. Завезут к какому-нибудь чурке и работаешь. Замес мешаешь или кирпичи таскаешь. Наступит время обеда, отвезут, поели, поехали опять. За день наработаешься так, что руки не поднимаются. Я один раз с пацаном поднял ванну с песком, у меня аж в спине хрустнуло. Я хочу служить, но не в такой армии. Вы не думайте, что я кошу или дуркую, но я больше не могу получать от этих дебилов. <...>

(«Армия рабов» // www...)

Ситуация, описанная в цитируемых выше письмах, показательна тем, что организаторы теневого труда больных не использовали ресурс позитивных стимулов и предпочли принуждение. Однако для госпиталей это, в общем, не характерно,

поскольку если солдата будут эксплуатировать сверх всякой меры, он всегда может вернуться в часть, не долечившись.

«Левые» работы, на которые направляются солдаты, в большинстве случаев воспринимаются ими как облегчение. Все-таки это, хотя и бесплатное, но осмысленное и рациональное действие. Представьте: или вы «отрабатываете нормативы», «занимаетесь строевой (химической, инженерной — бог весть какой еще) подготовкой», красите траву, подметаete ломом плац, или вы тоже что-то красите, но уже не траву, а те же веранды на детской площадке, смотрите на девчонок не через забор и просто радуетесь перемене мест. Не сказать, что это неоплачиваемый труд. Он оплачивается бесценной валютой — глотком свободы и смысла жизни.

Начальник, который посылает вас на «левые» работы, рискует, и это еще один фактор деформализации отношений командного и рядового состава. Это переводит механические отношения формальной субординации в естественно патриархальные: младшие должны помогать старшим.

Офицерам бывает жизненно необходима помощь солдат, как тем от них необходимы человеческие отношения, которые устав исключает по определению. Но, как правило, механизация отношений не бывает абсолютной, потому что уставной порядок нежизнеспособен за отсутствием в его основе не только стимулов деятельности, но и стимулов межличностного общения. Единственный стимул — отступление от устава, которым командиры поощряют подчиненных и которым рассчитываются как твердой валютой за эксплуатацию их рабочей силы. А такие отступления — это всегда перевод статусных отношений в личностные; рядовому платят признанием его индивидуальности.

Эта договорная система «затыкает дыры» не только в психологии, но и в бюджете армии, некогда — Советской, богатой и разворовывающейся, сейчас — Российской, бедной и разворованной. Часто в безвыходных ситуациях командиры просто вынуждены использовать не по назначению труд солдат.

Во время обкатки машин ЗиЛ-131, поступивших в наше подразделение, два водителя перевернулись. Восстановление машин велось своими силами. С кем-то договорились на автобазе, с кем-то на свалке списанных ЗиЛов. Каждый день нас, связистов, приводили

к проходной, мы проникали на автобазу с ключами и отвертками и снимали со списанных машин все, что можно было снять. Вечером командиры и водители осматривали нашу добычу и отбирали пригодные детали. Нам была дана инструкция — если на проходной поймут за выносом деталей, ни в коем случае не признаваться, что в этом организовано участвует все подразделение. Нужно «косить под дурака» и говорить, что это мы «так, от нечего делать, извините, больше не будем», дескать, с солдата, в отличие от майора, какой спрос. Однажды одного из нас поймали выносящим лобовое стекло от ЗиЛа и вызвали командира. Командир театрально гневался и топал ногами. Обещал охране автобазы «сгноить это чмо», охрана прослезилась и отпустила всех вместе со стеклом. В результате машины были успешно восстановлены.

(ПМА, Кишинев, 1989 г.)

Исполненные военной романтикой молодые люди, настроенные на настоящую службу, тяготятся как далекой от нее по смыслу работой, так и иррациональной организацией армейской повседневности.

Летом 1999 года я посетил заставы монгольско-российской границы. Пограничные части находят внутренние ресурсы на то, чтобы своими силами строить новые заставы. Механизм самодостаточности армии, запущенный в советское время, продолжает функционировать. Только солдаты-пограничники недоумевают, где же они все-таки служат, в погранвойсках или в стройбате:

- *Мы им пограничники или стройбат?*
- *Ну, вы же заставу строите, не свинарник.*
- *Я вот уже с весны здесь, все строю, строю. Хотя здесь, конечно, лучше, чем в отряде. Нет того дурдома.*

(ПМА, Кош-Агачский район, 1999 г.)

Газета «Московский комсомолец в Новосибирске» от 11–18 мая 2000 г., опубликовала заметку под названием «Рабство в солдатском мундире», в которой рассказывается о том, как майор одной из войсковых частей, расположенной в Новосибирском пригороде, продавал своему знакомому коммерсанту из Армении солдат для работы на свинарнике. Солдаты жили в отдельном доме при ферме, в части появлялись только по

необходимости и были вполне довольны жизнью. Предприниматель, на которого они работали, обращался с ними, судя по всему, не плохо. Среди солдат обычно считается за счастье попасть в такое «блатное» место.

Тем не менее, на неудачливого «работоторговца» было заведено уголовное дело. Внешне все выглядит справедливо: солдат призывают в армию овладевать воинским искусством, а не животноводством. Однако проблема оказалась не в факте нецелевой эксплуатации труда солдат, а в том, что данный частный майор посягнул на право системы произвольно распоряжаться солдатами. Не является военной тайной, что солдат Советской/Российской армии организованно и массово привлекали и привлекают на сельхозработы. Кроме того, большинство солдат всей российской армии основную часть времени занимаются поддержанием жизнеобеспечения своих частей, и лишь иногда тем, для чего их призвали на службу. Солдатский труд — основа армейской экономики.

Военная прокуратура возбудила уголовное дело против отдельного майора по факту «продажи в рабство» на ферму частного предпринимателя своих подчиненных, и в то же время она же оправдывает ту же практику, если она организована на более высоком уровне.

«Новая газета», №52 (620) от 2–8 октября 2000 г. сообщает следующее:

В 34-м номере (от 31 июля) мы писали о том, как психически больного и комиссованного из внутренних войск МВД РФ солдата, намеренно задержав в армии после увольнения в запас, послали на сельхозработы к некоему фермеру в Калачаевском районе Волгоградской области. Родители потеряли своего больного сына, забеспокоились, написали в Москву...

Мы возмущались тогда: «Солдата продали в рабство!»

И что нам из ГВП? Спокойно, рассудительно, четко: мол, так и должно быть.

«Установлено, что рядовой Швецов И. М. в группе сослуживцев привлекался для выполнения сельскохозяйственных работ, выполняемых в МУСП «Нива» Калачаевского района Волгоградской области». Но как подобное вообще стало возможным? В этом и

---

¹ ГВП — Главная военная прокуратура.

был пафос нашего вопля! «Работы осуществлялись на основе договора о взаимном сотрудничестве между войсковой частью 3642 и МУСП «Нива» (ферма), заключенного с разрешения вышестоящего командования <...> Рядовой Швецов И. М. привлекался к выполнению работ с учетом состояния его здоровья и физических возможностей». (Справка: у Ивана — шизофрения, и он был отряжен смотреть за свиным стадом фермера.)

Далее ГВП сообщила о восстановлении справедливости после вмешательства газеты: «Рядовой Швецов уволен в запас». Подпись начальника управления надзора ГВП.

Таким образом, ГВП не видит ничего экстраординарного:

- 1) в нарушении устава военной службы;
- 2) в том, что отцы-командиры отдают солдат в рабство;
- 3) в том, что комиссованный и психически больной солдат оказывается на далеком хуторе без медицинской помощи;
- 4) в том, что незаконные оседают «вышестоящим командованием».

(Солдат отдают в рабство, 2000: 2)

Цитируемый выше документ признает легитимность «нецелевого» использования солдат в качестве бесплатной рабочей силы и тем самым меняет саму конституционную сущность всеобщей воинской обязанности. В результате она уже как бы *de jure* из «священного долга гражданина» превращается в трудовую повинность.

Хозяйственная самодостаточность армии — объективный факт, и если его официально признать, то следовало бы все эти «дембельские аккорды» и им подобные работы учитывать при определении ее бюджета. Кроме того, военкомам будет что сказать тем, кто требует альтернативной службы. Дескать, господа, о чем вы говорите? Вас призывают в армию, и она вся давно альтернативна. Там у нас не убивают и разрушают, но красят, чистят, моют, строят мирные объекты и принимают роды у скотины. Такой труд не противоречит убеждениям пацифистов и улучшает карму буддистов.

Кстати, альтернатива религиозному человеку была и в советской армии. Только решение, принятое командиром части освободить человека, который по убеждениям не может держать в руках оружие и принимать присягу, было, по всей вероятности, формально противозаконным. Помнится, служил у нас паренек,

который отказался принимать присягу именно по религиозным соображениям. На него покричали-покричали, да и отправили, под завистливые взгляды товарищей, «служить» на огород. Это было самое мирное подразделение в нашей части. Даже более мирное, чем свинарник, где автор этих строк впервые перенес стресс от «организованного насилия», когда в его наряд там кастрировали кабанов.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ ИЕРАРХИИ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Социально-знаковая трансформация военной формы. — Знаковая организация пространства. — Статусная знаковость в системе питания.

Еще Аристотель в «Политике» писал: «Когда одни властвуют, другие находятся в подчинении является стремление провести различие между теми и другими в их внешнем облике, в их речах и знаках почета» (Аристотель, 1984: 98).

В армейских подразделениях все проявления жизнедеятельности направлены на воспроизводство актуальной иерархии. Воспроизводству социальной структуры подчинена знаковая трансформация всей уставной системы жизнеобеспечения. И в этом значении жизнеобеспечивающие системы реализуют себя (проявляют свой смысл и сущность) как семиотические модели. Семиотический статус вещей, составляющих основу армейского быта, повышается прямо пропорционально социальному статусу их владельца.

В экстремальных группах все факторы жизнеобеспечения — одежда, питание, пространство, даже собственное тело — знаково трансформируются в соответствии со статусными стереотипами.

Если для духа актуальна еда как таковая, в любом виде, как объем гарантированных уставом килокалорий, то для деда еда актуальна как знак его статуса, что порой заставляет его даже ограничивать свой рацион. Трансцендентный статус радикального дембеля подчеркивается его полным безразличием к пище. Дембеля предпочитают питаться, по мере возможности, не в столовой, а в чайной и за свои деньги, если таковые имеются. Если же все-таки в столовой, то не со всеми и не той пищей, что все остальные, а, например, на кухне с поваром после отбоя жарить картошку — «готовить домашнюю хавку».

Очевидно и закономерно, что система жизнеобеспечения этносов, исследованная в отечественной этнографии, полностью совпадает с системой жизнеобеспечения в армии (Культура жизнеобеспечения, 1983). Соответственно, армейские реалии логично рассматривать в этой же структуре: пища, жилище, одежда в их знаково-семиотической проекции. Именно знаковость превращает пищу в кухню, жилище — в архитектуру (в смысле

Кадр постановочный, сделан специально для украшения дембельского альбома. Обычно духи чистят сапоги дедам скрытно, то есть обувая их на собственные ноги. Из архива Дмитрия Зубовича.

Комикс из дембельского альбома на примере отдельного наиболее яркого сюжета из целого комплекса доминантных отношений, выражает весьма тривиальную мысль — у армейской чистоты и красоты есть оборотная сторона.

архитектоники пространства), одежду — в костюм. Знаковость, собственно говоря, преобразует и реальную агрессию в доминацию, с множеством ее символических эквивалентов, выводящих физическое насилие в область символов, тем самым предотвращая его или преобразуя физическое насилие в психологическое давление.

Итак, рассмотрим статусный аспект культуры жизнеобеспечения в армии, начиная с одежды.

Социально-знаковая трансформация военной формы

Каждому сроку службы, каждому социальному статусу соответствует своя степень знаковой трансформации уставной военной формы, преследующая цель обозначения и демонстрации статуса.

Знаковая трансформация одежды позволительна с начала второго года службы. Непривилегированным группам отклоняться от уставного стандарта запрещено. И духи, и молодые обязаны содержать одежду в обезличенном, не измененном виде, и носить ее так, как предписывает устав: головной убор надевается прямо, его край приходится на два пальца выше бровей. Ремень затянут так, чтобы его было невозможно перекрутить, пряжка приходится между четвертой и пятой пуговицами и т. п. Уставная одежда — знак личностно-социальной аморфности, обезличенности ее хозяина, как того и требует устав, добиваясь «единообразия» во всем — от сапог до зубных щеток.

Трансформация формы происходит в первый же день после «перевода в черпаки» или даже входит в официальную часть переходного обряда, который проводится ночью накануне подписания приказа об увольнении дембелей и объявлении о текущем призыве.

Форма, трансформированная в системе знаков социальной иерархии, становится по своей сути *костюмом*. Костюм — это одежда, выдержанная в системе смысловых значений, принятой в том или ином социуме. Как одежда является субститутутом человеческого тела, адаптируя его к физической среде, так и костюм является субститутутом человеческой личности, адаптируя ее к среде социальной, или наоборот, бросая ей вызов. Но в любом случае знаки, формирующие костюм, призваны выражать то или иное социальное отношение.

Пилотка. До «перевода в черпаки» солдату запрещается производить какие-либо манипуляции с пилоткой. После пере-

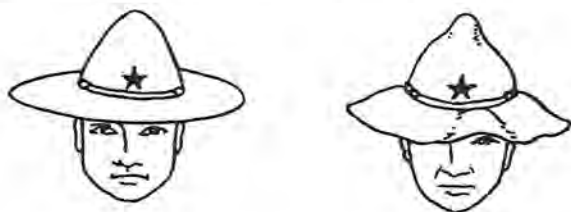
вода в первый же день (а то и в ту же ночь) неофиты отрывают дерматиновую ленту, пришитую по периметру внутренней части пилотки, разглаживают, вытягивая внешние клапаны так, чтобы они смыкались над внутренней частью. В некоторых частях

звездочка на пилотке инициированных становится знаком времени: ее поворот на 180 градусов свидетельствует о том, что ее хозяин прослужил половину срока, т. е. с течением времени ее вращают по часовой стрелке. Таким образом, у некоторых ортодоксальных дедов звездочка всегда повернута на «без четверти полночь». Пилотку, как и прочие головные уборы, уже разрешается носить лихо заломив на затылок или опустив на самые глаза. Тем дедам и черпакам, кто наиболее остро воспринимает время, свойственно надевать пилотку задом наперед или поперек головы. Так делают не всегда, поскольку это все-таки и неудобно, и некрасиво, но, как правило, в моменты применения доминантного статуса при «работе с личным составом».

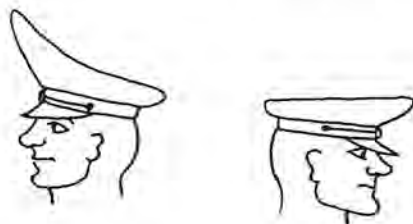
Таков же смысл и трансформации остальных головных уборов.

Панама. В жарких районах солдатам полагается панама. Знаковая оппозиция «социальная форма» — «социальная аморф-

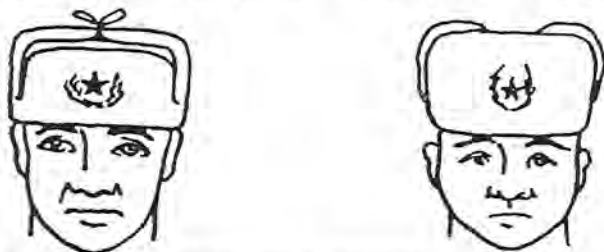
ность» отображается ее полями. Духи носят панамы с опущенными полями, у дедов поля стоят строго параллельно линии горизонта, для чего в края вставляются специальные пружины, которые можно добыть из парадной фуражки духа.

Фуражка. Парадный головной убор — фуражку — сложно как-то трансформировать в силу специфики изделия, и тем не

менее у духов она остается в неизменном виде, а у дедов тулья фуражки должна быть высокой, кокарда — выпуклой и загнутой.

Шапка-ушанка. Зимние шапки, в отличие от фуражек, легко поддаются трансформации. Их буквально парят и варят, стирают и сушат на «кирпиче» из уставов, ушивают и красят гуталином. Такие объективные условия, как климатические зоны нашей страны, вносят лишь несущественные вариации в правила оформления зимнего головного убора. Например, зима в Средней Азии отличается от зимы в Сибири гораздо сильнее, чем различаются зимние шапки дедов бывшего САВО и СибВО. В Средней Азии все клапаны шапки-ушанки сшиваются между собой, завязки продеваются внутрь шапки через пробитое в центре верхней части отверстие и связываются изнутри.

В Сибири часто приходится опускать «уши», поэтому клапаны не сшиваются, шапка не пробивается, и завязки остаются снаружи. Но поскольку невозможно допустить, чтобы у дедов и духов они завязывались одинаково, завязки у инициированных солдат должны быть выглажены утюгом и выложены поверх затылочной части шапки в форме треугольника.

Советская промышленность шила для армии неравноценные, с точки зрения неформальной эстетики, головные уборы. Так, фабрика им. Ахунбабаева шила фуражки и панамы, неприемлемые для настоящего деда, т. е. изначально аморфные: панамы с глубоким «куполom» и узкими полями, похожие на колпаки, и фуражки с низкой тульей, из-за чего в войсках их прозвали «бескозырками». Более всего отвечали требованиям социальной эстетики панамы Волгоградской фабрики головных уборов и фуражки Одесской фабрики. Они становились предметом обмена и теневых товарно-денежных отношений в вооруженных силах. Соответственно, лица, ведавшие распределением этих вещей, — каптерщики и кладовщики, облачались ау-

рой элитарности независимо от срока службы. При этом статусные знаки соблюдались обязательно: если молодому каптерщику не полагалось изгибать кокарду, то, по крайней мере, он мог игнорировать продукцию фабрики им. Ахунбабаева.

Итак, трансформированный неуставным образом головной убор — это субститут головы, переживающей свое время и место.

Нижнее белье. Нижнее белье в армии — предмет особого разговора. Наибольшей знакомостью обладает вся система его распределения и замены. Белье меняют раз в неделю во время организованной «помывки» в бане. Его получает ротный каптерщик на всю роту, и духи взводов обязаны проводить распределение согласно иерархии. Пока деды домываются, духи обязаны собрать грязное белье и обменять его в каптерке на чистое. После этого начинается сортировка. Белье дедов должно быть в идеальном порядке — соответствовать размеру, без дыр, со всеми пуговицами и резинками, не застиранное.

Официально белье делится на категории. Первая категория — новое, вторая — поношенное, третья — заштопанное, с отсутствующими пуговицами, четвертая — близкое к лохмотьям и т. д. Периодическое обновление происходит по мере списания старой массы, что зависит не от степени обветшания, а от установленной периодичности этой процедуры. Если выдали белье не первой и не второй категории, и на всех дедов качественных изделий не хватает, молодые должны бегать по каптеркам и складам и умолять каптерщиков поменять недостающие комплекты на более приемлемые. О себе они, естественно, заботятся в последнюю очередь.

Банный день для молодых бойцов связан с повышенным риском прогневить дедов. В этот день обостряется иерархия и среди духов. Каждый из них собирает вещи, соответствующие его положению в своей страте. Шкала вещей от «чистых» к «поганым» (полотенца, рубахи/майки, кальсоны/трусы, портянки) отражает универсальную трехчленную иерархию внутри нижней страты.

Привилегированные духи (те, кто активно прислуживает дедам) собирают «чистые» вещи, например, полотенца. Остальные — что придется; чмо неизменно собирают «поганые» — трусы и портянки.

Интересно, что духи безошибочно ориентируются во внутренних иерархических отношениях элиты, которые строятся на

личных качествах. Они знают, кому можно без особого риска подсунуть кальсоны с оторванной пуговицей, а кому нельзя.

Кителя и брюки. Кителя и брюки бывают полевыми и парадными. Полевые, в свою очередь, подразделяются на летние, хлопчатобумажные («х/б») и зимние, полушерстяные («п/ш»). Общий принцип трансформации — достижение максимальной четкости силуэта и знаковых элементов. И китель, и брюки ушиваются по фигуре (духи должны ходить в том, что выдали, им подгонять форму запрещено). Основные части для ушивания в кителях, как полевых, так и парадных — это их нижняя часть, а в галифе — их характерное верхнее расширение.

Уставная форма, которая шьется на фабриках, имеет силуэт песочных часов — нижняя часть кителя соответствует ширине плеч, плавно перетекая в «уши» галифе. Это визуально расширяет зад и сужает плечи, что противоречит маскулинной эстетике и поэтому подлежит устранению. Новая форма — камуфляж — имеет прямой силуэт и совсем не похожа на галифе, однако традиция заужения бедер сохраняется: современные воины, одетые в камуфляж, зашивают боковые накладные карманы.

Заглаживание складок также подчеркивает четкость силуэта. Устав требует заглаживать складки только на брюках и запрещает делать это на рукавах. Следовательно, надо поступать наоборот — заглаживать складки на рукавах в продолжение верхних срезов погон, а черепам (прослужившим год) следует выглаживать так называемую годичку — стрелку, идущую поперек спины. Чтобы стрелки держались лучше, их заглаживают, смазав предварительно изнутри клеем.

К знаковым элементам костюма относятся в первую очередь погоны, шевроны, нашивки, петлицы, металлические эмблемы, пуговицы — вся фурнитура и значки.

В погонах либо делают вставки, либо вклеивают специальные уплотняющие подкладки. Вставки — это металлические или пластиковые пластины. Подкладки делаются различными способами, в зависимости от возможностей. Вот один из них: по размеру погона из пакета из-под молока нарезаются полоски. Молочные пакеты используются потому, что бумага в них имеет полиэтиленовую основу, и когда их слоями проглаживают утюгом, полиэтилен плавится и склеивается с тканью погона.

Пока погон не остыл, ему при желании можно придать выгнутую форму, прижав продольно к поверхности бутылки,

или же оставить плоским. В тех местах, где молоко в пакетах не продается, ту же операцию проделывают с тканью, переложенной послойно полиэтиленом, или используют клей ПВА.

Так поступают и с шевронами, петлицами и всякого рода нашивками. Металлическим эмблемам придается выпуклая, закругленная полусферическая форма.

Промышленность выпускала различную по качеству фурнитуру для солдатской и офицерской формы. Последняя отличается более тонким рельефом и большей аккуратностью изготовления, поэтому солдаты стараются использовать офицерскую фурнитуру: пуговицы, эмблемы рода войск, кокарды и пр.

Новая форма одежды включает большее количество шевронов, но в условиях общего недофинансирования армии солдатам могут их не выдавать. Эта проблема тут же переходит в область неуставных правил — черепа и дембеля расширяют свой камуфляж всеми возможными нашивками — это и эмблемы родов войск, и эмблемы группы крови, и общearмейская символика. Все это покупается на собственные деньги. Духам эти знаки, хотя и положенные по уставу, «не положены по сроку службы».

Функцию календаря-циферблата, кроме звезды на пилотке, могут выполнять и значки. В некоторых воинских частях по часовой стрелке вращают «бегунок» — знак «Воин-спортсмен». Если значок перевернут и человечек на нем «бежит» вверх ногами — солдат «пробежал» половину дистанции, если «бежит» вниз — срок службы близок к завершению.

Особенно важный знак — подворотничок, который регулярно обновляют. Уставной подворотничок представляет собой двойную полоску белой ткани шириной 1,5–2 см. Души его при загрязнении стирают, каждый вечер обновляют и пришивают белыми нитками.

«Пожилому» воину полагается нечто противоположное. Воротник заглаживается и подшивается как «стойка». Для этого

Подворотнички кителей — это важные маркеры солдатских неформальных статусов. Их ежедневное обновление является регулярным символическим обновлением социальной структуры.

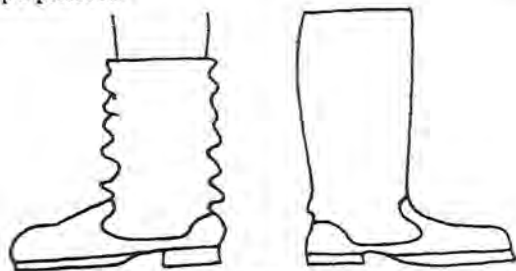
подворотничок изготавливают из обширного, многократно свернутого в одну полосу куска ткани. Ширина такого подворотничка в среднем около 7–10 см, толщина — 5 мм. На это изделие уходит до 1 м ткани. Пришивают его черными, красными, зелеными и т. п. нитками. Прослужившие год черпаки вышивают на концах один зигзаг, деды — два зигзага. С началом «стодневки» каждый день на нем вышивают новую цифру, означающую количество дней, оставшихся до приказа об увольнении в запас. В дисциплинарных батальонах на белом подворотничке черными нитками вышивается паутина.

Ортодоксальному деду стирать подворотнички не приличествует («западло»), ткань для них каждый раз должна быть новой, и поэтому приобретается в магазине метрами. Можно экономить и рвать на «подшиву» простыни.

Крючок воротника должен быть всегда расстегнут. Соответственно у тех, кому это «не положено» — всегда застегнут.

Обувь. Сапоги деда отличаются исключительной начищенностью и гармошкой голенища, или наоборот, — его идеальной гладкостью. Верхом совершенства считаются хромовые или яловые сапоги. У «настоящих» сапог обтачивается по всему краю подошва, голенище ушивается. Наращиваются каблуки, к ним прикручиваются подковы, которые за умеренное вознаграждение изготавливают из токарных победитовых резцов умельцы ремонтной роты. «Гармошку» на кирзовых сапогах сделать сложно, но возможно, «проплющив» места предполагаемых сгибов плоскогубцами. Зеркальный блеск достигается путем многократного проглаживания горячим утюгом на поверхности сапога смеси качественного сапожного крема (простой гуталин не годится) с парафином.

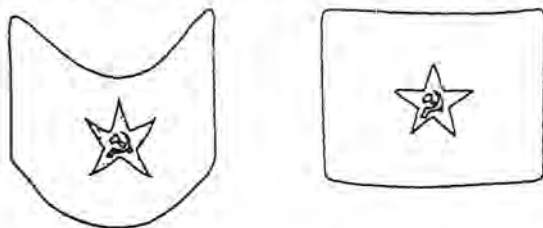
Состоятельные деды могут сшить сапоги на заказ или перешить их в сапожной мастерской. Те же самые меры по облагораживанию обуви применяются и к ботинкам со шнуровкой. При этом шнурки проглаживают утюгом.

Шинель. Удобство и мобильность — не самые главные достоинства этого вида зимней верхней одежды. Хорошая шинель хороша на параде, но не на полигоне, поэтому в повседневной жизни ее постепенно вытесняет бушлат. Но на ее знаковую функцию это не влияет.

Шинель ушивают по бокам, зашивают складку на спине, пришивают хлястик. Пуговицы у солдатской шинели изначально декоративны, поскольку она застегивается на крючки. Чтобы ряд пуговиц выглядел красиво, их не пришивают, а закрепляют с помощью мелких гвоздей, которые вставляют в ушко пуговицы с внутренней стороны. Особым шармом считаются шинели с видимыми отклонениями по длине — слишком длинные или слишком короткие, по цвету — чересчур темные или светлые, и в степени «лохматости». «Лохматая» шинель — торжество

сюрреализма в армейской эстетике, предмет самовыражения ее владельца, над которым даже не смеются. Этот архетип боярской шубы изготавливается путем расчесывания шинельного сукна слесарной железной щеткой, которой в заводских цехах очищают от металлических стружек станки.

Ремень. Поясной ремень — ключ всей знаковой системы в одежде. Устав предписывает солдатам срочной службы ремни из плотного дерматина. Кожаные ремни промышленность выпускала для курсантов военных училищ. Внешне они мало чем различаются и, казалось бы, какая начальству разница, какой на солдате ремень — полученный на складе или купленный в магазине. Однако это далеко не так. Разница, как считают командиры, существенная, и они совершенно правы.

Кожаный ремень — максима в системе символов. Во-первых, это инструмент инициации и наказания, во-вторых, это овестьественная коллективная память данного подразделения, поскольку он находится в его коллективной собственности (дед отдает своему духу этот ремень при его посвящении, а себе на дембель покупает новый), в-третьих, ремень как субститут жизненных сил его владельца воспроизводит физическую модель времени, исчислением которого детерминирован процесс социального воплощения вчерашнего духа, как переход из «ничто» в «нечто».

Ремень в армии не просто служит календарем — предметом, на котором отмечают пройденные месяцы службы, — но пространственной моделью временной протяженности,¹ выступаю-

¹ О пространственной детерминации измерения временного, говорит язык: глаголы движения физических тел употребляются для измерения времени — «времени *пройденного*». В этом нам видится частное проявление того закона, на который указывал Ю. М. Лотман: «Всякое существование возможно в рамках пространственной конкретности».

щей субститутом и жизненного пути и жизненной силы перепоясанного им тела.

Бляха ремня инициированного воина должна быть выгнутой до полусферы, отшлифованной до зеркального блеска. Очертания звезды на ней стачиваются и округляются, края бляхи в процессе ее округления и шлифовки оттачивают так, что ей, при желании, можно открыть консервную банку. Скоба на противоположном конце, при помощи которой ремень застегивается, убирается — вместо нее либо вставляется дуга из толстой проволоки, либо на конце вырезается петля.

Семантика пояса — это связь, непрерывность, протяженность. Семантика бляхи, имеющей вид сверкающей сферы — целостность, замкнутость, абсолютность. Дембельская бляха — символ поистине солярный, который в контексте семантики пояса воспроизводит архетипическую модель, аналогично ритуальным артефактам многих древнейших культур. Например, сочетание сферы и линейной протяженности в солярном символе характерно для айнов; та же семиотика запечатлена сосудами японских неолитических культур Дзёмон; священное зеркало — одна из реликвий и субститутов жизненных сил японского императора, имеет семантическое значение свернутого в спираль небесного змея; аналогичную семантику имеют сферические зеркала сибирских шаманов.

На мысль о семиотическом тождестве солдатского ремня ритуальным артефактам также наводит статусный стиль его ношения на половом органе и ассоциация полового члена космическому телу в коллективном бессознательном экстремальных групп. Здесь стоит придать значение свидетельствам Игоря Губермана, согласно которым инородные тела, вживляемые в головку полового члена высокоранговыми заключенными, назывались не иначе, как «спутник» — по ассоциации с искусственными спутниками Земли (Губерман, 1991).

Как узловой элемент целой знаковой системы пояс обозначает пространственно-временную протяженность, тождественную единице измерения времени существования и его пространственной конкретизации. Во всех традиционных культурах пояс имеет именно это значение. Символическое повязывание пояса в разных культурах выступало как часть ритуала инициации. Образ пояса в культуре многих народов непосредственно соотносится с архетипом жизненных сил человека,

служит знаком его социальной принадлежности, личного достоинства.

Пояс предельно ясно воспроизводит архетип жизненных сил в конкретном символе. Понимание жизни, как сущности и осуществления, а также, как пространственно-временной протяженности выражено порядком архетипических образов, к которому в мифологиях относится пояс, нить, трава, веревка, змея, волосы и т. п. Все это — символы протяженности, нуждающиеся в конкретизации и структурировании: завязывании, сворачивании, расчленении, причисывании. В свою очередь, протяженность сама является символом некоего потенциала, нуждающегося в реализации, как сущности, нуждающейся в осуществлении. Все эти символы и категории участвуют в построении космогонических, антропогенных и социогенных сюжетов.

Тождество социально-знаковой функции ремня в армии и в традиционных обществах говорит о том, что мы имеем дело с архетипами коллективного бессознательного, данными в семиотике конкретных элементов материальной культуры.

Знаковая организация пространства

Основная проблема социального обеспечения и, следовательно, морального климата армии — это конфликт личности и пространства. Пространство создают вещи. Вещь в культуре социальна, поскольку запечатляет информацию о своем хозяине, которую ретранслирует в общество, и общество воспринимает эту информацию как своего рода эманацию. Так, посредством вещи человек реализуется как субъект социального и физического пространства: он оформляет *свою* территорию, завоевывает *себе* пространство, помещая в него *свою* вещь.

В армии пространственная экспансия личности по определению сопряжена с нарушением устава, поскольку устав лишает человека права на пространственную автономию. Этика устава предполагает отказ от собственности на вещи, а эстетика — их полное единообразие и строгий геометрический порядок.

Жилое пространство казармы не оставляет человеку ни малейшей возможности для самовыражения. В этом и состоит ее социальная направленность: лишить личность лица, насильст-

венно вписав ее в это пространственно детерминированное единообразие, научить ее не чувствовать и самой потребности в самореализации. Здесь говорят: «казарма дисциплинирует», и любое проявление воли называют «бардаком».

Минимум личного пространства, ограниченного койкой и половиной тумбочки, включает строго регламентированный набор вещей, которые солдатам разрешается иметь. Даже средства личной гигиены — зубные щетки, пасты и т. п. — старшины периодически закупают централизованно, чтобы порадовать начальственный глаз при смотре тумбочек геометрическим единообразием их содержимого. Устав допускает, что у солдата может быть некий набор вещей, например, фотоаппарат, но это все должно храниться в каптерке, под замком. Такими вещами разрешается пользоваться только в строго определенное время с разрешения командира; эти вещи не участвуют в обычной жизнедеятельности своих владельцев, равно, как и в повседневной организации пространства.

Разумеется, солдат пытается как-то эстетически реализоваться в пространственном контексте своего бытия, и с момента последнего смотра тумбочек начинает накапливать разные мелкие «неположенные» предметы, приклеивать на внутреннюю сторону дверцы непотребные журнальные картинки и т. д. Все это сохраняется лишь до очередного смотра. В качестве примера приведем сцену из жизни, ставшую перлом армейского фольклора:

Открыл тумбочку и обнаружил там трех голых женщин, — вещает проверяющий. — Двух я отодрал на месте сам, а про третью решил, что я не мальчик! Дежурный по роте! Суточному наряду отодрать с горячей водой и мылом и доложить не позже 12:00!

(Армейский фольклор)

Одежда, как ближайший пространственный субститут тела, должна быть помечена фамилией и номером военного билета ее владельца. На противοгазах должны быть такие же бирки.

Пространственно-архитектурное значение форменной одежде придает институт построения. Подавляющее большинство построений в армии проводится с целью проверки степени

единообразия одежды. Особенно показательна в этом плане шинель. Функция шинели сугубо архитектурная: данная вещь меньше всего напоминает одежду, но больше всего — фасад дома. Даже пуговицы ее нефункциональны и прикрепляются к ней для красоты, при том гвоздями.

Эстетика шинели целиком подчинена эстетике строя. Например, нижний ее срез должен находиться на определенной высоте. Поэтому, чтобы строй выглядел красиво, старшина строит всех в ряд и на установленной высоте мелом проводит по полам шинелей единую линию, по которой их каждому следует обрезать. Сверху строй ровняют построением по росту, придавая головам одинаковую форму: все головы, во-первых, стригут, во-вторых, выводят бритвой нижний срез волос на затылке в ровную линию. Это составляет целый институт армейской эстетики, посредством которого на каждом построении личность редуцируется до состояния строевой единицы.

Ярким примером являются построения всего личного состава, вызванные визитом в воинскую часть высокого начальства. Генерал обходит строй, за ним следует командир части и свита, и все вглядываются в геометрию человеческой массы, пытаясь найти изъян. За спиной солдат замерли старшины, сжимающие в потных от волнения руках механические машинки для стрижки волос и готовые стричь солдат по первому сигналу. И, что самое примечательное, некоторых действительно стригли прямо на плацу, публично демонстрируя воздействие власти на голову подчиненного.

Данный род построений, на наш взгляд, воспроизводит алгоритм тотальной власти в семиотике публичной казни. Показательно, что знаковое подавление личности человека осуществляется через демонстративное пострижение его головы. По крайней мере, какой-то реальной необходимостью этот «театр» трудно объяснить. И приведенное выше описание отнюдь не гротеск, а эпизод ответственного построения в бригаде связи Главкомата Юго-Западной группировки войск в 1989 г., на котором автор лично присутствовал.

Ритуалом обрезания шинелей и стрижкой голов старшина оформляет человеческую массу в геометрическую фигуру. В геометрии толпы заключается эстетика военного построения и этика тоталитарного общества. Достаточно вспомнить, как проводились всенародные праздники советского времени. Апофе-

озом праздника в общественном сознании россиян до сих пор остается парад: колонны техники и шеренги людей, марширующих как единая механическая машина, перестроения живой массы в форме букв, звезд и прочих фигур.

Сам акт облачения в форму лишает человека права на пространство. Надеть форму — значит внедрить себя в ячейку некой макроструктуры, о задачах и принципах существования которой рядовому знать не положено, не говоря о том, чтобы творчески на нее влиять.

Отсюда, ничто так не ценится в армейских подразделениях и колониях заключенных, как возможность хотя бы временной пространственной автономии. Но пространство специально организовано так, чтобы свести эту возможность к минимуму. Отсюда ценность всех пространственно выдающихся участков казармы, таких, как койка у стены (у окна, с краю), а также популярность некоторых видов нарядов, обеспечивающих возможность уединения и пространственной мобильности. Например, в нашей части особенной популярностью пользовались наряды на свинарник, несмотря на грязную работу, а в наряде по КПП семиотика пограничной точки между той и этой стороной забора перевешивала даже такой негативный фактор, как близость к начальству.

Конкуренция, возникающая по поводу распределения пространства, — один из предметов доминантных отношений, и в ней целиком реализует себя неуставная иерархия.

Л. С. Клейн также отмечал пространственный фактор самовыражения личности в экстремальных группах на примере лагерной субкультуры. Сам он имел статус «уголового», которого добился в силу определенных качеств своего характера, несмотря на интеллигентское происхождение и неуважаемую в блатном мире статью. По статусу ему полагалась угловая койка. Признаки «элитной» койки — стены с боков, создающие ощущение изолированности, усугубляемое наличием второй ярус кровати сверху; человек в стремлении к автономии инстинктивно пытается спрятаться «в ящик».

В армии, так же как и в лагере, опущенные на низшие ступени иерархии индивиды занимают пространство, семиотически соответствующее их лиминальному (деперсонифицированному) состоянию. В казарме это самые неудобные кровати: находящиеся на виду, в проходах ближе к выходу и на втором

ярус. Символизм верхней койки заключается не столько в вертикальной оппозиции нижней, сколько в степени изоляции: если пространство нижней койки напоминает ящик (максимальная изоляция), то верхней — платформу (отсутствие изоляции).

Итак, качество пространства есть знак качества личности. В доминантной и агрессивной среде более светлым и более «защищенным» пространством владеет более сильная и доминантная личность, и наоборот.

Устав борется за порядок посредством борьбы с личностью. Пространство в армии — не пустота, наполняемая вещами, и не конфигурации вещей. В армии единственный конституирующий пространство предмет — геометрически оформленная человеческая масса. Строй — единственно легитимное пространство индивида. В армии человек вне строя асоциален и подозрителен. В некоторых образцово-показательных, «уставных» частях в моменты приступов служебного рвения запрещалось перемещаться по территории вне строя шагом, но только бегом. «Солдат без сопровождения должен передвигаться по территории части бегом. При встрече с офицером переходить на строевой шаг для отдания чести», — гласит инструкция. Предполагается, что он либо живет по коллективному распорядку, либо расторопно выполняет важное поручение.¹

В связи с приведенными фактами интересным представляется взгляд Мишеля Фуко: «Единичное тело становится элементом, который можно разместить, привести в движение, соединить с другими элементами. Его основными определяющими переменными являются не доблесть или сила, а занимаемое место, отрезок, который оно собою закрывает, правильность и надлежащее расположение, с которым оно согласует свои перемещения. Солдат прежде всего фрагмент подвижного пространства и только потом мужество или доблесть» (Фуко, 1996: 226).

Время в армии подавляет пространство. Распорядок не предусматривает возможности уединения: нет ни одной минуты, в

¹ В нашей учебной части сержанты даже инструктировали солдат, дескать, если дежурный или внутренний патруль остановит, нужно назвать чужую фамилию, чужую роту и имя другого начальника.

Сидеть на заправленной кровати до команды «Отбой» могут только те, кому это «положено по сроку службы».

которую человек легально может остаться один на один с пространством. Пространственно-временной континуум детерминирован тотальной геометрией толпы. Под беспорядком понимается любое самовыражение личности в пространстве и во времени, и пресечение этого «бардака» командиры всегда начинают с построения. Это креативное действие восстанавливает статус-кво власти на пространство и время, придавая акту построения значение ритуала.

Особенно эффективны ночные построения или такие приемы, как многократное чтение списка вечерней поверки, когда в ответ на шевеление и разговоры (что, по сути, есть психологический выход личности за пределы строя) начинают читать заново весь список, в котором имя значит меньше, чем порядковый номер. Об этом говорит и М. Фуко: «В дисциплине элементы взаимозаменяемы, поскольку каждый из них определен местом, занимаемым им в ряду других, и промежутком, отделяющим его от других. Следовательно, единицей является не территория (единица господ-

ства), не место (единица расположения), а ранг» (Фуко, 1996: 212). Но если «дисциплина — искусство ранга и техника преобразования размещений» (Фуко, 1996: 213), то в формальной статусной системе дисциплина по определению остается не достижимым идеалом: как нежизнеспособен устав, отрицающий *de facto* естественную иерархию, так же трагикомична роль молодого сержанта, «командующего» дедами и дембелями.

Распределение статусов в пространстве напрямую зависит от того, какая сила — внешняя или внутренняя — собрала людей вместе. Если повод официальный — формальное собрание в клубе, построение на плацу, политзанятие — то неофициальная элита располагается на заднем плане, за спинами духов — тех, чей статус в системе неуставной иерархии равен нулю. Если повод неофициальный — просмотр телевизионных передач после отбоя или кино в том же клубе — то деды занимают первые ряды и центр. Одно и то же пространство имеет два принципа его социально знаковой организации, в зависимости от качества происходящего в нем события.

Если солдату по должности положен собственный рабочий угол, хотя бы для временного пользования: радисту — рубка, фотографу — лаборатория, каптерщику — каптерка, фельдшеру — санчасть, повару — кухня и пр., статус его резко повышается. Более того, престижность этих специальностей во многом связана с пространственной автономностью специалиста.

Каждый солдат, из обладающих собственным углом, не просто им владеет и находит там уединение, он оформляет свой казенный угол как дом. Известны случаи, когда водители использовали скромный ресурс кабины, устраивая там некие «нычки» — тайнички с неуставными вещами. Кстати, само слово «нычка» (от «заначка», «заныкать») обозначает не только такой тайник, но и способ несанкционированного уединения («упасть в нычку»).

Таким образом, социальная динамика в армии отражена в переходе человека из объектов пространства в субъекты пространства. Положение субъекта пространства связано с повышенным социальным статусом, и наоборот. Духи социально аморфны и как бы растворены в воздухе. Не имея права пользоваться пространством, они им целиком подавлены: их жизнь посвящена его обслуживанию — непрерывному наведению по-

рядка. Каждое утро они оформляют пространство казармы — застилают все кровати, выравнивают их по нитке, придают постели строгую геометрическую форму посредством изощренных технологий (формирование строгой геометрии постели набиванием граней тапочкой и табуретом, начесыванием стрелок щеткой и т. п.), моют полы. При этом они не имеют права пользоваться пространством в неуставное время: сидеть, а тем более лежать, как это «положено» дедам. Духи должны «летать», т. е. быть постоянно в работе.

Разнарядки на бытовые работы производятся согласно иерархии. Особо репрессивное значение имеет чистка унитазов, которая вменяется в наказание проштрафившимся духам. Этим также постоянно занимаются парии общества — чмыри. Считается общественно ценным заставить чмо, дослуживших до увольнения в запас, «драить очко в дембельской парадке». Семиотически они, что называется, «смешаны с дерьмом», а «очко», которое они «драят» в день демобилизации, символически тождественно воротам воинской части, через которые они ее покидают.

Статусная знаковость в системе питания

Семиотический статус пищи целиком отражает социальные отношения. Пища без смыслового значения, как продукт, ценность которого равнялась бы энергоемкости, в сфере культуры не существует. Именно знаково-смысловой контекст превращает еду в кухню. И наоборот, понижение семиотического статуса пищи при актуализации калорийной и экологической ценности переводит систему питания из культуры жизнеобеспечения в технологию жизнеобеспечения.

Степень семиотического значения пищи повышается прямо пропорционально иерархической шкале: чем выше статус человека, тем больше запретов и предписаний, прав и обязанностей возлагается на него культурой питания. Соответственно, существует и обратная зависимость.

Суть уставного рациона выражается в подсчете килокалорий. Культура питания в армии заменена энергетической технологией, в свою очередь, и слова «рацион», «меню», «блюдо» заменяются механическим выражением «раскладка продуктов».

Система питания, как и одежда, воспроизводит иерархию статусных отношений, поэтому компоненты уставной и уравнивательной «раскладки продуктов» по килокалориям в неуставной сфере отношений перестраиваются в иерархию знаков престижа.

Низшие слои должны потреблять всю полноту уставного рациона без разбора: весь спектр блюд — от престижных до «подлых». Иерархия блюд образована, конечно же, вкусовыми качествами продуктов и их приготовлением в конкретной части. Если привести их перечень в порядке убывания престижности, то он выглядит примерно так: хлеб с маслом — котлеты (по праздникам) — 2 яйца (по воскресеньям) — рыба — куски мяса в подливе — макароны — картошка — каши — ячневая и комбикаша. Соответственно, по мере продвижения по иерархической шкале, уменьшается набор продуктов, которые можно употреблять элите, «не теряя лица».

Структурированный согласно иерархии рацион можно изобразить в виде пирамиды: духи должны есть все, молодые все могут не есть, черпаки едят только вкусно приготовленные обеды, деда ограничиваются бутербродами, а во время стодневки отказываются и от высшего продовольственного блага — масла, которое отдают своим духам. Этот обычай действует и сегодня, в условиях общего недофинансирования армии. Приведу отрывок разговора с дедами одного из погранотрядов:

- *Вы масло на стодневку едите?*
- *Щас! Духи жрут наше масло. Отдаем, куда деваться.*
- *А масло к нам только на стодневку и завозят.*
- *У вас что, замокруга по тылу большой ревнитель армейских традиций?*
- *Серьезно, сколько раз мы наблюдали. Весь год масла нет, на стодневку завозят. И масло-то классное, а тут отдавать приходится.*
- *Духи балдеют, хари — во!*
- *Особенно в эту стодневку. У нас чуть ли не полчасти увольняются осенью. Все масло — духам.*

(ПМА, Горный Алтай, 1999 г.)

Разумеется, здесь приведена идеальная схема, воспроизводящая общую тенденцию, однако в войсках она осознается, и

ей стараются по возможности следовать. На основе доминантных отношений формируется этикет приема пищи. Если «духи» слишком разборчивы, или напротив, невоздержанны в еде, то их насильно кормят «подлой» пищей в больших объемах. Могут, например, заставить съесть котел тошнотворной комбикаши. То же самое их ждет, если они посягают на элитарную пищу. В нашей части деда за ужином посылали духов на пищеблок за растительным маслом, которым поливали слишком сухую картошку. Однажды духа, который несанкционированно воспользовался этой привилегией, заставили выпить кружку подсолнечного масла.

Духи не должны сидеть за одним столом с дедами и черепами, но должны быстро поесть и убрать за них посуду. Когда это заметили офицеры, то деда стали специально сажать духов за свои столы, чтобы не вызывать подозрений: дескать, сам здесь ел, за собой и убирает.

Некоторые деда и дембеля не всегда ходят в столовую. Духи, прячась от начальства, приносят им в спальное помещение отдельные компоненты солдатского обеда — хлеб, масло, рыбу и пр.

Солдатские чайные («чайники») дополняют армейский рацион маленькими человеческими радостями, не включенными в официальные продовольственные нормы. Это, прежде всего, молочные продукты и кондитерские изделия. Соответственно, посещение чайной становится знаком социального престижа, «положенным по сроку службы». Или — не положенным. Этикет запрещает «духам» ходить в чайную. Как говорят в армии, у них в животах еще «мамины пирожки не переварились», т. е. они не вкусили всех «тягот и лишений воинской службы», соответственно, посягательства на такие маленькие внеуставные радости, как булка в «чайнике», воспринимается как верх бестактности по отношению к старшим товарищам. Когда одного наказывают за «чайник», приводят в пример другого, который «полгода прослужил и ни разу еще в «чайнике» не был».

Всем молодым бойцам «по сроку службы не положено» употреблять внеуставную пищу. Этот запрет снимается только тогда, когда они получают из дома посылки. Но даже эта радость подчеркивает их низовое равенство; содержимое посылки делится на всех поровну, так что самому хозяину мало что остается.

Излишне говорить, что деды своими посылками с духами если и делятся, то только, чтобы подчеркнуть свой статус.

После ночного пира «дедушка» вручает духу пакет с объедками, чтобы тот его выбросил на помойку: «Это тебе. Поешь — уберешь за собой». Разумеется, подобные отношения весьма ситуативны, и отношение дедов к посылкам духов может быть самым разным, в зависимости от традиций подразделения — от полного присваивания посылок до демонстративного игнорирования угощения с «духовского стола». Где-то деды считают, что обедать духов «запалло», т.е. недостойно их статуса, где-то картинно отказываются от подношений — «мне завтра домой, а вам еще служить и служить», но в любом случае посылки из дома обостряют отношения в иерархии.

Иерархия, как система распределение власти в социуме, держится на символах, как на коммуникативных и информационных моделях, охватывающих все аспекты человеческой жизнедеятельности.

Знаково-символическая упаковка насилия имеет еще одно значение. Это маскировка, обеспечивающая психологическим комфортом личность насильника. Эту же роль играют карнавалльно-смеховой антураж и трансформация языка. Дескать, все вокруг ненастоящее, насилие тоже. Термины нормативной речи родного языка оказывают прямое эмоциональное воздействие на того, кто их произносит. Такое же значение эмоционального камуфляжа будут иметь в армейском жаргоне выражения «строить», «учить родину любить», «объяснять политику партии» — прикрывающие истинное значение: издеваться, избивать, унижать. Декодировать эти значения непросто — работают мощные психологические защиты и апологии, среди которых приводятся два наиболее «железных» аргумента: «нас в свое время..., и мы понимали — так надо», «дедовщина — это порядок». Однако открытый прямой разговор, в котором вещи называются своими именами, способен нейтрализовать насилие. Закрытые системы максимально препятствуют открытым разговорам, о своих проблемах. Эти разговоры определяются, как «стукачество», и караются с наибольшей жестокостью. Отключение сознания участников социального взаимодействия — признак автоматического самовоспроизводства закрытых социальных систем.

Осознание одиозности репрессивных действий возможно на фоне других, отличных от дедовщины, ценностей. «В основе осознания, таким образом, лежит изменение предметного содержания в структуре деятельности, являющееся следствием процесса автоматизации — деавтоматизация деятельности» (Ас-моллов, 1996: 389). Проблема преодоления бытового насилия в Вооруженных Силах заключается в их социально-коммуникационной основе: армия с ее принципом безоговорочных подчинений — это образец среды автоматизации деятельности.

АРХЕТИПЫ И СОЦИАЛЬНОСТЬ. К ПРОБЛЕМЕ СЕМИОТИКИ НАСИЛИЯ

О феномене архетипа. — Символизм физиологизма: образ тела и образ мира. — Орган самца как символ власти. — Экскременты в головном уборе как семиотический этюд. — Образ антипода в мобилизации социальных систем, или что такое чмо? — «Любить оружие». — Социальность и сексуальность. — Татуировки. — Символизм волос: статус, подавление, протест. — Архетипы речевой коммуникации. — Архетипы пищевой коммуникации. — Сон как архетипическое состояние.

О феномене архетипа

Любое общество строится на иерархии отношений, символы которых отражают общее состояние его культуры. Знаково-символические системы экстремальных групп имеют структурные и функциональные аналогии в архаических и традиционных обществах, и это обстоятельство заставляет обратиться к феноменологии архетипа.

Понятие «архетип» в гуманитарных науках насколько всеобъемлюще, настолько же и аморфно. В самом общем понимании архетип есть нечто, что всегда живо и всегда актуально.

Термин *архетип* (с древнегреческого — «изначальная форма») получил широкое распространение в гуманитарных науках благодаря работам Карла Юнга, рассматривавшего универсальные закономерности культуры и психики в их взаимосвязи.

«Коллективное бессознательное — нечто вроде остатка опыта, и одновременно — образ мира как некая его априорность. В этом образе в течении времени были выдолблены определенные черты, так называемые архетипы, или доминанты. Они — владыки, боги, т. е. образы доминирующих законов и принципы, которые придают некоторую закономерность протеканию тех образов, которые души всякий раз переживают заново» (Юнг, 1998: 331). «Архетип — это некий вид готовности репрезентировать всегда и снова те же самые или подобные мифические представления. Ничто не мешает нам допустить, что некоторые архетипы встречаются уже у животных, что они, следовательно, составляют основу своеобразия животной сис-

темы вообще, и вместе с тем просто являются выражением жизни, чье бытие уже не поддается дальнейшему объяснению. Архетипы, как нам кажется, это не только отпечатки всегда повторяющегося типичного опыта, но одновременно они ведут себя эмпирически как *силы* или *тенденции* к повторению того самого опыта» (Юнг, 1998: 299).

Коллективное бессознательное — это надиндивидуальный опыт, которым обладает каждый представитель рода *Homo sapiens*. Юнг связывал этот опыт с врожденными архетипами, помещая их в глубь индивидуального сознания, точнее бессознательного.

Но есть и другие подходы, относящие надиндивидуальный опыт в область культуры и социальных отношений.

«При анализе сферы бессознательного в контексте общепсихологической теории деятельности открывается возможность ввести содержательную характеристику этих качественно отличных классов неосознаваемых явлений, раскрыть функцию этих явлений в регуляции деятельности и проследить их генезис. Если, опираясь на положение школы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии, бросить взгляд на историю становления взглядов о бессознательном, то мы увидим, что разные аспекты проявлений бессознательного разрабатывались при анализе четырех следующих проблем: проблемы передачи опыта из поколения в поколение и функции этого опыта в социально-типическом поведении личности как члена или иной общности; проблемы мотивационной детерминации поведения личности; проблемы произвольной регуляции высших форм поведения и автоматизации различных видов деятельности субъекта; проблемы поиска диапазона чувствительности органов чувств. На основании анализа этих проблем представляется, на наш взгляд, возможным выделить четыре особых класса проявлений бессознательного: надиндивидуальные надсознательные явления; неосознаваемые побудители поведения личности (неосознаваемые мотивы и смысловые установки); неосознаваемые регуляторы способов выполнения деятельности (операционные установки и стереотипы); неосознаваемые резервы органов чувств (подпороговые субсенсорные раздражители)» (Асмолов, 1996: 380).

Семиотический подход также выносит область происхождения архетипов коллективного бессознательного вовне, относя

ее к объективным законам мироздания. «Всякое существование возможно лишь в формах определенной пространственной и временной конкретности. Человеческая история — лишь частный случай этой закономерности. Человек погружен в реальное, данное ему природой пространство. Константы вращения земли (движения солнца по небосклону), движения небесных светил, временных природных циклов оказывают непосредственное влияние на то, как человек моделирует мир в своем сознании. Не менее важны физические константы человеческого тела, задающие определенные отношения к окружающему миру. Соотношение среднего веса человека, силы притяжения земли и вертикального положения тела привели к возникновению универсального для всех человеческих культур противопоставления верх/низ с разнообразными содержательными интерпретациями (религиозными, социальными, политическими, моральными и т. д.). Можно сомневаться, что выражение: “он достиг вершин”, понятное человеку любой культуры, было бы столь же не нуждающимся в комментарии для мыслящей мухи или человека, выросшего в условиях невесомости» (Лотман, 2000: 258).

Но проблема культурологического понимания архетипа состоит не в существовании объективных законов «пространственной конкретности», а о способности сознания человека или «мыслящей мухи» их обнаруживать (или конструировать) и интерпретировать. Эта способность предполагает наличие неких констант в самом сознании.

Безусловно, на константы культуры существенно влияют константы внешнего мира. Но константы объекта познания определяются (и обнаруживаются) благодаря константам сознания познающего субъекта. При бессистемном взгляде на самый систематизированный объект разговор о самом существовании системы невозможен. Невозможен и сам бессистемный взгляд, ибо понятие «взгляд» есть аллегория «сознания», в той же степени, как и «системности». Бессистемный взгляд — это отсутствие взгляда. Бессистемность есть отсутствие.

В момент фиксирования и интерпретации картины мира самореализуются и структуры сознания. Таким образом, познание структуры объекта связано с репрезентацией структуры субъекта. Не то же самое имел в виду Юнг, определяя архетип как «некий вид готовности репрезентировать всегда и снова те же самые или подобные мифические представления»?

Вышеприведенные концепции выходят на тот уровень понимания феномена архетипа, на котором их различия между собой представляются несущественными. Не существенно, куда поместить область архетипов — в глубины человеческой психики или в глубины культурно-исторического опыта; понятно, что они взаимообуславливают друг друга. Существенно то, что архетип представляется выражением общих законов «всякого существования», частным проявлением которых является человеческая история (Лотман), «и вместе с тем просто являются выражением жизни» (Юнг).

Исходя из конкретных исследовательских задач, ограниченных рамками настоящего исследования, можно определить архетипы коллективного бессознательного как структуры сознания, определяющие парадигмы познавательной активности (системность, образность, смысловая многомерность и т. д.), активизирующие в социальном взаимодействии.

Что касается самого акта понимания, то он невозможен без символизации. Поэтому любое действие или состояние человека или природы в момент их понимания являются взаимообусловленными метафорами, образующими принципиально неоднородные пространства культуры (Лотман, 2000: 241).

Итак, культурные феномены могут иметь вневременное и универсальное значение только в том случае, если они являются проекцией структурных основ сознания, законов его функционирования. Эти законы и принципы человеческого сознания выражаются в его способности создавать знаки и символы, как средства сообщения с миром и друг с другом: получать, накапливать и передавать информацию, фиксирующую и систематизирующую представления о мире и регламентирующую поведение в мире. «У человека мы находим совершенно новый тип психической деятельности, — пишет А. А. Леонтьев, — новый тип поведения — интеллектуальное поведение, опирающееся на употребление знаков. <...> Знаки — искусственно созданные стимулы, назначение которых состоит в воздействии на поведение» (Леонтьев, 1967: 79).

Символическое мышление развивает картину мира на фундаменте универсальных мифопоэтических образов и сюжетов. Ключевые компоненты мифа и ритуала универсальны потому, что персонифицируют не только фундаментальные законы мироздания (как они понимаются людьми), но и функциональные

принципы построения мировоззрений. Поэтому Юнг вполне корректен, когда при объяснении феномена архетипа использует понятие божества, утверждая, что боги — это парадигмы сознания. По крайней мере, они только в этом качестве доступны если не пониманию, то мысли о них.

Знаки и символы власти в экстремальных группах не уникальны. Они имеют глубокие параллели в традиционных и архаических культурах и мифоритуальных системах. Не внешнее сходство с первобытными реалиями, но именно парадигмы ментальности, открывающиеся за кажущимся абсурдом доминантных отношений в армии, позволяют нам видеть архетипическую основу в армейских нормах, обычаях, байках в не меньшей степени, чем в архаическом мифе и ритуале.

Нацеленность устава на идеального солдата, не размышляющего над целесообразностью команд и содержанием приказаний, не отклоняющегося от схемы и не проявляющего свободы воли, способствует отключению активных структур индивидуального сознания и активизации коллективного бессознательного в экстремальных группах. И наоборот, область сознания — это область девиаций. Как писал Л. С. Выготский, «произвольность в деятельности какой-либо функции является всегда оборотной стороной ее осознания» (Выготский, 1956: 520). Если принцип вертикальной централизации власти предполагает контроль старших над младшими (сверху вниз) и делегирование ответственности за свои действия от младших к старшим (снизу вверх), то произвольность в действии — это всегда контроль стороны субъекта за своим поведением при наличии готовности самостоятельно действовать и нести за это ответственность. «Но для такого контроля, как минимум, необходимо как бы бросить взгляд на свое собственное поведение со стороны, противопоставить себя окружающей действительности» (Асмолов, 1996: 389).

Одним из первых знаков, посредством которых первобытный человек пытался выразить и зафиксировать свое отношение к миру и социуму, были непосредственно части его тела. Наиболее актуальные части тела символически выражают как актуальные социальные проблемы, так и законы мироздания. В первобытной картине мира и общества отдельные органы, конечности и физиологические акты превращаются в символы фундаментальных законов мироздания — законов превращения

и сохранения жизненных сил. Архаический миф с его антропоморфной моделью вселенной представляется достаточным основанием для постановки вопроса о роли образа тела в фундаментальных мировоззренческих процессах, целью и следствием которых является построение картины мира.

Символизм физиологизма: образ тела и образ мира

Антропоморфный принцип в космогонии представляет человеческий организм и продукты его жизнедеятельности в качестве аллегии структурных компонент мира и законов их функционирования. В некоторых архаических мифах физиологические акты богов и первых людей акцентированы в качестве архетипа территориальной деятельности по обустройству вселенной. Так, японский бог-демиург Идзанаги проводит водораздел между миром живых и миром мертвых следующим образом:

В одной книге сказано, Идзанаги-но микото тогда направился к большому дереву и пустил струю. Струя тут же превратилась в огромную реку. Пока ведьмы страны Ёмо-ту куни собирались перебраться через эту влагу, Идзанаги-но микото уже добрался до склона Ёмо-то пирасака, так сказано. И тогда он перегородил путь через этот склон скалой, которую может сдвинуть лишь тысяча человек, и произнес слова заклания, разрывающие брачный союз. А потом рек: дальше этой границы не ступай.

(Нихонсёки, 1997: 125)

Точно так же в японской мифологии из частей тела богини плодородия появляются жизненные блага этого мира. Схожесть сюжетов, их структур и функций в мифоритуальных системах может свидетельствовать о происхождении мифологических универсумов из усилий, направленных на познание человеком собственной природы в универсалиях символического мышления.

Антропологизация космоса и космологизация социума, в результате которой части тела становятся аллегориями космических зон и социальных страт, становится средством семиотического познания природы и общества. Соответственно, образы органов и функций в архаической картине мира представ-

лены в максимально обобщенном виде. Весь спектр архетипических образов и представлений будет восходить к одному — к представлениям о жизненной силе, закладывающим не меняющийся фундамент онтологического знания.

Говоря об архетипах мировосприятия в связи с физиологией, мы имеем в виду знаково-символическое осмысление половой функции и прочих элементарных физиологических актов, вплоть до дефекации и мочеиспускания. Культура во многом начинает себя с попыток подчинения, упорядочивания, табуизации естественных физиологических процессов, с попыток как можно более полного вовлечения всех проявлений биологического в сферу социального. В логике культуры не духовное является следствием физиологического, но физиологическое — следствием духовного. В идеале культура в стремлении к контролю над природой доходит практически до полного переосмысления физиологии в сфере социальных отношений.

Сама постановка вопроса о функционировании физиологии на уровне языка знаков переводит проблему сексуального поведения в область семиотики культуры. «Коренная ошибка фрейдизма, — пишет Ю. М. Лотман, — состоит в игнорировании того факта, что стать языком можно только ценой утраты непосредственной реальности и перевода ее в чисто формальную — “пустую” и поэтому готовую для любого содержания сферу. Сохраняя непосредственную эмоциональную (и всегда индивидуальную) реальность, свою физиологическую основу, секс не может стать универсальным языком. Для этого он должен формализоваться, полностью отделиться, — как это показывает пример признающего свое поражение павиана, — от сексуальности как содержания. Попытки возратить в физиологическую практику все те процессы, которые культура производит, в первую очередь, со словом, делают не культуру метафорой секса, как утверждал Фрейд, а секс — метафорой культуры» (Лотман, 2000: 141). Культурогенез, естественно, не исчерпывается символизацией физиологии, но характеризуется.

Армейские реалии убеждают нас в том, что законам генезиса и развития культуры присущи нелинейность и обратимость. За декультуризацией интимного в армии прослеживается тенденция декультурации социальных отношений, в которой общественному сознанию почему-то требуется заново осмыслить архетип.

В информационном поле экстремальных групп, с его повышенной физиологичностью, знаком социальной компетенции выступает компетенция сексуальная. Каждые полгода в воинскую часть приходит молодое пополнение, общая непосвященность которого в дела части дает возможность для розыгрышей. Во многих частях имеется стандартный набор шуток, в которых участвует вся часть, воспроизводя себя, как единый организм, в оппозиции «посвященный — неофит».

Предметом таких шуток, как правило, становятся особенности женской физиологии, объектом осмеяния — молодой боец, не имевший сексуального опыта.

В присутствии такого духа два деда заводят разговор:

— У тебя есть клитор?

— Сейчас посмотрю — (роется в тумбочке и достает пустую трехлитровую банку). — Ты знаешь, вчера кончился.

— Что же мне делать?

— Спросить в санчасти!

— Точно — (и, обращаясь к ничего не подозревающей «жертве»). — Слушай, сбегай в санчасть за клитором.

Ласковые интонации, с которыми дед обращается к духу, вызывают у него не подозрение, а воодушевление. А само слово ассоциируется с каким-то медицинским термином. Он берет банку и идет в санчасть, где просит дать ему клитор. Фельдшер говорит, что уже все разобрали, и посылает его на склад. На складе говорят, что надо попросить в штабе. И так далее, пока кто-нибудь из посвященных в эту шутку не пошлет его «за клитором» к какому-нибудь высокому начальнику, желательно из недавно переведенных в эту часть. Его реакция на просьбу солдата непредсказуема, и это есть кульминационный момент карнавала.

(ПМА, Кишинев, 1989 г.)

В приведенной истории карнавальная ситуация разыгрывается как заговор всех посвященных против всех непосвященных, и оппозиция — дух/штабной чин — обозначает границы лагеря непосвященных, нижнего и верхнего порога аутсайдности экстремальных групп. Дух в поисках клитора буквально совершает обход всей территории и подразделений части.

Его в прямом смысле отправляют «принести то, не знаю что», и взять его «там, не знаю где» опять же в прямом и переносном смысле. В этой шутке все общество потешается над ду-

хом, попавшим в нелепейшую ситуацию, в которой он демонстрирует незнание важных, конституирующих его социальную сущность вещей: незнание в области женской физиологии; незнание ландшафта воинской части; незнание социальной структуры. В такой многоуровневой некомпетентности растворяется половая, социальная и даже антропометрическая сущность духа, персонифицирующего неполноценность всей низшей страты.

Такие игры ритуальны и по своей социальной функции, и в общей смысловой парадигме. Всякий ритуал работает на консолидацию общества в целом и каждой его страты в отдельности. В данном случае это, во-первых, интеграция посвященных (высших) посредством высмеивания непосвященных (низших); во-вторых, это консолидация низших, поскольку каждый из духов искренне рад, что выбор жертвы пал не на него; в-третьих, общесоциальная интеграция, поскольку смеются все, и духи тоже, стремясь смехом обозначить свою лояльность к шуткам элиты.

Актуализация физиологических актов и/или половых органов в качестве знаков социальных отношений служит индикатором огрубления и оскудения символических средств: выражением социального состояния становится непосредственно состояние физическое. А. Левинсон отмечает дегабуизацию телесности, интимность которой характеризует определенное состояние культуры. «В казарме низменная, табуизированная телесность непременно выставляется наружу. Интимность уничтожается» (Левинсон, 1999). Язык крайне обедняется. В разговорах, структура которых воспроизводится в логике доминантных отношений, доминируют фекально-анальные аллегории. Притом это совершенно не случайно, и далеко не из особой любви военных к сквернословью. В терминах полового акта и дефекации, принятых в качестве аллегорий служебных и неформальных отношений, на мой взгляд, проявляют себя архетипы доминирования и территориального поведения, восходящие к дочеловеческому состоянию культуры.

В социально-психологической сфере власть определяется осознанной волей и целеполаганием. Филогенетически же феномен власти можно понимать как реализацию общей для всех существ экспансии в пространстве и во времени, среди и за счет других им подобных. Экспансия являет собой феноменологию жизненной силы, осознанную в культуре и представленную на всех стадиях культуригенеза.

На базовом, исходном и первичном уровне семантических проявлений архетипа жизненных сил знаком их экспансии и, следовательно, символом власти становится активное и доминантное физиологическое состояние. Наиболее естественный пример из этнографии и этологии — фаллос как символ власти.

Полисемантика как знаковая проекция культурной динамики предполагает многосложность знаковых построений, в которых каждый знак состоял бы в связи со всеми остальными знаками. Семиотической прогрессией — выведением символов во второй, третьей и далее степенях — обусловлен генезис и развитие символических систем. Тогда жезл вождя одновременно контаминируется и с фаллическими символами, и с общими знаками экспансии, но может быть и самостоятельным символом власти.

Орган самца как символ власти

Армейская система в своей статусной знаковости «патрилокальна», что отражается в терминах местного сленга («отцы-командиры», «батяня-комбат») и неуставной иерархии («деды», «мужики»). Духу неписаным правом запрещено рассуждать о женщинах, тогда как дед и черпак обязаны поддерживать свое реноме, для чего они пытаются знакомиться с женщинами в увольнениях, а после отбоя обсуждать все преимущества полового акта по сравнению с воинской службой.

В архетипическом порядке символов фаллос есть жезл вождя. В мире шимпанзе демонстрировать половой орган как знак статуса имеет право только доминантный самец-вожак. Остальные за этот жест могут поплатиться. В экстремальных группах фаллический архетип также организует повседневную активность, и его знаковость приобретает крайне обостренные формы. Помимо постоянных актов социального контроля и доминации, основанных на сексуальной актуализации, в среде военных и заключенных широко распространен пирсинг, скарификация, трансформация полового члена подкожными инъекциями вазелина, имплантация инородных предметов и т. д.

На медкомиссиях и в солдатских банях доводилось наблюдать в качестве таких инородных тел шарики от подшипника, зерна кукурузы, пластиковые вставки, колесики от детских ма-

шинок, продетые под уздечкой полового члена. Это все очень похоже на «ампаланги», которые Н. Н. Миклухо-Маклай описывал у малайских племен (Клейн, 1990: 103).

По рассказам очевидцев и по публикациям в прессе, особо тонкие «эстеты» пытаются вживлять в головку члена уши, вырванные из живых мышей, свято веря, что это возможно (Кардинале, 2000: 12). Кстати, именно слово «уши», согласно словарю жаргонных слов и выражений, обозначает «инородное тело, вшитое в половой орган».

Первобытные культуры, в которых подобные практики были ритуально осознаны, представляют массу аналогий, позволяющих уточнить смысловое значение этих процедур, которые сегодня в экстремальных группах воспроизводятся бессознательно.

Наиболее известной аналогией трансформации полового члена представляется обряд обрезания, практикуемый во многих традиционных культурах. Смысл обряда — подготовка к брачной жизни. Во многих частях света — это единственная генитальная операция при инициации у мужчин, эквивалентная ритуальной дефлорации у женщин (Абрамян, 1983: 74). У некоторых народов обрезание составляет лишь часть комплекса генитальных операций, один из которых — субинцизия. «Эта операция (известная под различными названиями), в результате которой на прилегающей к мошонке части penis'a обнажается уретра, уже давно привлекает внимание исследователей, продолжая оставаться одним из самых спорных и загадочных явлений в этнографии аборигенов Австралии. Но самое удивительное, что аборигены периодически возобновляют свои раны — субинцизированный член является одним из главных источников для получения крови (в ритуальных или лечебных целях). Мы уже рассматривали один из таких обрядов — Кунтамара, в характере исполнения которого оказалось немало архаических черт. Это периодическое кровопускание из мужского полового органа, после субинцизии уподобившегося женскому, получило в литературе известное определение «мужская менструация». Параллель между женским физиологическим циклом и мужским ритуалом широко признается аборигенами Северной территории и на западе континента» (Абрамян, 1983: 74–75).

Генитальные операции в экстремальных группах, как и в архаических культурах, имеют двойственное значение: пирсинг и прочие внешние украшения, а также инъекции вазелина в

целях увеличения объема имеют значение актуализации мужского доминантного статуса; глубокие разрезы и прочие внутренние хирургические вмешательства типологически относятся к субинцизии с ее семантикой женского полового органа.

Бессознательная установка на имитацию женского полового органа отражена даже в названии определенного вида операций: так, разрезанная на части головка члена называется «розочкой». Она может делаться не только простым лезвием, но и весьма изощренным образом. В жестяном дне консервной банки проделывается отверстие с рваными острыми краями. Туда вставляется половой член. Добиваются эрекции и затем резко срывают банку. Острая жезь оставляет глубокие рваные раны, и на вопрос «зачем?», вам объяснят, что это делается для создания на члене рубцов, которые повышают сексуальность.

Поскольку знаковая трансформация полового органа направлена на подчеркивание доминантного социального статуса, то в экстремальных группах, так же как и у аборигенов, генитальные операции имеют социально-структурирующее значение. «Существует мнение, что субинцизия призвана стимулировать деление племени на две половины» (Абрамян, 1983: 74).

Хирургическая трансформация полового члена в экстремальных группах воспроизводит на уровне архетипа два взаимосвязанных смысловых значения: во-первых, это рудиментарное воспроизводство инициации; во-вторых, «культурная» актуализация (посредством трансформации, украшения) производящего органа отца-самца, который служит натурально-непосредственным символом экспансии жизненных сил.

Манипуляция с членами — это бессознательная демонстрация статуса — социальной потенции. Тем не менее, каждый из обладателей столь чудесно украшенного органа подведет под данную операцию рациональную основу и скажет, что он сделал это в ожидании освобождения или демобилизации, потому что его ждут массы женщин, которых он собирает таким виртуозным образом удовлетворять. Но, насколько мне известно, на свободе все эти приспособления, как правило, удаляются, поскольку делают половой акт невозможным. Такого рода усилия, приложенные к демонстрации социально-половой потенции, часто приводят к противоположным результатам. Кустарные хирургические вмешательства в половые органы в антисанитарных условиях чаще приводят к заражениям крови, импотенции

и даже ампутации. Эти факты, однако, никак не влияют на популярность подобных имплантаций, поскольку эти действия основаны не на сексуальной практике, но на бессознательных структурах психики, дестабилизированных условиями заключения и вынужденным многолетним целибатом.

Знаковая актуализация полового члена чаще всего осуществляется посредством поясного ремня, который носят максимально распушенным, т.е. бляха лежит непосредственно на половом органе. Это обыгрывается в армейском фольклоре и нередко становится предметом шуток командиров на построениях. Офицер, видя распушенный ремень, командует: «Смирно!», затем оттягивает бляху максимально вверх, и с силой резко отпускает вниз. Дед корчится от боли, впрочем, не без гордости за это публичное, хотя и весьма своеобразное, признание официальной властью его неформального статуса. «Акт страдания странным образом сопровождается с удовольствием оттого, что тебя распознали» (Козлова, 1999: 33). Заметим, что «доставить удовольствие» такого рода своему подчиненному может себе позволить только тот командир, который пользуется действительным авторитетом.

Все служебные и межличностные отношения в армии отличаются крайней доминантностью и обозначаются в терминах сексуального контакта, и эта тема широко представлена в фольклоре. «Вые...ть земляка — что дома побывать», — оправдывает начальник свою служебную принципиальность по отношению к подчиненному-земляку. «Нас е...т, а мы крепчаем», — утешают себя солдаты, в качестве психологической защиты от доминантной экспансии, исходящей от старших по званию или сроку службы. «Прапорщик — не замполит, у него ж...а не шире плеч», — говорил один военный, объясняя свою неготовность терпеть выговоры комбата за нарушение распорядка его подчиненными. И так далее. Все текущие события и отношения в армии выражаются в терминах гомосексуальной экспансии, причем не только среди низшего звена — солдат, но и среди высшего офицерского состава.

В одной из учебных бригад войск связи — «интеллигенции» Вооруженных Сил — комбриг ценил физиологический символизм власти и любил на общих построениях с трибуны популярно вещать, как он «обладает» всей бригадой. На самом деле, он «имел» более обширную аудиторию, поскольку мощные гром-

коговорители распространяли его матерную экспансию и на близлежащие кварталы города.

«Имея» вербально всю тысячу этих «сукиных детей», которые шагают по плацу не в ногу, данный комбриг и не подозревал, насколько адекватно архетипическому символу власти он выражает свои эмоции в вербально-знаковых эквивалентах физиологии — в терминах физического обладания.

Половой детерминизм находит свое знаковое выражение и в одежде. Так, пилотка духа называется нелитературным термином, обозначающим женский половой орган, тогда, как пилотке социально полноценного, инициированного доминанта, придается форма конуса. Семантика головных уборов духов и дедов выдержана в знаках фалло-вагинальной бинарной оппозиции, выражая социальную оппозицию всего активного и конкретного всему пассивному и абстрактному.

В системе символов власти любой половой акт, а гомосексуальный в особенности, имеет ярко выраженное доминантное значение. Гомосексуальная экспансия как знак социальной доминации в экстремальных группах обычно функционирует на уровне символических и речевых эквивалентов. Это, на мой взгляд, отражает полисемантическую прогрессию и может быть расценено как один из моментов динамики культурогенеза. В доминантных и гомогенных отношениях физиология актуализируется как знаковая система, т. е. многообразие семиотического поля культуры редуцируется до базисного уровня, с которого весь спектр смысловых значений разворачивался в полисемантической прогрессии.

Когда межличностные и служебные отношения описываются в терминах полового акта — вербальных эквивалентах подавления, — тогда мы наблюдаем процессы семиотической прогрессии. Однако когда доминация направлена на социально неполноценного, или, точнее, асоциального индивида (на зоне это так называемые чушки, или петухи, в армии — чмо, в дисциплинарных батальонах — палево), то их удерживают на нижнем пороге аутсайдности («опускают») посредством реального мужеложства.

Если еще десять лет назад в армии случаи мужеложства были чрезвычайно редки, то в последние два—три года факты сексуального насилия, в том числе и совершаемого при участии «отцов-командиров», заметно участились. И все чаще эти факты попадают в печать.

Журнал «Вне закона» предал гласности материал, скрыть который оказалось невозможно: замполит батальона на о-ве Итуруп, Южно-Сахалинского гарнизона майор Свиначенко вдвоем с председателем райсовета, главой районной администрации о-ва Итуруп Геннадием Камольцевым [фамилии приводятся по цитируемой публикации — К. Б.] изнасиловали около полусотни солдат (Терентьев, 2000: 3). На момент выхода публикации в свет их дело было передано в следствие.

В силу своей интимности подобные материалы редко попадают в поле зрения военной прокуратуры. При этом нам не известно ни одного случая, когда дело о сексуальных домогательствах офицерами своих подчиненных было бы доведено до суда. Здесь на полную мощь работает система «отмазок», доведенная в армии до совершенства и охватывающая весь спектр мер вплоть до возможности выдать преступника за душевнобольного. Так, например газета «Московский комсомолец» от 5–12 августа 1999 опубликовала материал о гомосексуальном насилии над подчиненными со стороны подполковника Зимина [фамилия приводится по цитируемой публикации — К. Б.], начальника оперативно-розыскной службы Московского гарнизона. Об этом узнали только после того, как один из солдат совершил покушение на самоубийство вследствие вышеуказанных действий своего командира, которые, кстати сказать, носили сексуально-пассивный характер. Подполковнику инкриминируется «понуждение к действиям сексуального характера». Статья 286-я «Злоупотребление служебным положением» ему не предъявлена, так как по направлению военной прокуратуры он лег в Институт Сербского на психиатрическую экспертизу. «Как объясняют в прокуратуре, не исключено, что он окажется сумасшедшим — тогда ни о каком злоупотреблении речи быть не может» (Калинина, 1999: 9). Позиция военной прокуратуры по поводу этой статьи: «Ну зачем об этом писать? Я работаю тридцать лет, так за это время это всего второй такой случай. Вот вы сейчас напишите, у всех создается впечатление, что такие вещи в армии сплошь и рядом, а это ведь не так. Получается, нам надо престиж Вооруженных сил поднимать, а мы, наоборот, его позорим» (Калинина, 1999: 9). Своеобразие этих представлений о способах поддержания престижа армии на высоком уровне происходит не из назначения прокуратуры — выявлять и искоренять факты, порочащие армию, но из кор-

поративной этики военных, диктующей желание такие факты скрывать.

Еще один аналогичный случай. В 1999 г. еженедельник «Новая Камчатская Правда» опубликовал материалы о сексуальных домогательствах некоего подполковника, командира одной из воинских частей (Яковлев, 1999b). По вскрывшимся фактам уголовное дело возбуждено не было, якобы за не достаточностью оных. О том, как велось официальное и неофициальное расследования по этому делу, можно прочитать в приложении (Приложение I.3).

Оставляя эти дела в русле обычного для экстоталитарного государства противостояния правоохранительных органов и правозащитных организаций, в комментариях по фактам мужеложства в армии с участием старших офицеров мы можем лишь обратить внимание на социально-семиотический аспект данного явления.

Мировая история знает массу примеров склонности отдельных групп военных к педерастии, особенно там, где они превращаются в закрытые общества кастового типа. М. Ю. Лотман комментирует этот феномен с точки зрения семиотики следующим образом: «То, что в бытовой перспективе может рассматриваться как порок, в семиотической делается знаком социального ритуала. В николаевскую эпоху гомосексуализм был ритуальным пороком кавалергардов, так же, как безудержное пьянство — у гусаров» (Лотман, 2000: 100).

Сложно применять это суждение к современной российской армии, как вообще сложно изучать подобные явления. Сексуальные меньшинства отличаются высокой степенью солидарности и не склонны к репрезентации своих отношений, тем более в армии, в этой brutally-агрессивной среде. Ведь именно данное качество армейских сообществ, как солдатских, так и офицерских, делает карьеру воинов-гомосексуалистов безнадежной. И этим же доводит до абсолюта их внутреннюю сексуально-корпоративную солидарность. Поэтому их карьеры отнюдь не безнадежны, как это можно было бы предположить. Они достигают высоких званий, имеют протекцию «в верхах», и это дает основание экстраполировать суждения Лотмана о семиотике физиологических девиаций в социальной идентичности офицеров царской армии на реалии современности.

Экскременты в головном уборе как семиотический этюд

Продолжая развивать проблему архетипов на примере актуализации физиологии в области социального, обратим внимание и на то, что наряду с мужеложством в качестве инструмента социальной репрессии используются дефекация и мочеиспускание. Здесь таким образом «опускают» и/или удерживают на низшем пороге аутсайдности тех, кто не вписывается в принятую систему отношений, или пытается выступать против нее.

Чмырю могут нагадить в сапоги или в шапку, и, спрашивается, зачем? Ведь спектр физических воздействий в рамках неуставных отношений практически не ограничен. Если человека можно безнаказанно избить и даже убить, т. е. устранить физически, то зачем проявлять такую изоциренность в его «опускании»?

Думается, что цель состоит как раз не в устранении, а в предельном семиотическом подавлении соперника, в превращении его в социального антипода. Соответственно, вещи, принадлежащие антиподу, метятся антивеществом. Антивещество становится семиотическим орудием насилия и маркером границы социального пространства. Тому немало примеров предлагает приматология (Бутовская, 1999: 61).

Семиотически усложненным знаком фекальной экспансии может служить символическое акцентирование низа живота. Этой идее подчинено ношение сильно распущенного ремня. Так подчеркивается высокий статус человека, которому «по сроку службы» положено быть максимально раскованным и занимать больше места в пространстве.

Интересно, что эти знаки воспроизводятся в полной мере как в архаических мифоритуальных системах, так и в современных молодежных субкультурах. На мой вопрос: «Зачем вы носите штаны на пять размеров больше и затягиваете пояс ниже уровня бедер?» подростки в разных странах отвечали одним словом: «Круто!», что значит «раскованно, аморфно» свободно. Освобождение низа живота служит знаком свободы личности в физиологической кодировке. Понятно, что тем, кому эти знаки адресованы, обязаны носить ремни максимально затянутыми — их социальное пространство меньше физического, и

эта граница перекрывается физиологическими (читай пространственными) производными их доминантов.

В аналитической психологии и этнографии архетипическим символом антивещества выступают грязь и экскременты, вещества — золото. Следовательно, изгаженная грязная одежда чмо являет собой бинарную оппозицию украшенного блестящими предметами статусного костюма дембеля.

Так конституируются верхняя и нижняя границы социума. Алгоритм территориального поведения, свойственный многим животным, реализуется здесь в социальном пространстве, при том средствами, идентичными миру животных. Открытие этого, столь популярного уже у приматов механизма доминирования подавления функционирующим в реалиях современного армейского социума, важно для исследований в области теории социогенеза.

Так что, когда солдат в армии или зек в зоне видоизменяют свой половой орган путем хирургических операций, когда они «опускают» париев изнасилованием или пачкая их экскрементами, то делают они это не из дикости местных нравов, но бессознательно реализуя архетипы социального структурирования, причем самым первобытным образом.

Образ антипода в мобилизации социальных систем, или что такое чмо?

Редукция социокоммуникативных связей до первичного физиологического уровня происходит в условиях культурного вакуума, т. е. в тех сообществах, в которых прерываются коммуникативные каналы, проходящие в области культурных норм и ценностей гражданского общества.

Это происходит тогда, когда более сложные информационные системы, воспроизводящие идею власти, перестают обеспечивать консолидацию общества. Тогда оно конституирует свою целостность за счет антиподов, играющих роль негативных маркеров не только социальной, но и антропологической идентичности.

В отношении общества к антиподам наблюдается десимволизация доминантных отношений, которые редуцируются до уровня прямого физиологического не мотивированного насилия.

Карл Юнг, выделяя конкретные архетипы-образы, сосредоточивает внимание на позитивных. В их числе архетипы младенца и дева, матери и зарождения, духа и трикстера, анимуса и анимы и другие, воспроизводящие в образах фундаментальные принципы миропонимания, познавательной активности, присутствующей, по мнению Юнга, и животным. Информационная деятельность жизни вообще (Юнг, 1998: 299).

В то же время отдельной группой в его концепции выделяются архетипы негативные, доступные аналитической психологии в отрицательных мифопоэтических образах: «колдун», «демон», «черт». Юнг относит эти отдельные архетипические образы к архетипу Тени, происходящему из негатива картины мира — той его части, которая остается непознанной. Данный архетип, по сути, мобилизует сознание для систематизации представлений о непознаваемом в целях преодоления психологического дискомфорта, возникающего там, где есть непонятное. Экстраполяция известного в область неизвестного, называние безымянного есть средство борьбы с фобиями. Сознание по своей природе не может помыслить неизвестность. Поэтому теневая, т. е. непознанная сторона картины мира мыслится в инверсии его известной стороны, в результате получается негатив, или антимир, с антинормами, антизаконами, управляющими антиповедением антисуществ. Это и есть процесс обретения архетипами своего символического выражения — проекции.

Здесь мы видим глубинное психологическое значение и смысл негативных форм поведения: протеста, нарушения запретов, деструктивной или самодеструктивной деятельности. «Эти атрибуты, — пишет Юнг, — никоим образом нельзя отнести применительно к человеческой личности, хотя они, как правило, в виде интуитивных суждений, неподвергаемых уже более критической проверке, все же проецируются на окружающих людей к величайшему вреду для человеческих отношений. Такие атрибуты всегда извещают, что проецируются содержания сверхличностного или коллективного бессознательного» (Юнг, 1998: 399).

Между тем образ врага — лишь один из вариантов архетипа антипода, экстраполирующего «темные» стороны личности. Он имеет непосредственное отношение к юнгианским «аниме»/«анимусу». В более широком значении этот феномен оппозиционирования выражает в образах главную функцию сознания —

системообразование. Феномен социальных (и шире — антропологических) антиподов играет в социогенезе сознания важную роль.

Символическая оппозиция жизни и смерти подчинена задаче структурирования социума, в результате чего общество делится на организованное коммуникативными нормами большинство и не соответствующее этим нормам меньшинство. В современном русском языке слово «нелюдь» означает такие крайние формы социальной девиантности, как тяжкие преступления. Но прилагательное от него «нелюдимый» употребляется по отношению к не слишком активным участникам вербальной коммуникации и этимологически восходит к описанию мира мертвых. Оппозиция, раскрывающая значение «асоциальный» как «мертвый», сохраняется в языке: «люди/нелюди», «род/выродок», «жилец/нежилец» и пр. Традиционные правовые системы, а с ними и социальные стереотипы тяготеют к онтологическому символизму бинарных оппозиций.

С развитием культуры расширяется спектр смысловых значений, обыгрывающих тему социальной идентичности. Параллельно усложняются нормы общественно приемлемого поведения. Но, судя по устойчивому воспроизводству архетипов антипода в сфере правовой культуры, идея агрессии эквивалентна идеи жизнеспособности и функционирует на фундаментальном уровне сознания. Это проявляется в идеологемах и в социальных маркерах, которые мы находим в речевых штампах: «наш человек» или «не наш», «свой парень» или «не от мира сего», «весь в меня» или «в кого уродился» и так далее.

Мифологема жертвоприношения направлена на консолидацию социума перед перспективой небытия. Его логика есть логика отказа от части ради сохранения целого. Жертвой в каждой конкретной традиции становится то, что осмыслено в культуре в качестве источника жизненных сил: это могло быть культовое животное у охотников, какое-нибудь особенное и важное растение у собирателей, основное животное у скотоводов или основной злак у земледельцев.

С переходом к товарно-денежным отношениям роль жертвы начинают играть деньги, отсюда обычай дарить деньги или бросать монетки духам. Человеческие жертвоприношения, которые имели место в глубокой древности у многих народов мира, имеют тот же смысл адресации человеческих жизненных

сил богам в их буквальном, натуралистическом понимании. Возникает вопрос — как и в какой форме архаическое жертвоприношение связано с обычной агрессией?

В обществах развитой социально-правовой культуры миф действует на уровне ментальных парадигм, метафор языка коммуникации, образ-факторов психической стабилизации, но не является прямым руководством к действию. Символизация жертвоприношений происходит еще в рамках традиционных мифоритуальных практик. Мифы многих народов содержат комментарий по поводу замены человеческих жертв символами. Соответственно, когда мы сталкиваемся с историческими свидетельствами иррационального насилия и особенного насилия, вызванного коллективным аффектом, то можем рассмотреть на этих примерах механизм функционирования исходных социоинтегрирующих структур общественного сознания, реанимирующих жертвоприношение как архиметод социальной консолидации. Феномен жертвоприношения часто наблюдается в критические и переходные исторические периоды, в которых нарушается целостность культурной традиции (Тэрнер, 1983).

Нет нужды погружаться в глубины антропогенеза, чтобы наблюдать роль образа врага в консолидации социумов — данный архетип успешно эксплуатируется и современной политикой. Тем не менее, аспекты этой проблемы стоит рассмотреть подробнее, ибо в современной российской армии нет такого подразделения, в котором не был бы реализован архетип антипода, мобилизующий общественное сознание идеей жертвы отпущения, воплощенной в феномене *чмо*.

Для перевода армейского понятия «чмо» на язык общегражданских норм в качестве синонима часто используют выражение «козел отпущения».¹ Это не просто метафора. Речь идет о тождестве социальных функций жертвы, жертвоприношения и жертвенного поведения в архаических ритуально-правовых системах и в неуставных отношениях в армии. Здесь следует вспомнить, что история человеческих жертвоприноше-

---

¹ Характерно, что «козел отпущения» остается не только речевой, но и социальной нормой гражданского общества, и это значит, что проблема «казарменных извращений» — это проблема согласования армейской и гражданской нормативно-правовых систем.

ний знает два вида жертв: первый — самые лучшие члены общества, персонифицирующие его (общества) добродетели; второй — самые худшие, асоциальные субъекты, вбирающие в себя всю скверну общества, вместе с которой устраняются. Лица, занимающие «опущенное» положение в экстремальных группах, представляют собой жертвенных субъектов второго вида.

Слишком просто было бы представить чмо только как патологию воинского коллектива. Социальная роль чмо общественно востребована: своим существованием оно¹ утверждает действующие порядки от обратного: «смотрите, как выглядит социальное несоответствие».

Между ритуальными жертвами и социально-политическими, к примеру, «жертвами репрессий», казалось бы, нет ничего общего, кроме аллегории. Но если отбросить религиозный аспект, в первом случае, и идеологический пафос, во втором, то обнажится единый социально-психологический алгоритм — консолидация социума путем выведения его экзистенциальной границы, проходящей через оппозиции «свой/чужой», «человек/не человек», «жизнь/смерть».

Древняя история знает аналогии армейским чмо. Рене Жирар приводит в качестве примера жертвы отпущения в греческом полисе феномен фармака, игравшего роль «козла отпущения»: «Предусмотрительные Афины содержали на свой счет несколько несчастных для жертвоприношений этого рода. В случае нужды, то есть когда город поражало или грозило поразить какое-то бедствие: эпидемии, голод, чужеземное вторжение, внутренние распри, в распоряжении коллектива всегда имелся фармак. Жертва считается той скверной, которая заражает все вокруг себя, и смерть, действительно очищает общину, поскольку возвращает туда мир. Поэтому “фармака” и проводили чуть ли не повсюду — чтобы он впитал всю нечистоту и взял ее на себя; после этого “фармака” выгоняли или убивали во время церемонии, в которой участвовало все население» (Жирар, 2000: 118—119).

В концепции Жирара смысловое значение обрядов с участием фармака — социальная идентичность, интеграция и очи-

---

¹ В силу лиминальности этих субъектов, которая часто подчеркивается их сексуальной пассивностью, будет терминологически точно отнести чмо к среднему роду.

щение социума от скверны путем изгнания ее персонификатора. «Данный обряд — это повторение спонтанного самосуда, который вернул в общину порядок, поскольку против жертвы отпущения и вокруг нее воссоздал единство, утраченное во взаимном насилии» (Жирар, 2000: 118–119). «Где всего несколько мгновений назад были тысячи отдельных конфликтов, тысячи изолированных пар братьев-врагов, там снова возникает сообщество, собранное воедино в ненависти, которую ему внушает только один из его членов. Вся злоба, прежде раздробленная на тысячи разных индивидов, вся ненависть, прежде направленная куда попало, теперь сходится к единственному индивиду, к *жертве отпущения*» (Жирар, 2000: 101).

Фармак по смысловому значению своей персоны в древнегреческом социуме представляет социально-историческую аналогию армейскому чмо. Жертва появляется на фоне потребностей общества в идентичности и консолидации, что не умаляет ее архетипического значения. Напротив, она служит еще одним подтверждением социогенной роли коллективного бессознательного, восстанавливающего идентичность общества на грани его распада: «мы не знаем, кто мы есть, но точно знаем, что мы — не есть чмо».

Пограничность позиции чмо еще четче очерчена его знаковой изоморфностью дембелю. Чего стоит одно только эстетическое кредо последнего: «Дембель должен быть чмошным». Их сочетание выражает инверсию низшей и высшей границ аутсайдности, в символах которой выражается отношение к высшей власти в ранних политарных формированиях. В инаугурационном гимне Моро-Наба у мосси (Уагадугу) в адрес входящего на престол монарха поется:

*Ты испражнение,
Ты куча отбросов,
Ты пришел нас убить,
Ты пришел нас спасти.
(Жирар, 2000: 133)*

Монарх и изгой — оба спасают общество от распада, обозначая его верхние и нижние пределы. Они оба — на краю социального пространства, поэтому сущность обоих выражена аллегориями испражнений и отбросов. Антисуществом — антивещество!

Жертва *отпущения* в концепции Рене Жирара есть объект *опущения* в казарменной терминологии. Оба понятия на формальном уровне представляются игрой слов, но семантически представляют тождество социального и физического пространства. Естественно, что устройство определенных семантических структур языка связано с закономерностями пространственного восприятия, с одной стороны, и социальным устройством, с другой (Журинский, 1971: 98). Но анализ средств коммуникации в экстремальных группах говорит о том, что речь не только отображает социальную реальность, но, в свою очередь, являясь активной коммуникативной системой, сама ее моделирует.

И еще о прилагательных «отпущенный» и «опущенный», характеризующих положение асоциальных индивидов в традиционном и экстремальном социуме. В их пространственной ориентации «вовне» и «вниз» мне видится отражение принципов социальной консолидации обществ разного типа. Если индивид, не соответствующий общественным стандартам, в традиционном социуме может быть *отпущен*, в экстремальном он будет *опущен*, поскольку вертикаль механической консолидации не предполагает «отпущения».

Некоторые аспекты приношения жертвы отпущения в архаических обществах и в экстремальных группах совпадают до мельчайших смысловых деталей. В качестве примера мы можем сопоставить наблюдения Р. Жирара и современных отечественных правозащитников:

«Иногда предание смерти состоит в настоящем коллективном нападении на животное. В этом случае особо метят в детородные органы. То же происходит и в случае с фармаком, которого хлещут по половым органам травянистыми растениями.»

(Жирар, 2000: 122)

«Да, и тогда в армии была дедовщина и насилие, но оно осуществлялось по правилам. Тогда ниже пояса не били, а теперь с этого начинают. Сейчас из армии возвращаются пострадавшими 100% и у каждого третьего порвана мошонка.»

(ПМА, Новосибирск, 2000 г.)¹

¹ Из интервью с председателем Новосибирского отделения Комитета солдатских матерей РФ Р. А. Белик. Полный текст опубликован в еженедельнике «Новая Камчатская Правда» №27, от 13 июля 2000 (Банников, 2000).

Жирар заостряет внимание на особом смысловом значении гениталий жертвы, которые в семиотическом пространстве ритуала жертвоприношения являются точкой концентрации жизненных сил, циркулирующих между космосом и социумом. Институт жертвоприношения целиком направлен на решение именно этой задачи: поддержание баланса между социальными и комическими сферами, от которого зависит целостность универсума.

Правозащитники отмечают резко возросшее в последнее время число генитальных травм вследствие статусных отношений. Можно это объяснить просто: общий рост жестокости на фоне массовых недовольств и понижения престижа армии в результате общесоциального и экономического кризисов усугубляет изощренность насилия с нарушением былых запретов из неписаного кодекса чести, таких, как «не бить ниже пояса». Однако за любым извращением стоят метаморфозы всей социокультурной системы.

Архетипическим символом социальной потенции является потенция половая. Но в условиях развитой культурной традиции это отношение становится все более сложным и неоднозначным, все более метафоричным. Такова роль половых органов и функций в символизме жизненных сил самого широкого значения: символ креативного начала, символ социального доминантного статуса, символ мировой оси и т. д. Этот символизм обычно представлен порядком образов: фаллос — дубина вождя — мировая ось — эманация жизненной силы. С упадком культурных связей половая потенция все более замещает социальную, вплоть до прямого насилия с целью «опустить», «поставить на место».

Современная этология относит фаллические демонстрации к реликтовым формам социального поведения. «Фаллические изображения часто трактуются как чисто сексуальные, — пишет М. Л. Бутовская. — Однако наблюдения за приматами показывают, что фаллические демонстрации связаны с изображением высокого социального статуса. Такое поведение интерпретируется как ритуальная угроза покровяния. В некоторых традиционных обществах фаллическая демонстрация сохраняется в костюме. Она сочетается с другими признаками ранга и статуса. В воинственных культурах папуасов Новой Гвинеи часто используются фаллокрипты, визуально увеличивающие

фаллос и как бы демонстрирующие постоянную эрекцию и угрозу в адрес окружающих. Ритуализация в одежде является производной непосредственной агрессии, которая может принимать формы реального изнасилования для демонстрации силы и подчинения. Следующим этапом ритуализации является создание фигурок, демонстрирующих эрегированный фаллос и их применение для защиты территорий и зданий» (Бутовская, 1999: 59—60).

На фоне генитальных операций, направленных на обозначение высокого статуса элиты путем трансформации половых членов, генитальные травмы париев по своей сути ничем не отличаются от ритуальной кастрации с целью лишения антагониста активных жизненных сил, что суть символическое убийство. Но, разумеется, способы символического умерщвления личности этим не исчерпываются. «Тема насильственного обезличивания включает кастрацию, тогда, как кастрация не может включить все, что покрывает тема насильственного обезличивания» (Жирар, 2000: 302). Генитальные манипуляции есть еще одна форма проявления семиотической редукции культуры.

В редукции полисемантических проекций исчезают знаки, символы, подтексты — всего того, что придает социальному контакту известный смысловой объем. Поэтому субъекты коммуникации взаимодействуют не опосредованно знаково-символическими системами, т. е. остаются без средств адаптации. Поясню на простой схеме.

а) Семиотически не опосредованный (не адаптированный) акт доминантной коммуникации — это акт физического насилия, в котором воздействие на личность тождественно воздействию тела на тело. Жестом такой коммуникации может быть просто удар.

б) Опосредованный знаком акт доминантной коммуникации — это, соответственно, *знак* физического насилия, в котором воздействие на личность тождественно воздействию информации на сознание. Жестом такой коммуникации может быть демонстрация силы.

Короче говоря, а) «дать в морду»; б) «показать кулак» (или удостоверение личности, наделенной особыми полномочиями или любой другой символ власти и т. п.). Разница между «а» и «б» составит степень полисемантической прогрессии. Цель дистанцирования «а» и «б» — это цель культуры. Она выражается

в нейтрализации агрессии и взаимной адаптации индивидов, их консолидации ради конструктивных действий.

Уровень внутренней агрессии в социуме обратно пропорционален его способности развиваться. Сообщества с высоким уровнем бытовой агрессии имеют невысокую степень сложности культурно-значимой информации. Развитие информационных систем зависит от степени социальной интеграции, требующей от общества преодоления внутренних деструктивных тенденций.

Усложнение полисемантической прогрессии и увеличение объема информации необходимой для успешного функционирования личности в социуме составляет фон культурной эволюции. Но ее чрезмерное усложнение делает эту развитую конструкцию уязвимой и неустойчивой. В среде, требующей упрощения средств коммуникации, возможен распад полисемантических связей, который потом трудно остановить. Таким образом, когда сложная информация не производит конструктивных изменений в социальном пространстве, люди перестают «понимать слова». Непонимание слов активизирует язык жестов, непонимание жестов — язык силы, непонимание силы — язык насилия.

Примеров семиотической редукции много, но их суть одинакова. Она заключается в упрощении смыслового поля социального взаимодействия, что выражается в переходе от манипуляций со смыслами к манипуляциям с телами, от операций со значениями к операциям с означающим. В этой редукции реактуализируются в своем первичном филогенетическом значении элементарные психические парадигмы — агрессия и фобии — как средства социального управления.

«Любить оружие»

Устав Советской Армии настолько полно регламентировал всю гамму человеческих отношений, что не мог оставить без внимания и проблему любви. Основной закон армии гласит: «Военнослужащий *обязан* любить свое оружие». Ему вторят командирские увещания: «Первой любовью молодого бойца должен стать Устав, второй — командир!».

Вот что по этому поводу пишет Алексей Левинсон: «Нам не известно более ни одного случая, когда любовь предписана

к исполнению юридически обязательным образом. Устав и обряд присяги оформляет отношение военнослужащего с оружием, как род брака» (Левинсон, 1999).

Это утверждение иллюстрируется массой аллегорий из армейского фольклора или из образных речевых оборотов, типа: «С автоматом надо обращаться бережно, как с любимой девушкой, смазывать раз в неделю».

«Отличие “невесты” не в том, что она “механическая” (такой брак, по метафоре Маклюзна, заключают, например, миллионы автовладельцев), но в том, что она достается жениху не по выбору, не по его воле. Выбрать оружие по себе — прерогатива рыцаря, богатыря, боевика, террориста, бандита, но не рядового. Семиотика табельного оружия военнослужащего иная, чем у купленного гражданского лицом по выбору, пусть это один и тот же пистолет» (Левинсон, 1999).

Любовь к оружию предписана 18–20-летним мужчинам, которым в силу требований того же устава фактически предписан celibат. Обряд принятия присяги окончательно и официально закрепляет положение солдата в системе вооруженных людей — людей, смысл жизни которых заключается в обладании оружием. Но так как без оружия жизнь солдата лишена смысла, то будет точнее сказать, что это не солдат обладает оружием, но оружие солдатом.

Структура солдатского фольклора является хорошим источником по психологии этого перехода из мира людей в мир механизмов. Существует целый пласт песен и историй, в которых женщина семиотически отождествляется с автоматом: солдату изменяет его, оставшаяся дома невеста, и только верный автомат ему никогда не изменяет! Механизированный орган самца объективируется как активное начало и занимает самостоятельное положение в системе символов, где солдат становится его бесполом приложением.

Социальность и сексуальность

Грустному армейскому фольклору вторит веселый, также связанный с социальной сексуальностью военных. Архетип мистического брака с оружием всплывает в массовом сознании военнослужащих вследствие апологии своего образа жизни

и, соответственно, предстает в положительной комплиментарности. И сексуальность дается солдату не только потому, что он солдат вообще, а именно в силу того, что он солдат ракетных, бронетанковых, пограничных, десантных войск, стройбата или войск связи. Где бы человек ни проходил службу, он всегда будет выделять свои войска из остальных именно по принципу апологии образа жизни, эксплуатируя архетипы жизненной силы.

Фольклор конкретного рода войск рисует типичного ракетчика (танкиста, пограничника, десантника, стройбатовца, связиста) эдаким добрым молодцем, удачливым и находчивым в служебных и любовных делах, который соблазняет не простых женщин, а жен и любовниц военнослужащих всех остальных родов войск. Вот, например, две частушки из десятка услышанных автором на политзанятиях, от командира, популярно объяснявшего преимущества тех или иных родов войск:

*Пока связист мотал катушку
Танкист е...л его подружку.*

И, соответственно,

*Пока танкист е...я с траком
Связист жену поставил раком.*

Или на ту же тему, из жизни моряков:

*Скорее лев откажется от пищи,
Чем женщина от ласки моряка.*

Очевидно, что такая сверхсексуальность главного действующего лица есть не что иное, как эманация его доблестного рода войск, принадлежностью к которому он по праву гордится.

Мифологема трикстера полностью развернута в современном армейском фольклоре. Сюжеты о соблазнении рядовым (но обязательно дембелем) жены или дочери офицера, желательно непосредственного начальника, воспроизводятся как социально-статусная парадигма архетипа жизненных сил по от-

Армия - это ...

2 года

24 месяца

104 недели

730 дней

17520 часов

1051200 минут

63070000 секунд

ПВ — это значит тревога

ПВ — это ночи без сна

ПВ — это язык для народа

ПВ — это меч для врага

Неизвестный автор проиллюстрировал тексты о том, что такое армия и что такое погранвойска именно этим рисунком бессознательно, но не случайно. В условиях "целебата" социальный статус осознается в гендерном детерминизме.

ношению к антагонистам. Можно привести десяток фольклорных вариаций на эту тему. В середине 1990-х годов как минимум на четырех заставах Российско-Китайской границы вам бы рассказали, что дембеля, которые уволились «прошлой весной (осенью)» были настолько сексуальны, что когда они доблестно озирали рубежи нашей Родины на своем героическом посту, то для любовных утех к ним на пограничную вышку (!) лазила сама жена начальника заставы. Или замполита, или замбоя,¹ или старшины — в зависимости от интенсивности «любви», которую терпит личный состав со стороны того или иного должностного лица.

¹ «Замбой» — заместитель командира по боевой подготовке.

Вечный сюжет солдатского творчества.
Из дембельского блокнота неизвестного пограничника.

Комментировать очевидное — занятие неблагоприятное, но все же заметим, — приведенная история построена на контаминации архетипа фаллического культа, мировой оси, и символа данного рода войск — пограничной вышки. И вот на этот мировой фаллос карабкается жена офицера, чтобы совокупиться с дембелем-погранцом, «настоящим мужиком», хозяином истинных жизненных сил. Женщина в армии — явление трансцендентное, и в приведенном эпизоде она выступает как арбитр конфликта двух сил этого мира — неофициальной истинной и официальной ложной, конфликта, выраженного социальной семиотикой полового детерминизма.

В увольнении.

Данный фольклоризм давно шагнул из казармы на большую эстраду. Группа «Любэ», сделавшая эстрадную карьеру на эксплуатации военно-брутального имиджа, поет песню «Самоволочка», в которой бравый солдат любит «капитанову жену». Настоящий солдат в заформализованной среде ведет себя как мифический культурный герой, чем оживляет безжизненный механический ландшафт устава, т. е. делает уставшину с ее сублимированными отношениями и celibатом вполне приемлемой для нормального существования. Этот бессознательный трикстерский комплекс восходит в своей основе к архетипам, коллективному бессознательному (о чем говорит его распространенность в мировых мифоритуальных системах) и закрепляется в поведенческом стереотипе, которому положено следовать всем «настоящим воинам» — дедам и черпакам.

В ближайшие после «перевода» выходные новоявленные черпаки устремляются в город (поселок) искать невест. По их убеждению, теперь, когда их кокарды соответствующим образом загнуты и все значки надеты, они выглядят вполне презента-

Смертоносная танатическая функция военного человека в гендерном детерминизме переосмысливается как экспансивная эротическая, что влияет и на эстетическое восприятие военной формы.

бельно и сексуально. Перед межполовыми отношениями временно отступают даже доминантные. Мне известен случай, когда накануне первого увольнения молодых солдат собрался консилиум дедов, постановивший, что им следует разрешить загнуть кокарды, чтобы те не позорили подразделение своей «духовской» внешностью.

В другом случае, на вопрос, почему бы не пойти в увольнение «по гражданке», во избежание общения с патрулем, один мой сослуживец ответил: «Ну, ты что! Когда ты в форме, стоит только выйти на Ленинский, как девки пачками вешаться на

тебя будут». Многочисленные эксперименты доказывали несостоятельность данного тезиса: «пачками вешался» как раз патруль, но это никак не отражалось на силе стереотипа. Когда же у солдата в городе действительно появлялась женщина, это повышало его авторитет в глазах товарищей. И он всеми силами старался его поддерживать, описывая после отбоя свои похождения в деталях.

— Ах, как много раз я ее имел.

— Да ты все врешь!

— Не веришь, посмотри, он весь красный. (Демонстрирует половой орган, как знак своей значимости. Орган был, действительно, необычного цвета.)

— Да ты его кирпичом натер!

Далее следует ритуальный поединок: оппоненты понарошку меряются силами.

(ПМА, Кишинев, 1988 г.)

У солдат больше возможностей, чем у заключенных, завести настоящий роман, но он будет настоящим только по ту сторону забора, а в воинской части сам факт любви девуализируется и становится достоянием социума постольку, поскольку таковым является сам любовник. Любовь уходит на второй план, уступая место статусу. И женщина здесь ценна не сама по себе, но той знаковой аурой, которой она облачает своего военного любовника в глазах коллектива, от лица которого он ее любит.

Изначально деструктивная в своей основе, смертоносная функция военного человека в знаковом стереотипном восприятии делает его сексуально притягательным, поскольку разрушительная функция Танатоса доводит до апофеоза потенциал экспансии, который есть по определению Эрос, — апофеоз утверждения и созидания.

«Заложенные в военной эстетике танатические радикалы переосмысляются как эротические, тема военной смерти — безнаказанно причиняемой и безвинно принимаемой — делается в моде нестрашной. (Шантанный куплет: “А я люблю военных, красивых, здоровенных” предельно ясно выражает эту трансформацию Танатоса в Эрос)» (Левинсон, 1999).

Татуировки

За переосмыслением физиологии в системе символов стоит потребность обозначить свою социальную идентичность, т. е. человек стремится быть чем-то большим, нежели просто телом, или пресловутой «строевой единицей». Поэтому тело трансформируется, и покрывается более сложными знаками социального состояния: потребность репрезентации знаков идентичности постоянна. На этом уровне экспансивных символов знаком идентичности становится оружие или эмблемы родов войск, изображение которых наносится на тела в виде татуировок.

Все оружие делится на два рода. Это механизированные, усиленные органы отца/самца. Их функция — прободение. От патрона 5,45 мм до межконтинентальной ракеты они имеют одну и ту же фаллическую форму, диктуемую архетипом не менее, чем аэродинамикой. Другой род оружия — механическая, стальная утроба. Это бронированное материнское укрытие — танки, БТР, субмарина и т. д.» (Левинсон, 1999).

Не берусь как-то комментировать отношение архетипов к аэродинамике. Однако стоит обратить внимание на то обстоятельство, что названные типы татуировок в своем смысловом значении представляют собой род мандалы — схематически выраженную гармонию сфер (Юнг, 1997: 27–29).

Фаллический силуэт патрона — частый знак армейских татуировок, который используют «партачные мастера» в качестве художественных виньеток татуирования группы крови на левой половине груди или на плече. В современной армии это не жизненная необходимость и даже не мода, но знак инициации: духи не имеют права делать татуировки.

На то они и духи, им даже группа крови не положена. Только инициированные мужчины могут обозначать свой статус группой крови, вписанной в фаллический снаряд, радуясь обозначенной социальной потенции не меньше, чем физической.

К другому виду инициационных татуировок относятся знаки родов войск в композиции с изображениями характерных для них видов коллективного оружия: танки, БТРы, субмарины и т. п. — именно символ материнского укрытия, о котором пишет Левинсон.

Социальная значимость татуировок в армии, их семиотическая близость к архаическим образцам отражают парадигму

сознания, связанную с идентичностью. «Таким образом происходило “переоформление” натурального человеческого облика в изобразительный символ племенной мудрости», — пишет Н. В. Полосьмак о *другом* времени, *другой* культуре,¹ *других* татуировках, но это замечание справедливо по отношению к *любым* временам, *культурам* и *татуировкам* (Полосьмак, 2000: 99). В данном случае различие между ними заключается лишь в том, что на тело древнего воина наносится образ тотемного предка, а на тело современного — эмблема рода войск. Дело не в эмблемах. Важно то, что современный воин бессознательно испытывает ту же потребность, что и древний, — потребность обозначить идентичность неким метазнаком силы, и удовлетворяет ее точно так же — покрывая знаком тело. Тело — первый знак идентичности.

В этом проявляет себя сама сущность человека — «переоформлять» собственную природу в смысловом метапространстве знаков и символов. Поэтому смысл добровольного клеймения человеком своего тела в армии такой же, как и у первобытных народов. Он раскрывается в семиотическом значении рисунков — знаков экспансии и идентичности. Семиотика самого акта татуирования может рассматриваться в парадигме инициации: слияние тела вчерашнего неопита с субстанцией, питающей его духовную сущность.

Все это напоминает первобытные мужские инициации, имеющие целью ритуально обозначить переход неопита из половозрастной группы «женщины и дети» в статус полноценного, готового к брачной жизни мужчины, для чего надо выполнить ритуал, сопряженный с физическим и/или психическим страданием. За пределами ритуала знаки идентичности инициированного мужчины функционируют как блоки информации о нем и репрезентации его статуса.

Символизм волос: статус, подавление, протест

Универсальная семиотическая парадигма волос в мировой культуре состоит в проявлении природной стихии роста, которую человек, устанавливающий отношения с миром по прин-

¹ Имеется в виду исследование татуировок у Пазырыкских скифов.

ципу системного порядка, стремится как-то регулировать. Прическа и причесывание символизирует подчинение природных начал в человеке культурным стереотипам и нормам. Поэтому так психологически действенна магия волос и поэтому образы колдуна, ведьмы и других им подобных персонажей коннотируют с представлениями о непокрытой голове, с нестриженными, не заколотыми, распущенными или не оформленными в прическу волосами. Причесывание в религиозном сознании имеет значение ритуального акта по установлению контроля над стихийным проявлением магической силы. С этим связан распространенный в мифах и сказках народов мира сюжет: герой спасается от демонов при помощи гребешка. Пример из христианства — пострижение в монахи.

Волосы понимаются как символ жизненной силы, проявляющий присутствие стихии в человеке, которую следует упорядочить согласно традициям данного общества и положению человека в обществе. В определенные периоды жизни положение человека в обществе меняется, меняется и его прическа, которая есть знак социального статуса личности в ее принадлежности к своей группе. В тех обществах, которые консолидируются культом жизненных сил, — у сикхов, назареев, воинов древней Спарты и многих других, — стричь волосы считалось недопустимым.

В любой культуре социальный контроль начинается с того, что предписывает личности правила оформления собственных волос, которые обоснованы в мифологии. Это знак принятия личности в качестве полноценного члена, который во многих традиционных культурах заложен в основание переходных ритуалов. Ритуалы обрезания волос в день рождения трехлетних детей сегодня, к примеру, проводятся в Туве. Члены рода отрезают пряди волос ребенка, принимая в свой круг нового человека. У тайских народов манипуляции с волосами также составляют суть переходных обрядов, и пучок волос, который формируется у неопита в результате ритуальной стрижки, называется кхуан — «жизненная сила».

Представления о форме причесок и длине волос отражают нормы и девиации в каждой конкретной культуре и являются маркером социальной идентичности. *Нормальная* прическа символизирует принятие общественных норм. Радикальный подход к оформлению волос, от их полного уничтожения до полного

невмешательства в процесс естественного роста, символизирует социально экстремальное состояние личности в спектре от полной подчиненности до полной свободы.

Прическа — это знаковый визуальный код индивида в его отношении к норме, позволяющий определить степень девиантности отдельной личности (панка, хиппи, наци и т. п.), или же аномальности ситуации предусмотренной культурой (обрезание волос в случае траура).

То же самое можно сказать о прочей растительности на лице. В античном мире одним из стереотипных компонентов, из которых складывался облик добропорядочного гражданина, была аккуратность его прически и выбритое лицо. Борода и длинные волосы считались атрибутом лиц асоциальных — варваров и философов, они были предметом насмешек и поговорок типа: «Бороду вижу, философа не вижу», «Борода растет, голова пустеет» и т. д. Длина волос в эпоху цивилизаций определялась модой — системой выражения социальной идентичности и личностной самореализации в коде изящных пропорций.

В то же время знаком подчиненного положения личности было бритье голов. В античном мире головы брили в основном рабам. Одним из первых указов захватившей власть в Китае династии Маньчжуров стало распоряжение всем китайским мужчинам обрить головы в течение недели. В случае неповиновения — смерть. Тогда в народе родилась поговорка «спасешь волосы, потеряешь голову».

Символизм волос может служить средством социального контроля так же, как и социального протеста. Посредством причесок подчеркивают не только свой статус, принятие традиций и норм, но и свою дистанцированность от общества, и более того, конституируют собственную субкультуру. Примеров тому в современном обществе масса. В 1960-е годы хиппи отпускали волосы в знак протеста против общества. Общество их ловило и стригло, пытаясь вернуть обратно, поскольку видело в знаковых проявлениях девиантности угрозу своей целостности. Кришнаиты же, напротив, бреют головы, демонстрируя свою тотальную подчиненность, но уже не земной, а небесной власти, и говорят: «Я все отдал Кришне, даже волосы».

Мода на бритые головы с претензией на норму возникает чаще всего в периоды общественных кризисов. Все эти современные «бритоголовые», «яйцеголовые», «гопники», «скинхэ-

ды», «хаммерхэды» и т. д. — лишь знак тенденций социального кризиса и диффузии культуры индустриальных обществ эпохи глобализации. Интересно, что появление бритоголовых на улицах городов Японии эпохи Мэйдзи воспринималось культурным большинством точно так же, как и появление «гопников» в российских городах эпохи перестройки. Тогда, полтора столетия назад, японцы в адрес своей «прогрессивной» молодежи говорили: «Стукни по коротко остриженной башке, — услышишь гулкий звук “культура” и “прогресс”» (Арутюнов, 1989).

Пострижение новобранцев в армии — действенное средство унификации индивидов в их подчинении тотальному контролю. Семантика прически солдата — в его подчинении структуре строя, и это также является темой армейских перлов: «Абашидзе зарос как слон, волосат как уж»; «В роте семь разгильдяев, а ты волосы на пробор носишь!»; «Бакенбарды должны проходить по верхнему срезу ушей»; «Сбрить этот плацдарм для вшей!» и так далее.

Интересно, что если солдату предписано очень коротко стричь волосы, то брить голову ему официально запрещено, поскольку официальные власти видят в этом знак некой социальной аномальности. Я был свидетелем объявления 10 суток гауптвахты всем, обрившим головы на «стодневку». Известны более радикальные меры, когда за исполнение этого сугубо ритуального акта, люди отправлялись в дисциплинарный батальон. Однако также известны случаи, когда к насильственному бритью голов власть прибегает в порядке репрессивных и карательных санкций, воспроизводя тем самым семиотику казни.

[Из солдатских писем]

<...> Зато в воскресенье из роты уходили 18 человек в увольнение с 9 ч. до 2 ч. Пятеро из них пришли пьяными, их заметили, заставили писать объяснительную и они маршировали у штаба полка 6 часов. Что с ними будет, пока не известно, но их постригли наголо (лезвиями, почти всех порезали). Они моют сейчас туалеты. Все будет зависеть от командира полка — или гауптвахта, или просто работы в роте до изнеможения. Нас за них тоже прокачали. Заставили отжиматься, приседать, держать стулья в руках на вытянутых, некоторых били стульями по жопе. Изверги. Я не получил.

(«Армия рабов» // www...)

Пострижение — ритуальный акт социального контроля.
 Комиксы дембельских альбомов. Из архива Д. Л. Зубовича.

Если насильственное бритье головы семиотически равноценно умерщвлению, то добровольность того же действия акцентирует ритуальное самоубийство в знак социального протеста. В армии это является знаком выхода личности из-под тотального контроля. В ночь на «сто дней до приказа» деды бреют головы, демонстрируя собственную аутсайдность по отношению к уставным нормам. В этом видятся уже не только доминантные отношения военнослужащих, но война символов.

Все вышесказанное показывает, насколько архетипическая функция волос задействована в армии как инструмент стратификации социальных отношений в диапазоне от подавления и обезличивания до демонстрации протеста.

Архетипы речевой коммуникации

Л. С. Клейн в своем исследовании описал интересный феномен уголовной субкультуры — ритуальные загадки, которые

задаются неофиту, и на которые нужно знать правильный ответ. В армии также известно нечто подобное.

*[Из солдатских писем]
С сибирским приветом!*

Сегодня 17 декабря. Утром на улице холодный ветер, мороз, гололед. Сегодня началась 100-дневка для дембелей. Это значит — 100 дней до приказа об увольнении, для нас эти 100 дней до приказа будут ужасом. Мы должны будем подходить к дембелям и говорить: «Разрешите доложить сколько дедушке служить», — поздравлять со 100-дневкой и жать руку. Они будут задавать вопросы, например: «Какие сапоги цветом?» или «Каким цветом потолок?». Если ответишь правильно, то не трогают, а если нет — бьют кулаком по голове или нагибаешься и держишь глаза, а тебе бьют кулаком по шее (так синяки не остаются). Так вот на эти вопросы мы должны отвечать: «Зеленым», так как они уходят почти летом, а лето зеленое. Или еще: «Сколько будет два плюс два?». Мы отвечаем «99» или «98» — смотря сколько дней проходит от начала 100-дневки.

(«Армия рабов» // www...)

Формальная логика в структуре текстов загадок отсутствует. Напротив, они демонстративно алогичны, и выяснение «правильного ответа» предполагает не удовлетворение познавательного интереса, а удовлетворение потребности иного рода — потребности в доминации, которая здесь осуществляется путем вовлечения собеседника в поле абсурда. Ритуальная загадка становится разновидностью ролевой игры, в которой собеседник как бы принимает заведомо абсурдное утверждение потому, что оно исходит от доминанта. Это утверждение отражено в фольклоре:

- *Товарищ прапорщик, а крокодилы летают?*
- *Ты что, спятил?!*
- *А майор сказал, что летают.*
- *Ну, тогда летают, но низенько.*
- *А майор сказал, что высоко.*
- *Так то ж аллигатор!*

Именно социальная направленность конституированного абсурда выводит наши рассуждения о его природе в новую плоскость. С точки зрения здравого смысла, летающие

крокодилы, зеленые сапоги и потолки и т. п. есть абсурд. Однако обратим внимание, что все окрашивается в зеленый цвет не произвольно, но «так как они уходят почти летом, а лето зеленое». Точно так же, как и все простейшие арифметические операции сводятся к счету дней до приказа. Статус элиты понимается как состояние субстанциональности, в которое сворачивается все многообразие мира. Иными словами, все проявления бытия понимаются как знаки, конституирующие статус элиты, и формулы речевой коммуникации есть конституция этого статуса. Таким образом, информационное поле доминантного взаимодействия представлено в трансформации бытового абсурда в ритуальную квази-логику. Знание ритуальных текстов избавляет неофитов от физических страданий.

По сообщению информантов, в современной Украинской армии ритуал статусных загадок воспроизводится более полно, чем в советское время:

Если дед спросит духа: «Как у деда служба?» — нужно сказать: «Зае...ла деда служба». Если: «Сколько прослужил?» — нужно ответить: «Пять минут с поезда». На вопрос «Сколько осталось служить?» — «Шуршать, как медному котелку».

«Правильные» ответы предполагают знание целых диалогов, которые инсценируются на манер театрализованных представлений:

Дед: Как служба?

Дух: Как в курятнике.

Дед: А как в курятнике?

Дух: Где поймают, там е...т.

Дед: А как е...т?

Дух: Так, что перья летят.

Дед: А как летят?

Дух: Как Ту-134.

Дед: Как это?

Дух: (раскинув руки) У-у-у-у-у-у-у-у!!!

Знание блока «правильных ответов» предполагает готовность респондента играть в этих статусных играх заведомо подчиненную партию, поскольку институт ритуально-коммуникативных текстов подчинен общевойсковой задаче «социализации абсурдом».

В семиотической парадигме знание доминирует над незнанием и является инструментом осуществления социального превосходства. Интересно, что все это развлекает, т. е. в играх-загадках развлечение — это сам процесс смыслообразования, и игры в *смыслообразование* приводят к *социообразованию* в них играющих. Так дети всего мира играют в «секреты», где смысл игры — построение структуры социальных связей посредством организации системы «тайного знания», «тайно» структурированного ландшафта: «А что я знаю! Никому не покажу, только тебе! Но ты никому не говори».

К загадкам другого рода относятся «расшифровка» аббревиатур, в которые превращаются какие-то общие фразы:

У — учти
 С — сынок
 Т — тебя
 А — армия
 В — воспитает
 Г — государственное
 У — учреждение
 Б — бастующих
 А — армейцев
 Ф — физическое
 И — изнасилование
 З — здорового
 О — организма
 С — самым
 Л — лучшим
 У — уроком
 Ж — жизни
 Б — была
 А — армия

Аналогом армейских аббревиатур представляются некоторые татуировки заключенных, в которых «зашифрованы» девизы социального протеста и знаки социальной идентичности: все эти БАРСы («Бей Актив, Режь Сук»), или СЛОНЫ («Смерть Лягавым От Ножа»), и т. д. Невинные, на первый взгляд, слова, по сути, сложные полисемантические построения, где вытатуированные буквы открывают новые смыслы. Подобные прин-

ципы речевой коммуникации используются «для прикола», т. е. для развлечения, но на бессознательном уровне они действуют как знаки, озвучивающие жизненные программы и программирующие жизнь. Их прочтение требует посвященности, т. е. причастности к данной субкультуре. Вербально кодифицированные алгоритмы коммуникации делают общество в оппозиции *посвященный/непосвященный*, тем самым реализуют в социальной структуре архаическую модель *люди/нелюди*.

Оппозиции «тайное — явное», как и «истинное — ложное» выражаются посредством специального художественно-поэтического текста. Средствами литературного языка и повседневной речевой коммуникации выстраивается эстетическая оппозиция «матерная речь — высокая поэзия», для конструирования которой может использоваться акrostих, как своего рода кодировка:

*[Из дембельских блокнотов]
Пишу письмо в последний раз,
Ответ не требую от Вас.
Шутить я больше не желаю,
Любовь свою я забираю.
А Вам советую в одном:
Найдите вы другого друга,
А мне Вы больше не подруга.
Характер скверный мой, порой
Узнать уж если Вы хотите,
И буквы сверху вниз прочтите.*

(ПМА, Тувинско-Алтайская экспедиция, 1999 г.)

Разумеется, изящная словесность, образующая текст, понимается в сентиментальном послании к воображаемой экз-возлюбленной как язык «ненастоящий» — женский. «Настоящий» язык — это язык тайный и закодированный, им «настоящие» brutальные мужчины «не матерятся, а разговаривают». Этот язык состоит из эмоционально-знаковых формул, типа той, что сами собой проявляются на монотонной поверхности текста, как письма Валтасара. Число таких речевых формул ограничено, но они чрезвычайно емки в эмоциональной экспрессии и служат для обеспечения коммуникации уже не как речь, но как музыка, организуя бесчисленное множество эмоциональных оттенков комбинациями ограниченного количества нот.

Пишу письмо в последний раз
 Ответ не требую от вас
 Шутить я больше не люблю
 Любавь свою я забирюю
 А вы советуете в одиноч
 Найдите вы друзей друга
 А вы мне больше не подруга
 Характер скверный мой, порой
 Удирать уж если вы хотите
 И булки сверху вниз проходите

День прожил - реально пошито
 Дембель стал на день поближе
 Дембель ближе, как полерия
 звезда, но излучение как
 восход солнца

Из дембельского блокнота неизвестного пограничника.

Экстремальные группы — сообщества режимные. Так как в них побуждением к действию служит приказ, который не обсуждается и не анализируется, возможности для информационных логических построений весьма ограничены. Речь, как средство коммуникации, редуцируется до междометия — уровня аудиальных раздражителей. В этом смысле здесь матом действительно разговаривают.

Несмотря на то, что мат обретает статус общепринятой коммуникационной системы и теряет свое нецензурное значение, он сохраняет свою функцию особого языка как анти-тезы. Это более всего заметно на периферии армейского социума, там, где он встречается с гражданским населением, особенно с его прекрасной половиной. Механизмы самоконтроля включаются не оттого, что гражданские люди матерятся меньше, чем военные, а именно из-за самой ситуации погра-

ничья, в которой обостряется потребность в единой культурной норме.

Оппозиция нормативной (цензурной) и ненормативной (нецензурной) речи актуализируется и на стыке разных типов речевой коммуникации: *синхронной* — устной и повседневной, и *диахронной* — письменной и торжественной.

Непонятная речь служит кодом идентичности субкультур и, соответственно, каналом социализации, по которому они воспроизводят себя в пространстве/времени, сохраняя притом свою целостность. В сознании носителя той или иной субкультуры формируется иерархия коммуникативных средств, применяемых по отношению к одной и той же реальности выборочно, в зависимости от ситуации. «Ввиду того, что одна и та же реальность (ситуация) может быть обозначена разными языковыми средствами, нельзя говорить на языке, зная только его систему, нужно знать нормы применения этой системы, согласно ситуациям и контекстам. Таким образом, первостепенное значение приобретает анализ семантической структуры высказывания, описывающего данный отрезок ситуации, и слова как компонента высказывания» (Гак, 1971: 80).

В некоторых войсковых частях «духи-стажеры» первые полгода учатся анализу семантической структуры высказываний своих старослужащих, осваивая нормы статусной вербальной и невербальной коммуникации. Их «стажировка» целиком состояла бы из проб и ошибок, если бы не проходила под руководством «духов-стажирующих», которые прослужили полгода и помогают новобранцам не потеряться в подтекстах «дедовских приколов», т. е. разобраться в их словах (*означающих*), понятиях, выраженных в слове (*сигнификатах*), и предметах, на который указывают слова (*денотатах*). Преуспеть в усвоении коммуникативной системы — значит «всосать службу», т. е. успешно социализироваться в армейском социуме.

При описании одной и той же реальности в основу наименования могут быть положены ее разные признаки, поэтому реконструкция семантической структуры высказываний должна опираться на изучение принципов отбора признаков, составляющих информационно-коммуникативное поле (Гак, 1971: 96).

В статусных системах важнейшим признаком отбора информации в потоке речи будет социальный статус говорящих. Соответственно, носители языка, воспринимая *текст* и *под-*

текст высказываний, оценивают социальный *контекст* ситуации, что позволяет им выстроить адекватную линию поведения. Это особенно актуально в жестких иерархических системах; при трансляции информации сверху вниз семантическая ценность каждого слова представителей элиты имеет значение, программирующее просоциальное поведение каждого. В экстремальных группах от этого может зависеть физическое выживание каждого, кто должен «отвечать за базар».

Архетипы пищевой коммуникации

Социальные коммуникации в сфере питания весьма устойчивы и показательны с точки зрения культурных универсалий. Приготовление и прием пищи становятся своего рода маркерами культур во всемирном историческом процессе. Что касается конкретных сообществ, то культура питания выступает одной из главных сфер идентичности, социализации, аккультурации, социальной стратификации и распределения власти. Показательно, что понимание этой проблемы влияет на перераспределение приоритетов в исторической науке, в ее интеграции с социальной антропологией.

А. Я. Гуревич, выдающийся исследователь истории ментальностей, по этому поводу пишет следующее: «Мы начали с проблемы трапезы, угощения — процессов, казалось бы, далеких от сугубо социальной, экономической действительности и суровой юридической практики. Этот “пир на весь мир” утверждал систему социальных связей и питал самосознание его участников. Начав с этого, мы обнаруживаем далее, что с этими процессами непосредственно связан генезис феодальных отношений, во всяком случае в германо-британской части Европы эпохи раннего средневековья. Нам эти знания дались нелегко, прежде всего, потому, что привычки исторического мышления были таковы: есть определенные базисные элементы, компоненты — собственность, рента, эксплуатация и т. д. — их надо изучать. Что касается пира, то это, конечно, любопытно, но иррелевантно к изучению социально-экономических отношений, потому что лежит где-то на периферии и вообще внеисторично, ибо с тех пор, как люди появились, и до тех пор, пока они будут что-то есть, они как-то свои трапезы будут

организовывать. Но оказывается, для понимания того, что мы называем докапиталистическим обществом, во всяком случае, а, может быть, и для понимания любой общественной системы, анализ тех аспектов социальной жизни, о которых мы сегодня говорим, является одним из существеннейших условий» (Гуревич, 1999: 12–13). Именно «любой общественной системы», поскольку в пищевом поведении могут быть прослежены определенные архетипические пласты сознания, независимо от того, на какой стадии исторического развития находится то или иное общество.

Даже человек далекий от армии слышал присказку «масло съели — день прошел», воспроизводящую архаический принцип исчисления времени путем потребления основного продукта. При этом архетипы речевой коммуникации тесно переплетаются с архетипами коммуникации пищевой: пища обменивается на информацию ритуального порядка. Обычай требует не просто отдавать масло, а в обмен на «правильный» ответ на ритуальную загадку, который должен быть известен заранее. В случае неправильного ответа масло демонстративно уничтожается.

Вовлечение неофитов в область «истинного знания» сопровождается дарением престижного продукта старшему младшему. Цель этой игры, во-первых, благопожелание; во-вторых, воспроизводство социальной иерархии в правах и обязанностях («масло жрал? должен летать!»); в третьих, обновление целостности социума посредством встречной циркуляции «тайного знания» и «престижного продукта»: снизу вверх направляется бит культурно-значимой информации («сколько дедушке служить»), сверху вниз посылается основной престижный продукт, знаковый эквивалент всеобщего благополучия. Все это напоминает древние ритуалы культа предков в контексте культа плодородия: потомки через ритуал демонстрируют свое знание общих космических законов, направленное на «умиротворение душ божественных предков», а предки, в свою очередь, вознаграждают потомков жизненной силой в виде обильного урожая и многодетного потомства.

Пища в культуре субстанциональна. Дневная порция реализуется в качестве единицы времени не сама по себе, а по мере ее потребления. Этот символизм детерминирован представлениями о жизненных и природных циклах, сливающихся в таком благе, как пища, урожай и пр. Пища выступает и

средством, и результатом жизненной активности, и, соответственно, символом и мерой жизненной протяженности и детерминативом власти, и поэтому — символом общественной организации вообще.

Основной продукт циркулирует только в социосемантическом пространстве, поскольку предполагает обновление жизненных сил общества путем воспроизводства знаний об условиях их получения свыше. Поэтому и в армии масло проходит мимо рта того, кто демонстрирует незнание общих законов.

Время — Власть — Пища составляют архетипическую триаду, заложенную в основание социо-экологической гармонии. Время в архаическом сознании определяется сезонными производственными циклами, результатом которых служит получение жизненных благ. Институты социального управления (т. е. власть) обеспечивают и организацию производства продукта, и его последующее распределение. Поэтому в ментальности многих народов обнаруживаются пласты, наделяющие власть всеми свойствами времени или способностью управлять временем (Бочаров, 1996: 155). Так, в Японии праздник Нового урожая отмечал рубеж годовых циклов, а вкушение приготовленной из его плодов пищи на церемонии Дайдзёсай — рубеж эр и сезонный переход для всей страны. Или, например, в Африке вожди многих племен могли якобы задерживать или ускорять наступление нового года (Бочаров, 1996: 155).

В. В. Бочаров прослеживает действие данного архетипа в советском государственном устройстве: «Естественно, напрашивается аналогия с советским периодом, т. е. с управлением КПСС сельским хозяйством. Известно, что команды к началу сева или жатвы поступали от партийных руководителей довольно высокого уровня. Эта управленческая деятельность не содержала никаких рациональных мотиваций, т. к. крестьяне, надо полагать, не хуже партийных кадров знали, когда необходимо начинать сеять, когда — жать. Это же относится и к вождю африканского племени» (Бочаров, 1996: 155). Мотивации ритуальных действий могут быть обусловлены преимущественно архетипическими факторами, не зависящими от персональных представлений и мнений о социальных отношениях, времени и пище. Так и сегодня, пожалуй, нет такого человека в мире, для которого бы праздник (рубеж нового временного цикла) не связывался бы с приготовлением и вкушением

праздничной пищи, с обильным угощением гостей хозяином церемонии.

Появление в современной армии такого древнего средства обновления престижа и власти элиты как потлач, в свете концепции архаизации общественного сознания представляется закономерным. Поэтому важно отметить следующее. Во-первых, общегражданские культурно-правовые нормы в экстремальных группах теряют значение; во-вторых, факт создания нового обычая в новой самобытной вариации говорит о глубине трансформации гражданской национальной культуры и сознания человека в армии; в-третьих, узнаваемые черты новых ритуалов есть вариации универсальных архетипов коллективного бессознательного, что говорит о действии специфических механизмов адаптации сознания, актуализирующихся в условиях «культурного вакуума». Старая культура уничтожается (в том числе демонстративно и нарочито) и на ее месте организуется «новая» армейская культура, альтернативная и уставу, и гражданским нормам. В этом мы видим проявление сил самосохранения культуры.

Сон как архетипическое состояние

Архетипическое значение сна в культуре проявляется не только в сновидениях, но и в самом состоянии спящего — его «выключенности» из «этой» реальности. Спать — значит отсутствовать. Следовательно, семиотика сна — это выход, переход.

В некоторых культурных традициях, начиная с шаманской, сон входит в число религиозных практик, направленных на выход за пределы профанной реальности с целью перехода к сакральной. Сон есть средство трансцендентной коммуникации. Именно поэтому состояние сна символически связано с переходной обрядностью и статусными отношениями как универсалиями культуры, открывающимися неопиту в посвящении (Тендрякова, 1992: 32).

В традиции дедовщины состояние сна также предельно регламентировано согласно универсальным архетипам культуры, с одной стороны, и местному регламенту доминантных отношений, с другой. «Солдат спит, служба идет». Идет она, разумеется, мимо спящего. Поэтому, согласно неуставной этике, спать по-

ложено только тому, кто уже «свое отпахал», т. е. «старым воинам». Молодым же спать «не положено» вообще. Излишне говорить, что первый год солдаты спят гораздо меньше положенных по уставу восьми часов в сутки.

Поскольку дневной распорядок максимально загружен, большинство неуставных обязанностей молодым солдатам приходится выполнять ночью. Ночью, ввиду отсутствия офицеров, проще выяснять отношения, сводить счета и издеваться над молодыми.

Лишение духов сна — безусловная репрессия, однако более глубокий семиотический контекст не позволяет отнести репрессию целиком на счет бессмысленных издевательств и заставляет обратить внимание на знаково-символический аспект насилия как института социального контроля. Еще раз повторюсь, репрессивна вся армейская система, и было бы заблуждением сводить почти полувековую традицию дедовщины к выходкам отдельных случайных садистов.

Отношение «сон—бодрствование» укладывается в общую схему социальной оппозиции «старший—младший»: дедам положено спать, духам положено не спать, причем вторые не спят, для того, чтобы обслуживать сон первых.

Пока деды и прочие привилегированные лица досматривают свои любимые телевизионные программы, младшие товарищи обязаны подготовить их ложа ко сну: расстелить постели и отогнуть одеяла так, чтобы можно было укрыться одним движением руки. По первому требованию любой дух должен читать деду «дембельскую сказку»:

*Чик-чирик, п...к, ку-ку
Скоро дембель старику.
Масло съели, день прошел,
Старшина домой ушел.
Пусть подохнут от тоски
Все шакалы и куски.¹
Пусть приснится им винтовка,
Ящик мыла и веревка.
Спи, старик, спокойной ночи,*

¹ Офицеры и прапорщики.

*Дембель стал на день короче.
Пусть приснится дом родной,
Баба с пышной п...й,
Ящик водки, пива таз,
Деда-Язова¹ приказ
Об увольнении в запас.*

Регулярное озвучивание благопожеланий социально воплощенным дедам социально бесплотными духами напоминает отношение хора к герою в античной трагедии. Структура ритуальных текстов включает момент противостояния общих для хора и героя сил добра и зла: сновидения антагонистов в лице офицеров и прапорщиков выдержаны в аллегориях войны и смерти («винтовка, ящик мыла и веревка»). Сон протагониста — это галерея образов пира, мира и плодородия (родной дом, алкогольные напитки, приказ о демобилизации и женский половой орган).

Чтение «дембельской сказки» — театрализованное представление: читающий забирается на табуретку, варьирует интонации, жестикулирует, машет руками, изображая кукушку и т. д. Инсценировка также сближает это действие с ритуалом.

В традиции исполнения гимна-колыбельной актуализируется архетипическое значение сна как критического состояния, пребывание в котором требует особых средств ритуальной поддержки, например, трансляции жизненных сил от молодых к старым, осуществляемой в магии благопожелания. Отказ от прочтения «сказки» или «неправильное» ее исполнение расцениваются как навлечение на голову «деда» страшного проклятия и нарушение естественного порядка вещей и самого хода времени: «Сказку не будешь читать? Все читают, а ты не будешь? Ты что, хочешь, чтобы я не уволился?» (Курсив мой. — К. Б.).

Далее следует наказание, которое осуществляется по специально разработанному для данного случая сценарию, инсценирующему грехопадение: все считают ошибки, допущенные чтецом, и сколько их было сделано, столько табуреток ставится

---

¹ Текст был записан, когда министром обороны был Язов. Со сменой министров обороны меняются их фамилии в дембельской сказке, сам же текст остается без изменений.

друг на друга. Жертва забирается на самую верхнюю, а дед, которому посвящалась дембельская сказка, выбивает ногой нижнюю. От падающего солдата требуется акробатическая ловкость, чтобы не получить серьезных увечий.

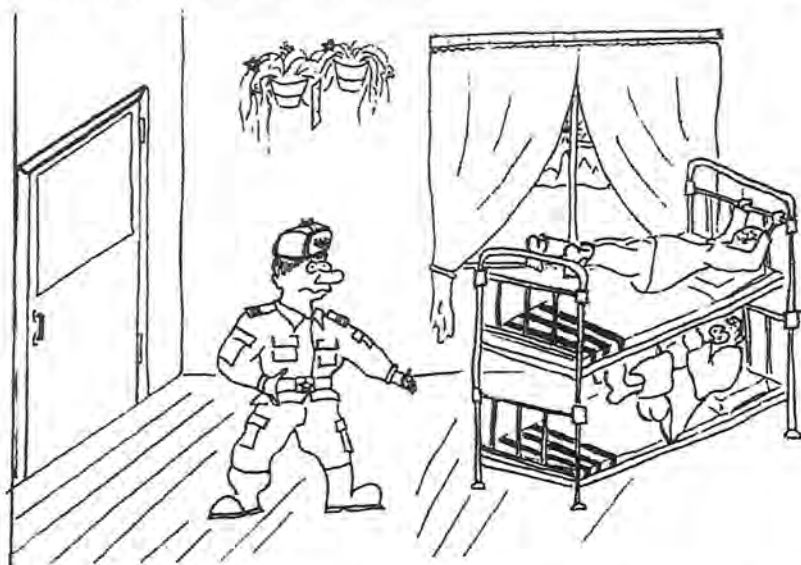
Издевательства над молодыми солдатами чаще всего происходят именно в спальном помещении, в силу его изолированности. В наказаниях-репрессиях деды придерживаются принципа коллективизма. После отбоя никто не разбредается, каждый занимает свою койку, каждый дико хочет спать, но спать не должен — все ждут очередной прихоти дедов. К этому следует добавить контраст физически ослабленного, но психически взвинченного состояния. Большинство иррациональных репрессивных актов проводятся старослужащими именно во время ожидания сна. Это состояние ожидания «получить» побыстрее и уснуть плюс надежда («а вдруг сегодня пронесет?») ломает волю человека сильнее, чем прямое избиение.

До прямых избиений доходит далеко не всегда; часто в этом просто нет необходимости, так как в арсенале дедовщины имеется ряд более изощренных издевательств.

Любой дед на протяжении всей ночи может отдавать такие команды: «три контрольных храпка!» — и все духи должны синхронно три раза храпнуть; «сушить крокодилов!» — и все духи принимают стойку над кроватями, упираясь руками в одну спинку, ногами в другую; «сушить летучих мышей!» — и все духи должны зависнуть под кроватью верхнего яруса, уцепившись руками и ногами за сетку; «сушить попугаев!» — и все становятся ногами на одну спинку своих кроватей, держатся за нее руками, чтобы не упасть, а дед сбивает их подушкой. И так далее.

Отдельные фразы, тексты и действия, производимые дедами в спальном расположении после отбоя, переносят саму идею сна в контекст инструментария доминантных отношений и говорят о связи ритуализированного аппарата дедовщины с универсалиями культуры.

Наиболее показательным свидетельством этой связи являются принципы оформления спального пространства дедов с наступлением «ста дней до приказа». По всей длине кроватной рамы приклеивается длинная узкая полоса бумаги или ткани, на которой написаны числа от 100 до 1. Каждую полночь духи отрывают или зачеркивают по одной цифре.

Солдат на верхнем ярусе кровати «сушит крокодила», на нижнем — «сушит летучую мышь». Из дембельского блокнота неизвестного пограничника.

Данный шедевр семиотического моделирования хронотопа называется «стометровкой». Этот календарный макет непосредственно повторяет протяженность тела спящего. Духи каждую ночь должны отрывать по одному числу. Укорачивание календарного отрезка обозначает изменение воинского статуса в направлении его прекращения. Поэтому важно, что длина календарной линии ассоциируется с финишной прямой, которую нужно «пробежать» во времени, чтобы оказаться на грани трансцендентного перехода. Важно и то, что духи должны отрывать очередную цифру в полночь, когда дед спит, или делает вид, что спит.

Оформление кровати как модели хронотопа придает ложу доминанта значение сакрально организованного пространства. С каждой ночью пространственная, физическая модель все короче: солдат, приближаясь к дембелю, как бы «тает во времени», и в последнюю ночь на день объявления приказа об увольнении в запас, переходит «в чистый хронос» — на дембель.

Сакрализованная статусом персона покинет профанное пространство и станет трансцендентным субъектом. Его место займет тот, кто сейчас читает ему «дембельскую сказку» и каждую ночь отрывает по единице от его временной «стометровки», тот, за счет которого дед поднялся на вершину пирамиды и стал дембелем. Дух — тень дембеля и его двойник. Он обретет социальное тело, после того, как его вчерашний «злой гений» уйдет, оставив ему свою статусную оболочку. А пока дух должен помнить об этом и следить за дембельским календарем того, в чьем социальном «теле» он воплотится. Ведь это их общий календарь!

Описанные выше отношения спящего со своей тенью имеет аналогию в традиционных культурах. «Так, с точки зрения африканцев, — пишет Н. А. Ксенофонтова, — когда человек засыпает на своей циновке, на сцену выходит его двойник, который совершает тот же путь, что проделывал спящий в реальном мире, и проделывает ту же работу, которую он совершал в течение прошедшего дня. Именно в этом двойнике и кроется личность человека. Иначе говоря, индивид приобретает социальную значимость и физическую силу тогда, когда он победит время, достигнет состояния вневременного, вселенского ощущения бытия. Время социальное или сама история, пережитая таким образом или группой людей, обретает силу, а символом этой силы очень часто становится вполне реальный предмет (чуринга, амулет, фетиш, останки умершего и т. п.), который, как сгусток остановленного и укрощенного времени, становится и символом законной власти, передаваемой вождями своим наследникам. Здесь исторический процесс выражен в слиянии мифического и социального времени» (Ксенофонтова, 1992: 23). Утверждение, сделанное по поводу африканских племен, вполне применимо к экстремальным группам.

Дух, обрывающий единицу «стометровки» с кровати спящего деда, есть его символический двойник. Ночью он проделывают тот путь на символической шкале времени сновидений, который дед проходит днем в пространстве своей части. Дух преядет на кровать деда после того, как тот станет мифическим предком и героем легенд своего подразделения, уволившись в запас.

Заканчивая рассказ о том, как духи наращивают «тело» своего статуса, «питаюсь» ночью календарными символами —

обрывками цифр «стометровки», а днем — вполне съедобным, (но не менее символическим) маслом из рук тех, кому эти цифры посвящены, нам остается еще раз удивиться постоянству тех форм, в которых архетипы бессознательного проявляют себя в разных сферах культуры — от дедовщины до классической поэзии. *«Чем питается призрак? Отбросами сна, отрубями границ, шелухой цифири...»*¹

---

¹ И. Бродский. Из «Литовского ноктюрна...».

ИНФАНТИЛЬНОСТЬ И НАСИЛИЕ

Организованное, систематизированное насилие имеет только внешнее сходство с клиническим садизмом и во многих случаях его суть раскрывается именно этимологией понятия агрессия в смысле самоутверждение, как напоминает об этом Эрих Фромм (Фромм, 1994). Жестокость дедов, «сушащих крокодилов», или «попугаев» и т. п. — это жестокость не садиста, а ребенка. Дети в силу незрелости абстрактного мышления существа очень жестокие. Они мучают кошек, отрывают насекомым «руки-ноги» не оттого, что получают удовлетворение от причинения страданий живому существу, а от манипуляций, производящих изменения в природе, которая в их сознании еще не разделена на живую и неживую. Просто изменения в живой природе более очевидны, чем в неживой. В этом жажда познания, и механическая самореализация неотделима от развлечения. Другое дело, что любая манипуляция с любым живым существом без его на то согласия будет насилием.

Деды, так же, как дети в своей экспансии, часто бывают не в состоянии отличить насилие от манипуляций с объектами. В конце концов, в армии все люди — объекты. Когда по команде одного доминанта тридцать тел синхронно принимают любую позу, он испытывает удовольствие от произведенного изменения в пространстве, организованном порядком тел, и это чувство является источником его личностного самоутверждения — власти. Поэтому власть деда в казарме психологически ничем принципиально не отличается от любой другой власти и также стремится к абсолютизации, к тому, чтобы минимум усилий производил максимум изменений. Для этого существуют знаки.

Знаки не только усиливают эффект любого действия, но ограждают сознание от стресса, возможного в результате осознания его последствий. Семиотическое поле — это своего

рода информационный скафандр, адаптирующий сознание человека к насилию (или позволяющий ему абстрагироваться от него, что здесь одно и то же). Одно дело хлестать человека пряжкой и говорить себе «я издеваюсь», а другое дело — «я придаю ускорение» («воспитываю», «слежу за порядком»). Так, в нашей части деды одного из подразделений любили постоянно хлестать духов бляхами своих ремней по ягодицам. Но однажды после того, как на месте ягодиц одного из духов обнаружили кровавое месиво, они сами пришли в ужас и на своем «консилиуме» постановили никоим ремнями больше не хлестать.

Осознание наступает в результате десимволизации, порождающей эмоцию, сопоставимую с катарсисом. В экстремальных группах это бывает редко, потому что системы организованного насилия вырабатывают мощное знаково-символическое поле в целях адаптации сознания участвующих в нем людей. С одной стороны, прямое насилие, чреватое физическим уничтожением жертвы, редуцируется до уровня знака и осуществляется в информационном пространстве в качестве оскорбления или унижения; с другой стороны, сам насильник, благодаря знаковому контексту, не воспринимает творимое им насилие как таковое, для него это в худшем случае «прикол».

Инициация в традиционной культуре — это переход человека их группы женщин/детей в мир взрослых мужчин. Гендерная асимметрия социальной динамики предполагает переход, отражающий общую динамику культурогенеза (Тэрнер, 1983). Сама идея статусного перехода как максима психической реальности солдата отражена в структуре дембельских альбомов и блокнотов.

Принципы построения их текстов имеют две гипертрофированные стороны: гипертрофированная брутальность в репрезентации себя в мире, и напыщенная тоска с оплакиванием своей участи. Как правило, крайняя агрессивность фраз, посвященных своим «классовым антагонистам» и невестам, чередуется с плаксивыми посвящениями маме. Приведу в качестве примера тексты, воспроизводящие чередование инфантилизма и агрессии, скопированные с одного разворота дембельского блокнота, принадлежащего неизвестному пограничнику.

Тексты правой половины разворота воспроизводят инфантильные комплексы в душещипательной лирике «а-ля Есенин»,

перечеркнутой по диагонали большими печатными буквами «МАМЕ»:

*Все вокруг порошей запорошено,
В карауле не легко стоять.
Как ты там живешь, моя хорошая,
Добрая и ласковая мать?
Знаю я, как ты рассветом ранним,
Когда звезды блекнут в тишине,
Ты склоняешься над моими конвертами,
Думаешь, наверно, обо мне.
Я здоров, напрасно ты волнуешься,
Я служу, работаю, учусь.
А когда придет пора осенняя,
Я тогда к тебе домой вернусь.
А пока в бушлате запорошенном
Буду на границе я стоять.
Береги себя, моя хорошая,
Добрая и ласковая мать.*

(ПМА, Тувинско-Алтайская экспедиция, 2000 г.)

Данный текст сам по себе можно считать наивной лирикой, однако, контекст всегда расширяет понимание. Примыкающие к этому стихотворению тексты левой половины разворота представляют собой его полную этико-эстетическую и эмоциональную антитезу, по закону бинарной оппозиции представляют полный спектр brutальных идеалов: один — про женщин, второй — про пьянку, третий — про драку, четвертый — про драку из-за женщин:

«У пограничника должна быть только одна девушка, но в каждом населенном пункте».

«Кто много пьет — тот много спит / Кто много спит — тот не вредит / Кто не вредит — тот чист душой / Отсюда вывод — пей родной».

«Старшина у нас хороший / Старшина у нас один / Мы все вместе собираемся / И п...ды ему дадим».

«Кто обидит девушку пограничника, тот навсегда останется загадкой для хирурга».

(ПМА, Тувинско-Алтайская экспедиция, 2000 г.)

У пограничника должна быть
только одна девушка, но в
каждом населённом пункте

Кто много пьёт — тот много спит
Кто много спит — тот не вредит
Кто не вредит — тот шёл душой
Отсюда вывод, для родной

Старшина у нас хороший,
Старшина у нас один
Мы все вместе собираемся
И пьём мы ещё водку

Кто обидит девушку пограничника
тот навсегда останется
западной для хирурга

Все вокруг истощен депрессией
В парашуте не легко стоять
Как ты там живёшь, моя хорошая?

Доброе и ласковое слово
Знаю я, что ты расцветешь
Каждой звездой блеснуешь ты
Ты склеишь мир, мой милый киворот
Будем мы навеки, обо мне
Я здоров, как всегда ты волнуешься
Я счастлив, как всегда, учусь
А когда придет пора осенняя
Я исполню тебе долгие верности
А пока я буду жить депрессией
Буду на границе я стоять
Береги себя, моя хорошая
Доброе и ласковое слово!

Такие тексты — лишь только один пример из массы подобных, составляющих фундаментальный пласт духовной культуры в армии.

Бессознательная трансформация смысловых значений половых органов в актуализации знаков элитарности, коррелирует с экзальтированным восприятием образа женщины в текстах: чрезмерно инфантильном посвящении матери, с одной стороны, и излишне доминантном обращении к жене (невесте), с другой. Л. С. Клейн видит в подобных фактах реликты первобытного материнского культа (Клейн, 1990). В то же время это можно расценивать в качестве следствия общей инфантилизации человека в армии, неизбежно вытекающей из лишения солдата всякой ответственности за свою жизнь в контексте тотального подчинения. Это, тем не менее, не отрицает высказанного Клейном предположения, поскольку материнские культы могут также следовать

из общей инфантилизации сознания, наступающей, в свою очередь, вследствие лишения взрослого мужчины ответственности.

Повышенная агрессивность в армии может быть понята как обратная сторона инфантильных комплексов, вызванных потребностью в компенсации в условиях постоянного стресса и повышенной тревожности. Все это расширяет психо-символическую основу доминантных отношений.

«АРМЕЙСКИЕ МАРАЗМЫ»: ОТ ДИКТАТУРЫ АБСУРДА К КУЛЬТУРЕ АБСУРДА

Социальный, этологический, семиотический аспекты смеха. — Ритуальное смехотворчество. — Юмор пафос и абсурд.

Социальный, этологический, семиотический аспекты смеха

Смеховая культура имеет ярко выраженное социоконсолидирующее значение. Для смеха необходимы две стороны — субъект (тот, кто смеется) и объект (над кем/чем смеются). Смех представляет собой своеобразный продукт социального взаимодействия. И юмор здесь выступает как общественно санкционированный смехотворный механизм, реализующийся в знаковых системах. В социальном взаимодействии семиотика юмора основана на оппозиции эмоций субъекта и объекта, что позволяет его рассматривать как инструмент доминантных отношений.

«Именно в сопернической страсти, в победе заложено снятие всего стрессового напряжения. Смех в данном случае представляет своеобразный биологический регулятор при завершающей фазе соперничества. Смех, следовательно, есть всплеск радостного возбуждения как ответ на внезапно обнаружившееся однозначное превосходство субъекта над противостоящей амбицией» (Дмитриев, 1998: 275–276).

Некоторые исследователи рассматривают смех в качестве защитной биологической реакции или внутривидового адаптационного фактора. Так, Н. А. Монахов, рассуждая о значении аффектов в групповых взаимоотношениях, приходит к выводу, что через смех у человека решаются вопросы видового выживания (Монахов, 1995: 145–152).

В таком же адаптационном качестве проявляет себя социальная функция смеха. Люди, для которых остро стоит вопрос социальной адаптации в изучаемых нами сообществах, бывают чрезвычайно смешливы, несмотря на безрадостность своего положения.

Во-первых, возможны ситуации, когда индивид смеется над индивидом, группа над группой и группа над инди-

Опять дневальным я стою
 И фрицам "честь" я отдаю
 Я с удовольствием бы взял
 Хребет им всем переломал

видом. Однако трудно представить, чтобы индивид открыто смеялся над группой, частью которой он является, и тем более посредством смеха утверждал свое превосходство над ней.

Во-вторых, источником доминантного смеха (осмеяния) всегда является некомпетентность объекта по отношению к норме — общественно-санкционированному правилу (Пропп, 1999: 17–20). Таким образом, даже когда отдельный человек смеется над кем-то или над чем-то, он это делает не сам по себе, *он смеется от имени своей группы*, нормам которой следует. Итак, смех как фактор доминантного взаимодействия направлен на воспроизводство социальной нормы, и, в конечном счете, целостности социума как такового.

Конфликт, возникающий на почве нарушенных правил социального контакта — это всегда стресс, который сам по себе не снимается даже после устранения «деструктивного звена», но легко снимается смехом. В этом состоит защитная функция смеха как социального феномена.

М. Л. Бутовская рассматривает улыбки и смех как ритуализованное поведение, имеющее филогенетическое происхождение и отмечает, что они связаны с мимикой расслабленного рта, символизирующей подчинение и легкий испуг у всех приматов. В этом контексте улыбка человека выполняет аналогичную по смыслу функцию умиротворения, что и у обезьян (Бутовская, 1999: 50–51). Следовательно, как средство нейтрализации агрессии смеховое поведение формировалось и развивалось в качестве коммуникативной системы. Н. А. Монахов считает, что у наших предков способность смеяться предшествовала возникновению речи в процессе эволюции.

В армии, в условиях актуализации социообразующей функции насилия, нормой социального взаимодействия выступает «подье...а» — крайне ироничная и агрессивная оценка сослуживцами личностных качеств друг друга с целью постоянного поддержания своего реноме. Солдат вынужден постоянно демонстрировать готовность к бытовой агрессии, которая понимается как социальная потенция. Он должен парировать иронично-агрессивные выпады своих товарищей по службе адекватным способом, желательно даже еще более агрессивно и более иронично.

Когда возникает спор, грозящий перейти в конфликт, побеждает тот, кто вызвал общий смех в адрес своего оппонента. Лицо, проявляющее неспособность быть субъектом доминантного юмора, может утвердиться в качестве постоянного объекта насмешек, переходящих в более серьезные формы доминантных отношений. Это касается представителей каждой страты. Так, например, дед, ставший в силу своих личностных качеств объектом постоянных насмешек внутри своей «дедовской» страты, очень скоро доживет до того, что над ним станут смеяться и духи. Тогда он рискует быть опущенным в разряд чмо.

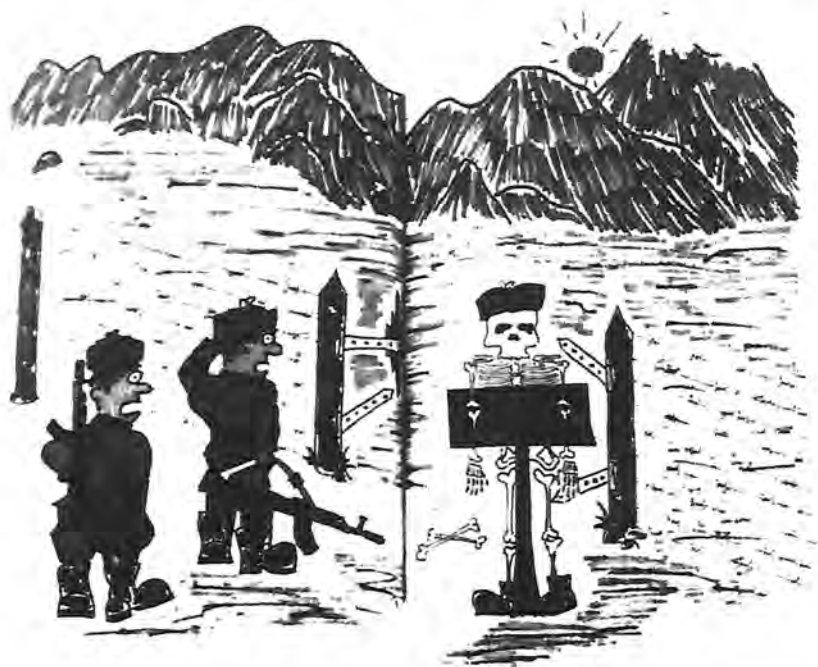
С другой стороны, человек, обладающий развитым чувством юмора, которое он не стесняется проявлять открыто (несмотря на возможные санкции), имеет шанс фактически повысить или укрепить свой статус.

Способность благополучно выдерживать насмешки — это способность не обижаться на шутки, определяющая наличие у человека чувства юмора. Обиженный — тот, кто «шутку не понимает». Этот принцип жестко отслеживается в период принятия человека в группу. У заключенных ритуал инициации («прописка») направлен на то, чтобы выяснить, насколько неофит способен не воспринимать свою боль всерьез, т. е. абстрагироваться от насилия. В ходе «прописки» важно не показать, что ты обиделся, т. к. на зоне есть присказка: «Обиженных е...ут» (Губерман, 1991).

Слово «обиженный» — синоним слова «опущенный». Способность жертвы воспринимать «прописку» как игру является маркером ее идентичности и лояльности: прощать причиненные страдания можно только *своим*.

Дедовщина как система иерархии предписывает каждой из страт свой поведенческий комплекс, основанный на смеховом поведении. Духи, молодые, черепа, деды, дембеля — им всем присущи свои особенные добродетели, отраженные в местном фольклоре. Тем, кто не прослужил год и не прошел инициацию,¹ не приличествует беспечно смеяться, поскольку радоваться им нечему — загнанные поддержанием уставного и неуставного порядка духи должны «вытирать слезы половой тряпкой». Обычная

¹ Имеется в виду «перевод» из «духов» в «черпаки», который заключается в 12-ти ударах бляхой ремня.

Из дембельского блокнота.

придирка к духу — «ты что, тащишься?!». И наоборот, поведенческий комплекс деда — это смех, веселье и демонстративная раскованность. Деду «по сроку службы» положено «тащиться». Характерно, что слово «тащиться» одновременно означает и релаксацию, и смех, и привилегию. В негативном смысле старшие им выражают свое негодование по поводу отдыха младших, непопавшего им «по сроку службы».

Дембеля отличаются символической грустью. Они занимают верхний порог социальной аутсайдности, и земные блага их уже не радуют. Всем своим видом и поведением они демонстрируют свое трансцендентное, отрешенное от общих проблем состояние, — они устали.

Смеховое поведение регламентировано социальным статусом. В учебной части доводилось наблюдать, как сержант-дембель развлекался, манипулируя собственным статусом, вы-

ражая его посредством мимики. Перед строем молодых солдат он вдруг начинал добродушно улыбаться. Духи, привыкшие к репрессиям и чутко реагирующие на мимику доминанта, воспринимали эту улыбку, как праздник, и начинали улыбаться в ответ. Тут он внезапно менял гримасу, делал зверское лицо и орал: «Вы что тащитесь?! Служба медом показалась?! Лечь! Встать! Лечь!...».

В доминантных отношениях, возникающих в борьбе за лидерство, сигнальные формы поведения адресуются не только противнику, но и всем окружающим. Таким образом, как утверждает Н. А. Монахов, «смех — реакция сугубо стадная, социально организующая, смех не просто заразителен, но и мобилизующ. Он всегда разрушает иллюзию индивидуального в стаде одиночества, возбуждает чувство локтя и коллективной сопричастности перед лицом угнетающих обстоятельств» (Монахов, 1995: 152).

Смех не возникает в реальной стычке между равностатусными лицами; общество переживает равностатусный конфликт как угрозу целостности всего социального здания. И наоборот, смех всегда возникает во время доминантного насилия. Межстатусная агрессия направлена на обновление ассиметричных социальных связей, и, соответственно, смех выступают здесь как механизм мобилизации и консолидации каждой из страты экстремальных групп.

Пик веселья и общей консолидации наблюдается во время насилия над париями, занимающими нижний порог аутсайдности. Их положение погранично, они не являются носителями ни уставных правил, ни норм дедовщины, поэтому над ними издеваются (насильственно удерживают на нижнем пороге аутсайдности) и деды, и духи, и даже офицеры. Расправы над чмо представляются архетипическим по своей природе актом «сплочения кровью».

Развлечения насилем, точнее, эмоции, которые получает толпа от насилия, совершаемого над одним человеком, говорят об удовлетворении потребности в едином социальном теле путем жертвоприношения — коллективного умерщвления социального антипода.

Именно социальная диффузия и культурный вакуум лежат в основе трагедии, случившейся в военном подразделении, дислоцировавшимся на мысе Желтом (Камчатская обл.), когда в

период смены личного состава в апреле 1999 г. был насмерть замучен боец молодого пополнения Вячеслав Войтенко. «Что же заставило вполне обычных, нормальных во всех отношениях молодых людей потерять человеческий облик? — задается вопросом журналист аналитического еженедельника «Новая Камчатская Правда» Владимир Яковлев. — Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Один из обвиняемых на этот вопрос прямодушно ответил: «Просто там было очень скучно» (Яковлев, 1999d).

Именно развлечением мотивировал это коллективное убийство один из соучастников. Положительные эмоции, возникающие в результате акта отрицательной идентичности, который в жестах выражается ударами, наносимыми избранному на роль антипода,¹ и есть пресловутое развлечение насильем, на чем в своих объяснениях единодушно сходятся и правозащитники, и убийцы, и их командиры.

Смеховая сторона агрессии представляется как функция психологических защит сознания от переживания сути агрессии. Вероятно, такое же социально-психологическое значение имели в средние века травли жертв и посещения казней. В таком общественном «празднике», как глумление над изгоем, отчетливо прослеживаются карнавалы элементы.

В постсоветской армии возник новый карнавал — так называемый «День ох...шего духа», организованный по принципу инверсии бытовых доминантных отношений. В этот день деды с духами меняются ролями.

[Из солдатских писем]

<...> А вечером мы обычно ходим по домам — продаем краску, жесты и другие стройматериалы. А потом отдаем деньги «дембелям», а они, как только появится возможность, покупают «химку» и курят, а потом ночью нас заставляют отжиматься и делать разные «штучки», чтобы посмеяться. А так, когда «не обкуренные», они — неплохие парни. <...> Через 13 дней будет «день ох...шего духа», когда до приказа остается 50 дней. Мы можем потребовать с «дембеля» сигареты, конфеты или еще чего-нибудь. Но

¹ Семиотика удара, как жеста, — последний момент отрицания, разграничения — устранения социального несоответствия.

после того, как этот день пройдет, нас опять будут гонять, как и прежде. Может, сильнее.¹

(Яковлев, 1999с)

Социально-психологическое значение карнавала — разрядка внутрисоциальной напряженности, достигаемая через инверсию ролей и снятие запретов.

Все члены группы обязаны, если не участвовать в насилии, то смеяться или разделять общее приподнятое настроение. Сочувствующий жертве разделит судьбу жертвы. Свидетели того, как в зоне «опускают» человека, сообщают, что акция обставляется как карнавальная свадьба, наподобие свадеб шутов при королевских дворах. Аналогия неслучайна, поскольку и в том, и в другом случае смех возникает как реакция на акт социальной инверсии.

Как в традиционном обществе детабуизация физиологической темы осуществлялась исключительно в рамках смеховой, карнавальной культуры, так и в армии повышенная психологическая напряженность вызывает спонтанные проявления карнавальной культуры с ее традиционным вниманием к физиологии. В рамках смеховой карнавальной культуры происходит детабуизация физиологической темы.

Гражданские люди в общении с военными порой сетуют на «грубый солдатский юмор», «солдафонские шутки», и тем самым не столько дают оценку качеству этих шуток, сколько обозначают социальную дистанцию, измеряемую смехом. Смех социален, и разные слои общества смеются по разным поводам, при разных обстоятельствах.

Юмор в армии отличается неприкрытой физиологичностью. Рефреном большинства шуток озвучивается угроза полового акта как знака доминантной экспансии, и готовность к дефекации в знак ее отторжения. Символически осмысленная физиология, семиотически воспроизводит отношения доминантно-субдоминантного контакта. Обмен репликами: «Я тебя вы...у!» — «А мне нас...ть!», — здесь не более, чем бит коммуникации типа «как дела — нормально».

---

¹ Автор процитированного письма покончил жизнь самоубийством вследствие деловщины.

В данном случае нас интересует связь смеха и физиологического акта и/или его вербального эквивалента. М. Л. Бутовская и А. Г. Козинцев писали о том, что улыбка младенцев происходит от актуализации анальной функции (Козинцев, Бутовская, 1996: 49). Интересно, что и английское слово *gau* имеет два спектра значений: 1) яркий, веселый, радостный; 2) гомосексуалист, мужеложец, содомит.

Спектр смысловых значений физического удовлетворения отражает преобразование смеха в юмор и лежит в основе карнавальной инверсии социального порядка, начиная с половозрастной градации.

Социум смеется над своим социально-половым антагонизмом в его воспроизводящей карнавальной инверсии. В однополох, по своему составу, экстремальных группах карнавальность общественных акций усугубляется сексуальным подтекстом. Поэтому под «солдафонством» в «светских салонах» подразумевают не столько физиологичность юмора военных, сколько низкую степень полисемантики его значений.

Ритуальное смехотворчество

Юмор, как веселящую систему, исследователи часто делят на детский и взрослый именно по принципу неожиданности и степени полисемантики. Дети смеются над действием как таковым. Взрослые — над смысловым подтекстом действия (Дмитриев, 1998: 195–196). Если дети от часто повторяемого анекдота смеются, взрослые от анекдота «с бородой» морщатся. Циклическое воспроизведение знакомых и известных сюжетов часто составляет механику вызывания смеха в экстремальных группах, подчиненную вполне карнавальной задаче — обновление социальных связей.

В армии существуют «ритуальные тексты», типа той же «дембельской сказки». Подобные словоформы имеют функцию доминантного соподчинения на основе ритуального смехотворчества. И наоборот, игровое воспроизведение доминантной ситуации смешит и обновляет всю систему отношений. Более того, смеховая функция одновременно решает проблему психологической защиты для объекта доминации: «Ну и что, — говорил один боксер-тяжеловес, болезненно переживающий

унижение дедовщиной. — сказку прочитать — не носки же стирать, это даже прикольно».

Когда в подразделении все спокойно, нет ни репрессий со стороны начальства, ни «ночных построений» со стороны дедов, доминантная система с определенной периодичностью обновляется в сфере речевой и смеховой коммуникации. Приведу пример комбинации элементов смеховой культуры и доминантных отношений, который был зафиксирован летом 1999 г. в одном из подразделений, имеющих репутацию «самого уставного».

— После отбоя подразделение ложится в кровати, но еще долго никто не будет спать. Слышишь стандартную переключку:

— Духи-и-и-и!

— Мы-ы-ы-ы!

— Спокойной ночи!

— Спокойной службы!

Далее кто-то авторитетный командует:

— Ну, давай.

И казарменный шут начинает в сотый раз пересказывать тексты одного из официальных государственных юмористов, типа Петросяна. Все смеются и поправляют, когда рассказчик путает слова. Рассказчик осознает ответственность и рассказывает, наигранно кривляясь, пытаясь сделать старую шутку еще более смешной. После каждого рассказа снова повторяется:

— Духи-и-и-и!

— Мы-ы-ы-ы!

— Спокойной ночи!

Если ответа не последовало, т. е. если они уснули раньше дедов, то ночь будет бессонной.

(ПМА, Тувинско-Алтайская экспедиция, 1999 г.)

Юмор определяется уникальностью смысловых комбинаций. Его естественная смысловая функция как эквивалента агрессии и доминанции — внезапность. Анекдот должен быть свежим. Его пересказывание воспроизводит взаимодействие посвященного и непосвященного. Общий смех снимает игровой конфликт. Общеизвестный анекдот не имеет смысла. Но если в компании всего лишь один человек не знает анекдот, то все остальные поддержат рассказчика в предложении его рассказать. Социальная функция смеха — консолидация, и чтобы анекдот

Из дембельского блокнота.

смешил, он должен быть не только свежим, но в первую очередь соответствовать системе знаков, принятой в данной аудитории. Поэтому целый пласт смеховой культуры ориентирован на повтор.

Юмор, пафос и абсурд

Юмор и ирония в армии имеют значение факторов социально-психологической разрядки. Внутреннее смысловое строение фольклорных вариаций, обыгрывающих тему абсурда в армии (как говорят сами военные, «армейского маразма») отражает ее общие проблемы, и, в первую очередь, несоответствие ее идеологизированного образа реальному положению вещей. Поэтому самой смешной телевизионной передачей солдаты называли «Служу Советскому Союзу».

Несоответствие декларируемых целей воинской службы принципам их осуществления на уровне бытовых отношений проявляется в ложном пафосе.

Пафос, как тональность речи, апеллирующей к общим законам бытия, в частной ситуации комичен, и тем самым дискредитирует общие законы, которые якобы утверждает. Поэтому пафос в частных ситуациях смешит, как это: «Армия гибнет, а вы тут в тетрис играете».

«Армейский маразм» как жанр (в качестве образцов см. Приложение II. 4) рождается на стыке идеологического пафоса («армия гибнет») и реалистического упрека («в тетрис играет»). Это конфликт строгости того, кто «строит», и «пофигизма» тех, кто «строится». Проблема того, кто «строит» (в смысле воспитывает) — в ограниченности доступных ему средств воздействия. Не имея возможности заинтересовать, он также не имеет права применять насилие, как крайнее средство принуждения. В его распоряжении остаются только средства убеждения. Акт убеждения при полной незаинтересованности убеждаемых трагикомичен. Убеждающий пытается воздействовать словом; слов не хватает, поскольку убеждаемые «человеческих слов не понимают» по определению. Убеждающий старается подбирать еще более сильные слова и переходит к пафосу. Но «подлинный предметный пафос — только поэтический пафос» (Бахтин, 1975: 206), что классически пародийно иллюстрирует се-

мейная драма Васисуалия Лоханкина с его знаменитым «волчица ты! тебя я презираю». Образ гибнущей армии на фоне играющих в тетрис воинов трагикомичен в не меньшей степени.

Рассогласование элементов социального контакта воспроизводит закон построения пародии. «В самом деле, в пародийном слове сходятся и известным образом скрещиваются два стиля, два “языка”: пародируемый язык, например, язык героической поэмы, и пародирующий язык — прозаический низменный язык, фамильярный разговорный язык, язык реалистических жанров, язык “нормальный”, “здоровый” литературный язык, как представляет его себе автор пародии» (Бахтин, 1975: 438—439). Это утверждение Бахтина относительно законов построения литературных жанров можно применить к социальной коммуникации в целом. Ситуация семантического диссонанса воспроизводит реальность в пародии.

Юмор спасает человека от гнетущего осознания своего подчиненного положения и дается человеку как момент внутренней свободы. Самоирония на тему армии — отдушина и для гражданского милитаризованного сознания, и на этой же самоиронии в рассказах, байках, анекдотах армейский фольклор утверждается как общественное достояние, и «армейский маразм» составляет уникальный пласт национальной смеховой культуры.

Когда человек покидает армию и возвращается в свою культуру, перед ним вновь встает проблема адаптации. И здесь опять ему на помощь приходит смех. Армейская среда еще раз демонстрирует жизнеспособность, подшучивая сама над собой везде, где военные сталкиваются с проблемой интеграции в гражданское общество.

Так, жанр армейских фольклоризмов стал органической частью национальной культуры в России второй половины XX в., а также многих других культур советского пространства. И это явление культурной трансформации конституирует вызревший внутри тоталитарного общества конфликт двух правовых систем — официальной и народной правды.

Современная армейская действительность дает нам еще один яркий пример трансформации правового поля в армии, а именно феномен прагматичной эксплуатации самой идеи безумия, как средства выхода из правового пространства.

Одним из распространенных средств уклонения призывной молодежи от принудительной воинской службы в российской

армии конца XX — начала XXI века является симуляция психических заболеваний, как это популярно называется, — «косить под дурака». Но также все чаще мы сталкиваемся с ситуациями, когда психиатры обследуют на предмет вменяемости не только призывников, но и командиров высоких рангов, которые таким образом стремятся уйти от ответственности за совершенные на службе преступления. И те, и другие имеют шанс встретиться в коридоре одного сумасшедшего дома, фактически оставаясь здоровыми людьми. На рубеже тысячелетий сумасшедший дом стал символом отношения трезвомыслящего человека к воинской службе и убежищем для крайних категорий военнослужащих — призывников, не желающих добросовестно служить, и командиров, не способных конструктивно руководить своими подразделениями.

Эксплуатация абсурда в наиболее законченном виде совершается в армейском фольклоре, целый пласт которого получил название «армейские маразмы». Сущность «армейского маразма», как явления культуры, не исчерпывается правовым аспектом. В нем звучит тональность постмодернизма. Тексты «армейских маразмов» показательны своей структурой, которую образуют пересекающиеся и абсурдно сочетающиеся смыслы: «от забора до обеда», «здесь вам не тут», «кто не все, того накажем» и т. д. В единице текста происходит трансформация реальности. Абсурд в этих произведениях сюрреалистичен. Он открывает ресурс внутреннего динамизма, благодаря чему «армейский маразм» в гражданском обществе стал предметом эстетического переживания, а в самой армии — средством достижения психологической независимости. Эстетика абсурда в армии связана со специфической этикой межличностных отношений. Абсурд, возведенный в этико-эстетический принцип, расширяет границы реальности и выводит всех участников социальных отношений за пределы их ограниченного, подавленного, униженного существования и, тем самым, восстанавливает утраченную смысловую многомерность бытия. Таким образом, абсурд из средства подавления гражданской личности в армии превращается в средство воссоздания ее внутренней свободы.

ИСКУССТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АРМЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Атрибуты и индустрия дембеля. — Дембельский альбом.

Атрибуты и индустрия дембеля

«Дембель» для солдата-срочника — не столько механизм демобилизации, сколько мировоззренческая категория, включающая в себя и социальный статус, и состояние сознания, и систему ценностей, и этико-эстетическую парадигму. Идея дембеля аккумулирует целый комплекс стереотипов, установок и коллективных усилий, направленных на должное оформление перехода старослужащего в «мир иной», представляют собой целую индустрию по материализации архетипов сознания в эстетических формах.

«Эстетические формы» — это атрибуты, без которых полноценный дембель не мыслит свою демобилизацию. При их изготовлении обычно руководствуются образцами, созданными предыдущими поколениями дембелей, но приветствуется и любая инновация. Соответственно, эстетическое оформление акта демобилизации — это и простор для фантазии, и форма самовыражения личности, и средство бессознательного протеста против армейской унификации.

Все предметное окружение, как и все формы самовыражения в этот период, приобретают новое звучание — они получают характеристику «дембельских»: «дембельский альбом», «дембельская парадка», «дембельская шапка», «дембельский чемодан», «дембельский [денежный] перевод», «дембельские часы», «дембельский поезд», «дембельская песня» и т. д.

Чем полнее перечень атрибутов, тем «круче» дембель. Основные атрибуты — это, конечно, «парадка» («дембельский камуфляж» и т. п. — у праздничного облачения много названий). Но любопытно, что и некоторые другие детали представляются ключевыми, и без них дембель слегка теряет лицо. К таким атрибутам в некоторых частях относятся наручные часы. Часы отбирались у духов (им же нельзя думать про время) и отдавались дембелям.

Не важно, каким образом человек завладеет часами, важно, чтобы это были именно «духовские» часы. У меня самого часы не отбирали, но однажды ночью меня разбудил какой-то неизвестный мне дембель из другого подразделения и долго уговаривал отдать, а потом даже продать ему мои ничем не примечательные часы, апеллируя именно к престижной стороне дела. Отказ вызвал искренне горестное восклицание: «Ну, как же мне на дембель без часов».

Кроме часов, считалось стильным идти на дембель не с чемоданом, а с дипломатом, в котором должен лежать «дембельский альбом».

Дембельский альбом

Данный предмет материализует все доминантные отношения в форме летописи, иллюстрированной комиксами и фотографиями.

Сегодня некоторые полиграфические предприятия поставили производство дембельских альбомов на поток. Ныне их можно купить в книжных магазинах. Но это все-таки ширпотреб, не пользующийся (по отзывам продавцов), большим спросом. Настоящий альбом изготавливается вручную от страниц до винтов, которыми они скрепляются. Ведь структура его отдельных элементов альбома, и технология изготовления направлены на материализацию общей идеи дембеля. Семиотика дембельского альбома — это семиотика «книги бытия».

Из плотного картона вырезаются 24 листа, по числу месяцев жизни, потраченных на армию. Они покрываются черной тушью, в знак траура — дембель оплакивает это безрадостное время. Листы покрываются лаком, на котором можно сделать цветное напыление, наклеить аппликации, металлические виньетки и т. п. В эти виньетки вклеивают фотографии, рядом пишут тексты как сентиментальные, так и агрессивные, переписывая друг у друга набор стандартных и «глубокомысленных» изречений, пошлых рифм и неумных острот. Листы перекладываются кальками с графическими комиксами всех стадий доминантных отношений.

Обложку альбома изготавливают из чего придется, того, что смогут достать. Часто это бархат, который просят прислать

из дома, или покупают в магазинах. Особо выдающиеся индивиды отрезают куски от сценического занавеса в клубе. Популярны в силу своего смыслового значения обложки из шинельного сукна или камуфляжной ткани, которыми обтягиваются две доски. Все это скрепляется специально изготовленными винтами.

Вокруг «дембельских альбомов» и «парадок» формируется микроиндустрия со своей микроэкономикой, с обменными и товарно-денежными отношениями и сферой услуг, охватывающие воинские части разных родов войск. Например, в Кишиневе (и, догадываюсь, не только там) десантный полк славился изготовлением прекрасных аксельбантов, которые десантники вязали из парашютных строп и продавали солдатам других родов войск.

Связисты могли выменять у них аксельбант на антенну «куликовку».¹

Стройбатовцы поставляли на «всеармейский» теневой рынок машинки для татуировок и резиновые насадки для половых членов (так называемые штурвалы).

Некоторые одаренные личности в армии имеют шанс *de facto* повысить свой статус и/или свое материальное благополучие. Это художники, которые выполняют рисунки, слесари, изготавливающие на станках виньетки и закрутки, каптерщики и кладовщики, поставляющие необходимые комплектующие.

Дембель за все это готов платить немалые деньги. Например, готовый альбом у мастеров в известных нам частях стоил в советское время от 50 до 200 руб. Неквалифицированная работа, например, тушевание и лакировка листов, бесплатно возлагается на молодых, которые не без удовольствия приобщаются к оформлению чужой демобилизации, поскольку приобретают навыки и впечатления, которые им самим пригодятся через год.

По словам матроса Андреева (служил в 1980-е годы), человека, обладающего незаурядными художественными способностями, он до перехода в привилегированный статус «полта-

---

¹ Антенна от ранцевой радиостанции, представляющая собой дискретный стальной прут. Все сегменты соединены тросом. В разобранном виде помещается в карман и переводится в рабочее состояние специальным, натягивающим трос, замком. В силу своих физических свойств используется не только по прямому назначению, но и как холодное оружие.

рахи» рисовал альбомы бесплатно, а после брал заказы уже за плату — 50 советских рублей за готовый альбом (ПМА, Новосибирск 1999 г.).

За сорок лет существования дедовщины сложились определенные каноны «художественного творчества», воплощенные в «дембельских альбомах». Поэтика в дембельском фольклоре примитивна, но она и не претендует на высокую художественную эстетику. Язык дембельского альбома — сентиментальный кич, техника — шаблон, эстетика — вульгарный блеск. Но его смысл — память. «Здесь нет особой красоты, здесь память о друзьях и службе», — пишут солдаты в своих альбомах и блокнотах.

Альбом — знаковая вещь и овеществленный знак, направленный на аккумуляцию общественных ресурсов вокруг идеи коллективной и индивидуальной памяти. Его изготовление организует повседневную активность целого подразделения. Процесс изготовления дембельских альбомов, как модулей памяти, свидетельствует о начале восстановления индивидуальности.

Титульный лист «канонического» дембельского альбома.

Пусть ветер гудит вокруг
Пусть будет холодная вьюга
Пусть люди забудут о нас
Но мы не забудем друг друга

В альбомных текстах и рисунках, сюжеты которых отличаются чрезвычайной агрессивностью, выражается компенсация за все унижение личного достоинства, которое переносит человек в армии. Компенсация происходит в области художественных образов. Когда их где-то не хватает, газеты сообщают об очередном расстреле караула сослуживцем, у которого сдали нервы.

Официальная власть за альбомы преследует и совершенно напрасно, поскольку дембельский альбом — это прежде всего институт апологии армии такой, какая она есть, со всеми ее недостатками. Механизм апологии составляют актуальные социально-знаковые системы и универсальные принципы построения мировоззрений. Люди не могут мириться с мыслью, которую сами формулируют как «два года жизни — псу под хвост», и вырабатывают отношение к армии, как к инициации, вследствие которой они якобы обретают истинное «трудное» знание о жизни, оппозиционное ложному «легкому». И двадцатилетние юноши с глубокомыслием старцев выводят в своих альбомах: «Кто был студентом, тот знает юность, кто был солдатом — знает жизнь», и тому подобные сентенции про правду жизни, про некую, данную им ценой страданий, мудрость.

Ни понятие патриотического долга, ни пресловутая «почетная обязанность» не составляют предмет апологии образа жизни вследствие цинизма, рожденного в несоответствии декларативных уставных принципов реальному армейскому беспределу. Апология образа жизни проходит в архетипических областях мировосприятия, с разграничением «правильного», но ложного бытия и «неправильного», но истинного инобытия. Не тривиальность армейского быта и службы, не постоянные унижения, но общий метафизический контекст — вот главный пункт апологии образа жизни солдата, пронизывающий сознание каждого и наполняющий его мессианской идеей. Дембельский фольклор буквально насыщен патетическими изысками на мессианские темы, вроде этого: *«Чтоб кто-то мог сейчас держать в руках цветы, мы взяли в руки автоматы».*

Переживание собственной миссии наполняет душу дембеля метафизическим плачем. В фольклоре они моделируют слезоточивые ситуации, представляя, как девушки (причем, не их

Пьяный погранец — страшнее танка

собственные, а девушки обобщенного образа) им изменяют с «закосившими от армии козлами», а они, в силу своего высокого мессианского предназначения, охраняют их мирный, и, что самое обидное, — совместный сон. И вот солдат в своем мессианстве остается один в экзистенциальном, пограничном состоянии: по ту сторону рубежей — внешние враги, по эту — недружелюбные «шакалы»-офицеры, «шлюхи» и «закосившие от армии козлы». Но и здесь, и там есть точки опоры истинного мира: мать-старушка, которая одна, и ждет солдата, и его верный автомат, «который никогда не изменяет». Это экзистенциальное напряжение снимается описанным выше трикстерским комплексом.

Сюжеты армейского и лагерного фольклора — воспевание свободы и оплакивание неволи на фоне исключительности своего удела. Искусство экстремальных групп — это и средство социальной идентичности, и средство удовлетворения предельно обостренной потребности в свободе. С точки зрения семиотики знаменитый вопрос вора пианисту «а “Мурку” можешь?» следует трактовать как, во-первых, — «идентично ли твое искусство нашим ценностям?», и, во вторых, — «принесет ли оно нам свободу понимания ситуации?».

Деятели искусства и прочие творческие личности в армии пользуются особым уважением. Все дело в общественной значимости самой сферы их компетенции. «Искусство воссоздает принципиально новый уровень действительности, который отличается от нее резким увеличением свободы. Свобода привносится в те сферы, которые в реальности ею не располагают. Безальтернативное получает альтернативу. Отсюда возрастание этических оценок в искусстве» (Лотман, 2000: 129).

Надо сказать, что, несмотря на примитивность эстетических средств самовыражения, которые целиком подчинены воспроизводству местных этических норм, настоящее искусство может своим воздействием расширять узкостатусный этический комплекс до масштабов общечеловеческого. Примеры редки, видимо, потому, что настоящее, живое гуманистическое искусство в армии скорее исключение, чем правило. Тем не менее, такие примеры имеются. Музыкальный критик и тележурналист Станислав Якушевич, служивший в Калининградской области в 1990-е годы, вспоминает:

Дембельский альбом превращает насилие в «мультфильм». Каналом юмора его легче вывести за пределы сознания. Из архива Д. Л. Зубовича.

Как призвался в декабре, меня сразу припахали участвовать в новогоднем концерте, и сказали выступить с каким-нибудь стихотворением, чтобы заполнить паузу. Ну, я, значит, прочитал «Письмо римскому другу» Бродского. Никто ничего не понял, но всем очень понравилось. На следующий день иду в столовую вместе с подразделением. А у нас там были так называемые сержантские столы, за которыми сидели сержанты, дембеля, и тому подобные персоны. Простому смертному сесть за тот стол — не дай бог. Ну, вот, меня, духа, они подзывают за свой стол, говорят: «Ну-ка, Якушевич, про что это в твоём вчерашнем стихотворении говорилось?». Я им популярно пересказал содержание, и оно поразило их еще больше. «Да-а-а, — протянул один из них, и говорит моему сержанту, — слушай, можно я ему свою рыбу отдам?» В тот день на обед давали рыбу...

(ПМА, Новосибирск, 1999 г.)

Символизм поистине библейский. Думаю, что и сам Бродский оценил бы этот жест человеколюбия, возбужденный его стихотворением.

Что же касается собственно армейского искусства, то оно полностью подчинено задаче эстетического оформления грядущей демобилизации, и любое действие в данном направлении следует понимать как ритуал. Экстремальные группы консолидированы и мобилизованы идеей дембеля точно так же, как традиционные общества — идеей загробного мира: и та и другая идеи ориентируют личность на переход в трансцендентное качество и оформляются в инверсии знаков бытия и инобытия.

«ЯКОРЯ КУЛЬТУРЫ» В КУЛЬТУРНОМ ВАКУУМЕ

Письма и переписка. — Рационализация деятельности. — Образование. — Аутсайдность.

Письма и переписка

Главным фактором сохранения человека как существа культурного представляется контакт с его культурной средой. Полноценный информационный обмен есть главный якорь культуры (Арутюнов, 1989).

Человек, как известно, существо информационное, в том смысле, что он реализует свою специфически человеческую сущность в информационном полисемантическом поле деятельности. В возрасте 16–20 лет, с момента окончания школы и до определения сфер дальнейшей самореализации, человек формулирует и примеряет на себя целый ряд социальных, культурных, профессиональных контекстов. Тем самым он устанавливает двустороннюю связь с миром, определяет приоритеты и принципы своего существования в мире, выбирает язык, на котором он будет говорить с миром, утверждает себя в системах ценностей, определяющих особенности его индивидуального отношения с миром. Он уже усвоил весь объем культурно-значимой информации и хотя еще не участвует в культуре как ее активный (креативный) субъект, но уже находится на крутом подъеме своей информационной активности. И в этот момент человек уходит в армию, где сталкивается с проблемой сохранения себя как микромоделей собственной культуры, где проверяется его способность сохранить свои этические и эстетические приоритеты, сформировавшиеся в его первичном социуме: в семье, в школе, во дворе. На время культурной изоляции их помогают ему сохранить ниточки информационных связей с другими носителями «его» культуры.

Основной якорь родного культурного контекста — солдатская переписка. Письма создают виртуальное пространство, где личность солдата находит убежище, спасаясь от обезличивающей агрессивной среды насилия, специально организованного для ее подавления. В этом информационном поле личность сохраняет свою целостность и свои ценности, и это сберегает ее от распада. Вместе с тем первая задача человека в экстре-

мальной группе — физическое выживание в пространстве, уплотненном до его телесной оболочки, во времени, разряженном до диффузии бытийного смысла.

Письма — та культурная эйкумена, которая, как кислород в скафандре, обеспечивает микроклимат информационной жизни в опасной для этой жизни среде. Таково значение переписки бывших одноклассников, попавших в армию. Разбросанные по всей стране, они своими письмами создают информационную сеть, пространственно охватывающую все государство, но воспроизводящую временной континуум, экстраполируя прежние школьные привязанности и ценности в их настоящее. Посредством переписки они поддерживают ту самую, свою собственную информационно-эмоциональную среду, в которой они выросли и сформировались.

В письмах друзей, разбросанных по разным частям, войскам и гарнизонам страны и зарубежных военных баз, есть все — от практических советов и обмена опытом выживания в экстремальных группах до эмоциональной поддержки.

[Из солдатских писем]

<...> Как только тебя привезут к месту службы, постарайся чиркнуть пару строчек, если что, поделюсь «опытом». Я ведь теперь как-никак «стажер» СА (0,5 года), а до дембеля осталось совсем немного, 497 дней и ночей. Скоро к нам в часть приедут «молодые», интересно на них будет смотреть, вспомню себя, хотя вроде бы прошло всего 4 месяца службы, но я уже как-то потерял ощущение времени.

<...> Напиши, получаешь ли ты письма от Дьякова, если да, то пришли адрес. Недавно у меня было радостное событие: ко мне за 3,5 тысячи километров приехал батя. Эти 2 дня, которые мы с ним прожили на снятой им частной квартире, я вспоминаю как прекрасный сон, а первые дни после встречи у меня было такое впечатление, как будто я дома побывал. В остальном служба — сплошь однообразие. Вот пока и все. Жду с нетерпением ответа. Счастливого пути, связист! Сашка.

(Из архива автора. Переписка с А. А. Домановым)

<...> Как ты там тащишь службу в своей учебке восточного образца? Наверное, уже начал смиряться со своей участью «сверхсекретного» воина-связиста? Как я понял из твоего письма,

ты распробовал «прелести» службы и уже отличился. <...> Как ты справил свой армейский Новый Год? Наверное у тебя тоже этот прекрасный праздник оставил мрачные впечатления? Как у вас с довольствием? Наверное не хватает? Ничего, это только первое время, через месяц-другой привыкнешь. С физподготовкой, наверное, глухо, как у нас (кроме зарядки, естественно).

<...> А у меня уже будет полгода за плечами. Так-то. Перед армией гуляй вволю, не жалей гульденов, жри всякие сладости, тебе сладкого в армии будет очень не хватать, как и мне. Ты не представляешь, какая ценность здесь замусоленная в кармане печенюшка. Я тоже себе на гражданке представить не мог, когда Дьяков мне об этом писал, а теперь я его отлично понимаю.

<...> Гульденов возьми побольше с собой, когда будешь призываться, зашкерь их хорошенько, не вздумай класть в комсомольский билет или блокнот, и не отдавай, если будут говорить, что в части, мол, они тебе все равно не понадобятся. Они здесь очень нужны. В любой части или рядом с ней есть магазинчики. На холодильник, когда поедешь — бери побольше жратвы, дней на пять. Вот такие тебе практические наставления, если тебя будут забирать. Тебя точно забирают или нет?

<...> Скоро ты станешь «деревянным дембелем», а я «борзым карасем». До заветного приказа нам с тобой существовать 34 дня и ночи. Не так уж много, не правда ли?

<...> Да, хорошо встретить вдали от дома, от до боли знакомых мест, старого корефана, типа Ощепкова и вспомнить нашу молодость, наши проказы, наши классные вечера и турпоходы (то есть турслет) и прочее, прочее, прочее. К сожалению, у меня рядом нет такого корефана, а только одни и те же опостылевшие лица.

<...> Значит, Виг-Димка «через день на ремень»? Ну-ну, от такой службы, конечно, можно з...я. Впрочем, от какой службы з...я нельзя? Нет такой.

(Из архива автора. Переписка с В. А. Андреевым)

<...> Скорее уходи в армию и приходи оттуда — пофестивалим! Ну, в армии ты, главное, не зевай. Будут приставать

по-началу дембеля, просить денег — не отдавай, будут шарить — не давай, пойдешь в баню, деньги запаяй в целлофан и в рот. С вас там все снимут, а оденут в казенное, так что ничего в карманах не оставляй. Не давай себя в обиду, но и не дергайся без толку. А то сначала весь взвод передерется, перематерится, а потом будете вместе жить. Старайтесь жить сразу же дружно. Извини за ценные указания, но я уже «чиж», т. к. принял присягу. <...>

Привет! У меня все нормально, правда, после 10-го января, когда мы бомбанули главаря самой крупной банды, головы всех наводчиков, и голова вашего покорного слуги стала стоить 600 тыс. афгани. Ребята, которые рвутся в Афган, — дураки. Здесь нет романтики, здесь действительно опасно, а ехать сюда за орденами и славой просто примитивно. Осталось мне служить 432 дня до приказа. Один год, если не считать 69 дней. <...> Как провел Новый год, лучше не вспоминать. В 12.00 стоял на посту — были на боевых. Шел мрачный дождь. У нас как праздник — всегда выезд на погром душманов. Правда, потом я отметил Новый год по нашему времени, жрал бананы и запивал их кока-колой. О спиртном говорить не приходится. Правда, я помню нашу классную договоренность — в 00.30 поднял тост за тех, кто не с нами. И выпил баночку Si-Si, вроде нашей «фанты». Промок как сука. Стояли в пустыне, а обогреватель не работает. Ну, ладно, Костя, с нетерпением жду ответа.

P.S. Костя, на меня послали наградную на медаль «За воинскую доблесть II степени».

<...> Нюхнул пороху в Туркестанском военном округе? Как жизнь солдатская? Хочется много сладкого, не правда ли. Ну, это пройдет. Какие у тебя новости. <...> Петровичу я с каждым письмом высылаю душманскую литературу, чтобы он свой «пушту» тренировал, а он, негодяй, мне ни слова, ни половины. Валет тоже страдает, пишет: «Витек, напиши, как ты там, видать престижно служить в Афгане?». Да, выслал домой негатив, где я стою на посту у караулки. Не знаю, дошел или нет. Вернешься, напечатаешь. Теперь серьезно. Так как ты в ТуркВО, в Афган, и вообще в часть не рвись, а старайся остаться в учебке, пусть вам говорят, что везде хорошо, но лучше учебки армии нет, по себе знаю, так что слушайся моего совета. А в конце, как и принято, поздравляю

тебя с Новым Годом, желаю тебе всего-всего, но в целях экономии бумаги ты сам себе от меня пожелаешь, что тебе нужно, а я это клятвенно поддержу.

<...> Наконец-то хоть одна неуставная рожа написала. Ведь ни одна гражданская или морская сволочь даже не пишет. Надеются, наверное, что я в скором времени буду в Союзе. Хрен! Какой там Союз! Выходим одни из последних. Твое первое, как ты говоришь, письмо я не получал, а то сразу же дал бы ответ. Тут, кроме родителей, вообще все забыли <...> Ну что тебе еще про себя написать. Уже «дед», потихоньку готовлюсь к дембелю, правда он как в тумане. Конкретных дат вывода нам еще не сказали, а обстановка здесь все сложнее и сложнее, да ты сам в газетах должен читать. Уйдут советские войска, здесь жопа будет. Ну, а что я? Заработал за доблестную службу здесь три железяки, думаю, что хватит, пригодятся при поступлении в институт. Но не это главное. Жалко, что больно долго мы собираться будем, а охота встретиться за круглым столом и откупорить бутылку шампанского и вспомнить былое. Да только когда все это будет. Кто в морфлоте, кто где.

<...> У меня все о'кеу! Прикинь, через полгода домой. Встречу почти всех наших. Спасибо за фотографии. Здоров, боров, ничего не скажешь! Две «сопли» нацепил. Скажу так, границу пересекли только 11 февраля, так что не надейся на скоренькое письмо из Союза. Тут наши тупорылые командиры придумали всю казарму контейнерами обложить — в случае обстрела, мол, спасут. Тут за мою службу было столько обстрелов, что счет потерял, и ни хрена, а тут за месяц что-то случится. «Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона». Это точно. А на счет обстрелов... У нас даже в сортир за медалью ходят. Тут как за ранение медаль, или орден, смотря как получил, по степени тяжести и на боевых, или нет. Так вот один пострать на очко пригнездили, а рядом трес как е...л двенадцать осколков по спине — медаль «За боевые заслуги». Вот. У нас потом до маразма доходило. Запрещали в обед в сортир ходить. Ну ладно, пока! Пиши. И всем нашим от меня привет.

(Из архива автора. Переписка с В. В. Дьяковым)

<...> Я с самого начала не стал собирать письма, поэтому сейчас рву их после того, как на них отвечаю. Но твоё постараюсь сохранить, по мере возможности.

<...> С нетерпением жду нашей встречи за большим столом, где мы вспомним все былое и прожитое. Мне сейчас главное зиму пережить, лето пролетит быстро, а потом уже и дембельская зима. В наших войсках увольняют поздно, где-то в середине июня, так что все успеют вернуться раньше меня, только ты, да Димка Кожедубов после нас. Но мы вам организуем такую встречу, ну просто класс.

<...> Я рад, что получаю так часто твои письма. Получая ваши письма, невольно начинаешь вспоминать веселую беззаботную гражданскую жизнь. Ночи у костра, путешествия — все это так близко в памяти, но недосыгаемо сейчас. Реально то, что я сижу в сапогах, которые пора уже менять, и в форме с погонами и ремнем. Пишу на колене, на которое положена наждачная бумага, а сверху сей пергамент. Рядом сидит отделение и ишкурками чистит чайники. Вот все это реальность, будничная солдатская жизнь во время ПХД (парко-хозяйственный день).

<...> Ностальгия меня уже так не гложет, как это было в первые месяцы. Вообще, домой почти не тянет, как и у тебя, полная апатия ко всему, ничего вообще неохота. В карауле сплю все свободное время. Ты знаешь, домой не тянет, наверное потому, что вас там никого нет. А без вас там делать нечего. У нас все говорят, к кому родители приезжали, что увидеться — это отлично, но потом расставаться и прощаться просто муки.

<...> Сегодня днем получил твоё письмо и вот сейчас сижу в тревожке и пишу тебе это письмо. Сегодня же я почувствовал, что уносятся годы жизни безвозвратно. Скоро мне 19. Уходят такие прекрасные годы, а их уже не вернешь. Это ко мне подкатило сегодня, т. к. получил поздравительную посылку из дома. На удивление она дошла быстро — всего за 6 дней, а письма, бывает, идут дней по 20.

<...> Как бы мне сейчас хотелось увидеть всех наших. Прекрасные были деньки. Но ты прав, они не повторимы. Как бы мы не хотели. И все-таки мы будем еще долго весело жить. Пусть

те дни не повторяются, но будут другие, не менее приятные и радостные. Вот и все. Пиши.

(Из архива автора. Переписка с Д. Л. Зубовичем)

<...> Мне сложно отсюда, из московского института, давать тебе какие-то советы по поводу твоих отношений с дедами. Могу сказать только, что нужно остаться человеком любой ценой. [Выделено в оригинале. — К. Б.]

(Из архива автора. Переписка с С. С. Моньковым)

Письма бывают разные. В основном они делятся на аналитические и эмоциональные. Аналитические послания выводят солдата на позиции наблюдателя, тем самым дистанцируют его от происходящего и развивают способность к рефлексии. Это позволяет воспринимать происходящее с ним как иллюзию, малозначащие факты и переносить все имеющее значение в прошлое или в будущее.

Эмоциональные письма имеют целью психологическую разрядку, снятие напряженности, стресса. Такие письма пишутся с целью не анализировать реальность, а отрешиться от нее, погрузившись в медитативные воспоминания. Содержательная сторона таких писем сводится к общим коммуникативным формулам.

Информационное поле любого письма переносит читающего или пишущего его солдата в прошлое или будущее, расширяя пространственно-временной континуум до пределов памяти и воображения. Актуальное пространство личности виртуализируется, и это позволяет ей сохранить свою культурную целостность. Поэтому трансформация психологической реальности путем разрыва пространственно-временного континуума имеет психостабилизирующее значение.

Посредством переписки солдат выстраивает вокруг себя культурный контекст, формируя собственное информационное пространство. Это пространство его идентичности выступает как особая система коммуникации с особым ценностным статусом. В переписке заново осмысливается прежняя жизнь, до неожиданных мельчайших подробностей. При этой переоценке ценностей становится важным то, чему «на гражданке» не придавалось значения. Повышается общая значимость частного, из воспоминаний о прошлой жизни

исчезают мелкие детали: все частности становятся знаками целого.

В самом начале службы солдаты пишут постоянно и много. Содержательная сторона переписки не имеет большого значения. Важен сам факт отправления и получения письма. Письма ткут сеть коммуникаций, и чем обширнее переписка, тем сильнее и актуальнее информационное поле, тем успешнее противостояние давлению экстремальных групп, и, соответственно, тем больше шансов выйти оттуда с минимальным ущербом для личности.

В первые месяцы человек еще живет воспоминаниями, и они составляют для него среду эмоционально-ценностной подпитки. В этой физической реальности тебя окружают сослуживцы, сержанты, офицеры, старослужащие — вся отлаженная пирамида отношений. Ты песчинка в основании этой пирамиды, ты подавлен этой массой. Притом ты понимаешь, что полностью некомпетентен в этих новых для тебя отношениях и чувствуешь свою ничтожность. Весь объем знаний, усвоенных на протяжении жизни, все системы ценностей оказываются ненужными. Ты сталкиваешься с новыми ценностями-антитезами.

Например, ты знаешь, что воровать нехорошо, а тебе говорят «в армии не крадут, а находят», но «не теряют, а прое...ют». Ты привык лично отвечать за свои поступки, а тебя наказывают за чужие, вместе со всем отделением, взводом, ротой. Ты уверен в многомерности личности, а здесь твоя личность редуцируется до номера: здесь твое «Я» — это номер военного билета, номер автомата, номер подразделения, номер кровати, номер противогаза, номер тапочек. Поэтому, когда твое тело, подчиняясь команде, выполняет очередной алгоритм простейших действий, твои письма, в которых ты остаешься единственным и любимым, позволяют не воспринимать происходящее здесь и сейчас как нечто важное. Солдатская переписка — виртуальное поле человеколюбия, в реальном поле насилия.

Текст письма синхронизирует прошлое, откуда ты пришел, с будущим, куда ты стремишься. Синхронная связь с родными и близкими по почте имеет диахронный аспект — это связь твоего «есть» с твоим «был», твоего современного с твоим вне-временным, — связь, преодолевающая их конфликт, — кон-

фликт состояния и сущности. Поэтому, чем лучше память, тем больше шансов сохранить мир своих ценностей.

После первого года, перейдя в разряд элиты, солдат интегрируется во внутреннюю статусную коммуникативную среду и пишет письма все реже.

На низшем уровне иерархии основная проблема переписки целиком заключена во внешнем факторе — отсутствие свободного времени. Тем не менее на письмо выкраиваются минуты: пишут по ночам, в транспорте, в караулах, в перерывах и т. п.

На высшем уровне иерархии перестают писать письма те, у кого исчезает в этом потребность из-за барьера между военной и гражданской информационно-коммуникативными системами, разделяющими психологическое поле личности. О доме важно знать главное, и это главное запечатлено в коммуникативных формулах: «все нормально», «живы-здоровы», «целуем», и т. д. Воспоминания здесь теряют психическую стабилизирующую актуальность, вместе с ними исчезает и лейтмотив «а помнишь!». В свою очередь это означает, что человек адаптирован к новой среде, ему комфортно.

Адаптация к какой-либо культурной среде предполагает переход к ее системе коммуникации. Трудность написания письма домой на этом этапе заключается в согласовании коммуникативных каналов корреспондента и адресата. Проблема еще и в предметности человеческого мышления. Человеку не искушенному в умозрительных упражнениях трудно писать «вообще». Человек чаще бывает ретранслятором и объектом информации, а не ее генератором и субъектом. Быть источником и генератором информации — значит быть философом. Если, допустим, вы философ, то для вас скудость предметно-событийной стороны быта не исчерпывает полноты бытия и вы, уже независимо от нее, можете писать, рассуждая на уровне категорий, углубляя и расширяя семиотическое поле вашего общения.

Первый год службы делает философа из каждого: это экзистенциальный эффект одиночества единицы в строю. В этом состоянии молодой человек все чаще задумывается о смысле простых вещей, «начинает ценить мелкие радости жизни», — как говорил, находясь в «самоволке», рядовой Кузеванов, закусывая плохую водку подгорелым картофелем. Смысл простых

вещей чаще открывается человеку в пограничном состоянии сознания: философском, поэтическом, измененном — экстремальном.

Предметно-событийный план повествования может быть фоном и поводом коммуникации. Отношение солдата, начинающего службу и ее заканчивающего к информации полярное: для первого событием являются его переживания, у второго переживания вызывают некие внешние события. Те явления, которые по эту сторону забора имеют значение, по ту сторону его теряют. Поэтому, извиняясь за длительное молчание, многие солдаты часто жалуются на то, что в армии «нечего» писать, а писать «ни о чем» они не могут.

Структура переписки отражает структуру общесоциальных коммуникативных связей. Разумеется, то, что пишут солдаты своим родителям, сильно отличается от того, что они пишут своим девушкам, и в еще большей степени — от того, что пишут друзьям. Нельзя упрощать человеческое общение, сводя его к обмену коммуникативными файлами, но поскольку типы социальных отношений определяют и формы коммуникации, постольку изменения в солдатской переписке отражают реакцию личности на ситуации вплоть до трансформации (личности или ситуации).

До армии у человека формируются сферы общения, которые на протяжении службы сохраняются и поддерживаются письмами разных типов:

1. Письма друзьям. Люди, ушедшие в армию, пишут тем, кто туда еще только собирается, с тем, чтобы поделиться своим опытом существования и выживания в экстремальных группах (примеры — письма, приведенные выше). В этих письмах армия предстает во всем спектре реальных проблем ее генетической статусной структуры.
2. Домой пишут письма другого рода и с другой целью, тщательно «фильтруя» информацию, поскольку одна из самых важных задач писем родителям — их успокоение. Родители это понимают и подвергают письма сыновей тщательному анализу. В этих письмах армия может высвечиваться в ее реальном статусном аспекте, но чаще — в официальном. Неформальные статусы носят весьма редуцированный и символический характер. В этих письмах внутренние доминантные отношения, непонятные гражданским лицам,

не акцентируются. Идентичность выражается в обобщенных стереотипах образа военного, окрашенных романтическими тонами в спектре от нейтрального до гротеска: «ваш сын — солдат /бравый солдат/ суперсолдат». Здесь наиболее показательны вводные фразы и обороты — от «С солдатским приветом, ваш сын рядовой» до «Пишу вам на сапоге убитого товарища под свист душманских пуль». В этих письмах, стараясь скрыть реальность, солдаты переходят к героическому мифотворчеству.

3. Письма девушкам. Тут все более-менее ясно. Военная знаковая система эксплуатируется для форсажа собственной брутальности и мужской привлекательности в полном соответствии с природой, выраженной в архетипах и стереотипах. Надо сказать, девушки реагируют. (Здесь я не говорю о тех, с кем давно сложились устойчивые дружеские отношения — перед ними даже «настоящему индейцу» незачем распускать перья — они его знают как облупленного.) В этом плане интересна категория «девчачьи письма неизвестному солдату». Эти бесхитростные письма — романтическая версия брачных объявлений — основаны на стереотипе идеального совокупного образа военного человека. Данный стереотип апеллирует не к конкретному партнеру, а к его социальной роли, связанной с имиджем военных в культурной психологии.
4. Особый тип представляют те письма родителям, в которых они открыто пишут о неуставных отношениях. Насколько я знаю, человек решается на это, когда он исчерпал все возможности контролировать ситуацию, влиять на нее, и/или приспособливаться к ней. Эти письма психологически и семиотически равнозначны крику «мама!», который человек издает в момент крайней опасности. Если не произошла трансформация личности, то следующим этапом ее «развития» будет либо ее слом, либо суицид. Ниже приводятся отрывки писем, отражающие внутренний психологический конфликт личности, вызванный системным насилием. Мы подобрали цитаты из разных писем, чтобы на их примере показать этапы: 1) последняя мобилизация духовных сил для сопротивления; 2) просьба о помощи; и 3) состояние предела.

[Из солдатских писем]

(1)

<...> Ну ничего, я все переживу. Пусть бьют, унижают даже свои, но я все выдержу и при этом останусь человеком хотя бы для себя, а что думают они — мне все равно. Я не сволочь, я не могу бить человека ни за что, просто так — взять и избить. Здесь, в моей роте, законы такие: пропустил человека впереди себя — бьют, помог человеку — бьют, подал человеку что-нибудь — бьют, не «родил» — бьют, не подчинился дембелю, даже когда тебя зовет офицер — бьют. Бьют сильно. Но все-таки я выдерживаю. Я останусь человеком. <...>

(2)

<...> Я хочу служить, но не в такой армии. Вы не думайте, что я кошу или дуркую, но я больше не могу получать от этих дебилов. У меня уже все болит, худой весь. В столовой уже 2 недели не дают масла, нет сахара. Жрем какие-то помои, половина уже заработала гастриты да язвы желудка. У нас пацаны падают без сознания, постоянно голодные, грязные. Пожалейте меня, заберите меня отсюда.

(3)

<...> Приехал в часть, думал, будет лучше, а тут еще хуже. Все офицеры ушли в отпуск на 3–4 месяца и старикам вообще все можно стало, пошел беспредел. В течение дня подзатыльники, оплеухи и так далее. А ночью или вечером впору в петлю лезть. У них такой прикоп появился — возьмут твое ухо и как выкрутят, оно аж хрустнет, так что на следующий день оно все синее. А на утренней поверке сержант спрашивает, кто это тебя так. Я говорю, что не знаю, а он мне как начал по башке лупить... Ну, все, короче. Я здесь больше не могу. Я не хочу служить в такой армии, с голодом, со вшами. Я уже не могу терпеть. Я уже на пределе.

(«Армия рабов» // www...)

Письма Григория Парыгина, проходившего срочную службу в Петропавловске-Камчатском и покончившего жизнь самоубийством, не нуждаются в комментариях и не требуют от читателя компетенции эксперта психолога-криминалиста для понимания того, что до самоубийства его довели царящие в его части отношения. Подборка писем, опубликованная в хро-

нологическом порядке в еженедельной газете «Новая Камчатская Правда», целиком помещена в Приложении. Ниже приводятся отрывки, отражающие переход от рефлексивных размышлений о трансформации собственной личности в армии к решению о самоубийстве.

[Из солдатских писем]

<...> «Мореманы» не такие и хорошие парни, как я думал. Хотя жить по уставу сложно, и поэтому они озлобляются. Да и я тоже потихоньку становлюсь таким. <...>

<...> Я после ужина чищу снег. Утром до завтрака мы чистим снег все. Как я заметил, Рома, наш «годок», снег не кидает. Значит, я тоже не буду кидать снег, а буду гонять своих «духов». В роте нам говорят, что когда они были «духами», то думали, что когда станут «годками», никого гонять не будут. Но вышло по-другому. Они говорят, что когда они пришли в армию, они были такие же, как я. И иногда, когда смотрят на меня, говорят: «Ну, пацан, армия тебя изменит очень сильно». Чем дальше, тем сильнее мне становится интересно, правда ли я изменюсь? <...>

<...> Рома, наш годок, не знаю, чего такой злой. Постоянно нас гоняет. Я не знаю, почему. И постоянно гоняет меня. Почему я у него крайний? Гриня, он относится ко мне, как и ко всем. Да и я отношусь к нему, как к пацану, который прослужил больше, чем я. Как к «дембелю». Толя гоняет чуть больше Грини, но тоже пацан не злой. Гриня и Толик — это такие «дембеля», каким «дембелем» хотел бы стать и я. Хотя я слишком мало прослужил вместе с ними и, может быть, мое мнение изменится — мне служить с ними два месяца.

<...> Сегодня, 29 января, мы нарушили правила «стодневки» и ночью будем наказаны: мы будем отжиматься от пола, сидеть «на воздушной баночке» и многое другое. Наверняка больше всех нас будет гонять Ромка — он любит гонять. Наша «духанка» кончается 27 марта. Здесь — две стороны монеты. Одна — мы, точно, будем больше «рожать» всем сигареты и деньги. А, с другой стороны, один день боли, когда нас будут крестить ремнями в «помоза». <...>

Привет, мам! Пишет тебе рядовой Григорий. Сегодня, 9 февраля, мы опять ходили «рожать» деньги на сигареты, сгущенку, носки, блок «чоко-пая». Сигареты мы «рожали» до обеда. Все остальное — после. Сигареты я с Лешкой «родил» быстро. А с остальным у меня с ним и Юрком ничего не получилось. <...>

Привет, папа! Пишет тебе твой сын-солдат. У меня все хорошо. Служу пока что без серьезных происшествий. А так, в основном, мелкие случаи. <...>

Привет, мама! Пишу тебе после ужина в свободное время. Дела у меня не очень. Сегодня мне предстоит, или не предстоит, ночка веселая. Мне надоела эта глупая жизнь. Я могу натворить кое-чего, что может поломать мне жизнь. А может и со мной может что-нибудь случиться. Команда считает, что мы должны делать за них разные работы. Мне это надоело, и может получиться большой конфликт, который ломает тут все, а может ничего и не случится. Сегодня все выяснится. 1.10.98 г.

2.10.98 г. Ничего не было. Я спал, как младенец. Все так же и осталось. Пока до меня никто не дое...ся. Гриша.

(Яковлев, 1999с)

«Через несколько дней автора этих писем не стало, — пишет Владимир Яковлев, опубликовавший письма Григория Парыгина. — Его труп, висящий в петле на дереве недалеко от 51-й комендатуры, нашел случайный прохожий. Ровно год прошел с того трагического дня. Завершилось следствие, которое пришло к заключению о том, что Григорий Парыгин покончил жизнь самоубийством. Но мать погибшего солдата с выводами военных следователей не согласна. Она считает, что ее сына убили. Вскоре состоится суд, который внесет окончательную ясность в случившееся. Однако вполне очевидно уже сейчас, что Григорий Парыгин стал очередной жертвой неуставных взаимоотношений, которые процветали не где-то вдали от пристальных взоров высоких военачальников, а лишь в нескольких десятках метров от штаба группировки» (Яковлев, 1999с).

Человек, доведенный до последнего предела, предпочитающий самоубийство слову своей личности, этим страшным выбором утверждает свободу воли и свой протест против существующего режима.

Еще раз взглядимся в строки приведенного выше письма: «Мне надоела эта глупая жизнь. Я могу натворить кое-чего, что может поломать мне жизнь. А может и со мной может что-нибудь случиться. Команда считает, что мы должны делать за них разные работы. Мне это надоело, и может получиться большой конфликт, который ломает тут все, а может ничего и не случится. Сегодня все выяснится» (Яковлев, 1999с). Что автор имел в виду? Напомним, что он прослужил почти год, и, судя по предыдущим письмам, принимал нормы «дедовщины», отдавая ей предпочтение перед «уставщиной», т.е. вполне осознанно адаптировался в среду организованного насилия. Что значит это «команда считает»? Это может говорить о том, что автора этих писем собирались «опустить», поскольку без «козла отпущения» команды подобного рода не существуют. Самоубийство в данной ситуации оставалось последним и единственно возможным выходом. Он повесился недалеко от комендатуры, и в этом можно видеть его вызов всем системам организованного насилия — как уставной, так и не уставной.

Рационализация деятельности

Попадая из учебной части в войсковое соединение, солдат сталкивается с необходимостью как-то обозначить свою позицию по отношению к местным нравам и обычаям. Альтернативы, за редким исключением, нет, и ему приходится интегрироваться в действующую систему доминантных отношений. В целом, насколько я мог наблюдать жизнь Советской/Российской армии в период с 1987 по 2000 г., знаково-семиотическая оболочка «дедовщины» везде и всегда воспроизводится примерно одинаково, но степень реального физического насилия в разных местах колеблется от полного его отсутствия до убийств. То есть, к примеру, подавляющее большинство «дедов» и «духов» в воинских частях по всей стране будут различаться между собой габаритами подворотничков, углом изгиба кокард и т. п.,

но при этом молодых в одних частях никто и пальцем не трогает, в других их бьют только «за дело», в третьих их бьют «для профилактики», в четвертых — избивают постоянно, в пятых — насилюют и забивают насмерть.

Во многих воинских частях положение духов различается даже в разных подразделениях. Здесь проводить какие-то классификации невозможно — моральный климат и, следовательно, степень экстремализации отношений зависят от личностей доминантных лидеров. Однако нам удалось проследить некоторые общие закономерности. В нашей части положение духов было везде примерно одинаковое — весьма и весьма приниженное, подчиненное и бесправное. Общей была система знаков и символов принадлежности к эшелону элиты старослужащих. И, тем не менее, духи хозяйственного взвода, ремонтной роты и других рабочих подразделений отличались более раскованным поведением, большей свободой, большим участием в делах элиты, большей заинтересованностью в общей статусной системе. В свою очередь, деды этих подразделений практически никогда их не били.

Служба в особом подразделении имеет ряд преимуществ, которые являются своего рода стимулами. Соответственно, их командирам легче контролировать своих делов. С другой стороны, командиры хозяйственных взводов всех уровней — от начальника склада до заместителя командира части по тылу — невольно связаны со своими подчиненными негласной круговой порукой, поскольку те становились участниками их больших и малых махинаций. Отвезти цемент на дачу или отгрузить со склада налево несколько ящиков тушенки — все это осуществлялось не лично прапорщиками и полковниками, а руками солдат, естественно, не молодых. Излишне говорить, что командир не будет на утреннем построении, тараша глаза, орать «товарищ солдат, застегните крючок!» на того, с кем ночью он отгружал со склада некие материальные ценности; он свои глаза закроет и на большие шалости.

Соответственно, такому привилегированному солдату нет нужды самоутверждаться за счет своих «духов» — он, во-первых, и так чувствует себя лицом, «приближенным к императору», и, во-вторых, дорожит этим местом и не зарывается.

Кандидаты на такие должности отбираются из молодых солдат, проходят своеобразный конкурсный отбор не только на

профессиональное соответствие, но и на предмет легкости нрава и лояльности.

Таким образом, можно наблюдать два вектора лояльности, во-первых, от молодых солдат, стремящихся закрепиться в привилегированном подразделении; во-вторых, от старослужащих, стремящихся не потерять свое место; в-третьих, от командиров всех уровней, заинтересованных в лояльности своих подчиненных.

Такую же повышенную плотность корпоративных связей мы наблюдали и в медсанчастях, и в штабах, и в клубах, и в оркестрах — везде, где специфика службы отличает положение солдата в лучшую сторону, и, соответственно, является стимулом просоциального поведения.

Другим фактором нормализации отношений, тесно связанным с первым, следует считать общую рационализацию условий социального контакта, на основе которых и формируются специальные подразделения. Солдаты, работающие в клубе, в штабах, столовых, медсанчастях, мало чем отличаются от своих вольнонаемных коллег. Поэтому положение водителя продуктовой машины *de facto* совершенно иное, чем у водителя боевой машины, хотя это могут быть одна и та же марка автомобиля и один и тот же статус *de jure*. Один идет на работу, другой идет на службу. В данном случае это разделение кардинальное, и проходит не в сфере материальной заинтересованности (поскольку и первый, и второй ничего за работу не получают) — оно проходит по линии здравого смысла. Можно сколько угодно говорить о пользе строевой подготовки для повышения боеготовности и о ее конечной рациональной цели — противостоянии некоему внешнему агрессору. Тем не менее на плацу эта рациональная основа не чувствуется хотя бы потому, что агрессору далеко и трудно понять, как его можно устроить строевым шагом и бодрой песней. Но никакие пояснения не требуются, когда строевая (а иже с ней химическая, инженерная, — какая угодно) подготовка используется в наказание. Специальные подразделения — ремонтные роты, хозяйственные взводы, бригады, несущие боевое дежурство, всевозможные «точки» считаются среди солдат престижными не потому, что там «халява». Напротив, солдаты в этих подразделениях работают, во-первых, больше, во-вторых, постоянно. Но эта работа рациональная.

Она угнетает намного меньше, чем работа бесполезная, а так же, как лишённые смысла постоянные перестроения тел в пространстве. Об этом же писал Ф. М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома»:

Сама работа, например, показалась мне вовсе не так тяжелою, каторжною, и только долго спустя я догадался, что тягость и каторжность этой работы не столько в трудности и непрерывности ее, сколько в том, что она — принужденная, обязательная, из-под палки. Мужик на воле работает, пожалуй, и несравненно больше, иногда даже и по ночам, особенно летом; он работает на себя, работает с разумною целью, и ему несравненно легче, чем каторжному на вынужденной и совершенно для него бесполезной работе. Мне пришло раз на мысль, что если б захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием, так что самый страшный убийца содрогнулся бы от этого наказания и пугался его заранее, то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы. <...> Разумеется, такое наказание обратилось бы в пытку, в мучение и было бы бессмысленно, потому что не достигло бы никакой разумной цели.

*(Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома.
Цит. по изданию 1875 г.)*

Достоевский вполне передает социально-психологическую атмосферу царской каторги. «Записки из Мертвого дома» не только начинают собой библиографию «антропологии экстремальных групп», но также позволяют представить и «эволюцию» последних за последующие полтора столетия. Сегодня ресурсом управления в современной армии стало то, мысль о чем заставляла цепенеть каторжанина позапрошлого века.

Образование

История знает немало примеров, когда высокое образование не мешало человеку творить насилие. Более того, обуславливало изощренность его форм и разнообразие средств. Тем не менее, по нашим наблюдениям, среди действенных факторов, сдержи-

вающих насилие в армии, следует выделить именно образованность у городской молодежи и воспитанность в традиционной системе ценностей у сельской. И образованность, и воспитанность предполагают у человека сформировавшиеся жизненные ориентиры и ценности, лежащие за пределами влияния экстремальных групп.

Склонность к рефлексии, присущая образованным и воспитанным людям, сдерживает деструктивные аффекты. Поэтому нравы казармы часто зависят от того, каков среди ее обитателей процент людей, успевших реализовать в той или иной области, и образуют ли они ядро своего сообщества.

Человек, не забывающий за своим временным статусом о том, кто он есть на самом деле, не нуждается в примитивно доминантной компенсации. Этим людям, побывавшим в шкуре жертвы, не свойственно примерять одежды палача. Разумеется, они тяжелее переносят дедовщину и подобные «тяготы и лишения», тяжелее переживают личное унижение, оскорбление достоинства, банальный мат, просто потерю времени в солдатской муштре. Но когда такой человек переходит в статус доминантов, он практически не использует такой механизм личностного самоутверждения как унижение младшего. Пользуясь общими привилегиями «по сроку службы», он не перекладывает на молодых работу по обслуживанию своей персоны и общается с молодыми не как хозяин с рабом, а как старший с младшим, максимально избегая участия во всякого рода коллективных расправах.

Лицо, получившее среднее специальное или высшее образование, закончившее или обучающееся в техникуме или вузе, нуждается в механизмах армейской идентичности в меньшей степени, чем тот, чьи амбиции не выходят за рамки казарменных отношений. Идентичность, сформировавшаяся в открытом обществе, способствует сохранению личности и в режимных группах.

Аутсайдность

«Якорем культуры» в экстремальных группах может стать и самоизоляция. Уберечься от участия в организации экстремальных групп возможно посредством прямого дистанцирования, но это под силу только вполне зрелой личности. Прямое

дистанцирование не обязательно сопряжено с активным противостоянием системе на низшей ступени иерархии, но в большей степени — с отказом от ценностей и благ дедовщины по достижении высшей ступени. Отказ пользоваться правами и привилегиями системы разлагает ее больше, чем отказ от выполнения ее обязанностей, ибо в этом случае угроза системе доминантных отношений исходит от того, кто по статусу должен быть ее гарантом и воплощением. Однако такие случаи редки.

Едва ли не в каждой воинской части есть старослужащие, приравненные к духам, так называемые чмыри, занимающие нижний порог социальной аутсайдности. Но нет таких, кто бы добровольно разделил с молодыми полный объем их неуставных обязанностей. Тем не менее, верхний порог аутсайдности в армии представлен вполне отчетливо. Лица, чьей натуре доминантные отношения глубоко противны, не будут перекладывать на молодых свои функциональные служебные обязанности, заставляя обслуживать себя. Акцентируя свою независимость от статусов, они бывают подчеркнуто вежливы с младшими, безразличны к статусным знакам и символам и отправляются на дембель в гражданской одежде.

Стремящийся к верхнему порогу аутсайдности дистанцируется от системы, замыкается в своей самодостаточности, стараясь по минимуму соприкоснуться с ней и в правах и в обязанностях, и вообще проводить как можно больше времени в уединении — в библиотеке, в спортгородке, в автопарке, загружая себя работой, но работой уже логичной и рациональной. Со своей стороны и общество оставляет аутсайдера в покое: ему не интересен тот, кому оно не интересно.

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В ГРАЖДАНСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Военная история как фактор национальной идентичности. — Каналы трансляции армейских доминантных отношений в гражданское общество. — Экстремальные группы и большая политика. — Восприятие иноэтничности. — Образ армии в общественном сознании и проблемы ее профессионализации.

Военные начальники совершенно правы, когда возвращают обществу его претензии по поводу дедовщины, указывая на царящий «на гражданке» правовой беспредел, насилие, ксенофобию и т. п. Дескать, на себя посмотрите. Действительно, люди в армию приходят не из космоса, а из социума, и это действительно люди, а не ангелы, со всеми свойственными людям пороками и добродетелями, достоинствами и недостатками. Командиры же, руководствуясь требованиями вышестоящих командиров, уставов или армейским идеализмом пытаются сделать из человека образцового солдата, т. е. «ангела».

Сравнение более архетипично, чем метафорично, поскольку образ идеального солдата скорее напоминает образ если не ангела, то праведника, чем нормального человека. Хороший солдат, как и ангел (праведник), является не инициатором, но исполнителем и проводником высшей воли; как и ангел (праведник), он чужд пороков; как и ангел (праведник), он лишен индивидуальных различий вплоть до половых. Средневековым христианским схоластам, все попавшие в рай представлялись бесполовыми, в одинаковых одеждах, и одного роста. Поэтому в раю не может быть конфликтов. Рай похож на образцово-показательную часть.

Задача преобразования «грешников» в «праведников» в армии возложена на командиров. Их воспитательные обязанности также абсолютизируются. Устав накладывает на командира ответственность за морально-психологическое состояние солдата, т. е. требует от первого телепатических способностей. Как возмутился один из моих друзей-офицеров: «Они ко мне пришли с гражданки, все разные, некоторые по-русски не говорят, а я должен отвечать за то, что у них в головах творится. Поэтому я хочу перейти на штабную работу, чтобы у меня было не

тридцать балбесов, а сейф, и в нем печать, — вот за это я согласен нести ответственность».

Поставить на конвейер переработку грешников в праведников не удалось ни церкви, ни психоанализу. Это очень индивидуально. Но специфика идеологической работы в войсках такова, что морально-психологический аспект в Российской армии заменяет принцип материальной заинтересованности, основной для профессиональной армии, поскольку за отсутствием реальных стимулов вся мотивация сводится к рассуждениям о «почетной обязанности», «долге гражданина», «патриотизме» и прочим заклинаниям. Именно так, поскольку даже самые высокие категории гражданского сознания нуждаются в соответствующей материально-правовой базе. Души испытывают смешанные патриотические чувства, когда государственный гимн, звучащий даже на самую величественную мелодию, застигает их в «позе крокодила», или «дроящими очко» двадцать пятый час в сутки.

Стимулом для службы являются как раз обычные человеческие радости, не чуждые ни солдатам, ни офицерам. Их нехитрый перечень вы найдете в любом дембельском альбоме. Но эти радости неуставные, а значит противозаконные. Они позволительны только гражданским лицам, а для примерного солдата — смерти подобны. Источником радости для образцового солдата должна быть сама служба и ее отдельные составляющие, например, «праздничный кросс» или строевая песня. Тем не менее, истинные солдатские радости, состоящие в удовлетворении простых человеческих потребностей, находятся «по ту» сторону забора, через который они за ними бегают в «самоволку», поскольку «по эту» сторону их удовлетворять «не положено», да и нечем. В самом деле, надо очень постараться, чтобы потребность распить спиртной напиток удовлетворить строевой подготовкой, а половой инстинкт — надеванием противогаза. А поскольку человеческие потребности этим не ограничиваются, постольку депривационное напряжение весьма велико и становится причиной нарушений устава.

Мы согласны, что именно стремление к обретению радостей гражданской жизни являются источником девиантного поведения военнослужащих. Но и уставные дисциплинарные стандарты трудно считать общечеловеческой нормой, о чем в первую

очередь говорят сами военные, работающие непосредственно с личным составом.

Здесь речь не об отклонениях от идеальных (т. е. ирреальных) моделей, но о системном насилии, от которого в равной степени страдает и армия, и общество.

Несмотря на смертоносную функцию военного человека, насилие зарождается не в армии. Оно — свойство человеческой природы. Но если в открытом обществе агрессия циркулирует в разряженном виде, то армия, в силу ее изолированности, аккумулирует психофизиологическую энергию и в итоге превращается в институт концентрации и ретрансляции социального конфликта. Армия не порождает насилие, она его конденсирует. Если, иллюстрируя бурление социальных процессов, сравнить социум с самогонным аппаратом, то армия — его змеевик.

В силу приписывания армии воспитательных и социализаторских функций общая конфликтогенная ситуация конституируется в качестве нормы и участвует в построении жизненных сценариев.

Утопичность официального права — причина правового дуализма ментальности. Ситуация в целом для России знаковая. Конфликт официальной и народной правды — традиционное состояние российского правового сознания. Анализ этого феномена на примере правовых основ русской общины второй половины XIX в. дал в своем блестящем исследовании Стивен Фрэнк (Frank, 1990). Его работа интересна тем, что объясняет привычный российский «бардак» с позиций юридической антропологии, выводя его феноменологию из правового дуализма ментальности. Причина этого дуализма в дистанции между государственными законами и народным правом. Как эта парадигма воспроизводилась в российской армии второй половины XX в., мы уже показали. Теперь посмотрим, какое значение имеет образ самой армии в российском общественно-политическом сознании и чем чревата его дискредитация.

Военная история как фактор национальной идентичности

Расхожая фраза о том, что нация — это этнос с армией, справедлива еще и потому, что образ армии является важным

фактором национальной идентичности. Феномен армии имел решающее значение в политогенезе, поэтому национальные символы большинства государств имеют военное происхождение. Армия как инструмент государственности остается символом государства. Соответственно, милитаризм исторически свойствен гражданскому самосознанию.

Со второй половины XX в. ситуация меняется. В перспективе глобальной интеграции со слиянием национальных экономик, границ, армий, с изменением правовых и этических приоритетов в пользу отдельной личности наблюдается постепенная демилитаризация общественного сознания. Потребности в демилитаризации, наблюдаемые сегодня в развитых странах, можно назвать признаком зрелости общества. Демилитаризация общественного сознания не есть демилитаризация государства. С глобальной интеграцией ожидание опасности военной агрессии не исчезает. Напротив, с укрупнением защищающегося организма растет и его тревожность, опережающая реальную угрозу: так, глобальному организму могут угрожать только глобальные силы, а защитить его в состоянии только космические системы. В «звездных войнах» архетипы космогонического конфликта обретают завершенные формы.

Уровень национальной тревожности может направлять формирование военных доктрин. Страны-участники военных альянсов в обеспечении собственной безопасности рассчитывают не столько на собственные силы национальной безопасности, сколько на объединенный военный контингент, состоящий из профессионалов, и уж никак не на ополчение. В то же время национальные гвардии, и даже идея ополчения, остаются в числе важных государственных символов, обслуживающих исторические пласты общественного сознания.

В современной России специфика восприятия армии связана с иным кругом проблем и с иным уровнем идентичности. Национальная армия понимается как национальный символ только в случае непосредственного выполнения ею своих функций. Это проявляется в восприятии военных действий как фактора национальной консолидации. В условиях системного кризиса наблюдается тенденция компенсировать функциональную недостаточность армии средствами идеологии. Так, проблема «расширения НАТО на восток» — это проблема политизированного мышления, связанная с утраченным пре-

стижем, экс-имперскими комплексами и т. п., но не проблема современных военных технологий, работающих с планетой как с объектом. Сознание дезинтегрированного общества, переживающего «версальский синдром», нуждается во внешнем враге, социопсихологическая роль которого состоит в том, что на него можно перенести все внутренние проблемы, включая и причины внутренних конфликтов. Обыватель готов видеть в них происки чужих спецслужб, «влияние Запада», козни «жидомасонов», инопланетян — все, что угодно, только бы вынести источник конфликта за пределы пространства собственной идентичности. Объективация конфликтогенных факторов есть условие психологического комфорта. Или, популярно выражаясь, «перевел стрелки» на «крайнего» — и спокоен.

Анекдоты, высмеивающие соседей по этническому признаку, рассказывают друг о друге все народы. Это нормально и даже полезно, поскольку юмор открывает клапан отрицательной энергии, накапливающейся в общественном сознании, и служит разрядке внутрисоциальной напряженности. Но сегодня в России эта энергия изливается не в знаках и символах посредством юмора, а в прямой военной экспансии. Поэтому с развитием «антитеррористической операции», по нашим наблюдениям, исчезли анекдоты про кавказцев: энергия отрицательной иноэтничности нашла прямую дорогу, и более не нуждается в семиотических «развязках».

Военная история всегда оставалась областью мобилизации общественного сознания в России. Слава русского оружия осталась одним из немногих факторов исторической памяти этноса, обеспечивая связь советского народа с русским (досоветским). После революции большевистская идеология открещивалась от русской армии, как главного наследия царского режима, и пыталась начать историю Красной Армии с чистого листа. Реабилитация военной истории началась с обращения Сталина к советскому народу по поводу начала Великой Отечественной войны. Лейтмотивом этого обращения была апелляция к славной истории русского оружия предшествовавших эпох, что отвечало задаче мобилизации национального самосознания в военное время. В советскую военную форму возвращаются погоны, учреждаются ордена имени великих полководцев, снимаются фильмы про исторические по-

беды. Армия, превратившаяся после революции в средство и символ классовой идентичности («рабоче-крестьянская» армия, воюющая с «мировым капиталом»), в ходе Великой Отечественной войны вновь становится институтом мобилизации этнического и национального самосознания.

После войны сложился алгоритм этнической идентичности — «русские — это те, кто побеждают в справедливых войнах», который выкристаллизовался в предельно краткую формулу: «Народ-победитель».

Этот мощный идеологический потенциал оставался неисчерпаемым на протяжении всех последующих десятилетий вплоть до распада Советского Союза. И более того, образ победоносной Советской Армии остается одним из немногих безусловно консолидирующих общественное сознание факторов и сегодня, когда тенденции дезинтеграции все еще далеки от завершения. Тем не менее, познаны не все аспекты влияния культа войны на общество мирного времени.

Не умаляя исторического значения победы Советского Союза во второй мировой войне, стоит подумать, что социум в мирное время требует иных интеграционных механизмов, чем в военное. Военизированная идеология в мирном социуме нагнетает повышенное давление и производит избыток энергии, которая ищет и находит выход в девиантном, причем не всегда конструктивном поведении бывших военных. Об этом говорит не только высокий процент преступлений, связанных с насилием, которые совершают бывшие военнослужащие, но и тот факт, что проблема десоциализации и ресоциализации военного поколения нашла отражение в русской поэзии второй половины XX в.¹

Когда война доминирует над остальными способами прославления истории народа и становится предметом воспитания детей, общество готово принять идеологические обоснования легитимности и других видов насилия (Wolfgang, 1993: 99).

Разумеется, военная идеология — не единственный канал трансляции бытовой агрессии, но чрезмерная эксплуатация воинственных идеологием приводит к девальвации идеологии в целом. С ростом напряжения замкнутых систем растет и достигает

---

¹ Яркий тому пример — «Баллада о детстве» Владимира Высоцкого.

максимума их энтропия; примером энтропии советской идеологии накануне распада Советского Союза стало превращение боевых орденов в предмет товарно-денежных отношений. Это, конечно, цинизм потомков, но, что такое цинизм, как не проявление Второго начала термодинамики в этике?

Несмотря на социально-политические метаморфозы и аллегории термодинамики, образ армии по-прежнему играет важную роль в идентичности общественного сознания, поэтому его дискредитация чревата деградацией этнической, национальной и гражданской идентичности.

Военные чины часто пеняют СМИ, которые освещают армейские проблемы якобы не совсем корректно; много говорят о плохом и мало — о хорошем. Это началось с известной статьи о расстреле караула молодым солдатом, не выдержавшим издевательств со стороны своих дедов, которая была опубликована в «Комсомольской правде» в конце 1980-х годов, т. е. в разгар перестройки. Данная статья открыла шлюз потоку публикаций такого рода. Prestиж армии, естественно, начал падать. Но как-то странно винить в этом журналистов. Или о таких вещах не надо писать вообще?

Очевидно, дискредитация системы — «дело рук» самой системы. Открытость информации сама по себе не может отрицательно влиять на систему, если внутренние противоречия уже не вывели ее на стадию распада.

Созерцание распада национально-мобилизующих систем, одной из которых является образ армии в идеологии, ускоряет и распад общественного сознания мобилизованных этими факторами наблюдателей. Если считать, что образ армии является «несущей конструкцией» общественного сознания, то образ разлагающейся армии разлагает и связанные с ней сферы ментальности. Но из этого отнюдь не следует, что болезнь пройдет, если больного выдавать за здорового.

Раздраженные высказывания генералитета о том, что гласность подрывает престиж армии, еще раз подтверждают исходный тезис данного исследования о тождестве уставщины и дедовщины по отношению к информации. Ничего так не боятся закрытые системы, как собственного открытия. Реакция генералов на независимых журналистов абсолютно такая же, что и реакция казарменных дедов на так называемых стукачей, в которые записывается любой, выносящий информацию о про-

блемах системы за ее пределы, в данном случае — любой, кто рассуждает о насилии вслух.

Каналы трансляции армейских доминантных отношений в гражданское общество

В своем отношении к насильственно-призывному принципу комплектования армии общество делится на две части, совпадающие с его половозрастной структурой. Большинство из тех, кто «за» — люди преимущественного старшего поколения, ориентированные на патриархальные ценности, в системе которых они воспринимают армейские доминантные отношения, как инициацию, необходимую и полезную каждому. В основу их логики заложены тезисы: «не служил — неполноценный», «я служил, и другие должны служить», «пусть им будет так же плохо, как было мне». Принятие насилия в качестве жизненного принципа деформирует представления о самой норме социальных отношений. В результате распространяется мнение, что критерием социальной полноценности является способность к насилию, а былой опыт жертвы становится правом и оправданием насильника.

При этом на первом плане остаются именно личные компенсаторные мотивы, а идея долга защиты Отечества присутствует как слабый фон, если присутствует вообще. По данным ВЦИОМ на 1999 г., за сохранение всеобщей призывной системы высказывалось большинство мужчин старше среднего возраста.

Против — подавляющее большинство женщин (кроме автоматически разделяющих мнения своих мужчин), молодые мужчины, в числе которых призывники, солдаты первого года службы и младшие офицеры, склонные к увольнению в запас. Особенно активно «против» выступают студенты, — те, кто как раз пользуется правом отсрочки. Итак, голоса «за» и «против» профессиональной армии, т. е. по важнейшему вопросу, связанному с построением в России гражданского общества, распределились в соответствии с половозрастной структурой. Подчеркну — не социальной, профессиональной и прочей, а половозрастной — простейшей из всех возможных. Это, кстати, говорит о том, что в России, где в Комитетах солдатских матерей действуют в основном матери уже убитых или искалеченных солдат, фор-

мирование правового сознания далеко до завершения. Тем не менее уже наблюдаются некоторые позитивные изменения в этой области.

Половозрастной детерминизм мнений происходит не от того, что молодежь боится трудностей, а женщины — слабый пол. В данном случае как раз наоборот — женщины выступают как сильный пол, способный консолидироваться и противостоять государственной машине, защищать права своих мужчин, часто рискуя при этом карьерой, здоровьем, жизнью. Что касается молодежи и студентов, то на первом месте в их мотивациях также не боязнь трудностей, а нежелание иррациональных действий, совокупностью которых оборачивается воинская служба. У большинства гражданских молодых людей объективных трудностей и обязанностей гораздо больше, чем у солдат срочной службы, избавленных на два года от главной проблемы — принятия ответственных решений.

Молодые люди относятся к той социальной категории, от активности жизненной позиции которых зависит развитие общества в целом, и которые находят своей энергии другое, не менее достойное применение, чем солдатская служба. Они не хотят идти в армию, опасаясь не «тягот и лишений воинской службы», но иррационализации деятельности и межличностных отношений, оборачивающейся унижением личного достоинства. Многие, отстаивая свое конституционное право на альтернативную службу, активно противостоят рекрутской машине, подвергаясь преследованиям со стороны структур, выступающих от имени государства, и это есть, в конечном итоге, серьезный показатель зрелости личностного фактора, важный для всего общества в целом.

Тема армии в гендерном детерминизме обретает рельеф. Дембельский фольклор изобилует ассоциациями армейских и патриархальных семейных отношений:

*Я скоро вернусь на гражданку,
Не дай бог на гражданке женюсь.
Я устрою огромную пьянку
И на пьянке до смерти напьюсь.
Приучу я жену к распорядку,
Будет знать, что такое «Подъем».
По утрам будет делать зарядку,*

*А когда же вернусь я домой,
Даже дети, как только родятся,
Пройдут курс молодого бойца,
И впоследствии будут гордиться,
Что имеют такого отца.
Перед домом расчищу площадку,
Стреловой всех заставлю ходить,
И построю сырую землянку,
На «губу» буду тещу водить.
И как только придет воскресенье,
Жену с тещей поставлю в наряд.
А сам с тестем пойду в увольнение,
Как самый примерный солдат.*

(Из дембельских альбомов // ПМА, Кишинев, 1989 г.)

Разумеется, никто из дембелей у себя во дворе гауптвахту не устраивает, большинство из них сознательно пытаются избавиться от казарменных установок, опасаясь негативного резонанса в обществе. Приведенный выше стихок на тему внедрения армейских нравов в собственной семье, конечно же, шутка, рожденная в столкновении систем-антиподов: «механического» распорядка казармы и «генетического» порядка в семье. Оттого все это как бы смешно. Но эти фольклорные перлы были бы еще смешнее, если бы не отражали общую психологическую тенденцию, о которой пишет В. Карпов в предисловии к подборке солдатских писем, размещенной на веб-сайте «Армия рабов»: «Вы никогда не задумывались над тем, какие отцы потом выходили из этих дембелей? С глубоко укоренившимися, заботливо взлелеянными неврозами и садистскими привычками. Вы не задумывались, почему так много наших девочек с готовностью пошли в проститутки, а мальчиков — в бандиты? Ответ прост: этим несчастным детям не хватало семейного тепла. Это тепло их отцы потеряли в своей армейской молодости. А как это делалось на протяжении многих лет с миллионами наших сыновей, вы можете почитать» (Карпов, 1999).

Большой процент молодых людей создает семью в первые месяцы после демобилизации, т. е. до того, как реадаптируются к жизни в гражданском обществе, создадут материальную базу, реализуют себя в профессиональной сфере и т. д. В мотивации ранних браков на фоне демобилизации не последнюю роль

играет желание создать семью как среду сохранения себя в качестве воплощения авторитета этого мира, чему семиотически соответствует роль отца, которую двадцатилетние «деды» понимают слишком буквально. Поэтому нравы, царящие в «неблагополучных семьях», вполне соответствуют психологии экстремальных групп.

Представьте, что вам 19–20 лет, а вы уже являетесь лицом с неограниченной властью (хотя и в ограниченном кругу). Одно ваше слово приводит в движение окружающую человеческую массу. Вас боятся. Перед вами трепещут. Никто не способен сказать вам «нет», тем более оказать сопротивление. И вот вы, такой великий и ужасный, демобилизуетесь и попадаете в другое общество, где вы — никто, где действуют другие принципы завоевания авторитета, где все приходится начинать сначала. И столь простые и понятные методы самоутверждения, благодаря которым вы уже вкусили полноты власти над людьми, приходится забыть. А не хочется. Поэтому вы пытаетесь найти им применение. Есть три пути:

1. Гражданское общество многообразно, и вы ищете себе подходящую нишу, где будут востребованы ваши доминантные навыки.
2. Гражданское общество лабильно, и вы можете попытаться трансформировать его некоторые институты, внедряя в них усвоенные в армии принципы организованного насилия.
3. Общество воспроизводит себя в вашем лице, и вы можете создать новую его «ячейку» в виде своей собственной семьи, устроив в ней порядки дедовщины.

Принципы дедовщины, посредством своего мощного адаптивного аппарата, успешно распространяются в гражданском обществе не только в пространстве, но и во времени, охватывая систему социализации подростков. Шлюз этого канала открывают многие гражданские институты, специально ориентированные на молодых людей, отслуживших в армии. Так, например, в 1980-е годы это были педагогические вузы, при поступлении в которые те пользовались льготами внеконкурсного зачисления, и где в результате на определенных факультетах установились порядки дедовщины: будущие учителя труда и физкультуры воссоздавали привычную иерархию (Приложение 1.7). Другой пример — милиция, в ряды

которой набор кадров осуществляется только из лиц, прошедших армию. Не стоит углубляться в анализ деятельности этой организации, поскольку наблюдать преобразование силы закона в закон силы можно уже в поведении ее многих сотрудников.

В постсоветский период легитимизация насилия в массовом сознании приобрела законченный и злокачественный характер, когда «закон силы» уравнивал в единой извращенной системе ценностей и правоохранительные органы, и криминальные структуры, и подразделения спецслужб — все они, разделив сферы влияния, равным образом контролируют все сферы общественной жизни, экономики, политики, подчиняя их динамике криминальных отношений. В процессе трансформации тоталитарных принципов правопорядка в демократические насилие перестает быть прерогативой государства, но все еще остается социально-значимым фактором, и поэтому лица, имеющие опыт насилия, еще долго будут востребованы в обществе.

Экстремальные группы и большая политика

«Закон силы» оказался едва ли не единственной величиной социального престижа и систем ценностей общества, который успешно эксплуатируют политики и политиканы всех уровней. Выход этого закона на политическую орбиту завершает процесс институализации насилия уже в государственном масштабе, пройдя все этапы своей реализации — от микро- до макроуровня.

Потребность в психологическом комфорте формирует вокруг армии соответствующие общественные ожидания в духе «маленьких победоносных войн», о чем говорит факт консолидации общественного мнения и политических партий на фоне второй войны в Чечне. Эти акции востребованы настроениями общества, озабоченного поиском врагов, как средства социально-политической интеграции.

Что касается чеченского конфликта, то, как нам представляется, его природу объясняют факты бытового расизма российского большинства по отношению к кавказцам (хотя бы пресловутый квазизетноним «лицо кавказской национальности»)

в не меньшей степени, чем действия военных на войне. В подобных механизмах консолидации нации прослеживаются архетипы «жертвы отпущения», организующие, как мы показали выше, и экстремальные группы, и античный полис. Но «сделано это было не столько через “народную версию”, сколько через направленные усилия тех, кто формирует массовые восприятия» (Тишков, 2001: 188–189).

Национальная консолидация вокруг силового решения чеченской проблемы — это консолидация не созидания, а разрушения, которой движут те же механизмы, что и толпой, консолидирующейся вокруг издевательств над изгоем. Когда объявили о наборе добровольцев на чеченский фронт, в военкоматы потянулись вереницы безработных и маргиналов. Сам факт не просто показателен, но симптоматичен.

Чеченская проблема резко высвечивает состояние сознания и системы ценностей в армии.

— *Как у вас ребята восприняли эти события?*

— *В основном хотели бы поехать воевать добровольцами.*

— *Зачем?*

— *Как зачем? Там война, а мы кто, мы солдаты. Здесь вот я два года, а хоть бы чего произошло... Я девять патронов перед присягой выстрелил, и все. А там интересно, хоть пострелять вволю.*

— *Пострелять, в смысле, в людей?*

— *Ну не по банкам же! Потом, какие же они люди, чеченцы? Бандиты.*

— *Ты там, что, уже был, откуда знаешь?*

— *По телевизору говорят.*

— *И что, во всех будешь стрелять, в кого скажут по телевизору?*

— *Нам-то что, мы солдаты. А раз забрали в армию, так давайте служить, а не этот вот забор по пять раз красить. А кто люди, а кто бандиты, пусть наверху решают. Мы должны Россию защищать!*

— *А сначала говорил, что просто пострелять хочется.*

— *И пострелять тоже.*

— *А как убьют тебя, дома, небось, расстроятся?*

— *Ну, наверное, расстроятся.*

(ПМА, Республика Горный Алтай, 2000 г.)

Диалог высвечивает ту деструктивную энергию, которая ищет выхода. В итоге она его находит и выплескивается неважно на кого. Наш собеседник начал с вербализации причин дискомфорта (рутинный быт, несоответствие состоянию статусу). Снять этот дискомфорт он надеется на войне. Далее следует развитие апологии своим деструктивным желаниям, в которой устраняется главный фактор возможного психологического дискомфорта — ответственность за убийство себе подобных, которую он легко переадресовывает вышестоящему начальству. Диалог с властью, олицетворяющей право и правду (действие закона силы), происходит у него в голове, и официальная идеология заполняет лакуну в сознании солдата, образовавшуюся в результате снятия ответственности, квазипатриотической идеей. Вместо дискомфортной мысли «убивать людей», возникает комфортный лозунг: «Россию защищать!». Что первично — видно из разговора.

Патриотические идеи в культурном вакууме — ненадежная мембрана, рвущаяся от ожидания архиврага. Результат — выход бытовой агрессии в область восприятия иноэтничности.

Можно было бы не придавать значения приведенному выше эпизоду, если бы ему аналогичные не наблюдались бы повсеместно и на протяжении многих лет. Так, в 1980-х молодежь путала кураж с патриотизмом и писала рапорта в Афганистан.¹

Политическая элита стремится использовать пассионарную энергию молодежи в собственных интересах, и гораздо реже — в интересах молодежи. Потому, читая материалы из Государственной Думы с демаршем военного лобби, начинаешь сомневаться в том, что закон о профессиональной армии будет когда-нибудь принят.

[По материалам СМИ]

Профессиональная армия — дело антигосударственное.

Так считает Комитет Госдумы по обороне.

На прошлой неделе в московскую штаб-квартиру Радикальной партии и Антимилитаристской радикальной ассоциации (АРА) поступило письмо за подписью председателя Комитета

¹ Что по этому поводу думают сами воины-интернационалисты см. выше — фрагменты переписки с В. В. Дьяковым на с. 218–220.

по обороне Госдумы Романа Полковича. Оно посвящено петиционной кампании «Третье тысячелетие без призывного рабства», проводимой АРА.

В думском комитете по обороне утверждают, что эта акция, то есть сбор подписей под требованием перевода армии на добровольный принцип комплектования, противоречит Конституции РФ и другим «нормативно-правовым актам». Среди таких актов авторы письма называют Федеральные законы «Об обороне», «О воинской обязанности и военной службе». Потому что «воинская обязанность предусматривает, что гражданин Российской Федерации состоит на воинском учете, прошел обязательную подготовку к военной службе по призыву, пребывает в запасе и проходит военные сборы».

Авторы письма указывают также на то обстоятельство, что «граждане, не прошедшие военной подготовки в мирное время, не в состоянии исполнять обязанности, предусмотренные Федеральным законом «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

Думцы выражают недоумение термином «призывное рабство»: «законопослушного и добропорядочного гражданина Российской Федерации, который несет военную службу по призыву в соответствии с федеральным законом и готовится к исполнению конституционной обязанности по защите Отечества», АРА «кошунственно отождествляет с рабом».

Наконец, следует уничтожающий вывод: «По нашему мнению, проводимая Антимилитаристской радикальной ассоциацией петиционная кампания «Третье тысячелетие без призывного рабства» носит антигосударственную направленность, основной смысл которой — это добиться легальной возможности для непатриотично настроенной молодежи уклониться от прохождения военной службы по призыву, то есть от подготовки к выполнению конституционной обязанности по защите Отечества».

Видимо, это можно было бы оставить без комментариев, так как уровень юридической аргументации думских оборонщиков налицо — ну, в самом деле, так в антигосударственных и антиконституционных замыслах можно обвинить любого, кто выступает за изменение действующих законов. Обвинить в «антигосударственности» можно и президента, который в свое время издал указ о переходе к профессиональной армии в 2005 году. Но комитет

не ограничился лишь «недоумением». Он направил материалы в Генеральную прокуратуру «на предмет проверки соответствия упомянутой кампании нормативно-правовым актам Российской Федерации и в случае необходимости для принятия соответствующих мер».

В штаб-квартире АРА корреспонденту «i» сообщили, что о реакции прокуратуры на этот демарш пока ничего не известно. Впрочем, подобные жалобы на антимилиитаристских радикалов поступали в Генпрокуратуру и раньше. Однако до «соответствующих мер» дело не доходило — прокурорские работники каждый раз удовлетворялись разъяснениями АРА и убеждались в полной правовой безупречности ее позиции. Правда, никогда ранее с жалобой не выступала такая высокая инстанция, как Комитет Госдумы. Жаловались главным образом военкоматы».

(«Иностранец», 10 нояб. 1999 г. №44 (304), с. 5)

О том, можно ли ожидать от «думских оборонщиков» одобрения инициатив антимилитаристских организаций, говорят факты их законотворческой деятельности. Командующий Северо-Восточной группировкой вице-адмирал В. Ф. Дорогин стал депутатом Госдумы. Специально для всех депутатов Госдумы на основе Устава внутренней службы Вооруженных сил он разработал «Кодекс депутатской чести», руководствуясь специфической логикой: «В основе моего Кодекса — Устав внутренней службы Вооруженных Сил. И это вполне логично: подавляющая часть нашей Думы — это военнослужащие. Да, они одеты в гражданские платья, но они значатся офицерами запаса. И, следовательно, никто не освобождал их от выполнения устава внутренней службы», — говорит Дорогин в интервью «Комсомольской правде». О законотворческой деятельности Дорогина в Думе можно подробнее прочитать в номере от 30 мая 2000 г., где Ольга Герасименко опубликовала текст его интервью (Герасименко, 2000: 7). Здесь же напомним, что подведомственные Дорогину камчатские воинские части отличаются жесточайшей дедовщиной, с высоким процентом смертных случаев, факты которых опубликованы в прессе и неоднократно цитируются в настоящем исследовании (Яковлев, 1999a; Яковлев, 1999b; Яковлев, 1999c; Яковлев, 1999d; Сергеев, 2000). Потому и сложно ожидать от депутата Дорогина законотворческих инициатив, отличных от

Устава внутренней службы, что его он выстрадал, как говорится, сердцем.

О том, насколько сильно влияние законотворцев типа Дорогина на высшие органы государственной власти рассуждает обозреватель «Новой газеты» Анна Политковская: «Вот уже третья Дума подряд пытается изменить статус командира как «органа дознания» — и все не впрок, военные ведомства стоят на своем, не желая терять «юридического суверенитета» (Политковская, 2000: 3). «Юридический суверенитет» командира части — это его независимость от органов прокуратуры в расследованиях преступлений, совершенных его подчиненными. Влияние прокурора здесь ограничивается только рекомендациями (Политковская, 2000: 3). «Вот тут-то и часть ответа на вопрос, который постоянно задают солдатские матери: когда же прекратится разгул в казармах? До тех пор, пока в Вооруженных Силах сохраняется положение, когда командир подразделения считается так называемым «органом дознания» <...> ни о каком искоренении садизма и речи быть не может! <...> Дедовщина в армии — это ресурс управления. Терять его не желает никто. Кроме солдат» (Политковская, 2000: 3).

Канал трансляции организованного насилия как «ресурса управления» из армии в большую политику не перекрыт, потому что востребован периферийными партиями, существующими за счет мобилизации люмпенов и маргиналов в качестве своего активного электората. Они эксплуатируют деструктивно-девиантные психические потребности и преобразуют их в национал-политические.

Это более чем наглядно иллюстрируют конкретные ситуации, такие, как суд над полковником Юрием Будановым, обвиняемым в убийстве чеченской девушки. Точнее, атмосфера вокруг суда. Часть гражданского общества и офицерства консолидировались во главе с ЛДПР, РНЕ, казаками под лозунгом «Буданов — лучший русский» и фашистской символикой, устраивая у зала суда пикеты, остальные наблюдают за этим молча. «Никакого иного «голоса общественности» в Ростове не слышно, — пишет Галина Ковальская. — Никаких обращений к президенту ли, к местным властям с предложением прекратить эрзешно-казачью вакханалию, никаких заявлений местных «правых» (а в городе есть и «Яблоко», и

СПС) насчет недопустимости давления на суд, никаких антифашистских выступлений. <...> Сам по себе факт изнасилования и убийства полковником чеченской девочки, сколь ни ужасен, армию еще не порочит. Садисты и изуверы неотвратимо рождаются на свет в любом народе, и в силу вполне понятных причин процент их среди тех, кому по роду занятий позволено убивать, несколько выше, чем в обществе в целом. Похожие истории бывают в самых разных армиях, но везде виновных шумно осуждают и примерно наказывают. Запредельность будановского случая именно в том, что ни общество, ни армия не хотят торжества правосудия» (Ковальская, 2001: 20, 22). Суд затягивается, но исторически уже не важно, каков будет приговор, поскольку активность экстремистских сил при молчании общества себя уже проявила в полной мере:

Между тем затягивание процесса негативно сказывается на общественных настроениях на юге России. В Ростове-на-Дону второй месяц стоят погромные настроения. Они охватывают и другие города России. 5 апреля в Нижнем Новгороде местные лимоновцы пикетировали офис Общества российско-чеченской дружбы (в нем работает общественный обвинитель по делу Буданова Станислав Дмитриевский, а также один из адвокатов Кунгаевых). У пикетчиков были такие же лозунги, что у активистов РНЕ в Ростове: «Чеченцев — в Освенцим», «Нет Чечни — нет войны» и «Зачистим Ичкерия по методу Берии». И хотя это уголовно наказуемые лозунги (ст. 282 УК РФ «возбуждение национальной вражды»), нижегородская мэрия спокойно выдала лимоновцам разрешение на пикет.

(www.gazeta.ru/2001/04/10/12:51)

Постсоветское общество претерпевает социальную трансформацию. Системное насилие в гражданском дезинтегрированном социуме выполняет те же самые функции реинтеграции, что и в экстремальных группах. Убийство матроса Войтенко на Мысе Желтом казарменными дедами, убийство Эльзы Кунгаевой полковником Будановым, неадекватные силовые действия Российской армии в Чечне — все это явления одного порядка: проявление распада социального, гражданского, национального самосознания. Это еще и диффузия

общечеловеческих ценностей. Как это правильно сформулировал генерал Трошев, как бы оправдывая Буданова: «У каждого может поехать крыша» (Ковальская, 2001: 22). Но проблема не в «отъезде крыши» отдельного индивида, а в том, что диффузия сознания может стать явлением необратимым и массовым.

Чем это грозит в первую очередь армии — уже можно не гадать. Жертвами системного иррационального насилия становятся и младшие офицеры. В деле полковника Буданова фигурирует еще один эпизод. Галина Ковальская сообщает: «В ту же ночь, когда была задушена Эльза, Буданов и начштаба полка подполковник Федоров избили и пытались порезать ножом своего подчиненного, старшего лейтенанта Романа Багреева. Тот рассказывает, что вечером в столовой была грандиозная пьянка. Потом, часов в семь, ему приказали открыть огонь по селу Танги-Чу. Никто в тот момент не стрелял со стороны села по расположению полка, село давно числилось под контролем федералов. <...> Багреев тогда, 26 марта, на свой страх и риск, велел заменить в орудиях осколочные снаряды на кумулятивные и бить поверх домов. Видел же, что начальство сильно нетрезвое, — опасался, что придется расхлебывать последствия. Полковник с подполковником принялись его избивать. Подполковник Федоров выхватил нож и разрезал на старшем лейтенанте камуфляж. Но резануть его самого не успел: полковник Буданов приказал Багреева арестовать — связать ему руки и бросить в яму. <...> Потом Федоров подходил к этой яме и велел насыпать туда хлорки. Военные будни» (Ковальская, 2001: 22).

Все это, по мнению экспертов, вызывает мутации «культурного генотипа» армии. Вследствие чего неминуемо происходит отсев офицеров нежелательного для власти морально-психологического склада. Постепенно начнется процесс превращения Вооруженных Сил в полицейскую силу для активных действий внутри страны. Не исключена также возможность превращения армии в третью политическую силу, готовую бороться за власть (Серебряников, Дерюгин, 1996: 204). Есть и претенденты встать у руля ее политической реорганизации. Фашиствующая группировка РНЕ не раз выступала с предложениями готовить кадры для элитных подразделений Вооруженных Сил РФ.

Восприятие иноэтничности

Архетип «жертвы отпущения» в условиях кризиса этнической идентичности этнического большинства запускает алгоритм ксенофобии и шовинизма: «мы не знаем, кто мы, зато знаем, что мы — не они». Аналитическая психология объясняет негативные стереотипы иноэтничности через содержание коллективного бессознательного, в котором объективируются «опасные аспекты непризнанной темной половины человека», оживающий в концепции К. Юнга архетип Тени, конкретизированный образами черта, колдуна, демона и пр. «Образ демона является, пожалуй, одной из самых низших и древних ступеней в понятии бога. <...> Эта фигура появляется зачастую, как темнокожая или монголоидного типа, если она представляет негативный или же опасный аспект» (Юнг, 1998: 333).

В данном архетипе проецируются и объективируются вовне внутренние проблемы социума и идентичной с ним личности. Социальная консолидация достигается в логике восприятия иноэтничности, в которой люди-антиподы в общественном сознании рисуются в образах других расовых и этнических типов.

Теория фрустрации-агрессии, как это следует из самого названия, предполагает прямую связь между деструктивным поведением и фрустрациями — психическими реакциями, возникающими в результате препятствий самореализации. Аспекты фрустрации могут оставаться активными в определенные периоды времени в разных сферах деятельности, и если они происходят из различных событий, то могут складываться в сумме (Megargee, 1969: 1059–1060).

Есть основания считать этнический аспект насилия в современной армии следствием фрустрации бытовой агрессии в поле восприятия иноэтничности. В российском обществе, претерпевшем в XX в. ряд этнических и социальных метаморфоз, всегда имелись большие группы людей, в поисках собственной идентичности предрасположенных к поискам всевозможных метафизических антиподов, галерея которых представлена полным этносоциальным спектром: от «врагов народа» до «врагов рода человеческого». Однако ни одна другая социально-профессиональная группа не поделена с такой дробностью на «чурбанов», «урюков», «хохлов», «хачиков», «дагов», «кацапов»

и прочих «талабайцев», как это случилось с армией. Даже заключенные проявляют полную индифферентность в области восприятия иноэтничности (Клейн, 1990; Кабо, 1990).

С другой стороны, даже в армейских «землячествах» принцип социального превосходства более актуален, потому что там, где иерархия строится по этническому признаку, она все равно воспроизводит общеармейскую доминантную структуру. При численном превосходстве и высокой консолидации представителей одного этноса, все они, независимо от срока службы, будут дедами, а представители других этносов — духами. Если кто-то из представителей доминирующего этноса скомпрометирует себя неподобающим поведением, то с изгнанием из привилегированной группы ему откажут и в праве на этничность, как на маркер статуса. Этничность становится кодом социальной этики.

Известно, что не все народы в армии создают землячества, т. е. воспроизводят доминантные отношения по принципу этнической принадлежности. Например, группы представителей восточно-европейских народов, в отличие от кавказских и некоторых среднеазиатских, не отличаются способностью к формированию землячеств. Высокой сплоченностью и агрессивностью отличаются землячества дагестанцев, или, как их называют в войсках, «дагов» (Сергеев, 2000). В этом можно видеть особенности этнического темперамента, мировоззрения и т. п. Но также следует помнить об изначально защитных и компенсаторных функциях и землячеств, и дедовщины, в которых гипертрофированно проявляются общие проблемы национальной идентичности. Так, во многих моноэтнических частях априорно негативный стереотип применяется по отношению к москвичам. На самой «благодатной» почве он перерастает в стремление реально «опустить» в системе дедовщины любого, призванного в армию через московские военкоматы. На вопрос: «что такое чмо?», часто получал ответ: «Человек Московской Области». Разумеется, это показатель не якобы особого московского характера, но того социально-психологического дисбаланса, который в национальном сознании исторически сложился вследствие крайнего политического, экономического, информационного центризма Москвы при крайней поликультурности России и, тем более, СССР.

Такой же механизм компенсации действует в землячестве, но он разворачивается уже не в социально-региональной, а в этнической плоскости. Болезненно переживают свою идентичность прежде всего представители народов, пострадавших от метрополии, но и это не главное. Флюиды бытовой ксенофобии со стороны русского большинства воспринимаются не менее болезненно, чем былые акции типа депортаций.

О том, чей расизм — большинства или меньшинства — первичен, говорят факты переадресации бытовых этнофобных пассажей. Автору, служившему в многонациональных частях, приходилось и в свой адрес слышать слово «чурка», значение которого для его славянских соплеменников пояснять не надо. Слово «чурка» в армии употребляется, независимо от конкретной национальности, применительно к представителям этнического меньшинства. Если в роте большинство русских, «чурками» будут все нерусские; если большинство дагестанцев — все недагестанцы, и в первую очередь «лица славянской национальности». Если в подразделении одни украинцы, то место «чурок» займут «окацапившиеся украинцы» и т. д.

«Чурка» — это чужой. Из прочих обидных словечек данное слово получило наиболее широкое распространение. Думается, не случайно. Популярность этого слова, употребляемого в этнофобном ключе, связано с этимологией «чур» — производящим и повседневное «чураться», и магическое «чур меня» и т. п.

Ксенофобии мало связаны с личностным уровнем восприятия этничности и коренятся в коллективном бессознательном. Приведу несколько примеров экстремального восприятия иноэтничности из солдатской переписки:

[Из солдатских писем]

<...> Сегодня мы в роте помогли одному урюку навести порядок под отделением. Разлили немного воды, взяли его всем сержантским составом за руки, за ноги и немного потерли им пол. Потом отвезли его в канцелярию. Вот такой метод придумал ротный. Это был первый эксперимент. <...>

<...> Тут у нас что-то чурбанье стало поднимать головы, на сержантов кидаются. Но с сегодняшнего дня мы решили установить террор. Не знаю, как долго он продержится, но постараюсь приложить к этому все усилия. Ай, не охота об этом думать постоянно, особенно писать. <...>

<...> Приходится иногда крепко руками помахать. Сейчас весенники все уволятся, потом дождусь ухода осенников и устрою сам террор всем черным, умирать будут. <...>

<...> Вчера получил твое письмо и вот взялся написать тебе ответ. Самое главное, поздравляю тебя с получением воинского звания «сержант», хотя и младший. Не мирись с чурбаньем, х...ьярь их всех подряд. <...>

<...> Дружеский совет — не вздумай ударяться в комсомольскую деятельность, я уже несколько раз пожалел об этом, толку от этого мало, а е...ут за каждого чурбана. <...>

(Архив автора. 1987–1995 гг.)

И так далее. Я лично знаком с каждым из авторов цитированных выше расистских пассажей, и знаю их как вполне достойных, образованных и добрых людей. Таковы они в *своей* культурной среде. Круг их близких друзей образуют и лица тех национальностей, о которых они столь зло и нелицеприятно отзывались в своих письмах. Парадокс?

Природа данного парадокса, на мой взгляд, заключается не только в актуализации рефлексов филогенетической адаптации, в которых «недоверие к незнакомцам обеспечивает безопасность и цельность группы» (Бутовская, 1999: 44). Но так же и в обезличенности социальной среды, к которой стремится вся армейская система, культивирующая порядок одинаковых тел и вещей. Человеческое сознание отрицает все безликое, как лежащее за пределами понимания. Так логос отрицает хаос.

Фактор иноэтничности призван конкретизировать хаос инобытия, персонифицировать ощущение дискомфорта, обозначив его границы, очертив круг эйкумены сонмом антиподов. В центр, естественно, помещается Эго, границы которого здесь также размыты и держатся лишь на возможности более-менее четко обозначить собственную этничность и социальную принадлежность.

[Из солдатских писем]

Мы окружили Феликса и расспрашивали его об учебке (любимая тема!). Повезло-то повезло, что попали в Самарканд, да и не очень. Слишком хорошим был предыдущий набор, такого еще

не было. Смотри сама — 78 русских, 54 украинца, человек 20 из Белоруссии, и только 1–2 из Азербайджана. Это был весенний набор, и здесь учились ребята в основном после курса института. А теперь больше всего из ПТУ, техникумов. Вообще, не тот уровень.

(Из архива И. А. Климова)

Негатив этничности — продукт коллективного бессознательного, и сфера позитивных личных отношений его не покрывает. Негатив есть инверсия позитива, конструируемая в сфере неизвестного путем репрезентации собственного образа со знаком «минус». Таким образом, негатив и позитив этничности организуют разные уровни сознания.

Допустим, что некий добрый русский человек, имеющий друзей среди чеченцев, евреев, казахов, в ситуации кризиса собственной этнической идентичности будет легко оперировать оскорбительными квазиэтнонимами; «хачик», «жид», «чурка», абстрагируясь от личных привязанностей. Соответственно, попав в армии в какое-нибудь кавказское землячество, любой русский имеет шанс пострадать за всего «большого брата», однако в другой ситуации, к примеру, во время свободного путешествия по Кавказу, его принимали бы как гостя те, кто «опускал» бы во время службы. Фактор этничности не имеет значения в сфере личного общения, но в культурном вакууме экстремальных групп обостряется до степени метафизического архизнака, разделяющего свое и чужое, в которой он также теряет культурные признаки.

Национальные проблемы в армии возникли не вчера. Идеологические отделы, имевшиеся при штабах и канцеляриях каждого воинского подразделения, конечно же, пытались контролировать ситуацию, поскольку в многонациональных воинских коллективах постоянно вспыхивали межэтнические конфликты, но делали это формально, «для галочки». Максимум, что они могли — выдать межэтнический конфликт за бытовой. Сама же воспитательная работа вызывала у солдат примерно те же эмоции, которые вызывает у читателя само определение «воспитательная работа». Как минимум, это ощущение чего-то фальшивого и казенного.

Ниже приводятся фрагменты солдатских писем и дневников, в которых полно отражена ситуация несоответствия пас-

торальной имперской идеологии и реальных отношений представителей разных национальностей, живых национальных характеров и темпераментов.

[Из солдатских писем. Эпизод из подготовки к официальному культурному мероприятию в воинской учебной части]

<...> Тут появился Сафронов, вызвал шестерых, в том числе и меня, привел к себе в комнату и стал читать сценарий. Оказывается, он выбрал нас для участия в утреннике, посвященном образованию СССР. Прочитав, он спросил: «Ну, как? Это минут на двадцать».

— Не очень мне нравится, — ответил я.

— Мне тоже, но просто времени нет писать что-либо более путное. Дома-то я написал бы. В школе все сценарии писал я, а здесь — лекции для Гириса на политзанятия. Вот, нашел тут какую-то книжонку, взял оттуда.

— Слащаво очень, — добавил Коля Алешин.

— В армии более путного не получится. Мы и так нарушили традицию делать все в последнюю ночь. Если сможем, захотим, можно будет что-нибудь военное к 23 февраля забабать.

Кто-то поморщился.

— Чудаки вы! Через месяц это будет для вас отдыхом от всей той мути, которой вас будут учить.

— А можно как-то сопротивляться оупению?

В ответ сержант только махнул рукой и усмехнулся:

— Хватит базарить, переписывайте и учите.

Я начал писать. Боже мой! Ну и хрень!

Мир смотрит на тебя, ты новых дней начало.

Ты стала маяком для честных и живых.

И это потому, что слово «русский» стало

Навеки близким слову «большевик».

Или:

Что Грузия в цвету, Армения богата,

Что хорошо в Баку и радостно в Крыму.

Я русский человек, но как родного брата

Украинца пойму, узбека обниму.

*Так говорит поэт, и так его устами
Народ великий, древний говорит:
«Нам, русским, братья все, кто вместе с нами
Под большевистским знаменем идет!»*

(Из архива И. А. Климова)

Комплекс «большого брата» у русских сложился в ходе территориальной экспансии Российской империи, усугубился в советское время, к закату которого относятся приводимые записки. Эти письма написаны тогда, когда СССР еще называли «братской семьей народов». Но уже тогда процессы распада государства явственно ощущались в его микромодели, которой была армия, изолированная со своими проблемами за заборами гарнизонов. Но трансляцию доминантной агрессии в область межэтнических отношений не сдержать заборами, и она переходит «на гражданку» в сознании дембелей.

О том, как она может там проявляться, свидетельствуют национальные погромы, которые учиняли бывшие десантники в День ВДВ. Во многих городах России еще в конце 1980-х годов они громили рынки, тупо избивая всех торговцев кавказской и азиатской (не славянской) внешности. Отрицание иноэтничности легко накладывалось на отрицательные социальные стереотипы по отношению к торговцам, традиционные для общественного сознания большинства россиян. Эта «горючая смесь» этносоциальных факторов ментальности детонирует в экстремальных группах в точке их пересечения с гражданским обществом.

На фоне таких социал-национальных конфликтов, имевших место еще в советское время, стишки про «большого брата» воспринимались как последняя степень абсурда, за которой простирается вакуум смыслов. Упадок социальных систем начинается с деградации их смысловых значений.

Образ армии в общественном сознании и проблемы ее профессионализации

Большинство мужчин служили всего два года, а ведут об этом разговоры всю жизнь. Это обстоятельство позволяет представить, как экстремальный опыт программирует сознание. Тем

более что этот опыт представляет собой фазу социализации и экстраполируется на другие виды деятельности.

Отношение к армии в обществах тотального социального контроля (а это могут быть не только тоталитарные, но и традиционные общества) сугубо положительное. Также и в маргинальном сознании служба в армии относится к разряду ценностей, поскольку предполагает столь желанную для маргинала интеграцию в макросистему.

Милитаризация советского общества начиналась с мира детства. Системы социализации и образования готовили подрастающее поколение к войне. Служба в армии расценивалась как кульминация и итог процесса социализации, своего рода инициация и пропуск в мир «настоящих» взрослых мужчин. Так продолжалось до тех пор, пока противоречия реального и идеального не привели к трансформации системы общественных ценностей, в которой с конца 1960-х годов начался дрейф от примата государства к самоценности личности.

Если необходимость перехода к армии нового типа на Западе была осознана в начале 1970-х годов, то отношение российского общества к призывной системе стало радикально меняться в начале 1990-х. На то был ряд взаимосвязанных причин:

- предметом гласности стали факты преступлений против человека, имеющие в армии системный характер;
- процесс демократизации в обществе изменил роль личности в системе ее отношений с государством. Пожалуй, впервые в российской истории в общественном сознании утвердилось мнение о том, что государство обязано человеку не в меньшей степени, чем человек государству, и что в случае невыполнения государством своих обязанностей человек ему также ничем не обязан;
- право личности на альтернативную службу гарантируется Конституцией;
- кавказские войны выявили истинную цену непрофессиональной «дешевой» армии;
- деятельность правозащитных организаций способствует росту правового сознания граждан в области прав человека.

В связи с большей открытостью психологических и государственных границ общества, вовлечением личности в мировые образовательные и производственные процессы, демократиза-

цией систем мобильной и глобальной телекоммуникации изменились и парадигмы социализации. В общественном сознании россиян в последнее десятилетие XX в., по сравнению с тремя предшествующими произошел сдвиг в плане более многомерных систем ценностей.

Если в 1950–1960-е годы служить было престижно, то в 1970–1980-е годы уклонение от призыва все менее считалась аморальным, а в 1990-х в массовом сознании, особенно молодежи больших городов, уклонение от службы становится моментом престижа, как способность личности бросить вызов государственной машине. Дело тут не в том, что «такая нынче развращенная молодежь пошла», но в изменении образа социума и требований, которые предъявляют к личности современный стиль и ритм жизни по сравнению с 1950–1980-ми годами.

В советское время армия была институциональной частью общества, что предопределяло его милитаризацию. Армия и ВПК формировали социальную макроструктуру, следовательно, отношение к армии существенно влияло на жизненный сценарий отдельного человека. Служба могла облегчить поступление в вуз или на престижное производство, получение специальности, вступление в КПСС, увеличивала трудовой стаж. Поэтому в условиях тотально унифицированного общественно-го уклада срочная служба не представлялась чем-то бесполезным, и в целом воспринималась как трамплин школьника во взрослую жизнь.

Для сознания, которому идеи свободы самоопределения личности за рамками стереотипа жизненной программы были не то чтобы враждебны, — просто не понятны, армия представлялась как своего рода институт социального контроля. Матери часто сетовали на своих непутевых чад, дескать, «когда же тебя в армию возьмут, сделают человека». Считалось, что когда ребенок в армии, за него можно не беспокоиться, там за ним присмотрит заботливое око командира. Так, официальная идеология сливалась с общественными воззрениями на свободу личности в традиционном обществе, и вокруг армии сложился позитивный стереотип социального контроля, озвученный неким поэтом от женского лица: *«Вы стали взрослыми, ребята / Вы не мальчишки, а солдаты / Теперь за вас спокойна я / Служите верно, сыновья».*

Сегодня ситуация в корне иная. Успех и престиж более связан с образованием и личной инициативой, ориентацией на внешний мир. Поэтому два года вне контекста своего социума ничем не окупаются. Каждое новое поколение все более погружено в процесс глобальной информационной интеграции и все менее сковано всевозможными стереотипами и предрассудками.

Соответственно, сменяются акценты в индивидуальных установках на успех: от престижа долга к престижу свободы выбора. Личность с конкурентоспособным образованием уровня мировых стандартов создает свой собственный ресурс непотопляемости, независимо от степени непотопляемости (или потопляемости) своей системы.

На примере армии можно наблюдать прогрессирующее социальное расслоение, — сегодня идут служить преимущественно люди со средним образованием из сельской местности.

Если в милитаризованном социуме армия находится в эпицентре социализации, то в открытом демократичном обществе армия лишь один из множества каналов самореализации, мало отличающийся от остальных профессиональных сфер. Глобальная прагматизация сознания молодежи, наряду со многими социально-психологическими изменениями в постиндустриальных обществах, создали новую парадигму развития современных армий (Серебряников, Дерюгин, 1996: 207).

В России помимо этого на протяжении последнего десятилетия действует целый спектр социально-психологических факторов, являющихся причиной и следствием общего упадка функции и престижа вооруженных сил. «Замалчивание причин массовой гибели военнослужащих и гражданских лиц, стремление не искать виновных, продиктованные якобы заботой о том, чтобы не травмировать общество, чреватые обратным эффектом — накоплением в общественном сознании раздражения и негодования, которые при известных условиях могут стать причиной мощного социального взрыва» (Серебряников, Дерюгин, 1996: 204).

Столь очевидные проблемы рано или поздно не могли не повлиять на изменение отношения общества к армии в целом. По данным ВЦИОМ, отражающим состояние общественного мнения на февраль 2001 г., 69% опрошенных не хотело бы, что бы их близкий родственник служил сейчас в

армии, в том числе из-за гибели/ранения в «горячих точках»/в Чечне — 38%, неуставных отношений, насилия в армии — 30%, тяжелых бытовых условий, плохого питания, опасности для здоровья — 18%, морального разложения, пьянства и наркомании в армии — 10%, напрасной потери времени — 6%, криминализации, втягивания военнослужащих в уголовные дела — 5%. И другие.¹

Учитывая, что армия для сознания россиян традиционно народная, думается, что столь значительные перемены не могли произойти без трансформации общественного сознания. На переориентацию мнений могла повлиять только объективная потребность современного общества в профессиональной армии. Эту потребность диктуют изменения самой идеи войны и мира, начавшиеся с распространением оружия массового поражения.

Как утверждал Н. А. Бердяев, метафизическая проблема войны есть проблема роли силы в условиях этого феноменального мира (Бердяев, 1993: 308). Поэтому война есть условие его существования, но только в рамках традиционной, или рыцарской культуры, признающей равенство всех участников конфликта. Диалектика машинных войн XX в. выхлещивает из идеи конфликта не только культурное, но и антропологическое содержание, поскольку приводит к тому, что врага перестают считать человеком (Бердяев, 1993: 309). Современная война — война технологий, деперсонифицированный и дегуманизированный конфликт, который суть разрушение «само по себе».

Усложнение военных технологий требует переосмысления идеи и структуры армии, ее взаимоотношений с обществом. Современным солдатом может быть только профессионал, высококвалифицированный специалист, постоянно совершенствующий свою квалификацию. Равноправное участие в конфликте требуют интеллектуализации всех его областей.

Итак, крах массовых армий вызывает сам военнотехнический фактор, изменивший роль человека на войне, и, соответственно, изменившиеся социально-психологические парадигмы конструктивного развития общества и личности, не-

¹ Сумма ответов превышает 100%, так как можно было дать несколько ответов. Данные приведены по публикации в сети Интернет на сайте www.polit.ru.

совместимые с милитаризацией ментальности (Серебряников, Дерюгин, 1996: 207).

Общественное сознание реагирует на требование времени мобильнее, чем политическое. Единственной проблемой взаимоотношения армии и общества становится перевод армии на профессионально-добровольную основу, который общество требует от своего правительства. По данным опросов ВЦИОМ (февраль 2001 г.) на вопрос: «как Вы лично считаете, нужна ли России профессиональная армия, которая комплектовалась бы не по обязательному призыву на воинскую службу, а на контрактной основе?», положительно ответили 84% опрошенных.

Эту неотложную потребность общества в обеспечении полноценной обороноспособности игнорируют власти, ей открыто противостоит военное лобби. Даже столь компетентные аналитики В. В. Серебряников и Ю. И. Дерюгин, понимающие создание профессиональной армии как объективную необходимость, высказывают сомнения относительно ее соответствия неким нравственным основам и моральным принципам «загадочной русской души». Спорные, на наш взгляд, положения их анализа, касающиеся конфликта ценностей, проявившегося в разговоре вокруг соответствия профессиональной армии некоей «русской идее», нуждаются в комментариях.

«В отличие от западных армий, — пишут В. В. Серебряников и Ю. И. Дерюгин, — служба в которых базировалась на либеральной идее, правовых нормах, жестком договоре по схеме «патрон — клиент», армия России всегда зиждилась на нравственных основах, моральных принципах, артельной психологии» (Серебряников, Дерюгин, 1996: 222). Сюда же следует добавить и принцип патриархальности, и тогда список принципов, на которых держится советская/российская армия, целиком уложится в понятие «дедовщина».

Авторы негодуют по поводу «циничного заявления» контрактника ВДВ, участвовавшего в штурме «Белого Дома», сказавшего телерепортеру: «Я делал свое дело и сделал его хорошо». Они пишут: «Теперь уже в России подтвердилась давно знакомая истина, гласящая, что солдату-наемнику безразлично в кого стрелять: в иноземного захватчика или в земляка, вышедшего на улицу бороться за свои права. Оторопь берет от подобных откровений. Даже самому ретивому стороннику профессиональ-

ной армии, отстаивающему с пеной у рта эту идею на заре горбачевской перестройки, вряд ли могло присниться в кошмарном сне, что вытворяли контрактники в Грозном» (Серебрянников, Дерюгин, 1996: 222). Подобные аргументы против профессиональной армии трудно комментировать из-за их эмоциональности. Тем не менее, определенная логика в них присутствует, и эта логика требует уточнения.

Во-первых, контрактники — ничтожно малая часть воинского контингента, и их не надо путать с профессионалами. Для войны в Чечне их набирали по объявлениям, расклеенным на фонарях, и собрали то, что собрали — деклассированных лиц без определенных занятий и нравственных принципов.

Во-вторых, контрактники «вытворяли в Грозном» то, что обычно «вытворяет» человек на войне: то, что «вытворяют» в Чечне не только контрактники, а, например, некоторые кадровые полковники, что «вытворяли» «воины-интернационалисты» в Афганистане и т. п. Человек на войне убивает другого человека, и это убийство общество морально оправдывает. При этом *человек убивающий*, (ведь не тактично применять термин «убийца» к человеку, убивающему на войне, не так ли?), часто подходит к убийству творчески, и этим воспроизводит семиотику казни. Это уже вопрос не техники, но психики в ее глубинных архетипических слоях. Жестокое обращение военных с пленными и с мирным населением является как следствием психологического срыва, так и морального оправдания своих действий, в логике которого удобнее всего не считать своих врагов людьми.

Профессионал же страдает от нервных срывов гораздо меньше, чем дилетант, и не нуждается в изощренных психологических защитах и псевдоморальных оправданиях: он «работает». Заметим, что и непосредственные участники боевых действий в Чечне предпочитали именовать свои действия «работой». Нейтральные термины нейтрализуют стрессы. Поэтому эмоции Серебрянникова и Дерюгина — «вытворяли в Грозном то, что и вряд ли могло присниться в самом кошмарном сне», — на языке военных будет звучать короче: «отработали по Грозному».

В-третьих, «народность» и «идейность» армии никогда не гарантировали невозможность ее применения внутри страны. Народно-идеологическое обоснование можно подвести и под

Объявление

Военный комиссариат Железнодорожного района проводит набор граждан мужского пола в возрасте до 35 лет, имеющих опыт военной службы, по состоянию здоровья годных к военной службе, морально устойчивых, на военную службу по контракту на Северном Кавказе,

201 МСД (Таджикистан).

С условиями прохождения службы можно ознакомиться в 4-ом отделении по адресу :

ул. Владимировская, 2а, телефон 20-68-34

Образец вербовочного объявления.

геноцид. Более того, это легко, поскольку оно востребовано людьми его осуществляющими (или одобряющими) в качестве апологии. Солдат, как наемный, так и подневольный подчиняется не «нравственным основам», «артельной психологии» и «моральным принципам», а приказам непосредственного начальника, о которых не рассуждает. В противном случае он плохой солдат. Даже в Великой Отечественной войне для «стимулирования» моральных принципов воинов, сражавшихся на передовой, действовал институт заградотрядов.

И далее по тексту:

- «Нравственные основы» и «моральные принципы» — хороший инструмент для PR-технологий. Солдат с чувством выполненного долга расстреляет «земляка, вышедшего на улицу бороться за собственные права» (Серебрянников, Дерюгин, 1996: 222), если ему объяснить, что это «provokator, подрывающий единство», или другой «враг народа».
- История Русской армии, которую уважаемые эксперты несколько идеализируют, знает массу примеров, когда «соборность, артельность, заложенные в духовный фундамент старой Российской армии» (Серебрянников, Дерюгин, 1996: 226), не мешали ей «стрелять в земляков, борю-

В день ВМФ все бывшие матросы выходят на улицы городов в бескозырках, в день ВДВ — все бывшие десантники надевают береты, а бывшие пограничники в день погранвойск гуляют в зеленых фуражках.

щихся за свои права» (Серебрянников, Дерюгин, 1996: 222). Ни соборность, ни артельность, ни прочие столпы «духовного фундамента» старой Российской армии не мешали ей на протяжении веков «хорошо выполнять свою работу», в том числе и по «ликвидации сепаратизма» в разных уголках Империи. И потом, разве не на Красную армию, чей высокий моральный дух авторы критикуемой концепции не подвергают сомнению, опиралась советская власть, проводя репрессии против собственного народа? И можно ли назвать «народной» любую армию (если это не ополчение), тем более ту, управление которой осуществлялось на партийной основе?

- Авторы считают, что негативные явления дедовщины являются отличительными признаками армии последних лет, вследствие противоречия между, «привнесенной извне идеей индивидуализма и внутренней коллективистской природой российской военной общности» (Серебрянников, Дерю-

В день ВМФ на улицах Новосибирска.

гин, 1996: 211, 226). В этом они глубоко заблуждаются. Первое официальное заявление, констатировавшее факт «казарменного хулиганства», прозвучало из уст министра обороны в самом начале 1960-х годов. Но еще в конце 1950-х, по свидетельствам очевидцев, имели место самые разнообразные случаи доминантных отношений. В частности, отбирание дембелями новой формы у новобранцев. Не «горбачевская перестройка» вызвала разложение армии, напротив, перестройка была попыткой правящей элиты вывести и армию, и общество из состояния системного кризиса, грозящего необратимыми последствиями. Другое дело, что она началась с большим опозданием, когда эти последствия уже проявили себя в полной мере.

Противоречий в экстремальных группах достаточно для того, чтобы поставить под сомнение целесообразность апелляции к умозрительным пластам национальной духовности при анализе перспектив перехода армии на профессиональную основу. Тонкие материи морали в политике больше годятся для изготовления камуфляжа, чем несущих конструкций.

В пользу профессионализации вооруженных сил говорит еще и то обстоятельство, что романтика самой профессии воен-

Ленты бескозырки матроса-дембеля украшаются героической символикой флота и российской государственности. С точки зрения устава — это нарушение формы одежды. С точки зрения матроса — единственный способ ее аполгии.

ного до сих пор остается мощным ресурсом внутренней интеграции и самоочищения армии. Но романтика не терпит профанации. Несмотря на доминирующую роль техники в современной армии, наибольшей консолидированностью и романтизацией отношений отличаются те подразделения, в которых воюют люди, а не машины, где человек непосредственно вовлечен в экстремальные условия военной службы, или, выразимся поэтически, «стихию боя». Это бывшие воины-афганцы, солдаты боевых родов войск — пограничники, десантники, спецназ. Внутренние отношения в боевых подразделениях «на гражданке» переоформляются в своеобразный культ и лишь отдаленно напоминают субкультуру, равно как и обычную дружбу. Этим отличаются не только бывшие афганцы, но и десантники, моряки, пограничники, — военнослужащие родов войск, занимающих обособленное положение в Вооруженных Силах. Их обособленность происходит из того, что они более прочих

вовлечены в собственно воинскую службу, облаченную романтической аурой.

В «братство» десантников, пограничников, моряков в том виде, в котором мы его наблюдаем на улицах городов в День погранвойск, День ВДВ и День ВМФ,¹ человек попадает после демобилизации. Внутренняя коммуникация происходит в сфере знаков и сводится к ритуальному обновлению собственной идентичности, не чаще, чем раз в год, и посредством синхронного переодоления всех воспроизводит диахронную связь каждого в отдельности с самим собой: «Я-сегодня» знаково сообщается с «Я-вчера». Здесь «Я» выступает не как неизменная экзистенциальная сущность, но как переменный социальный статус. Но если семиотика социальной изменчивости — это рост, развитие, динамика — т.е. вся жизнь, то военные атрибуты, надеваемые спустя годы гражданской жизни, есть символы всего жизненного пути, пройденного с момента инициации, коей была армия.

Если жизнь как социальная изменчивость есть проекция экзистенциальной человеческой сущности, развернутая во времени, то ее символы свертывают ее обратно, сжимая пройденный жизненный путь в своей компрессии смыслов. Поэтому зеленые фуражки пограничников, мелькающие в городской толпе 28 мая, — это символы и пройденного жизненного пути, и человеческой экзистенциальной сущности — памяти. Таков антропологический эффект военного романтизма, впрочем, как и любого другого. Излишне повторять, что без этого армия не может существовать.

---

¹ В эти дни все, кто когда-то имел отношение к данным войскам, надевают форму или ее фрагменты и в таком облачении дефилируют по улицам, братаются, устраивают акции.

В заключение повторим основные выводы.

Кризис и трансформация культуры в армейском социуме является выражением распада информационного поля, то есть проблема системно организованного насилия — это проблема семиотическая.

Ситуация толпы, хаотично набранной из индивидов, социализированных и сформировавшихся в разных культурных, социальных, этнических, религиозных, образовательных и прочих традициях, приводит к тому, что ни одна из информационно-коммуникативных и ценностных систем не является общественно значимой. С другой стороны, персональные ценности или то, что значимо для каждого человека в отдельности, не имеет абсолютно никакого значения для группы в целом.

Сложные информационные построения, мировоззренческие модели и поведенческие программы, которыми люди до армии руководствовались в своей культурной среде, перестают работать, то есть становятся непонятными и предельно упрощаются. Деградация средств коммуникации выражается в переходе от воздействия на ценности адресатов, к воздействию на их тела при передаче информации.

Снятие или переадресация ответственности и тотальная автоматизация деятельности (Асмолов, 1996) делает социально не востребованными мораль и интеллект.

Тенденция распада и упрощения информационных систем приводит к трансформации всех областей культуры, в результате которой реактуализируются архаические формы доминантных отношений, которые проявляются в целом комплексе статусных символов и поведенческих стереотипах, близких к первобытным.

Архаизация общественного сознания непосредственно связана с процессами десоциализации и ресоциализации личности.

Лиминальность (Turner, 1977) представляется следствием десоциализации (Goffman, 1967; Goffman, 1971; Goffman and Social Organization Studies, 1999). Десоциализирующие факторы полностью соответствуют признакам, характеризующим положение человека в армии:

- изоляция от внешнего мира;
- постоянное общение с одними и теми же людьми, с которыми индивид работает, отдыхает, спит;
- утрата прежней идентификации, которая происходит через ритуал переодевания в спецформу;
- переименование, замена старого имени на «номер» и получение статуса;
- замена старой индивидуальной обстановки на новую, обезличенную;
- отвыкание от старых индивидуальных привычек, ценностей, обычаев и привыкание к новым общим;
- утрата свободы действий.

То воспитание и тот культурный опыт, которые человек получал с детства, определяется противоположными факторами социализации: отсутствие изоляции от внешнего мира, общение с разными людьми, укрепление прежней идентификации, широкая свобода действий, — не могли подготовить его к выживанию в подобных условиях. Поэтому в экстремальных группах индивид не просто дезориентируется, но нравственно деградирует.

С другой стороны, нравственная деградация в армии — понятие условное, так как межличностные отношения в лиминальных и десоциализированных сообществах протекают за пределами применения понятия «нравственность» в общечеловеческом значении этого слова, так как здесь в процессе ресоциализации формируется своя нравственность и своя система ценностей, отличная от общегражданской.

Процессы десоциализации и нравственной деградации мы соотносим с архаизацией общественного сознания в экстремальных группах, что вовсе не означает, что мы считаем архаические общества десоциализированными и безнравственными. Это было бы ошибкой. Архаические культуры нельзя называть примитивными. Они сложны и совершенны, поскольку даже самые «дикие» на наш взгляд их элементы направлены на обес-

печение полноценной жизни своих обществ, их расширенное количественное и качественное воспроизводство.

Под архаизацией сознания в данном случае мы полагаем возврат социо- и культурообразующих механизмов к первичному уровню знаковых систем, на котором происходит знаковое переформирование не только элементов системы жизнеобеспечения, но самого тела и физиологии.

Знаковое применение физиологии и физиологических актов в области социально-статусных отношений характерен и для животных. Это заставляет сделать вывод о глубине трансформации культуры в экстремальных группах, которая соответствует нулевой фазе социогенеза.

За традиционными и любым архаическим обществами стоят тысячелетия их историко-культурного развития в плане совершенствования их традиций от «нулевой фазы социогенеза» до их актуального и оптимального уровня. (Если, конечно, ограничиваться простой эволюционистской схемой.)

От окончательного распада сознание спасают его внутренние механизмы самосохранения, под которыми можно понимать фундаментальные принципы познавательной активности и, в первую очередь, — принцип информационной асимметрии, реализующийся в феноменологии символа. Асимметрия предполагает неравенство предмета и его значения, чем обусловлена феноменология таких категорий, как *смысл* и *системность*, а также и феноменология самой *информации*, которая заключается в асимметричном состоянии реальностей и самой познавательной деятельности.

На данной архетипической основе в армии начинается регенерация культурных норм, которая, тем не менее, не может принять совершенный вид потому, что армейские традиции остаются культурным субстратом: составляя среду ресоциализации десоциализированных неофитов, они не являются средой первичной социализации личностей.

Все это говорит о том, что в сознании человека заложены механизмы самосохранения культуры, которые проявляются в архетипах бессознательного, как системный принцип организации познавательной активности. В формировании неуставного права представлена не столько реставрация традиционных правовых систем, сколько кристаллизация новых, однако на основе базовых принципов информационной

активности, обеспечивающих саму возможность системообразования.

Среди этих принципов выделю два, которые представляются фундаментальными:

1. Принцип системного порядка. Обуславливает возможность восприятия мира как объема информации.
2. Принцип информационной асимметрии. Обуславливает концентрацию информационных объемов в поле символа, то есть преобразует информацию о вещи в бесконечной многомерности ее смысловых значений.

Первичная социальная стабилизация осуществляется в алгоритмах элементарной психической стабилизации, которые остаются неизменными (Коул, 1998: 63–64). Видимо, в силу своего семиотического постоянства, а также коммуникативного и системообразующего потенциала, элементарные психические процессы сохраняют резерв возможностей для регенерации культурных связей, даже в ситуации распада культурной традиции. И мы видим результаты этого процесса, протекающего параллельно с процессами ресоциализации. Мы видим рождение новых правил, новых традиций, новых обычаев, нового фольклора, изобразительных канонов. И мы видим, как в этих новых формах мировосприятия проявляются черты, хорошо знакомые этнографу по предмету его работы с архаическими и традиционными культурами, — те, которые в обществах цивилизационной культуры представлены в рудиментарных формах и требуют реконструкции.

Доминантные отношения в армии представляют собой лишь один аспект ее глубокого антропологического кризиса, предельно обостряя проблему прав человека, как права на культуру.

Действующие сегодня официальные системы правового контроля в армии подчинены задаче сокрытия реальной картины преступлений против личности. (Вспомним хотя бы институт «служебных расследований».) Поэтому невозможно получить точную статистику убийств и самоубийств в армии на почве статусных отношений, то есть по причинам, связанным с трансформацией сознания в процессе десоциализации личности. Проблема даже не в статистике. Уже из опыта наших собственных наблюдений и материалов независимых экспертов и очевидцев можно сказать, что именно эти причины лежат в основе подавляющего большинства преступлений против личности в ар-

мии. Это обстоятельство выводит проблему антропологических метаморфоз в российской армии на уровень проблем глобальной безопасности, поскольку столь глубокие процессы трансформации и архаизации сознания людей уже стали исторической закономерностью, и это в воинских формированиях, вооруженных самым современным оружием.

Post Scriptum. Гуманитарный кризис армии — это синдром. Это антропологический синдром армии, в которой все ее солдаты хотят на дембель. Аббревиатура ДМБ, покрывающая скалы, заборы, коровники, вагоны, дома на пространстве 1/6 земли — от Чукотки до Балтики, — истинно метафизический знак. Это знак освобождения. Времени от пространства, вещи от смысла, стран от границ, специалиста от специальности, человека от общества. А еще — это знак растерянности большой армии в эпоху виртуализации военно-политических технологий и глобализации информационных потоков, армии, сыгравшей первую роль на сцене прошлого века ...и уставшей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Дневники, интервью, письма, воспоминания, документы. – Образцы армейского фольклора.

1.1. ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА АВТОРА

Тувинско-Алтайская экспедиция, 1999 г.

В 1998–1999 годах я сотрудничал с Центром авторской песни при Культурном центре ФПС в Москве. Идея его создания подчинена реалиям времени: у армии нет средств для организации масштабных концертов профессиональных артистов эстрады, как это было в советское время, и у дирекции Центра возникла идея обратиться к бардам с просьбой о содействии. За годы полевых этнографических и археологических исследований в приграничных районах страны у нас сложились теплые отношения с пограничниками застав Алтайского погранотряда, где было сложено немало песен. Поэтому для меня было естественным откликнуться на объявление, вывешенное в Московском центре авторской песни. Так, после очередной археолого-этнографической экспедиции в те края было решено задержаться и проехаться по заставам с самостоятельными бардовскими «гастролями» и научно-популярными лекциями о древних и современных культурах тех мест, где проходили службу пограничники.

01.08.1999

В расположение Алтайского погранотряда мы прибыли вдвоем с Дмитрием Ануфриевым. Дневальный с КПП проводил нас в клуб части, на крыльце которого нас встретил полковник Новиков. По всей видимости, он здесь курирует вопросы культуры. Я представился, вот, дескать, антропологи мы, а еще мы сотрудничаем с Культурным центром ФПС России, откуда и прибыли к вам с концертом в жанре авторской песни. Полковник отреагировал четко и по-деловому:

- *Какие ваши планы? Как со временем?*
- *Времени полно. Выступим у вас, потом, если будет оказия, проедем по заставам.*
- *Хорошо. Завтра ваш концерт в 10 утра. Потом поедете на «Пятую». Вы где остановились?*
- *В палатке.*
- *Как с питанием?*

- Все с собой.
- Ну, накормить-то мы вас накормим. Палатку поставите на полигоне. А сейчас приглашаю вас на наш концерт. Вещи пока можно оставить здесь.

Сегодня молодое пополнение приняло присягу, и в части праздник. В клубе полно народа. Много гражданских. Видно, что есть и родители, родственники. Бросилась в глаза разномастность солдатской формы. «Духи», как и везде, отличаются больше выражением глаз.

На сцене разворачивалось действие. Сначала музыканты из группы «Ритмы границы» по очереди мучили синтезатор. Потом свой репертуар «выдул» духовой оркестр отряда.

По окончании концерта пришел Новиков и объявил, что завтра в 10 часов будет еще один концерт, а пока желающие могут записаться в увольнение. Отдав распоряжения, он занялся нами. Вызвал с полигона бойца, чтобы тот нас проводил до места, а пока боец не пришел, показал нам музей части. Очень приличный, не лишенный вкуса, музей. Центральная часть экспозиция — копии скифских артефактов, добытых нашей археологической экспедицией на плато Укок. Над всей этой красотой плакат: «Нам есть что охранять». Я оставил благопожелание в «Книге благопожеланий».

Экспозиция музея, как и вся наглядная агитация, по замыслу основателей должна воспитывать солдат в духе патриотизма. Кругом висели нарисованные в стиле соцреализма портреты культурных героев этой части — солдат и офицеров, совершивших в «горячих точках» подвиги. Рядом с ними — Илья Муромец и Богоматерь. На плацу зачем-то установлен крест.

Возник боец. Первым делом он проводил нас в столовую. После обеда вышли на улицу. Теперь идем на полигон. Он располагался неподалеку, в пятнадцати минутах ходьбы. Солдат, неразговорчивый поначалу, постепенно разговорился.

- *Я смотрю, у вас подшиваются кто во что горазд. Вот ты подшит, как у нас в САВО¹ подшивались, а я бы не сказал, что у вас тут сильно жарко.*
- Да-а-а... я просто подшит по летней форме, а, так, подшиваются, кто как хочет.
- *Или кому как положено?*

---

¹ Среднеазиатский военный округ.

- По сроку службы, — многозначительно добавил парень и заулыбался. Контакт состоялся.
- *Тебе когда домой?*
- Весной.
- *То есть год уже отмахал?*
- Ну, да.
- *Так ты сейчас, получается, черпак?*
- Нет, дед. У нас нет черпаков. Год отслужил — сразу дед, полтора — дембель.
- *А если до года, то как тогда это называется?*
- *Это называется «духи».*
- *Все, что ли? И первый, и второй период?*
- Да. Но между собой они так отличаются: вот приходят духи, т. е. первый период, — они «стажеры», второй период, который их учит всему, то есть не тормозить, это «стажирующие». А третий период, т. е. те, кто только стал «дедами» — это их дембеля. Они их будут до своего дембеля гонять, они их и «переведут».
- *Ясно.*
- Вообще духи, пока их везут в автобусе в часть — они еще даже и не «духи», а «нюхи». Как форму на них надели, так весь карантин и до присяги — они уже «запахи», а как присягу приняли — они целые «духи». Первые полгода, пока они всасывают службу, они «духи-стажеры», их «стажируют» «духи-стажирующие», ну, кто второй период служат. Не я же буду учить их «родину любить».
- *И как им служба?*
- Нормально. Все выдерживают. Главное не тормозить, и все будет нормально. Конечно, здесь такого насмотришься, цирка не надо. Но сейчас, уже не так, как раньше. Духи «тащатся». Не то, что в наше время. Им главное все во время делать. Все будешь делать, — будешь «золотой», а время придет, сам будешь верховодить.
- *Я недавно в книжном магазине обнаружил «дембельский альбом». Полиграфически изданный продается. Только фотографии вклеивай. У вас-то делают альбомы?*
- Еще как делают! Такие шедевры, обалдеть можно.
- *А материал где берут?*
- Да где находят, там и берут. Один кадр у нас в клубе шторы «нашел».
- *То есть?*

— Да, натурально. Висели шторы, бархатные, длинные такие. Стали короткие. Он этим бархатом себе альбом дембельский обтянул.

Кра-а-сиво получилось. Но ему потом старшина и вставил!

Мы перешли мост, и попали на полигон. Нас поселили в будку, где живет обслуга полигона, тоже срочники. Я вхожу первым и оказываюсь в помещении с печкой, кофейником, двухъярусной кроватью и четырьмя солдатами.

— *Здорово, мужики. Меня Костя звать, а это Дима. Мы странствующие антропологи.*

Мужики заулыбались, стали протягивать руки, знакомиться. Я занес вещи в соседнюю комнату, в которой стояли две кровати и носились коты. Поскольку котов было тоже двое, я решил, что это их кровати, и, заняв пространство на полу, вернулся к ребятам общаться. Начался жизнерадостный треп на отвлеченные темы.

— У нас тут чуть что — сразу на губу. За всякую ерунду. А срок отсидки в срок службы не входит. Если ты, допустим, призвался в июне, а за два года «наседел» три месяца, то, уволишься в сентябре.

— *Ты сколько отсидел?*

— Десять суток.

— *За что?*

— Из увольнения вернулся и не доложил.

— *Круто. У нас в части один кадр в госпитале медсестру изнасиловал. Так ему пять суток дали, и те не досидел. Объявляют ему перед строем взыскание, а он орёт «так по любви же».*

— Вот ни фиги себе! У нас батя голову бы открутил.

— *А если нет «залетов», то уволят в день, который указан в «военнике»?¹*

— На двадцать дней раньше.

— *Почему?*

— Ну, отпуск, как бы положен, в год десять дней. Но в отпуска нас, на самом деле не пускают, и эти дни из службы вычитают.

— Зато на «губу» отправят лишний раз.

— Это точно. Но если что-то дома случилось. Отец умер, мать заболела, то отпускают.

— *А вот сегодня после концерта в увольнении записывались. Это у вас регулярно по выходным?*

¹ Военный билет.

— Нет, только сегодня. «Духи» присягу принимали, их и отпускают с родителями. А одних в поселок не пускают. Местные нас не любят. Увольнительную дают только, если родители приедут. Можно даже на ночь уйти, утром только придешь отметиться, и тебе ее продлят. Да нам то что, мы сами себе увольнительная. Я в этом поселке как только не бывал. Недавно бабешку подцепил. Обещала придти, что-то нету.

— *У вас тут, гляжу, неплохо, по бабешкам бегают.*

— Не все. Кому положено.

— *А духам положено?*

— Ты чего? — Смотрит как на ненормального. — Это же духи!

— *Ах да, забыл. Хотя у нас за забором автопарка одно время девка в палатке жила. Ненормальная, у неё мания была солдатам отдаваться.*

— Гы-гы-гы! Наоборот, нормальная.

— *Она это как-то идейно обосновывала. Почему, дескать, только солдатам, а не офицерам и не прапорщикам.¹ К ней сначала ходили только деды, а потом, как она чем-то таким заболела, ее любили только духи.*

— У нас тоже тут такая была. Да, Серега? Вон Серега знает.

— Да, было дело, — сказал, смущенный Серега.

Парень, который был самый разговорчивый, сел пришивать шевроны. Я взял один рассмотреть. Он был сделан на толстой твердой основе.

— *Эти шевроны такие толстые продаются?*

— Нет, мы сами их делаем.

— *А как?*

— Ткань слоями переложена полиэтиленом. Потом гладится утюгом.

— *Ясно, мы у нас так проглаживали пакеты от молока, и пока горячие, гнули на бутылке. А духи ваши носят простые шевроны?*

— Они их вообще не носят. Не положено.

— *А как у вас насчет значков?*

¹ Действительно там жила в палатке женщина, которая отдавалась только солдатам, причем всем и без разбора. Ее звали Анжела. Это имя она себе придумала, т. к. ее звали как-то иначе. Она говорила, что отдается солдатам потому, что им тяжело без женщин. Она пыталась даже привлечь других девчонок. Я думаю, это какая-то форма помешательства на почве местных реалий, в котором актуализировались архетипы мессианско-сакральной проституции.

- Давно их что-то не было. Взять просто негде. Прошлый год давали знаки пограничника. «Сто выходов на границу» «Триста выходов на границу» и пр. Новые особенно ценятся.
  - *Новые — это какие? Чем от старых отличаются?*
  - Ну, на старых — просто пограничный столб, а на новом — с орлом. Обещали еще значок с разрядом, кто сдаст на разряд по бегу. Все кинулись сдавать, а значков как не было, так и нет.
  - *На дембель-то надо значки?*
  - Ну, да, тому, кто его делает.¹
  - *Все делают?*
  - Практически, да, но в нем же отсюда не выйдешь, только «по гражданке», а его — с собой. Но те, кто увольняется с застав, имеют проблемы. Дело в том, что заставские дембеля увольняются все равно из отряда, здесь им документы делают. Они же в «гражданке» сюда не приедут, правильно? Это надо второй камуфляж иметь. Мой собеседник спокойно отреагировал на фотовспышки, пробурчав только: «ну это лишнее». Шевроны свои он пришивал очень оригинально: иголку держал плоскогубцами, пронизывая их плотную массу. Затем взялся за подворотничок. Очень аккуратно сложил его так, как ему «положено», т. е. шириной сантиметров двадцать.
  - *У вас черными нитками подшиваются?*
  - Ну, да, конечно, кто во что горазд.
  - *А эмблемы на петлицы сейчас какие?*
  - На камуфляже должны быть зеленые, а мы делаем желтые.
  - *Где все покупаете, в магазине?*
  - У нас его нет. А кто в город едет, мы ему даем заказы. Да, если есть деньги, все можно.
  - *А бляхи у вас когда распрямляют?*
  - На четвертом периоде. У меня вот должна быть ровная.
- В их кубрике постоянно работает телевизор. По телевизору передают репортаж из Питерского самодеятельного этнопарка викингов. Люди играют в викингов, живут, как викинги, и думают, что они викинги. Из телевизора слышится: «У нас тот, кто посвящается в викинги, должен по очереди биться с каждым воином. Это ритуальный поединок. Если ты его прошел — ты настоящий викинг, имеешь право на часть добычи».

¹ Здесь «дембельскую парадку» называют просто «дембель». «Парадка» — от парадного кителя, но погранцы, как и десантники, стараются увольняться в камуфляже, поэтому не все понимают слово «парадка».

— *А у вас как посвящают в «викинги»?*

Информаторы «заржали»:

— Двенадцать раз ремнем по заднице, и ты «викинг». имеешь право на часть добычи у нашего «ку́ска».

После мы решили, что самое время понить чай. Заодно пошел прогуляться и купить чего-нибудь в поселке, угостить ребят. Сходил в Акташ, набрал всяких вкусных вещей, типа пряников, и вернулся. Пацаны уже вскипятчили воду.

— *Слушайте, ну вот вы духов гоняете, а если духи, они начнут «дергаться», отказываться что-то делать, что тогда вы с ними делаете?*

— Меры принимаем. Но сейчас такие духи пошли, нам просто тоска. Многие сюда попадают, у кого «крутые» родители. Приезжают, денег полные карманы, пальцы веером, ну очень деловые.¹ Вон у Матери Терезы² племянник, чуть что — «стучит». Это ему не положено, то не положено, и она тут постоянно торчит, права качает. И, кроме своего племянника, больше ничего и не видит. У некоторых родители прямо на заставы приезжают и живут там с ними. Просто детский сад. Этих духов, конечно, не трогают, но и не любят.

— Они в коллектив не вливаются.

— *Вы масло на стодневку духам отдаете?*

— Отдаем, конечно.

— И головы бреем.

— Масло к нам только на стодневку и завозят.

— *Зампотылу большой ревнитель армейских традиций?*

— Серьезно, сколько раз мы наблюдали. Весь год масла нет, на стодневку завозят. И масло-то классное, а приходится отдавать.

— Духи балдеют, хари — во!

— Особенно в эту стодневку. У нас полчасти увольняются осенью. И все масло — «духам».

После ужина собрались гости слушать песни. Я побренчал минут сорок. Когда народ разошелся, к нам явился еще один гость. Человек по имени Саня желал с нами пить спирт и общаться. Спирт был отвратителен, общение нудным, речь невнятной. Хотелось спать, но не хотелось обижать человека. А остановить его было невозможно. Он

¹ Интересно, почему они вообще в армию попали?

² «Мать Тереза» — здесь так прозвали главу местного отделения Комитета солдатских матерей.

рассказывал всю свою жизнь, но начал с середины, и поэтому было не совсем понятно, в чем же ее смысл. Потом он, наконец, ушел, но долго двигался к двери, несколько раз прощался, но потом вспоминал новые эпизоды, которые было невозможно не рассказать, поэтому сцена прощания несколько затянулась.

Когда он, наконец, исчез, я смог заснуть, растянувшись в своем спальнике на полу. Всю ночь по мне прыгали коты.

02.08.1999

Утром, прорепетировав, наладил на гитаре ремень, но концерт не состоялся. В части вырубился свет. В клубе мы засели в библиотеку и ждали, когда клубные работники уговорят заместителя по техчасти снарядить машину на Ташанту. Часа через четыре им это удалось, и у ворот КПП возник целый автобус, в который погрузился оркестр и мы с ним заодно.

Прибыв в Ташанту, мы сразу оказались на заставе, так что знакомство с поселком пришлось отложить. Но нам спешить некуда. А вот оркестр спешил. Им еще предстояло сегодня возвращаться. Музыканты расположились прямо на улице. Исполнили два-три марша, после чего начался дождь и всех загнал в казарму. Мое выступление назначили на вечер, и мы пошли обозревать окрестности.

Вернувшись после ужина, и устроили концерт. Ребята принимали очень хорошо. Я чередовал свои и чужие песни и стихи с трепом на отвлеченные темы и старался людей особо не «грузить». Большой успех имела поэзия Сергея Менькова, из раннего. Особенно, лирическое посвящение старшине, которое начинается: *«Не буди ты меня старшина / Мне проснуться сейчас недосуг / Я иду по тропиночке сна / И в руке я фонарик несу»*, а заканчивается: *«Разбудил-таки все же, мудака»*. Романтика военных будней.

Затем пограничные авторы-исполнители спели мне свои пограничные песни, и мы разошлись. В гостевой комнате, где нам предстояло провести ночь, мы и обнаружили ночной пир проезжих контрразведчиков, особистов и фээсбэшников. Мы разбавили их компанию и поговорили про археологию, после того, как они начали нам рассказывать, что у них нашли «принцессу». Потом выпивали за чьи-то очередные звездочки. Я уже засыпал и с трудом поддерживал разговор.

— *С каким интервалом вам присваивают звания?*

— Старлей — через два года, капитан — три, майор — четыре, подполковник — четыре, полковник — пять, ну, а генерал — это не звание, это счастье.

Всю ночь мне снились генералы, воплощающие счастье. Они танцевали.

03.08.1999

Сегодня мы ждем машину, которая отвезет нас на строящуюся заставу, что недалеко от границы с Тувой. Утром вышел в поселок прогуляться и зайти в магазин. На трассе вереница машин, стоящих в ожидании таможенных процедур. Среди прочих — свадебный кортеж. Невеста была в национальном казахском костюме. Сама из Восточного Казахстана, вышла замуж за казаха из Монголии. Машина проходит досмотр, а они тем временем прогуливаются. Мы разговариваем, и тут к нам подошел мужчина неопределенного возраста, лицо которого несло печать декаданса.

- Это моя сноха, ты смотри, не приставай, а то голову отрежу.
- *Спасибо, что предупредил, а то я вот уже почти пристал.*
- Если ты мужик, дай двадцать два рубля пятьдесят копеек.
- *Уж, извини...*
- Нет, ты дай двадцать два рубля пятьдесят копеек, если ты мужик.

Разговор стремительно терял смысл. Подобная история повторилась вечером. Дискуссия с рефреном «нет, ты дай двадцать два рубля пятьдесят копеек» вышла на уровень межэтнических отношений и диалога культур. После пятнадцатого отклонения вышеуказанной просьбы я слышу:

- *Вы, русские нас пить научили, вот и поите.*
- Я тебя не учил.
- *Меня все здесь знают.*
- Поздравляю.
- *И в Монголии знают.*
- Искренне рад.
- *Ты знаешь, кто я такой?*

Я, увы, не знал.

Ближе к вечеру пришел «Урал» с прицепом, в который мы быстро и радостно залезли и поехали, сидя на прекрасных свежеструганных досках на уровне борта. Это была великолепная поездка, насыщенная самым состоянием путешествия, — ощущением движения в Космосе, — и наш «Урал» воспринимался именно так — не как машина, но как воплощение Движения.

Прицеп, как корабль, плыл в закатных холмах. Ярко освещенная долина была завешена лиловыми тучами, и мы туда ехали, поднимаясь в холмы, все глубже погружаясь в сердце Азии. Так мы провели почти

четыре часа, качаясь на своих досках в такт прыгающему по валунам прицепу, и беседовали про Универсум, поглощенные созерцанием его красивейшего уголка.

Лагерь увидели издали. Две армейские палатки, времянка для кухни, печь на солярке, пара футбольных ворот и сортир характерной архитектуры — вот и весь план лагеря.

Бойцы, радостно переговариваясь, обступили кабину, разбирали письма и посылки. На нас смотрели с любопытством, но разговор завести никто не решался.

— *Здорово, мужики!*

Мужики ответили хором:

— Здрасьте.

— А вы кто?

— *Мы? Мы сегодня странствующие музыканты,* — ответил я, передавая Димке с борта рюкзаки.

По восхищенному «бля» было понятно, что нам несказанно рады. Мы оставили вещи в палатке офицера, и солдаты пригласили нас к себе. Ребята нас угостили копченым хариусом. Мы его ели и болтали.

— Нет, мужики, правда, на фига вы вот катаетесь? Вам чё, делать не х...й?

— *Выходит, что так оно и есть. А что, не рады, нам?*

— Да нет, рады, конечно, просто я вот эти горы в гробу видел, а вы вот с них балдеете.

Мнения разошлись, и солдатики стали спорить между собой. Разговор протекал в русле беззлобной агрессивности, потом снова вспомнили о нас:

— Ну, вы, мужики, просто больные. Взять, по собственной воле приехать сюда. А от нас куда поедете?

— *Где Первая застава.*

— Что-о-о! На «Первую»?!

— Нет, ну им точно делать не х...й!

— А вы, вообще, где работаете, чем занимаетесь?

— *В Академии наук, я — в Институте этнологии и антропологии, Дима — в Институте археологии и этнографии.*

— А что вы там делаете, ну, в смысле, по работе?

— *Мы антропологи, изучаем людей. Дима, изучает, как люди жили в древности, я, как они живут сейчас. Куда приедем, там и изучаем. Сейчас вот, к примеру, вас изучать приехали.*

— Во, дают! А чё нас изучать?!

- Ну, как «чё»? Во-первых, то, что вы разные. Например, чем отличаются духи от дембелей, как их отличать по одежде, и почему за подворотничок можно получить по голове, если подишься не по сроку.
- Это точно, еще как можно.

Эта аудитория была раскована более других. Наверное, потому, что живут они тут вдали от всей армейской муштры.

После ужина мы снова пошли к ним в палатку, уже с гитарой. Сначала они нам рассказали, что у них «на первой» «принцессу» нашли. Потом мы рассказали им, как это было на самом деле. Они слушали, открыв рты, и шипели друг на друга «ну, тише вы». Потом я поиграл песни из укокского цикла, а потом все подряд. Было приятно играть в их внимательной аудитории, объединенной на два часа кругом света керосиновой лампы, дырявой брезентовой палаткой, кольцом гор.

Ребята от моих песен слегка загрузили.

- У вас песни глубокие, а что-нибудь попроще, ближе к нашей армейской действительности у Вас есть?
- *Разве армейская действительность простая?*

<...> Пора было расходиться. На прощанье они попросили еще спеть. В общем, мы очень хорошо провели время. Интересно, что страдающий от скуки в своем офицерском шатре, лейтенант Лёха не захотел придти. Во-первых, не позволяет субординация, во-вторых, ему, наверное, действительно скучно с солдатами. При этом он к ребятам относится очень хорошо. В нем чувствовалась какая-то особая порядочность.

В офицерской палатке, куда мы пошли спать, было жарко нагрето. Дров для печи они не жалели. Мы легли в свои спальники на кровати, и было заметно, что Лёха рад нашему соседству:

- Хорошо, что вы приехали, а то я тут совсем один, все книги уже прочитал. Связывался с отрядом, привезите что-нибудь, так все забывают. Цемент вот лучше две тонны лишние привезут.
- *Мне здесь у вас больше нравится, чем в отряде. Или даже где я служил, хотя это и был самый центр Кишинева.*
- Так оно и есть, да нет, здесь, в самом деле, нормально. Тушенка вот только достала, но мы рыбу ловим, барана у местных меняем на ту же тушенку и кильку.
- *Ума не приложу, зачем им тушенка? Мы в экспедиции стояли тут же, за тем хребтом, но у нас был другой обменный фонд — капроновый фал, мыло, порошок, растительное масло, мука.*
- Волки вас там не беспокоили?

— *Нет.*

— А нас тревожат. Но сейчас лето, они только собак пугают. Можно сразу понять, что это волки — собаки начинают отчаянно лаять и забиваются в разные щели. Вот зимой — это да, они в стаи собираются, на людей нападают. Под Джазатором стая прошлую зиму бродила в шестьдесят голов. А на Аргамжи наряд шел десять человек, так эта стая его пасла до границы, начали нападать, но ребята отстрелялись. А я однажды попал, так чуть живой был, перепугался насмерть. Еду на «шестьдесят шестом» на Первую. И вот не далеко от вашего лагеря машина глохнет. Я водителя оставляю и иду пешком на заставу. Она как бы близко кажется, огни горят, а так — сколько там километров?

— *Семь.*

— Вот, семь километров шел, ни жив, ни мертв. Волки выли всю дорогу, справа, от системы. Меня спасло то, что ветер был от них. А так, сожрали бы. Я еще, дурак, ни пистолета не взял, ни дубины даже. Одежда громоздкая, ни дерева вокруг. Да и залезть не успеешь. Так и шел всю дорогу. На заставу прихожу, они на меня еще собак спустили. Я забегаю: «Сволочи, — говорю, — меня чуть волки не сожрали, и вы еще собаками травите».

Потом я дал лейтенанту почитать последнюю книгу В. И. Молодина и Д. В. Черемисина про Укокские петроглифы, а сам не заметил, как заснул, правда, ненадолго. Проснулся от страшной жары. Солдатик, что дежурил, переусердствовал и раскачегарил печку так, что спинка моей, стоявшей на расстоянии метра кровати, раскалилась. Я сполз с нее и лег на землю. Когда он в очередной раз возник с охапкой дров, пришлось попросить больше не топить. Печь остыла, и остаток ночи я поспал.

04.08.1999

Наступило утро, и утро было прекрасным. Так бывает в горах ранней осенью. Прозрачный воздух, и тихо. Тихо и солнечно. Я облился по пояс в реке, умылся. Потом мы быстро собрались. Ребята уже работали, но с двумя мы еще успели поговорить. Это был парень, состоявший до армии в Барнаульском турклубе, и долговязый стереотипный дембель по кличке Фикса.

— Уезжаете, значит.

— Приду на дембель, тоже буду путешествовать.

- *А ты думай об армии, как о затянувшемся экстремальном путешествии.*
- Да, это ты очень точно сказал, именно экстремальном. Мы то между собой хорошо живем, всякое, конечно, бывает, а вот офицеры.
- *А что?*
- Да, так...
- Мы им пограничники, или стройбат?
- *Ну, вы же заставу строите, не свиарник.*
- Я вот уже с весны здесь, все строю, строю. Хотя здесь, конечно, лучше, чем в отряде. Нет этого дурдома.
- Вообще, начальство нужно видеть как можно реже.
- Они, конечно, приезжают. Обещают нам всякие блага. Один придет, — значки нам на дембель обещает, другой — уволить на десять дней раньше. Третий — тоже на десять.
- А потом придет четвертый — и губы на двадцать.
- Вам на Ташанте говорили, с Первой пацану впяли три месяца гауптвахты? А командир части имеет право объявить десять суток.
- *Как так?*
- А просто. Начальников-то много. Один объявил десять, другой — пять, третий — семь и так далее. Вот три месяца и набежало.
- *А за что?*
- Служить на Первой не захотел.
- *Его там что, чмырили?*
- Он сам кого хочешь зачмырит. Там пришел этот новый командир. Весь из себя уставной, так он и отказался с ним служить. У него там что срочники, что контрактники — все одинаково летают.
- *А что эта ваша Мать Тереза, куда смотрит. Это же открытое нарушение прав человека?*
- Да что ты! Скажешь тоже. Мать Тереза! Это же одна шайка. Они её племянникам поблажки, увольнения, легкую службу, ранний дембель; а она везде трубит, какая это классная, гуманная часть и закрывает глаза на это, ...как это ты выразился, права человека.
- Какие у нас права. Права могут быть действительно, у человека, а мы же не люди, мы солдаты. Так, вот, иногда думаешь, написать бы куда, ведь некуда, не Матери Терезе писать же. Да, плевать. Переживем.
- *Пишите мне.*
- Да ну, брось. Мы же так, просто.

- А что, Фикса, давай напишем. Делать нам здесь вечерами нечего.
- Может, еще встретимся.

Мы залезли в машину, устроились на мешках с лишним цементом и поехали, помахав на прощанье. Пустая машина прыгала на кочках, и мы прыгали вместе с ней. Поднялась цементная пыль, которая покрыла нас и наши вещи тонким изящным слоем. На досках было ехать гораздо приятнее. Сегодня на философские беседы что-то не тянуло. Вернулись на Ташанту довольно быстро. Там водитель нам сказал, что дальше нас не повезет, так как боится ГАИ. Ездить в кузове нельзя, а двоих в кабину не возьмет. Я решил отправить Диму со всеми вещами, а сам добраться на попутках. Но Дима, отправившись к командиру заставы разведать обстановку, по пути встретил полковника, начальника контрразведки. Он приказал водителю нас взять, сославшись на пункт закона, согласно которому ГАИ не имеет права останавливать военные машины. Полковник был суров: «Посылайте ментов на х... Скажите, что я им головы поотрываю, если будут выступать».

Водитель подчинился с явной неохотой. В Кош-Агаче выяснилась причина его недовольства. Они заехали к знакомому казаку, с которым имеют какие-то общие дела, и не очень рады делать их при посторонних. Покончив с делами, остановились у магазина, купили булку хлеба, бутылку водки и банку килек:

- Ну, все, теперь поехали.

У родника «Серебряный ключ» остановились «перекусить». Пить не хотелось, и моя порция досталась *genius loci*.

Прибыв в часть, отметились у Новикова. Он представил следующий план: первым делом мы идем в баню, вторым — устраиваемся на постой, на том же месте, на полигоне. А в пятницу пойдет продуктовая машина на Укок, и мы туда поедem.

Офицерская баня обладала всеми атрибутами элитарности: бассейн, бильярд и пр. Главный ее «атрибут» встретил нас перед дверью. Это был сам Его Величество банщик, ибо все банщики похожи друг на друга, как две капли воды. Нам он властно бросил: «Только до полшестого. И чтобы после вас был порядок». Этот парень здесь себя чувствует не менее, чем богом.

Парилка была полна студентов Барнаульского университета. Они куда-то ездили, мы не стали приставать с расспросами, но и они особенно не приставали.

После бани, где мы оставили нашу цементную пыль, чистые и обновленные, прибыли с вещами на полигон. Наши старые

знакомые встретили нас радостным восклицанием: «Милости просим!».

05 08. 1999

Ночью на полигоне проходили стрельбы, продолжились они и на утро. Хлынул ливень, и в комнату загнали взвод солдат, которые только что призвались. Мне все это было очень знакомо: утомленные муштрой молодые солдаты с холода и дождя, где они ползали в полной выкладке по мокрой траве, оказались в теплом сухом помещении. Расселись вдоль стен на полу, и их моментально разморило. Они начали даже не засыпать — «вырубаться». То один, то другой опирались краями касок на мушки поставленных перед собой автоматов и отключались. Сержанты решили, что это есть «бардак», и стали принимать меры. Вот дед-сержант подошел к уснувшему духу и ударил своей каской по его голове (тоже в каске, к счастью):

— Спим!?

— Никак нет, товарищ сержант, отдыхаем.

— *Что ли спать положено? — уже к другому, ткнув его кулаком.*

— Никак нет.

— *Смотрите мне. Никто чтоб не спал.*

Но это не подействовало, и последовала команда: «*Всем встать!*».

Бойцы медленно и нехотя поднялись, образовав круг. В центре круга остался сидеть на корточках, отдавший команду, сержант. Я не думаю, что ему было очень удобно сохранять эту позу, но ей он явно демонстрировал своё превосходство: построить и напрячь, а самому продолжать сидеть и расслабляться. Помнится, у нас в учебке сержанты тоже это практиковали. Но не нужно далеко ходить за аналогиями. В любой школе учителя периодически прибегают к этому методу, когда приводят в чувство расшалившийся класс: они его поднимают на ноги, требуя «тишины», а сами, как правило, продолжают сидеть. Я не удержался от соблазна сделать несколько снимков этой характерной ситуации, и был рад, что отвлек внимание на себя и несколько разрядил обстановку. Сержанту это понравилось, он на минуту оставил солдат в покое и взялся писать мне свой адрес, в надежде заполучить фотографии. А я еще снимал портреты молодых бойцов, один из которых был с качественным фингалом под глазом.

Сегодня в части ЧП. Двое солдат сбежали. Мобильные группы прочесывают окрестности. Трудно уяснить мотивы их побе-

га. Один только что принял присягу, второму осталось служить три месяца. Теперь обоим светит дисбат. По этому поводу пообщались с ответственным по полигону прапорщиком и дежурным лейтенантом:

- Ну, бежал бы до принятия присяги, хоть не судили бы. А вообще я считаю, что, ну если уж тебе не удалось отвертеться от армии, то дослужи уж, зачем себе жизнь портить. Я понимаю, есть крутые, кто убегает, их уже встречают с документами, на машинах, и увозят. Этих уже не достать.
- *Как с документами?*
- Да, сейчас и паспорт и военник — все сделать можно, были бы деньги.
- Ну, а такую глупость, как бежать перед дембелем, — вообще не понимаю.
- А помнишь того-то, которому неделю дослужить осталось? Но тот на игле сидел. В Новосибирске поймали.
- Этот вроде бы не наркот, но у него тоже, по-моему, «не все дома». Его же к нам с Сахалина перевели, он, говорят, и там бегал.
- *Там-то куда, по кругу, что ли?*
- Сейчас добегаются. Жаль, что ребятам теперь не спать, пока не поймают.
- Тут один «перец» был, на Четвертой, не хотел служить, побежал с полным боекомплектом. Думал, что сюда бежит, оказалось — в Монголию. Его выловили сразу. И дали-то всего пять суток «губы». А потом его командир забрал на работы. Он вернулся и не доложил. Так ему семь суток дали. Но он день отсидел и вышел. Папа в Барнауле полковник, начальник милиции. Позвонит — и решит все проблемы.

06.06.1999

Машину обещали на 06 часов утра, поэтому следовало встать в 05, что мы и сделали. На улице лил дождь. Пересекая плац в своих велосипедных плащах наркотических расцветок, мы удивили сонного дневального.

На КПП встретили нужный нам «Урал». Водитель — эксцентричный парень из вольнонаёмного состава, а старший машины — наш знакомый прапорщик. Быстро залезли в кунг и стали раскладывать вещи. Признаться, это было не просто. Все внутреннее пространство занимала свалка предметов разного качества — от Маринованной свек-

лы до кислородного баллона. Порядком своего расположения в пространстве груз воплощал торжество энтропии.

Мы разгребли себе более-менее приемлемые для сидения ящики и устроились на них, поближе к окнам. Кроме нас, в машине оказались два солдата и вольнонаемный рабочий. Одного из солдат переводят служить в Кош-Агач, другого — в «ссылку»: за какую-то провинность его сослали, как здесь говорят, «на Колыму», т. е. на Первую заставу. Это сугубо местная мера наказания, т. к. на этой заставе с ноября прошлого года стал командиром некий суперуставной старлей, от служебного рвения которого офицеры и прапорщики перешли на другие заставы, а солдат, типа нашего попутчика, сюда отправляют на перевоспитание.

Наш попутчик явно «дедует», т. е. демонстрирует агрессию непрерывно и безадресно. Судя по тому, как тщательно подстрижен его редкий пух под носом, он «выращивает» усы, имеет все «положенные по сроку службы атрибуты», его детское лицо время от времени коречат зловещие гримасы. Недавно он выучился играть на гитаре, чтобы петь «дембельские песни». Не успели мы отъехать, как он попросил у меня гитару:

— А на гитаре можно поиграть?

— Да, конечно, — ответил я, обрадовавшись возможности послушать что он поет.

Он ее неуверенно взял и стал тихонько воспроизводить заученные аккорды и петь. Ревел мотор, кунг трясло, и слов его песни было практически не разобрать. Было понятно, что его музой движет не Аполлон, но Арес. Чтобы разобрать слова, пришлось придвинуться к нему почти вплотную: *«Все равно получишь пулю в свой железный лоб / Все равно тебя дождет твой солдатский гроб»*. Было заметно, что он таким образом пытается скрыть инфантильные комплексы и просто страх — ему очень страшно ехать на Первую заставу.

В Кош-Агаче отвезли одного солдата на резервную заставу. Обреченный на «ссылку» дембель слезно молил прапорщика оставить здесь, на что тот резонно отвечал:

— Ты пойми, мне все равно, но тебя же туда командир отряда направил, полковник. Мне ли пересматривать его решение? Он мне скажет, ты что, прапорщик, ох...л? И будет прав.

Здесь к нам подсади еще несколько рабочих, направляющихся на дальние заставы в командировку — ремонтировать дизеля. Возник коллектив. У коллектива возникла идея. Идея вызвала ажио-

таж. И через пару минут машина с каким-то особенным скрипом тормозов застыла возле магазина, и в кунг торжественно внесли ящик водки.

Выехала за пределы Кош-Агача, машина взяла курс Зюйд-Зюйд-Вест и полным ходом устремилась к горному хребту, от которого начинается путь на плато Укок. Это были волнующие минуты.

Все пассажиры пребывали в приподнято-возбужденном состоянии и оживленно говорили про какой-то «пьяный камень» — место, где все, следующие этой дорогой, традиционно останавливаются и выпивают.

Вот и Пьяный Камень. Судя по обилию пустых, разбросанных вокруг бутылок, место, действительно, популярное.

Возлияние развязало языки. Прошло напряжение. В этом дорожном ритуале был определенный смысл и с точки зрения традиционной этики. Не случайно водитель, поймав мой взгляд, пояснил: «По этой дороге трезвым не доехать».

Ситуация неформального общения была весьма познавательна с точки зрения местных доминантных нравов. Наш дембель за этим «столом» оказался самым младшим. Будучи дембелем воспитанным, он, сориентировавшись в ситуации, занял подчиненную позицию, что поспешил всем продемонстрировать. Возникла необходимость помыть стакан и водитель восклицает:

— Эх, кто бы сходил, стакан помыть!

На что дембель моментально отреагировал:

— Я пойду.

— И я даже не буду показывать пальцем.

Общий смешок прокатился с рефреном:

— Дембель в опасности.

Солдатик, явно смущенный, вернулся с чистым стаканом, и его все принялись «утешать»:

— Ты не смущайся, дедовщину еще никто не отменял. Ешь лучше печенье.

— Считаю, что это твое последнее в жизни печенье.

— На «Первую» приедешь, и начальник тебе сразу «гайки» завернет, по самые гланды. Только ты свой «вшивник» снять не забудь [имеется ввиду «олимпийка», поддетая под китель, — К.Б.], а не то сгноит.

— Ты к нему подходи вот так, — с этими словами Женька развернул на голове дембеля кепку на 90 градусов, — подходи и говори ему: «Что, чувак, ты сколько служишь?».

Взрыв хохота. Дембель смущенно улыбается. Мужики стали собираться, а мы из кунга перебрались на запасное колесо за кабиной, чтобы быть поближе к природе.

Проехали три моста, потом Тархатинский перевал с красивым обо.¹ Останавливались через каждые 25–30 км, выпивали и закусывали. Впрочем, дорога была без приключений. Водитель гнал, что было в его «Урале» дури, и мы со своего колеса искренне сочувствовали всем сидящим в кунге; на кочках пассажиров кидало, и они бились головами о стенку кунга. На полном ходу машина влетала в ручьи и лужи, и нас периодически окатывала волна воды, переклестывающая через кабину. Благо на ветру одежда высыхала, не успевая промокнуть.

Вот уже пошли совсем знакомые места. Подъезжаем к Калгутинскому перевалу, делаем остановку, чтобы искупаться в радоновом источнике, и едем дальше.

Калгуты — перевал серьезный. Слева над головой висят гигантские камни осыпи, справа под колесами — те же камни, уходящие вниз на семьсот—восемьсот метров, впереди открывается потрясающий вид на священные вершины Центральной Азии, снежные пики хребта Южный Алтай.

С недавних пор здесь отсыпали сносную дорогу, и более того, теперь перевал проходим даже зимой: вертолеты для армии в условиях экономического кризиса прекратили свое существование, поэтому здесь дежурят два трактора — чистят дорогу.

Еще несколько часов — и мы на Укоке. Машина идет напрямиком на заставу, а мы сошли, не доезжая семи километров, и встали на месте нашего старого археологического лагеря.

07.08.1999

<...> На заставу мы пришли в 19 часов. Подходим к воротам. На воротах стоит часовой. Докладывает по уставу как положено, прикладывая руку к голове. Потом он берет наши документы и с ними убегает к начальнику, потом возвращается, отдает документы и проводит нас в кабинет начальника заставы.

Начальник — молодой человек лет 25, с суровым мужественным взглядом, сформировавшимся в результате долгих упражнений. Голосом, исполненным должностной строгости, коротко прервал наши прощальные приветствия:

¹ Обо — культовое сооружение у народов Центральной Азии.

— Так, давайте сразу по порядку. Кто вы, откуда, цели приезда, план работы, документы и пропуска в погранзону.

Такая надутая строгость нас развеселила.

— *Цели у нас многоплановые. Во-первых, провести наблюдение за процессом дернования раскопанных курганов. (Как это я завернул!) Во-вторых, собрать и обработать материал для написания научно-популярной статьи по социально-антропологической ситуации на вашей заставе. В-третьих, провести культурно-массовое мероприятие с личным составом. Вот наши документы, а что касается пропусков в погранзону — все вопросы к заместителю командира по воспитательной работе.*

Начальник снимает трубку и приказывает связисту:

— Свяжись с отрядом, узнай, имеют ли эти двое разрешение работать на моем участке. — И уже нам. — Сейчас разберемся, что с вами делать. Может быть, вас придется арестовать.

Потом начальник погрузился в изучение наших паспортов, которые принялся читать от корки до корки. Далее, следуя какой-то несвежей инструкции и по умолчанию подозревая в нас шпионов, принялся задавать каверзные вопросы.

— Вот у Вас штамп стоит о получении загранпаспорта. Вы были за границей?

— *Был.*

— С какой целью?

— *С разными. Смотря где.*

— Что значит, где?

— *«Заграница» состоит из разных мест. Посещение разных мест в разное время преследует разные цели. <...>*

— А-а-а...

И снова срывает трубку и резко спрашивает:

— Ну, что, дозвонился?

— ...

— Вот так всегда! Это начальство! Не выписывает пропуска, и выводы никакие не делает.

— *Относительно чего?*

— Вот, например, два француза тут на велосипедах недавно из Монголии проехали... Едут такие! А никто и не пошевелился, чтоб их задержать. Только потом спохватились и задержали.

— *У них не было виз?*

— Да, все было.

— *В чем же проблема?*

— Не порядок. Кто их знает. Вот вы у меня сидите. Проверить надо. Вдруг вас следует арестовать. У меня и наручники есть.

И снова в трубку:

— Ну, как?..

— ...

— Бардак! Чаю хотите?

— *Не откажемся.*

— Дневальный! Чаю на троих! ...А карты у вас есть? Топографические?

— *Нет.*

— То есть как это «нет»? Все с картами приезжают...

— *Нам карта ни к чему, мы и так здесь все знаем.*

Через минуту в кабинет входит пацан, совсем молодой на вид. В этом году закончил училище.

— Это наш замполит. Андрей Викторович.

— *Очень приятно.*

— Не могли бы вы пересесть?

Я пересел, Андрей Викторович сел на это место и принялся молча что-то чертить. Начальник продолжал начальствовать.

— А это вот какие-то антропологи. Сейчас в отряде выясняем, что с ними делать, отпустить, или арестовать.

Замполит в присутствии командира скромно молчал и разговаривал только, когда тот вышел.

Ответ на звонок из Акташа мы прождали часа полтора. Потом начальник вернулся заметно повеселевшим.

— Так, все нормально, приказано оказывать вам всяческое содействие.

— *Ничуть в этом не сомневался.*

Вечером я выступал перед свободными от нарядов солдатами. И лекция, и концерт прошли хорошо, но аудитория была совершенно «замороженная», самая «зажатая» из всех, которые мы посетили.

После концерта мы сходили в баню. Спать нас определили прямо в расположении. Я имел счастливую возможность понаблюдать ночную жизнь этого «уставного» подразделения.

Через несколько минут после отбоя пришел дневальный и заорал, обращаясь сразу ко всем:

— Ну-ка, подняли свои старые жопы и пошли строиться!

Народ нехотя стал подниматься с постелей, одеваться и выходить в коридор. Там командир раздавал им последние ценные указания. Их у него было так много, что светового дня не хватило. Впрочем, все очень знакомо. <...> Через полчаса он снова явился, на сей раз, чтобы

проверить «правильность намотки портянок на сапоги».¹ Наконец, бойцы «отбились». Наступило время ночной жизни.

Подразделение ложится в кровати, но еще долго никто не будет спать. Слышишь стандартную переключку:

- Духи-и-и-и!
- Мы-ы-ы-ы!
- Спокойной ночи!
- Спокойной службы!

Далее кто-то авторитетный командует:

- Ну, давай.

И казарменный шут начинает в сотый раз пересказывать тексты одного из юмористов, типа Петросьяна. Все смеются и поправляют, когда рассказчик пугает слова. Рассказчик осознает ответственность и рассказывает, наигранно кривляясь, пытаясь сделать старую шутку еще более смешной. После каждого рассказа снова повторяется:

- Духи-и-и-и!
- Мы-ы-ы-ы!
- Спокойной ночи!

<...>

08.08.1999

<...>

09.08.1999

<...> Гуляя по долине, мы наткнулись на раскопанный курган. Это был явный грабеж, однако еще в 1996 году он был цел. С целью что-нибудь про это узнать, отправились на заставу.

Начальник нам сообщил только то, что его сюда перевели в ноябре, и что на Ак-Алахе не осталось никого из тех, кто служил здесь прошлым летом.

- Идите на Аргамжи, там замполит здесь служил тогда, может, скажет что-нибудь.
- *Когда машина пойдет?*
- Ну, это не скоро. Сегодня она не пойдет, и завтра тоже не пойдет. Так что не знаю.

¹ По уставу портянку на ночь должно наматывать на голенище, для просушки. Но те, кому «положено», предпочитают ходить в носках. Проверка портянок — одна из форм отношений «начальник—подчиненный».

- *А колонна?*
- Она с Аргамжи вчера ушла.
- *Ну, тогда нам лучше идти пешком.*
- Счастливо. Приятно было пообщаться.

Обратно мы шли молча, обдумывая перспективу нашего возвращения. Она была туманной. <...>

Когда мы вышли на дорогу, время было 15.40. Я рассчитывал сегодня до заката выйти в поле видимости заставы. Тогда был бы шанс дойти в темноте, ориентируясь на ее огни.

Для этого нужно было до десяти вечера идти в максимально быстром темпе. Соответственно, было не до разговоров. Тем более что всегда не до разговоров, когда покидаешь это плато.

Первый привал был через час. Это было на том небольшом перевале, за которым кончается наша долина. Начиналось мое любимое время, когда солнце клонится к закату и в его косых лучах проявляется весь рельеф. Я несколько раз оглядывался, чувствуя, что кто-то смотрит мне вслед. Мне вслед смотрели холмы.

После длинного спуска оказались в заболоченной долине многих рек и ручьев, стекающих с ледников Тобо Богды-Ула. Приходилось множество раз разуваться для брода. В результате я стер себе ноги: в носки попал песок. Останавливаться было поздно, тем более что начинало темнеть, а заставы все не было и на горизонте. Стратеги ее расположили в распадке так, что ни ее нам, ни нас часовому не было видно до момента непосредственного приближения. В бинокль разглядели строения на другом крае долины: на зимник не похоже, но и вышки тоже не видно. Решили, на всякий случай долину пересечь в этом направлении. Однако солнце уже село, и начало быстро темнеть. Не дошли всего около пяти километров, отмахав за день в целом почти пятьдесят. <...>

10.08.1999

Сегодня мы проснулись в приподнятом настроении. Волки нас ночью не сожрали, и это повод для веселья.

Застава оказалась за ближайшим отрогом. Перед ней расстиралось (точнее, разливалось) болото. Ноги промокли настолько, что разуваться при переходе рек уже не имело смысла.

Перед воротами нам навстречу вышел дежурный:

- Здравствуйте, это вы с Ак-Алахи?
- *А вам позвонили?*

- Позвонили. Я вас провожу в дом. Отдохнете, пока начальник придет. Его сейчас нет.
- *Спасибо.*

Дом для гостей был совершенно чудесный, теплый, и к тому же, с печкой. Тем более, что погода заметно портилась. Я почувствовал, что дальше нам идти незачем, по крайней мере, до того, как выяснится, что машин уже не будет никогда. У нас есть некоторый запас времени, чтобы подождать. Вдруг транспорт все-таки будет. Солдаты принесли нам дров, повар — масло, хлеб и чай. Повисли над печкой наши мокрые вещички, старшина завел дизель-генератор, заиграла музыка, и на своих потертых «кleshнях» мы медленно уходили в нирвану.

Пообщались со старшиной, потом пришел уже знакомый нам начальник. Поговорили о дальнейших планах. Планы дальше сегодняшнего вечера не заходили, но и этого было достаточно. На полдвятого было назначено выступление, а пока можно пить чай, писать записки и валяться.

Около полуночи к нам пришли солдаты и сверхсрочники поболтать. «Поболтать» в таких случаях — значит высказаться незнакомым людям, так сказать, вылить душу.

- У нас многие пацаны хотели поехать в Косово добровольцами, даже рапорта написали, но их не взяли.
- *А ты знаешь, что там был жесточайший отбор, и у «пацанов» просто шансов не оставалось туда попасть. Из всех «добровольцев» Российской Федерации взяли примерно 100–150 человек.*
- Это кто? Десантура, наверно?
- *Нет, ты что! Ни один кадровый военный туда не попал. В основном это бывшие военные, кто прошел Афган и Чечню.*
- Я тоже, как все, сначала хотел, а потом подумал, что все в основном друг перед другом хорохорятся, а каждый все-таки о родителях думал. У каждого мать, отец есть. И вообще, разобраться, что нам в этом Косово делать?
- *Действительно. А в Чечню вы просились?*
- Да, конечно. Притом многие поехали. Но я не стал туда проситься.
- *А поехали кто? И почему?*
- Ну, как сказать. Нормальные ребята. Я и сам вот думал. Война в Чечне, с одной стороны, неправильно, а с другой, ее же нельзя было отпускать?
- Видишь ли, мы вот служим в погранвойсках, так?
- *Ну, вижу.*

- За два года срочной службы я, например, стрелял всего два раза. А в остальное время занимался, чем попало, только не военной службой. Строил какие-то бараки, ремонтировал чьи-то квартиры, маршировал по плацу, красил тумбочки. А оружия, как такового, и не видели. Говорю, стреляли из автоматов всего два раза, зато чистили их бесконечно. Это разве солдаты. Да на весь отряд всего один-два пристреленных автомата. Из остальных просто попасть в цель невозможно. Ну, какие же мы солдаты? Что это за армия! А тут как раз Чечня началась. И ребята поехали просто потому, что серьёзным, военным делом хотели заниматься, пострелять опять же. Да и просто, интересно.
- *Понятно. Пострелять в людей — интересно.*
- Да не в людей, а во врагов.
- *Враги — не люди?*
- Тогда никто об этом не думал.
- <...>

11.08.1999

Заметно похолодало. Здесь это даже и не осень, а преддверие зимы. На горы лег снег и уходить оттуда не собирается. Воздух пах морозом.

Весь день я продолжал сушить обувь, потом ее зашивал, и занимался мелким ремонтом одежды. Когда заводили дизель — работал, когда отключали — спал.

Сегодня старшина рассказывал нам свои истории.

- У меня как-то полторы тонны бензина недостача была. Не знаю, куда делся. Вытек, наверное. Я его постепенно списал. А вот на Ак-Алахе та же история сейчас повторяется. Недостача у них. Так командир у них уставной, поэтому рапорт написал. Видно, денег много.
- *А что, платить заставляют?*
- Да, в тройном размере. Старшина — само собой, и командир еще. Что-то вроде штрафа.
- *Да, сложная у вас работа.*
- Да, тут крутиться не будешь, — так залетишь. Вот прошлой зимой приезжает наш один зампотылу. Говорит: «Давай проедем по стойбищам, купим мяса для части. Я для пастухов деньги передам первой же машиной». Мы и поехали. Я, как местный, договаривался со всеми. Пастухи, конечно, рады были мясо продать. Купили всего триста килограмм. В долг, разумеется. Потом этот полковник уехал, мясо увез, и про долг забыл. Я ему с каждым

сеансом связи напоминал. В ответ — молчание. Тут апрель подходит, пастухам спускаться надо, они ко мне: «Где деньги?». А я же им не буду объяснять, что это полковник мясо покупал. С людьми я же договаривался, не он. Пришлось свои отдавать. Снова в часть звоню, и снова нет ответа. Тут как раз из округа генерал приехал с проверкой. «Жалобы, предложения есть?» — спрашивает. «Есть», — говорю. И рассказываю ему, как дело было. Хорошо, что копии актов сохранил. Он все записал, уехал. Деньги мне вернули с первой же машиной.

12.08.1999

Наконец, мы пришли в себя, и нам сразу же надоело спать. Сегодня мы решили прогуляться в ближайшие горы. <...> Вернулись часа через четыре. Навстречу нам попалась группа воинов, направляющихся охранять государственную границу. За ними ехал на коне начальник заставы. Есть такая народная примета: если начальник заставы уходит охранять границу, то это значит, что на эту заставу едет большое начальство.

По прибытию на заставу, увидели во дворе перед столовой «Урал» нашего Женьки. Что-то они так резко смотались с Ак-Алахи. Точно, с колонной едет кто-то с большими звездами.

— *Здорово, Женька! Вы, никак, домой собрались?*

— Привет. Да, пора. Здесь дизеля в порядке, делать нечего. А потом ты слышал? С колонной сам Новиков едет.

— *Ах, вот оно что, а ты говоришь, дизеля.*

— И дизеля тоже. Нормальные дизеля, чего нам тут сидеть.

— *А когда выезжаем?*

— Завтра в пять утра, чтобы с колонной не встретиться.

— *У вас тут еще есть работа?*

— Говорю тебе, все сделали.

— *Тогда поехали сейчас, что ждать?*

— Я прапору то же самое говорю, а он — что нам, дескать, скажут? Вы на Ак-Алахе неделю дизеля делали, а тут два часа? Не хочет, в общем.

В общем, чует мое сердце, они дождутся, что никуда не уедут. Так что это большая, но маловероятная удача — выехать завтра утром.

Сегодня ко мне подошел некий дембель и вдруг стал показывать свой дембельский блокнот. Это был вариант «дембельского альбома» для бедных, лишенных канцелярского изобилия, пограничников, однако он был выполнен с учетом всех основных канонов. Более того,

с психологической точки зрения он более интересен, поскольку менее подчинен шаблону. Например, интересно само чередование его структурных блоков, в которых в зависимости от настроения повторяются те или иные, уже записанные словоформы.

В тот же вечер, пожилой казах, работающий по контракту дизелистом, рассказывал о своих похождениях на срочной службе, и уже в настоящее время. Все началось с разговоров про дизеля.

- Вот почему на Ак-Алахе пять дизелей не работают, а я одним обхожусь? — Рассуждает присутствовавший за разговором старшина. — Потому, что там дизелист дизель завел — пошел телевизор смотреть, заглушил — спать лег. А у меня — заглушил, и я его гоняю, — иди обслуживай. Обслужил? Протирай! Протер? Снова протирай! Да он и сам дизелист толковый.
- А вот на «Пятой» там два, и оба бестолковых. Городские потому что. Я приехал как-то проверять, говорю: «Ты — за водой, а ты — сюда!». Они выделываться начали. За водой он минут десять ходил. Я ему пинка зарядил, так потом он за три бегать стал, а второму так дал, что тот аж через дизель перелетел. Вся их городская благодать мигом слетела. А на срочной службе у меня тоже такой был, городской. Взял он у какого-то пацана сигареты забрал. Я к нему в курилку захожу, он курит, сидит. Я молча ему сапогом в лицо пнул, — он два передних зуба вместе с сигаретой проглотил. Нас потом старшина обоих послал очко драить ночью. Я туда раньше него захожу, и сразу шваброй ему по башке. Потом дверь на очко закрываю, и говорю: «Вот, я здесь буду стоять, а ты — упал на очко. Я за тебя его драить не буду». И уже потом, когда с него эта городская благодать спала, я с ним нормально говорил. Дескать, ты все понял? А еще как-то на «Третьей» я был, по делам каким-то, не помню. Там офицеры выпивали. С ними был там еще один особист. Он на меня что-то начал катить. Так я его на х... послал. Так ему и сказал: «Во-первых, товарищ майор, вы мне не начальник, ваше время КГБэшное давно кончилось; Во-вторых» — «Что во-вторых?» — «Во-вторых, пошел на х...». Так он на меня прыгать давай. А со мной нож, и я сначала хотел его запороть. И запорол бы. И ничего бы мне не было бы. А что? На меня прыгает пьяный особист, а я маленький, больной и кашляю.
- Так что же не запорол?
- А я ему сперва меж глаз так заехал, он и прыгать перестал. А раз перестал, то зачем же человека ножом пороть, если по-человечески можно?

13.08.1999

Среди ночи я проснулся от жары. Мужики натопили печь, забыв, что они работают пока все-таки не в аду. Около восьми утра на горизонте появились «Уралы». <...> Полковника я отыскал в канцелярии. Он мне сказал, что нам придется здесь задержаться еще дней на десять, из-за отсутствия транспорта. Но, полагая, что где десять — там все двадцать, мы решили уходить пешком. До первых населенных пунктов около двухста километров. Если не встретим попутку — это не менее пяти дней пути. Старшина дал нам на дорогу продуктов, за что ему отдельное спасибо, т. к. наши запасы давно иссякли. Мы попрощались и пошли. <...>

1.2. ИЗ АРМЕЙСКОГО ДНЕВНИКА И. А. КЛИМОВА

Призывной пункт, дорога в армию, первые дни службы. Москва—Самарканд, 1989 г.

13.12.88

Утром ко мне пришел отец, и в семь часов мы все вышли из дому. Все было как будто я ехал куда-то за город, но было грустно. На сборочный пункт ехали в автобусе, переполненном призывниками и провожающими. В Д/к «Восход» уже собрались такие же обреченные, как и я. Нас поочередно вызывали на сцену, где за столом сидели три человека, и мы говорили номер команды. Призывники смеялись, кричали, приветствовали друг друга. Я тоже увидел нескольких знакомых хлопцев: Володьку Беляева, Мишку Белкова, Вадима.

Потом нас провели куда-то за сцену в танцкласс. Мы разделись до пояса для «медосмотра». Старик-доктор, заложив руки за спину, обошел строй, спрашивал о самочувствии и о том, как провел ночь. В зале нам дали время сходить в туалет и покурить. И пригрозили, чтобы мы не вскакивали с мест, когда будут пускать провожающих.

Толпа провожающих усаживалась минут 20, и напрасно военком с рупором старался утихомирить ее. Она, действительно, была неуправляема, вернее, все мы, и когда стали выдавать военные билеты, каждого призывника встречал гром аплодисментов, туш на гитарах и баяне.

Хорошего прощания тоже не получилось. Мне было не удобно перед ребятами, что я не устроил проводы. Грустно как-то было. Ноюще. Скоро нас загнали в автобусы и повезли. Я быстро по-

терял в толпе Антоху, Сашку, Леху, отца, маму. Стало еще тоскливей. В автобусе все галдели, грызли семечки, пили газировку и пиво на опохмелку. На Новослободской все вояки вышли и начали курить. Я заснул, а когда нас привезли, и я открыл глаза, весь салон был полон дыма.

На ГСП нас завели в «зал встречи призывников» — квадратную комнату с тумбами, куда мы сбросили рюкзаки, думая, что сейчас, сейчас будут шмонать. Но какой-то лейтенант лишь всером просмотрел наши военные билеты, не вчитываясь в то, что там написано, и нас проводили, вернее, послали, на флюорографию.

Комнатушка для раздевания жутко маленькая, народу толпы: одеваются, раздеваются, становятся в очередь на запись и т. д. Тем более было странно увидеть парня с овчаркой. Овчарка молодая, и она испуганно крутила головой во все стороны, а хозяин пытался ее успокоить. Какие-то курсанты пытались всех как-то организовать, но ничего, естественно, не получилось. Тут выбежала врачиха и стала кричать на всех подряд. Бедная женщина! Я ее понимаю. Работать в такой конторе! Шум, гам. Одной рукой она меняет снимки, другой нажимает на массу кнопок. А тут эта овчарочка стала скулить, хозяина звать. Оказывается, что парнишка тот из моего района. Он добился разрешения идти в армию со своей собакой. Не знаю, как ему это удалось, но повезло ему: хоть одна живая душа! Продравшись из кабинета флюорографии, взвалив свой рюкзак на спину (постаралась, дорогая мама), я добрал до зала ожидания. Медкомиссия. Причем все гражданские кричали мне в один голос: «Скорей, скорей! Чего вы, б..., копаетесь!». А как пришли туда, так мы целый час ждали вызова. Да и сама «медкомиссия» была хороша: всего два врача, которые хоть делали вид занятости. Другие же шатались из отсека в отсек и трепались. Пока мы ждали, один парень (небольшого росточка, гибкий, в военном френче, в темных очках) стал наигрывать на откуда-то взявшейся гитаре. Ментально появился прапор и как начал сотрясать стекла матом, что тот белокурый пацан лишь рот раскрыл.

Прапорщик не производил впечатления полноценного человека. Он был немного сутул, коренаст, коротко остриженные волосы открывали узкий лоб, который подчеркивался тоненькими прямыми бровями. Эти брови и узкие прищуренные глаза создавали образ ослабевшего, оприбалтившегося монгола. Ходил он быстро, наклонившись всем туловищем вперед и вытянув вперед голову. Прапор жутко походили на какого-то питекантропа в военной форме.

— Здесь тебе, п...рас, не концерт, ты, б..., не развлекаться приехал — и далее, в таком духе. Парень очухался.

— Пошел ты..., — хотел было прибавить чего покрепче, — ...козел.

Что было дальше, жутко вспомнить. Кончилось тем, что прапор увел этого гитариста и всучил ему ведро с тряпкой пол мыть.

Скука была смертная. Большинство спало. Парень из Ленинградского района Семенычев так долго, видно, сидел здесь, что его не могли никак добудиться. Ночь проводов! Минут через пять растолкали только. Он еще минуты две отходил ото сна. После медкомиссии меня сопроводили в комнату, где собирались все призывники 194-й команды. Я сел за стол к усталому лейтенанту на собеседование.

— Климов. Иван Александрович, — представился я. — Как Хлестакова.

— Как кого? — спросил он.

— Как Хлестакова.

Лейтенант вдруг улыбнулся и как-то оживился. Мы немного поговорили. Вернее, он задавал вопросы, а я отвечал.

Лейтенант опять стал грустным и усталым. Так вот, каждый проходящий подходил к нему и записывался.

Комната, в которой мы сидели, была размером с обычный класс школы. Да и ГСП был раньше школой. Только сейчас вместо парт стояли топчаны, лежаки, как на пляже, покрытые защитным полотном. Их было штук двадцать. К вечеру нас набралось 69 человек. Это была жуткая пытка! Окна не открывались, хотелось пить, а в буфет или в туалет, или выйти на улицу покурить можно было только отделением. Да и воду в буфете продавали плохую. Эрзац. Время от времени все принимались есть от нечего делать. Еды было множество. Что ты поделаешь с любимыми родителями. Нас сводили на обед. Мы были очень разочарованы едой, но съели.

Потом два раза нас водили на фильмы. Но показывали жуткую хрень. Народу битком в зале. Я искал Володьку Беляева — одноклассника по УПК, а потом мы с ним сбежали из зала на улицу.

Мы стояли, он курил. Разговаривали об очень волнующей теме: отпустят ли нас на ночь домой, как отпускали других, или нет? Голова болит от духоты, и было грустно расставаться с Володькой. Мы обменялись адресами. Я как чувствовал, что видимся в последний раз. После ужина их команду отпустили домой, а нас оставили, сказав, что завтра в 11 уезжаем. Куда вот только?

Об этом ходило множество загадок. Кто говорил в Воронеж, кто — в Симферополь, еще куда-то. Но все соглашались, что в учебку. Я позвонил домой, поговорил с матерью. Не знаю, успокоил ли ее, но самому стало тоскливо-тоскливо. <...> Здесь я познакомился с высоким парнем — Димой Вороненковым. Он чем-то напоминал мне Тошку Бодыгина, внука Тимофеича.

Нашу команду распределили по двум комнатам, наконец-то, и мы легли рядом с Димкой. Ночью, вернее, до тех пор, пока не заснули, разговаривали. Оказалось, что у Митрича очень интересная родословная, решил потом расспросить его подробнее.

14.12.88

Разбудили нас в 06.00, но мы еще лежали минут пятнадцать, пока не дали команду строиться на завтрак. В столовой нас очень расстроила пшенная каша. Она была жутко соленая и густо нашпигованная луком. По-моему, ее никто не стал есть. Ели свои запасы.

После завтрака нас вывели (наконец-то!) из этого осточертевшего здания и повели по двору. Я смог получше рассмотреть здание. Это была типовая школа. Довольно большой двор с какими-то бараками, у которых стояли автобусы. Вокруг — двухметровая или более бетонная глухая стена. С одной, вплотную подходит грузовая ж/д, с другой — нормальная жизнь, люди ходят, трамваи ездят. И вокруг стены патрулируют менты. Вокруг здания с плакатов рвется чернуха, типа: из сугробов снега, через пробитую дорожку шагает, протянув руку, вождь, позеленевший сверху.

И вот нас, полных радости свободы (так нам надоел этот ГСП) и уже представляющих путь-дорогу, запихнули в длинный-длинный барак, где скоро нас уже набралось человек триста. Мы сидели плечом к плечу на уже знакомых топчанах. Вот идиотизм! В бараке душно, а около окна, где я и Димыч сидели, было холодно, сквозило. Хотелось спать, и мы заснули. Скрючившись, кое-как закрывшись от сквозняка, мы ждали, ждали, ждали, ждали. Кто-то в одном углу играл на гитаре, в другом — тоже, пицал телевизор, где-то играли в карты и громко обсуждали это факт. Скулила собака. Вот бедняга! Всю ночь в душной коробке!

Но вот ббольшую часть куда-то увели, не то в кино, не то на работу, на улицу. Мы не поняли, развалились на койках и хотели было заснуть, но тут приперся какой-то ветеран-лектор в сопровождении капитана. Капитан долго пытался заставить нас сесть, но, в конце концов, старик-лектор стал спиной к лежащей части барака и

на том конце вскоре вспыхнула «драка», ведь этот старикан порол жуткую туфту о гении Блюхера и Ворошилова, о солдатском долге и т. д. Ну, его и стали долбить. Мы спали.

Конечно же, в 11.00 мы никуда не уехали. Только через полчаса нас вывели к автобусу, еще полчаса мы делали переключку и ждали, долго ждали сухой паек. Мы проклинали всех и все, армию, офицеров, что не отпустили домой, и уже были готовы идти обратно в ГСП. Но, наконец, мы залезли в автобус «Икарус» и поехали. Курили, смотрели последний раз на Москву. Водитель включил музыку, и все под нее тащились. Я глядел в окно. Было грустно. Димыч тоже переживал. У него какие-то нелады с его невестой были на проводах, а из ГСП он не дозвонился ей. Мы не знали этого района и уже не ощущали, что это Москва. Но вдруг я увидел указатель: «ул. Профсоюзная», и так захотелось на работу в подвальчик! Через полтора часа мы приехали во «Внуково» и минут тридцать мерзли в автобусе, пока капитан не соизволил отдать приказ открыть двери. Мы разбрелись по вокзалу, чего-то покупали на выданные 3.75 руб., потом еще 20 минут стояли перед входом. Мгновенно прошли спецконтроль и еще 40 минут ждали самолета. Лишь здесь мы узнали, что летим в Самарканд. Но мне было уже без разницы куда, лишь бы побыстрее. Но еще час провели в самолете, за окном уже стало темно. Я плюнул на все и стал устраиваться спать. Как только взлетели, заснул. Летели мы 3.5 часа. Нас за это время даже покормили холодным ужином. Лучшим в нем были моченые яблоки.

Сели в Самарканде и сразу попали под дождь; здесь +6 С°. Нас построили, посадили в машину и повезли. Мы чего-то пели, старались себя подбодрить, сговорились держаться друг за дружку и кричать «Москва», если будет худо. Въезжая в часть, пели «я московский озорной гуляка».

Нас выгрузили и повели одеваться. Странное дело, как только ребята одевали «хэбэ», сразу они как-то серьезнели, становились более подтянутыми.

Прапорщик, смерив меня взглядом, сразу же определил размер белья и выдал мне форму. Порывшись, достал и мешок для одежды — отправлять. Потом выгнал обратно на улицу. Там уже шел дождь (опять!) и все прятались под малюсенький козырек склада. Выдали вещмешки и шинели, ремни и портянки. Потом скомандовали выбрасывать жратву, и все стали бросать консервы у столба. Громадная куча! По-моему, командиры сами не знали, что делать с этим, и скомандовали взять, ведь на довольствие нас еще не поставили, а

чтобы поставить — надо сдать те 3.75 руб. В общем, путаница!.. Потом вдруг стали складывать еду в три рюкзака, но я кое-что успел утащить. Это длилось до трех часов ночи. Еще час мы мылись в бане.

Привели куда-то в роту, разложили по пустым койкам. Я, Димыч и Мишка перекусили — съели колбасу. Уснули быстро.

15.12.88

В шесть встали. Вышли толпой на плац и смотрели, как все делали зарядку. В стороне играл оркестр. Завтракать не повели, рассадили на лавке под деревьями. Рассвело. Встало солнце, но как-то очень низко. Было прохладно. Но я был в восторге от городка. Трехэтажные белые казармы, не бараки, а довольно симпатичные домики. Везде чисто, ни листочка, зеленые кусты и желтые полуоблетевшие клены, на которых сидело огромное число ворон. Напуганные беготней, они так кричали, что сержантские луженые голоса пропадали в этом гаме. Было свежо, воздух приятный, запах юга.

Нам начали выдавать прочие вещи: погоны, петлицы, полотенца, ну и прочие причиндалы. Делать было нечего, и я стал писать письмо матери. Тут позвали, наконец-то, завтракать. Но есть дали почему-то мало. Впрочем, это меня не очень тогда огорчило.

Тут москвичей распределили в две роты: 11-ю и 2-ю. Я, Миха, и Дима оказались в одной. Нас отвел в другую казарму и усадил в «ленинской» комнате молоденький симпатичный сержантик, такой невысокий, с утонченными чертами лица, улыбчивый и юморной. Потом я узнал, что это сержант Сафронов. Он со второго курса МИМО.

<...> Дрожали от холода и ругали армию на чем свет стоит. Димыч нервно курил. Еще более разочаровал нас завтрак — пшенная каша без ничего. Полпововника. Холодный чай.

Сразу после завтрака — построение на плацу для развода по ротам. Я и двое пацанов «достались» старшему сержанту Юсупову. Приказал нам ждать его в бытовой комнате, он скомандовал «бего-о-оммм арш!», и мы ждали его полчаса. За это время я попытался познакомиться с двумя ребятами. Один из них из Баку — азербайджанец. Его фамилия показалась мне странной еще на поверке — Иванов Арсен. А оказалось, его зовут Иданов, но все его зовут по-другому. Он оказался очень симпатичным парнем. Арсен — кабардинец, поступал на истфак Кабардинского университета, но провалился.

Другой — грузин, Коба Гигаури. С ним знакомства не получилось. Он практически не понимает русского языка. Не знаю, правда ли это, или он только прикидывается.

Работали мы в каптерке, прибирались. Бардак жуткий. В пыли на полках валялись чистые портянки, офицерские рубашки, шапки, белье и т. д. Работали я и Иванов. Гигаури сначала играл на аккордеоне, потом раскачивался на стуле, и мне стоило большого труда заставить его что-нибудь сделать. Он прикидывался, что ничего не понимает: «Вэник? Что вэник? У меня колэно болит». Но то, что ему надо, он прекрасно понимает. Конечно, кто захочет работать в духоте и пыли. Но я, признаться, не ожидал такого от грузин, и моя неприязнь к азербайджанцам как-то поуменьшилась.

Мы довольно быстро все сделали, оставив матерящегося Гигаури в покое, и разлеглись на табуретках отдыхать. Мы ждали сержанта. Я довольно хорошо поспал, но все время прислушивался к шагам за дверь. Уходя из подвала, я увидел, как в другой каптерке сидело трое сержантов и ели консервы. Да, кстати, когда я убирался, наткнулся на три рюкзака наших консервов, тех, что мы выбрасывали позавчера ночью. Мне суждено было довольствоваться лишь половиной половника «фирменной» каши — пшенной с горохом и тепленьким супчиком.

После обеда назначили бригаду по уборке отсека 5-го взвода. Драил полы, а вечером грустил в Ленкомнате. Написал письмо Ольге и Юльке. Где-то Юлька танцует нынче. С кем-то. Я почти физически, другого слова нет, ощущаю недостаток хороших песен, музыки, книг. Последние два года было столько информации, что перестраиваться трудно теперь, но ломать не строить, как говорит мама, как-то обратно будет?

Вечером после поверки наши командиры очень неудачно состригли: приказали перераспределять матрасы и одеяла в соответствии с номером кровати. Опять отличились «азеры». Они ничего не меняли, валялись на кроватях и ждали, пока им все принесут. Я довольно быстро нашел свои вещи и помог Димычу найти его. Кольке-рэгбисту одеяло так и не нашли, взяли первое попавшееся. Но он (справедливая натура) отказался спорить ярлык и спал всю ночь под простыней. <...>

I.3. Разговор с начальником и замполитом заставы острова Беринга

(26.08.1999, с. Никольское, Алеутский район, Камчатской области)

— <...> Я всегда интересовался проблемами, выводящими на понимание самой природы человека, в том числе и отношениями между людьми,

которые принимают порой такие причудливые формы, как это бывает при дедовщине. Проблема неуставных отношений меня интересует именно с этой точки зрения. Бытовая агрессия среди военнослужащих срочной службы имеет совершенно другую природу, нежели чем этнические конфликты. Есть ли у вас проблемы с местным населением, или все хорошо?

- Все нормально. Никаких конфликтов. Конечно, имеют место трения. Например, по такому вопросу, как требование отмечаться у нас, если выходишь за территорию поселка. Погранзону в 1996 году ввели, поэтому многие обижаются: «Наш остров, всегда здесь жили, а теперь отмечаться!». Но те, кто по работе и промыслам часто в остров ходит, те быстро поняли и без претензий, а остальные иногда обижаются.
- *А с Медного переселили народ, в этом была стратегическая или экономическая необходимость?*
- Я думаю, стратегической необходимости в этом не было.
- *Старики все вспоминают и говорят, была бы возможность, уехали бы. Они могут туда съездить?*
- Мы козни никому не чиним. Хотят ехать — пожалуйста, оформляйте плавсредство и поезжайте. Другое дело, что сейчас это дорогое удовольствие.
- *Так что же они не переезжают?*
- А жить там негде. Поселок весь развалился.
- *В общем, с алеутами у вас нет никаких поводов для трений.*
- Более того, мы с ними уже родня. Несколько солдат остались на контракте, женились в поселке, семьями обзавелись. Конфликты бывают иногда из-за женщин.
- Но местных мы на работу не берем. Это в роте ПВО все местные, а у пограничников, я считаю, все-таки должна быть дистанция, элемент таинственности. Да и как с нами конфликтовать? У нас оружие, мы связаны с милицией, с нами выгоднее дружить или бояться.
- *А как вы относитесь к контактам русских алеутов с американскими. Не добавляет ли это вам, пограничникам, работы?*
- Нормально отношусь. Если есть виза — всегда пожалуйста. Козни мы никому не строим. А работы, да прибавляет. Мы обязаны организовать наблюдение за каждым из этих туристов. Но мы здесь для того, чтобы работать.
- *Солдат в увольнение пускаете?*
- Нет, в поселок они не ходят.

- Среди солдат много местных?
- Нет ни одного. Все — из центральной части России, с Урала, из Сибири. Один только из Петропавловска. Я считаю, это правильно.
- Как, на ваш взгляд, островное положение влияет на моральный климат в коллективе?
- Оно сплачивает. У нас совершенно нет дедовщины, но это, скорее, результат нашей воспитательной работы. В принципе, на боевых точках моральный климат среди личного состава обычно более здоровый, чем в больших частях.
- Какие методы борьбы с дедовщиной вы бы назвали, как наиболее эффективные.
- Самым эффективным, на мой взгляд, методом является открытость информации о правонарушениях. Мы регулярно доводим до военнослужащих сводку приговоров военного трибунала: кто, где, что сделал и что за это получил. Они видят, что за это бывает, и это для них не абстрактная информация, потому что описываются случаи им близкие — соседняя застава, часть, а они друг друга все знают по учебке. Так что это свои плоды дает.
- Это ваша инициатива, или распоряжение сверху?
- Директива пришла из отряда. Методический отдел этим занимается.
- Какие еще методы применяются?
- Срок отсидки на гауптвахте в срок службы не засчитывается. Это правило из положения о статусе военнослужащего. То есть если из двух лет службы год просидел на «губе», то всего будешь служить три года. Это тоже действует. Другое дело, что командиры не везде это правило соблюдают.
- Мы стараемся поддерживать воинскую дисциплину на должном уровне. Наши солдаты одно время повадились хитрить перед дембелем. Поскольку это боевая «точка» Крайнего Севера с условиями, приближенными к экстремальным, то с транспортом бывают проблемы. То есть дембель откладывается на неопределенное время, пока транспорт не придет. Некоторые осенние дембеля его больше месяца ждут. Соответственно, всеми правдами и неправдами стремятся перебраться в Петропавловск. С этой целью совершают серьезные правонарушения. После этого они попадают в число неблагонадежных, которым не может быть доверено выполнение боевых задач. Но, поскольку мотивы таких правонарушений ясны, то командир принял решение формировать из таких

людей специальное подразделение, которое будет переведено на особый режим, и его личный состав будет уволен в самую последнюю очередь.

- *То есть решение и мера наказания остаются на усмотрение командира части? Правом определять очередность увольнения так же обладает командир?*
- Да. Это в его власти.
- *Устав предусматривает, что командир может быть не прав?*
- Для солдата командир всегда прав. Право солдата обжаловать решение командира в установленном порядке.
- *У вас действует Комитет солдатских матерей?*
- У нас нет, не приезжают. Но с командованием части в Петропавловске они общаются.
- *В Забайкальском военном округе в начале 1990-х годов было официально разрешено празднование ста дней до приказа. Мероприятие проходило под контролем замполитов. В столовой накрывали праздничные столы, и дембеля с бритыми головами чествовались как именинники. Как в вашей части относятся к символам неуставной иерархии, ко всем этим подворотничкам, вставкам в шевроны и другим символам неофициальной иерархии, принятым в войсках соответственно сроку службы?*
- Отрицательно. Здесь это считается пережитками «дедовщины», которые следует искоренять. Не знаю, как там, в Забайкальском, а в нашем погранокруге этих символов уже нет. Нет символов иерархии, нет и самой иерархии.
- *Логично. А в Петропавловске, в вашем отряде я видел, что форма у солдат отличается в неуставных деталях: у одних шевроны простые, подворотнички стойкой, подшиты черными нитками, на брюках карманы зашиты. В наше время были галифе, их разрешалось (разумеется, неофициально) ушивать только дедом.*
- Ну... в разумных пределах, конечно, как бы не страшно... Вот те же вставки в шевроны. Пусть делают. Они аккуратнее смотрятся, не мнутся. А вот, если он сантиметр толщиной, это уже перегибы мы этого не допускаем. И это, к тому же, часть погранокруга, большая, там солдат в меньшей степени ощущает ответственность боевых задач. Поэтому там меньше порядка. А здесь народу мало, и если дед, или фазан начинает буреть, нарушать воинскую дисциплину и форму одежды, его быстро ставим на место. У нас семь дембелей, есть деды и фазаны, то есть солдаты всех призывов, но я спрашивал старослужащих, не трогают ли

они молодых, и они мне сказали, что им это не нужно, они предпочитают спокойно дослужить и уволиться.

- *Очень правильно сказали... Я недавно прочел в «Новой Камчатской Правде» о трагедии на мысе Желтый. Там старослужащие насмерть забили духа. Такие случаи, на ваш взгляд, бывают в Камчатском округе чаще, чем в остальных регионах, или реже?*
- Думаю, что не чаще, чем везде.
- *Вы служили, наверное, во многих частях и могли проследить неуставные отношения в сравнении?*
- Я закончил Хабаровский Институт ФПС только год назад, но, действительно, много ездил по разным частям на стажировки и наблюдал. Везде с дедовщиной примерно одинаково.
- *Вы не сталкивались с этнической спецификой в неформальных отношениях?*
- В одной из частей Тихоокеанского округа много было дагестанцев. Они держались особняком и себя выделяли знаками внеуставной иерархии. Для чего разрешали своим духам то, что было не положено «по сроку службы» духам других национальностей. Начальник гауптвахты тоже был дагестанец, и на «губе» они пользовались привилегиями.
- *Какие группы вы бы выделили в неуставной иерархии, как самые бесправные?*
- Это, так называемые, чмо. Я не знаю, почему становятся чмо, знаю только, что они отличаются своей неопрятностью. Ходят всегда грязные, не глаженные. Ну, в характере что-то не то. Вот их и ломают. Причем, их не любят ни свои, ни, тем более, деды, ни офицеры.
- *У нас в подразделении тоже был один такой, откуда-то с Урала. А в соседнем — еще двое. Те были из Москвы.*
- Я насколько помню москвичей в войсках, их нигде не любили. На мой взгляд, за их высокомерное отношение к сослуживцам. Но как-то, помню, в одной из частей, где я был на стажировке, подобралась компания москвичей. Все сержанты. Они не издевались над младшими, но все равно, как-то по-своему их унижали, словами в основном.
- *А дембельские альбомы вы разрешаете делать?*
- Нет. Это пережиток дедовщины.
- *А как же память о службе?*
- Фотографировать мы не запрещаем. Личный состав имеет право делать фотографии в установленном порядке. Все личные фото-

аппараты лежат у меня в сейфе, и военнослужащий может ими воспользоваться совершенно свободно с моего разрешения. А дома пусть они наклеят их куда захотят... <...>

1.4. Из интервью с военным обозревателем еженедельника «Новая Камчатская Правда» Владимиром Яковлевым

— Свои командировки я начинаю с библиотек, где провожу первые дни, пока адаптируюсь к разнице во времени, и договариваюсь насчет дальнейшего транспорта. Но вот прочитал ваши последние публикации и решил еще задержаться, чтобы встретиться с вами. Очень они меня заинтересовали. Притом, что, как я думаю, это опубликовано только малая собранного Вами материала по дедовщине.

— Дедовщина и в американской армии существует, причем очень жесткая. Она существовала в Александровском лицее даже, в самом привилегированном учебном заведении, где высшие дворяне учились. То есть да, феномен очень интересный. Я, кстати, тоже в свое время заканчивал Академию культуры Санкт-Петербургскую, и у меня, как ни странно, хоть я и сам культуролог по образованию, диплом по социальной психологии. Я исследовал влияние авторитарных людей воинского коллектива на психологические особенности военнослужащих. Это дипломная работа была, в рамках своей части, в которой я служил, провел исследование на основе авторской подборки тестов. Совершенно точно, любое ограничение свободы повышает агрессивность в той или иной форме, будь то вербальная агрессия, физическая, замещающая — все, что угодно. Активизирует деятельность психологических защит и, в зависимости от типа личности, тот или иной тип защит преобладает. От обыкновенного отрицания, когда просто убегают, до различных изощренных форм, таких, как гиперкомпенсация, и прочие. Когда армия была советской, там все это протекало достаточно вяло. Там все было устоявшееся, было достаточно много денег, там все было обеспечено, за счет этого и держалось все. И буфер социальный существовал, который позволял людям не так это болезненно переживать. А сейчас армия брошена в ужасные условия, просто на выживание. Поэтому сейчас изначальная особенность армии, то без чего армия не может существовать, — жесткие нормативные требования, неизбежная субординация, в любом случае отказ от каких-то личностных особенностей и нивелировка личности — неизбежно приводят к обострению бытового насилия. Я сам бывший кадровый офи-

цер, и всякое видел. Но то, что произошло, что я описываю в своих публикациях, откровенно говоря, меня поразило. Тем более, что на мысе Желтом я служил. На соседнем посту. Он гораздо крупнее, больше, но организация одна и та же. Поэтому я хорошо знал ситуацию на тот момент, когда я увольнялся. Именно, конкретно в этой части. Все детали я узнал потом, для меня это было достаточно не сложно. И вот тогда, когда я просматривал этот материал, я вдруг понял, что вот у нас в стране в целом происходит качественный поворот. Поворот в сознании. С армии он, как раз, и начинается. Потому что у нас народ достаточно долготерпимый. Он лучше водку будет пить, самоагрессией заниматься, еще там как-то. Но ни в коем случае он не будет выплескивать негативную энергию во вне. А вот то, что случилось на мысе Желтом, — это как раз выброс деструктивной энергии в чистом виде. Просто какая-то предреволюционная ситуация. Я, к сожалению, в революционные годы Россию не знал лично, но, сколько читал, — примерно то же самое: тупая ярость, которая направлена не важно на что и не важно по какому поводу, лишь бы выплеснуться. Если хотите, могу рассказать подробно, потому что я, действительно, не смог подробно написать. Там такая жуть творилась...

— Да, пожалуйста.

— Я, в общем, был в шоке. Конечно, я не служил в Чечне, в боевых условиях. Там совсем другое. А вот в нормальной советской армии, в нормальных условиях, в общем-то... Ну да, пост отдаленный, 200 километров во все стороны до дорог. А все остальное, условия питания, там все нормально. Королевский пост был. Там начальство заготавливает рыбу... Такая деланка. Ну, моряки там жили нормально в плане жизнеобеспечения, материального обеспечения. Там все было. Тем более они сами там и рыбу ловят, грибы, дикоросы собирают. Проблем, как в других местах, где они бы не доедали, или их там службой бы до того бы перетруждали, что они на посту засыпают и падают, — да ничего подобного. Там практически боевое дежурство не несется. Несется для галки. По идее они за кораблями наблюдают, но там в среднем два-три корабля за полгода пройдет. Просто так расположен сам по себе, не на самом оживленном месте. Поэтому люди заняты сами собой. Нет нагрузки служебной, нет каких-то там невыносимых бытовых условий, что часто бывает причиной, как на броненосце «Потёмкин», например. И вот там очень опытный мичман, командир был. Служил он там (а я его лично сам знал), со времен царя Гороха, на своей службе собаку съел. Он знал, как все организовать, и из года в год там был порядок в этом отношении. Тем более,

это все было удивительно. Я знаю неблагополучные посты, где постоянно что-то происходит. Но там! И вот, как я писал, молодое пополнение, которое было призвано зимой прошлого года, попадает туда. Они прошли этот полуэкипаж в Петропавловске, вот четверо из молодого пополнения, всего там семь человек, ну, восемь. Четверых человек первого апреля направили бортом туда, на Желтый, и тем же бортом сняли мичмана в отпуск, в котором он не был два года. И там остался другой мичман, который всегда заявлял: «Я техник, мне личный состав до лампочки». И вот как дальше развивались события. Они развивались настолько стремительно, что когда я смотрел материалы, у меня дух захватывало. Буквально, не прошло и недели. Не прошло и недели, вся неформальная иерархия полностью сложилась. Там четверо молодых было и семеро старослужащих. Им вскоре надо было увольняться. Мичман сразу отстранился от личного состава полностью и занимался своими делами. А когда формальный лидер самоустраняется, его место пустое не остается, оно занимает неформальным лидером. И в этом случае этот лидер оказался очень негативной, отрицательной направленности. Я изучал его психологические характеристики, у него были приводы в милицию, он употреблял наркотические вещества до службы, он из неполной семьи, его одна мать воспитывала, т. е. полный набор факторов, которые сформировали его еще до службы. И мичман, который там был, он очень четко это понимал и умел пресекать, умел их работой занять, хоть дурной, как это водится, но все-таки, мог расплывать эту негативную энергию, чтобы она не концентрировалась. А в данном случае оказалось, что такого лидера нет, и ее накопление (и формирование структуры) шло всего неделю. Потом начали искать козла отпущения. Им оказался этот бедный Войтенко. Хороший мальчик такой, небольшого роста, хотя повыше меня будет, 174 см роста. Ну, такой худенький, когда отправлялся, 65 килограмм весил. Замкнутый по характеру, стихи даже писал, такая романтическая, утонченная в чем-то натура, совершенно не свойственная тому, что сейчас происходит в вооруженных силах. И вот он и оказался козлом отпущения. И вот его начали проверять на вшивость. Это мой собственный анализ, официального прокурорского расследования еще не было, только к середине сентября обещают. Из разрозненных источников информации я это дело сам восстановил. И вот его начали бить. Просто бить. За все про все, любые придирки, на которые в принципе даже в нормальной ситуации не обращаешь внимания. Он, сам Войтенко, как мне кажется, имел предрасположенность стать объектом насилия, и эта виктимность сыграла решаю-

щую роль. Возможно, он вел себя так, сам Войтенко, что провоцировал их. Словно мазохизм какой-то, как я это понимаю. Почему я делаю такие выводы, я сейчас объясню. Дальше — больше. Это разрасталось как снежный ком, и все большее количество человек в этом участвовали. Началось с малого, с каких-то пинков, ударов, зуботычин, а закончилось тем, чем закончилось. Развивалось это так. Постепенно в этом стали участвовать все, причем очень быстро. Началось все седьмого апреля. Седьмого апреля мичман звонил сюда в город, просил выслать вертолет. Но он испугался, что не сможет объяснить зачем. Ну, что такое сейчас выслать вертолет. Он оказался в ситуации, которую сам не смог разрешить, и занял такую позицию страуса. Это первый и единственный случай, когда он сам попытался что-то сделать. Мичман позвонил, потом он же отменил. Он не смог логично объяснить, как я думаю, зачем он вызвал вертолет. Ему сказали бы «ты чего, дурак что ли, сколько ты служишь? Что не можешь с моряками разобрататься, с пятью человеками». Он отменил вызов, и сам тоже ушел на крыло. И тут началось. Каким-то образом морякам стало ясно, что мичман просто самоустранился от этой ситуации. Может, он и не говорил, но само поведение говорило больше, что, дескать, ребята, я умываю руки, я вот прихожу на обед, и вечером на вечернюю проверку, чтобы у вас все было нормально. Если типа не нормально, я вот начинаю...

— *Вызывать вертолет.*

— Вызывать вертолет. А все нормально — все. То есть контрольные точки, контрольное время. Все там, все живы, все на месте, все стоят. И делайте, что хотите. Это такие условия, скажем. И вот дальше начинается просто необъяснимое. Просто необъяснимое. Уже побои сыпались как само собой разумеющееся. Его просто избивали. Причем избивали все. Там только двое людей не участвовало в побоях. Ну, молодые, само собой, хотя один из молодых участвовал в избиениях. Но он из какой-то кавказской республики был, какой-то то ли даргинец, то ли еще кто. Особый случай. И он уже был весь синий. Ему не давали есть сутками. Не давали спать. Не давали естественные надобности отправлять. Под разными дурацкими поводами. Потом даже предлоги прекратились. Они просто начали глумиться, издеваться в самом прямом смысле слова. Его выкидывали из казармы на мороз. Обливали водой голого. Это был апрель месяц. Все-таки достаточно прохладно. А он терпел, а он терпел. Один только раз только он попытался привлечь к себе внимание мичмана. А там, на берегу, в километрах десяти охотники какие-то живут, и все. Убежать было

практически некуда. Тем более нечего думать, чтобы до города добраться.

— *Это место севернее?*

— Нет, южнее, 200 км от Петропавловска. Ведь он как-то пытался к мичману обратиться. Может, обращался непосредственно, не знаю. Мичман до сих пор утверждает, что ничего не замечал. Хотя, если у него в такой патологической форме психологические защиты действуют, то конечно не замечал. Понятно почему, это уже патология. Там вот, два таких кунга стоят, один для личного состава, во втором мичман живет. У него жена, ему 28 лет. Жена помоложе, родила ребенка, ему года еще нет. То есть он весь в семью ушел. И вот Войтенко просто побежал и спрятался под кунг мичмана, забился в такую щель, он пролез туда и там он затаился. Эти побежали его искать, сразу шум, и он так хотел обратить на себя внимание. А мичман его вытащил и послал в казарму. И что там началось. Его там имели, и не только естественно, ему там кий в анальное отверстие заталкивали, телефонные провода. Все, как в гестапо.

— *Телефонные провода?*

— Ну, этот ТА-57. Он же от батареи работает, и когда ручку крутишь — ток идет. Хотя напряжение всего 12 вольт, но все равно довольно больно. К чувствительным частям тела если приладить, то крайне неприятно. То есть делали с ним все. Окурками жгли. Били до потери сознания. Когда он терял сознание, тогда просто бросали, а когда приходил в себя — снова били. И вот 25 апреля, т. е. спустя три недели после прибытия, он потерял сознание и больше в него не приходил. И только, когда он три дня не приходил в сознание, мичман вызвал санавиацию. Правда, наши тут молодцы, сразу направили вертолет после получения вызова, даже часа на прошло. Сняли его и привезли сюда в областную больницу. И только поэтому общественность узнала о том, что случилось. На нем не было ни одного живого места. Он при своем росте весил 46 килограмм. Скелет самый настоящий. Кожа натянута так, что даже рот не закрывался. Ну, это жуть, действительно Бухенвальд самый настоящий. То есть невозможно было это не замечать. Его 28-го апреля в Петропавловск привезли, а скончался он в ночь на День Победы. Врачи ничего не могли сделать. Заключение жуткое, кстати, военные врачи его делали. Причина смерти — ушиб головного мозга. И далее перечислять — все займет массу времени. Причем, именно врачи сказали, что это могло быть только в результате побоев. На них сначала пытались оказать давление, дескать, напишите, что сам упал на построении. Но врачи однозначно

сказали, что такое может быть получено только в результате ударов, плюс отметили и изнасилование и окурки, какое там «падение на построении»! И только после того, как вышла моя статья, командующий собрал пресс-конференцию, где пересказал мою статью, и затем принялся на прессу нападать, что она «неправильно освещает жизнь воинского коллектива». У нас командующий — это супер. Воля к власти.

— *А фамилия как?*

— Дорогин.

— *Генерал?*

— Он вице-адмирал. Он в приятельских отношениях с Куроедовым, тот главком ВМФ нынешний. Сошлись в чем-то. Ну, с Желтым мы общими усилиями разобрались.

— *Этих мерзавцев хоть посадили?*

— Следствие еще идет. Двое зачинщиков. Всего семь человек, включая мичмана. Вот двое, кстати, из этих, не знаю, правда, кто, фамилию мне не называли, выразили в августе желание принять крещение. Наш епископ Игнатий вроде бы не возражает, обряд состоится. Далее. Раскопал я поразительную историю. Вы смотрели: «На контракт через контакт?». Бестселлер наш летний. При чем про то, что в армии всегда так было, это понятно, любая замкнутая группа, однородная по половому признаку. Сама среда всегда является питательной почвой для этого. Но подобное нетипично, это, конечно, нонсенс. Но это уже Древний Рим просто-напросто, когда используется служебное положение, когда уже, причем, домогаться он не активно хотел, а пассивно.

— *Да это уже без разницы как, его проблемы, но в таких открытых формах...*

— Не такие уж они и открытые. Это было один на один. Вот эти закрытые телесные осмотры, индивидуальные при закрытых дверях в командирском кабинете, проверки службы.

— *Да, но в этой аудитории информацию сложно сделать абсолютно закрытой.*

— Именно, и все это знали. Причем мне об этом рассказали только те, кто на домогательства ответили отказом. А я не сомневаюсь, что нашлось, и не один, кто поддались этому. Но эти, конечно, никогда и ничего не расскажут. Я выходил на людей, которые мне вообще ничего не говорили, отказывались говорить вообще, хотя должны бы сказать. И это меня лишний раз убеждало в том, что у них там есть много, что рассказать именно по этому вопросу. Но это из области моих предположений, а вот то, о чем я написал,

это уже установленный факт. Причем этим занималось и ФСБ наше уважаемое, военная контрразведка. Они еще год назад направили Дорогину расследование. Три человека письменно изложили различные эпизоды. Именно потерпевшие собственноручно. Многих я видел своими глазами, меня приглашали. Обижались фээсбэшники, потому что из моей статьи следовало, что они не приняли меры. Хотя я писал: «мер не было принято»; я же не говорю, что вы должны были их принимать. И они мне объяснили, рассказали, как это все добивалось. Показали даже эти бумаги, которые я собственными глазами видел. То есть это не с чьих-то слов даже. Видел там подпись Дорогина. Эти материалы он получил 14 июня 1998 года. Мер не принято до сих пор.

- *То есть он продолжает быть командиром части?*
- Более того. После того, как фээсбэшники отправили в прокуратуру, в группировку эти расследования, прокурорская проверка происходила следующим образом. Командира этого вызвали в прокуратуру, побеседовали с ним сорок минут и после этого вынесли постановление закрыть дело. Группировка... в часть никто из прокуратуры даже не поехал. Отправили двух офицеров из отдела воспитательной работы. Приехали, докладывают — «факты не подтвердились», все нормально, святой человек! Сложно было ожидать, что, узнав о приближающейся проверке, командир выведет своих солдат и начнет перед штабом совокупляться, или приготовит порнофильм с участием своих подчиненных. Понятно, что если бы они хотели бы разобраться в этом деле, это проводилось бы совсем другими методами. После этой проверки этому командиру стали известны имена тех, кто на него написал. Он их начал отлавливать, преследовать, прогнал контрактников, в общем, много поменялось там людей. Всех, кто там служил либо уволили досрочно, либо перевели в другую часть. Набрали новых. В мае этого года вопрос встал о том, чтобы его назначить на вышестоящую должность. Где не 30 человек, как сейчас у него в подчинении, а где несколько сот человек. Сунулись там из группировки флотильской опять же к фээсбэшникам и попросили их не препятствовать этому назначению. Но фээсбэшники, надо отдать им должное, категорически воспротивились и в категорической форме отказали. То есть это дело затормозилось. Я этого не знал на тот момент, когда моя статья выходила в июне. Потом начали проплачивать другим газетам. Пишут, якобы он выиграл конкурс.

- *Выиграл конкурс?*
- Да, на замещение вакантной должности выиграл конкурс. А у меня якобы заказной материал, чтобы его якобы подставить. Так, вот. Ну, понятно. И как я потом этих людей ловил, сколько я на это время потратил, чтобы их разговорить, об этом можно тоже статью писать отдельную. Ну, я уж не стал. Поэтому, конечно, смешно. На меня посыпались письма. А мы не писали ни фамилии, ни номер части, ни место дислокации, — ничего, практически.
- *Я читал эту статью, и также нахожу, что с точки зрения этики она абсолютно безупречна.*
- Все нормы этики соблюдены. Тем не менее, на нас посыпался просто шквал писем. От личного состава, от мищманов, от контрактников, — от всех категорий. О том, что статья — гнусная ложь о нашем командире, «руки прочь!».
- *Но никаких данных об их командире в статье не приведено. Как же тогда «читатели» узнали в ее герое своего командира?*
- Спросите лучше, кто из них читал этот текст? Я же все-таки туда съездил. Меня тут обвиняли, — что же ты, дескать, не поехал, с ним не поговорил, прежде чем статью писать? Да, не поговорил. А как бы наш разговор происходил? Вот я такой приезжаю и спрашиваю — ты, дескать, того, любишь солдат пассивно? Он скажет, нет, не люблю. И что, после этого, статья не пойдет, да? Или, наоборот, он сознается, публично покается и пообещает никогда больше этим не заниматься. Ну, наив, такой наив, взрослые люди, а... Ну, это Камчатка, просто Камчатка.
- *Это армия.*
- Это не только армия. Это Камчатка. Ну, так я поехал, вопросы солдатам задал, которые это письмо «руки прочь!» подписывали. Выяснил, что эту статью они даже и не читали. Понятно, что все сфабриковано от начала и до конца. И оказалось, что ситуацию на Камчатском уровне решить просто невозможно. Мы куда только не обращались. Прокуратура опять начала проверку. И то после того, как один из людей, который мне рассказывал о командирских похождениях, сам обратился в прокуратуру с заявлением. Конкретное заявление. Да, оно шло почти месяц. Проверка происходила примерно так же. Я звоню прокурору. Говорю, я хотел бы съездить, когда проверка от прокуратуры поедет, когда группировка начнет этим заниматься, когда опять пошлет очередных политработников. Разбираться в этой ситуации. Да, отвечают, проблем нет, поезжай. Какое там! Тут на следующий день звонят —

извиняй, мест в машине нет. У нас тут из «Тихоокеанской вахты» корреспондент решил поехать, очень заинтересовался. Ну, мне рассказали, как это происходило. Анонимный опрос происходил так. Всех выстроили на плацу, и проверяющий, чуть ли не с микрофоном, подходил по очереди к каждому, спрашивал: «Вас не домогались, нет?». На «нет» и суда нет. Факты опять не подтвердились. И дело было закрыто за отсутствием состава преступления. Группировка просто никак не отреагировала. Один раз нам звонил заместитель начальника отдела воспитательной работы. Он звонил после того, как вышла статья, и поблагодарил: «Спасибо, что поднимаете эти проблемы». Все о них прекрасно знают. Но меры не приняты. До сих пор не известно, будет ли он назначен на эту должность или нет. Потому что там оголтелая кампания по его отмазыванию развернулась. Я тут и с нашим епископом говорил.

— *И как епископ?*

— Епископ меня поддерживал, он обещал поговорить с командующим, но толку от этого нет. Есть основания полагать, что там средства материальные затянуты, за которые все прощается командирчику, а потом очень удобно такого командирчика всегда на крючке иметь.

— *Я вот о чем думаю. Армия — среда с гипертрофированным маскулинным фактором. И я не представляю, как в этой среде пассивный гомосексуалист смог сделать карьеру полковника без патронажа сверху. Я ничего не имею против прав сексуальных меньшинств, но не об этом сейчас речь, а речь о ситуации, в которой возникает проблема меньшинств. Она возникает в агрессивной среде общественного мнения, в которой они и формируются, как меньшинства, причем, любые — этнические, социальные, какие угодно. И это всегда сообщества с высокой степенью корпоративной замкнутости, высокой плотностью внутренних коммуникаций и взаимных связей. И то, что он себя тут так хорошо чувствует, косвенное подтверждение тому, что прикрывают не за то, что он такой классный специалист, что даже конкурс выиграл.*

— И до Камчатки он в другом месте служил, и там слухи ходили о нем. Те, кто с ним там служил, его сюда перешли, и его за собой перетаскили. Так, что это вполне может быть. И то ли альковные касси-то симпатии, то ли материальные соображения, то ли все вместе взятое. Конкретно сказать сложно, но что-то такое да, что-то такое было. И вот сейчас в результате мы собираемся посудиться с ним. Он на нас еще и в суд подал. О защите

чести и достоинства. Он, по-моему, просто чувство реальности потерял.

- Или заручился поддержкой высоких структур.
- На камчатском уровне — да. Это бесспорно даже. Мы тоже это дело проталкиваем на более высокие уровни. Это, конечно, безобразия. Такого быть не должно. Если уж дано природой, любя кого хочешь, но не используй при этом служебное положение. Вот это, кстати, уголовно наказуемое деяние. Но он человек не глупый. К открытым формам принуждения он не переходил, по крайней мере, по моим данным. По тем рассказам, которые мне довелось слышать, там все было, в общем-то, в рамках формальной добровольности, если не считать, что это, все-таки, начальник и подчиненный. Так что, если этим делом заняться, много интересного можно узнать, но вот не дают.

1.5. Телефонный разговор с председателем Комитета солдатских матерей Камчатской области Оксаной Николаевной Райковой

[Звоню, представляюсь, сообщаю свои координаты] <...> *Я занимаюсь антропологическим аспектом прав человека в армии, а именно, антропологией агрессии в статусных изолированных сообществах, одним из которых является воинское подразделение. Если позволите, я хотел бы задать вам несколько вопросов.*

- *Чем закончилось дело матроса Войтенко. Его убийцы осуждены?*
- Да, все получили большие срока 15, 20 лет. Ничего более точного я Вам не могу сказать, но с материалами можно ознакомиться в прокуратуре.
- *А дело о сексуальных домогательствах командира части к своим солдатам?..*
- Понимаете, я об этом узнала спустя полтора года, поэтому тоже ничего точно сказать не могу. Но, по-моему, все это ложь! Просто этот журналист сводил счеты. Дело в том, что этот командир очень хороший. Порядок в части навел. И его на повышение хотели послать, и поэтому с ним кто-то сводит счеты. Было проведено служебное расследование, и дело закрыли. По слухам (мне об этом прокурор говорил), этот командир, ну, как вам сказать, как бы пассивный. Он не мог насиловать.
- *Дело закрыли потому, что он пассивный?*

- Дело закрыли за недостатком доказательств. Только один солдат дал письменные показания.
- *Этого недостаточно?*
- Одного недостаточно. Просто, повторяю, это все раздула пресса. Видимо, он кому-то перешел дорогу.
- *А в целом, как вы охарактеризуете специфику вашей деятельности? Издает ли Камчатский комитет солдатских матерей какие-либо информационные бюллетени, книги памяти погибших в армии камчатцев, и, вообще, публикации о своей работе.*
- Мы ничего такого не издаем, но мы очень результативно работаем.

1.6. Интервью с председателем Комитета солдатских матерей Новосибирской области Риммой Александровной Белик

(Опубликовано в газете «Новая Камчатская Правда» от 2000 г. под заголовком «Перемальвая судьбы и кости»)

- *Римма Александровна, Вы одна из тех, кто стояла у истоков движения по защите прав человека в армии, сложившегося в Комитеты солдатских матерей. Расскажите, пожалуйста, с чего начиналась ваша деятельность?*
- Начали мы с дисбатов и госпиталей. Взяли две крайние болевые точки армии. И я вам скажу, что если раньше «дедовщина» в ряде случаев имела позитивное значение, то теперь она трансформировалась в нечто еще более уродливое. Сейчас в армии ее практически нет, она сохраняется только в таких частях, как в Реутове, Балашихе, дивизии им. Дзержинского, погранвойска — там, где все еще стараются не брать бывших уголовников. В остальных войсках она превратилась в «блатовщину». У нас на призывных пунктах каждый четвертый с судимостью. Отфильтровываются для войск МВД и ФПС, и можно посчитать, какой процент остается.
- *А что изменилось за последние 10 лет в реальных полномочиях командиров частей?*
- Сейчас командир части — это шах. Он может все. Хочет — посадит, хочет — не посадит. Хочет — легко скроет убийство. Раньше при нем был замполит, который осуществлял контроль по партийной линии, и мог его по этой линии привлечь. Теперь этого контроля нет, они творят, что хотят, и сейчас даже командующий округом

просит за солдата, вы понимаете, просит: «Ну, ты отпусти его в отпуск».

- *Так командиры в большинстве случаев не могут или не хотят соблюдать права своих подчиненных?*
- Командиры — заложники этой системы. Они ничего не в состоянии делать без дедов и без насилия. Какие положительные стимулы у человека служить в армии? Никаких, соответственно, весь ее уклад держится только на насилии. Вот у нас, Демин пришел, решил с неуставщиной бороться, попересажал всех дедов, сержантов. А потом в казарме грязь и ни одной заправленной койки. Спрашиваю, чего так, дескать, а мне и говорят, а у нас демократия. Да, раньше в армии было насилие. Но тогда оно осуществлялось по правилам. Ну, вот, приходит увальень, как их называли, «маменькин сынок». Ничего делать не умеет. Его заставляют, но и учат. И сами матери тогда, помните, на своих увальней ворчали: «Скорее бы тебя в армию забрали, человека бы из тебя сделали». Помните, было же время, когда матери были об армии в целом такого высокого мнения. И действительно, увальни из нее возвращались мужчинами. Да, тогда в армии была дедовщина и насилие, но оно осуществлялось по правилам. Тогда ниже пояса не били, а теперь с этого начинают. Сейчас из армии возвращаются пострадавшими 100%, и у каждого третьего порвана мошонка. А на первом месте психические отклонения. У меня в практике много случаев, когда я защищала дембелей. Дембель — это оголенный нерв, и бывает, что молодые его провоцируют.
- *Вы с самого 1989 года, года создания этого движения возглавляете Комитет?*
- Да, «возглавляю», если можно так сказать. Когда мы образовались в 1989 году, это была самая организованная и массовая организация. И нас просто испугались. На стол Горбачеву легло мое обращение, и Горбачев удовлетворил все требования. Но на общие злокачественные закономерности это никак не повлияло. Когда пришел к власти Шолошников, то работа с родителями военнослужащих была одним из его приоритетных направлений. Он так и говорил: «Нужно военным, наконец, повернуться лицом к Комитетам солдатских матерей». Тогда у нас проблем с дезертирами не было. Нам было легко доказать, что в их самовольных оставлениях воинских частей виновата сама система, и очень многих тогда спасли от дисбата.
- *То есть вы стараетесь помочь всем подраз?*

- Не подряд. Ну, мы же можем различать случайность, проступок и преступление. Вот, например, сейчас следствие идет. Мальчик из Бердской части... Да, он подвергался насилию, но он и сам насильовал. Одного довел до психушки, и у ребят, вернувшихся из Чечни, отбирал деньги. Мать его признает, конечно, это неуставщина, но его, дескать, тоже били. И показывает эту фотографию. [На снимке двое «дедов» держат голого человека, развернув спиной к фотокамере, на ногах и ягодицах яркие синие пятна, следы ударов бляхой ремня]. Но это что, аргумент? Человеком надо оставаться в любой ситуации. И прокурор мне материалы показывает, и говорит, ну, как так можно быть такой сволочью? И я вынуждена была с ним согласиться, — давайте на всю катушку. Так что, сколько людей, столько и ситуаций. Но после того, как пришел Грачев, он нам публично заявил: «Я вас всех разгоню и задавлю». Однако когда поняли, что разгонять и давить нас поздно, они пошли другим путем, стали создавать свои карманные и ручные комитеты. Это уже больше при Сергееве началось. Делалось это таким образом: находили женщину, у сына которой на службе складывается сложная ситуация, и решали ее проблемы. Любая мать за сына сделает все. Как правило, эти женщины, решившие с помощью военных свои проблемы, не знают законов, поэтому все, кто обращаются в такие Комитеты солдатских матерей со своими проблемами, получают от них только одно — совет обратиться в областной военкомат. А потом они сами понимают, что нос у них в пуху, тем более, что на них жалобы идут.
- *То есть деятельность этих «карманных» Комитетов можно назвать псевдоправозащитной.*
- Если не сказать преступной. Приведу один пример. Призывался паренек, у него мать и сестра инвалиды. По закону он, как единственный кормилец в семье, освобождается от воинской обязанности. Мать идет с его повесткой в Комитет, там ей сказали: «а кто тогда служить будет?», и он пошел служить. Так командир части как узнал его ситуацию, так сам удивился: «Как же тебя с такой ситуацией призвали-то?», — и предложил подготовить необходимые документы. Я с его матерью все сделала, документы приняли, и его стали готовить к увольнению. Так, в казарме, когда узнали, его так изметелили, что он попал в госпиталь. Помимо ушибов и травм у него были содраны ногти на ногах. В итоге его комиссовали, и теперь в этой семье все трое инвалиды. По вине этого Комитета солдатских матерей.

- *Как проявляет себя военное лобби в отношениях с настоящим и «карманным» комитетами?*
- Да очень просто. Во-первых, меня здесь не регистрируют. Говорят, Устав не правильно оформлен. А тех зарегистрировали за полчаса по моему же уставу. Я им его дала, как образец. И военные на каждом углу кричат: «деятельность Белик незаконна, у нее лицензии нет», а лицензия у меня есть, меня в Москве зарегистрировали. Во-вторых, пытаются создать вокруг меня информационный вакуум. ...Телевидение-то государственное, военные заказы обслуживает. Я давала объявления на телевидении о том, что провожу бесплатные семинары-консультации по всем вопросам, связанным с армией. Так они не пропустили эти объявления в эфир, и люди не знают, где действительно можно получить юридическую поддержку. Когда я выступала перед генералитетом, генерал и депутат Воробьев сказал: «К сожалению, мне здесь возразить нечего». И после этого местный журналист Аркадий Ефанов в эфире заявил, что, дескать, они «за незначительную плату помогут вам откосить от армии, если вы обратитесь к ним, успех вам обеспечен». За какую плату? Почему «откосить»? Знание законов и применение закона в использовании своих прав — они называют «откосить». А помогаю я всем и абсолютно бесплатно. Но этот Ефанов в Чечню по журналистским делам ездит, ему Путин орден дал «За самоотверженность и отвагу». Далее. Военком Новосибирской области приказал не иметь со мной дела военкоматам районов, а военком Куйбышевского района так прямо и заявил: «Если эта сука сюда приедет, то живой обратно не вернется». Я поехала с музыкальным коллективом, вышли на сцену, чтобы выступить, так они буквально нам на головы занавес уронили и публику разогнали.
- *Ребята из Сибири служат практически во всех регионах страны. Откуда больше всего возвращаются «грузом 200»?*
- Естественно, горячие точки. Сейчас это Чечня, но официальной статистики гибели солдат из-за неуставных отношений нет, и при нынешней практике расследований ее и быть не может. Но я вам по своему опыту скажу, что больше всего гробов и сумасшедших везут с Камчатки и Дальнего Востока. В год оттуда мы получаем по 15–20 человек психически больных. Вот недавно одного везли, так он всю дорогу не разговаривал, и палец держал в стакане с водой.
- *В армии практически все несут психологический ущерб. Насилие порождает насилие.*

- Там же, где-то на Дальнем Востоке, трое убили и съели офицера.
- *То есть, натурально-таки съели? Зачем?*
- А сказали: «Кушать хотелось». Все трое уже прошли зону. Так, я когда в обществе военных сказала, что вот, дескать, судить, один майор озвучил универсальный принцип решения проблем: «Никаких судов! Пулю в лоб и несчастный случай». Насилие порождает насилие, и оно везде. В Ставрополе, например, один командир «воспитывал» подчиненных так: инсценировал процедуру захоронения живьем. Клали нерадивого солдата живого в гроб, заколачивали и засыпали в импровизированной могиле. Минут через 30 выкапывали. Так он еще и опытом делился, шутил, говорит, с «того света» образцовым солдатом возвращаются, ...если с ума не сходят.
- *Ну, его-то, надеюсь, судили?*
- В том то и дело, что нет. Очень редко до суда доходит дело. И в той же части двоих в наказание сковали 16 килограммовой гирей. Они вдвоем так и ходили, и в столовую и в туалет. И, главное, всем было весело. Один офицер из той части, когда ко мне приехал, вшей привез полную пробирку. Сам, говорит, собирал. Да что далеко ходить, у нас в Пашино, за городом, там много воинских частей, так в одной из них был совершенно одиозный случай, не поддающийся осмыслению. Мальчик в туалете задохнулся в фекалиях. В 1998 году ушел в армию и через полгода вернулся в гробу. Над ним, как над «духом», стали издеваться. Он написал жалобу командиру части. Жалоба попала старшине. Старшина собрал свое подразделение в туалете, заткнул отверстие в унитазе, заставил всех туда опорожниться и погрузил его лицом в эту кучу дерьма и держал, пока тот не задохнулся. А потом в графе «причина смерти» написали, что, дескать, сам туда упал в состоянии алкогольного опьянения. И никто не понес ответственности. У мальчика мать сейчас в психушке, на Владимирской. Все боятся давать показания, поскольку это был пример расправы над «стукачем».
- *А вы-то как об этом узнали?*
- Ко мне специально пришли ребята из той части, уже после демобилизации, и рассказали, фамилий, естественно, не называя. А в соседней части точно также парня утопили в луже и так же написали, что пьяный был, упал и захлебнулся.
- *Но должна же быть какая-то независимая экспертиза?*
- В том то и дело, что ее нет. Ее делают там, где произошло убийство, а нам ее делать запрещают. Слышали про запрет вскры-

вать цинковые гробы? У них, что ни убийство, то «несчастный случай». Но я могу помочь только в единственный момент, когда приходит гроб. Мы его получаем, собираем общественную комиссию, приглашаем медицинского эксперта, и вскрываем. Мать на это время, естественно, уводим. А потом по сантиметрам описываем тело, фиксируя все следы насилия, фотографируем. Потом врач пишет заключение, под которым мы собираем массу подписей. Один гроб вскрыли — явные следы насилия, другой — труп без внутренних органов. В официальном заключении причина смерти — «упал на построении». Кстати, с Камчатки тоже пришел. Официального разрешения на вскрытие гробов независимым судмедэкспертам не дают. Ко мне они сами обращались, говорят, мы готовы бесплатно проводить эти экспертизы, только бы нам их разрешили. Как видите, экспертизы проводят не без участия самих убийц. Необходимо разрешить на местах проводить независимую судмедэкспертизу людям, не заинтересованным в сокрытии преступлений. Так раньше одно время было, а потом запретили.

— *Почему бы через местных депутатов не вынести этот закон на рассмотрение в Государственную Думу?*

— Я уже договорилась с нашим депутатом Фоминым. Все ждала их перевыборов. Но разрешение на проведение независимой экспертизы будет полумерой, если не отменят институт служебных расследований. Служебное расследование — это расследование преступления или несчастного случая, которое своими силами проводит командование войсковых частей, где случилось ЧП. И пока они его не проведут, в прокуратуру не сообщают. А когда приезжает прокуратура, там уже нет улик, хотя и шито все белыми нитками, они же не так профессионально заматают следы, как профессиональные преступники. Поэтому, хотя прокурору очевиден факт преступления, без улик сделать ничего не может, и получается дело, которое на профессиональном прокурорском жаргоне называется «висяк», висит то есть. А с них тоже спрашивают за их работу, и выходит, что в данной ситуации прокурору выгодно принять ту версию, которая выгодна командиру. Я когда выступала на Конгрессе правозащитников, я прямо так и сказала: «Когда вы будете заканчивать с этими висяками?», так мне зал зааплодировал, т. е. все знают, о чем речь. В Америке, например, при каждом командире работает прокурор. А здесь прокуратура приезжает на пустое место, а командир части излагает ту версию, которая ему выгодна.

- *Каково положение сейчас в Новосибирском дисбате?*
- Сейчас, слава Богу, все нормально. Сейчас там хороший командир, а в 1996 там больше тысячи ребят объявили голодовку. У военных по инструкции это уже считается бунтом, и они имеют право применять силовые акции. Так, они задумали вывести их на плац, посадить и пустить по ним танк.
- *Давить?*
- Да, кто успеет отбежать, тот отбежит и больше не будет голодать. Кто нет, того нет. Мне об этом плане сообщили сами офицеры. Так мы с женщинами это предотвратили. Буквально не выходили с территории. Там сразу же назначили комиссию, поменяли все начальство, и теперь там, вроде бы, все нормально.
- *В дисбат попадают и те, кто пытался бежать от армейского насилия, и те, кто это насилие осуществлял. Их там вместе содержат?*
- Да, и более того, не учитывают это при определении наказания. Вот недавно случай был. Парня забрали, а у него отец — инвалид, мать — гипертоник. И вот мать попадает в больницу, соседи дали телеграмму, и ему предоставляют отпуск на 10 суток. Но мать в больнице — то не 10 суток лежит. Ну, в комендатуре ему еще три дня добавили. Но когда он стал возвращаться, билетов не было даже по воинским требованиям. Опоздал в часть. Ему дали два года дисбата. И вместе с ним, в том же этапе ехал садист, который изуродовал другого солдата, несколько раз приложил раскаленный утюг к его лицу. И ему тоже дали два года. Я беру эти два дела и иду к прокурору, спрашиваю: «Это, по-вашему, справедливо?»
- *И что он ответил?*
- А, говорит, ничего не могу поделать, такова судебная практика. Так соответствует эта судебная практика целям и задачам наказания? На справедливость ориентируется правовая система или на судебную практику? Бывает, что в тюрьму попадают просто ни за что. Например, один взял машину покататься. Круг по плацу сделал и куда-то въехал, помял машину. Ему вменили «порчу государственного имущества» и дали срок. С другим, вообще, история была. Он с детства бредил лошадьми. Когда вырос, все свои вещи продал, собрал деньги, купил жеребенка. Потом ушел армию. Служил нормально, во время службы где-то работал в сельской местности. И тут он увидел лошадей. Ну, не мог сдержаться, вскочил на коня и помчался, душу отвел. Покатался и вернулся на место. На него завели уголовное дело за конокрадство.

А он еще тихий такой был, ничего объяснить не мог, что-то мямлил. Ну, его, слава Богу, мы спасли, дело закрыли. И эта практика суда, этот невнятно прописанный закон, оставляет судьбу человека полностью на откуп следствию. Вот, например, одному мальчику за какую-то мелочь решили устроить показательный суд. Продемонстрировать на его примере, как они блюдут закон, и дать на всю катушку 10 лет. Так после моей речи ему дали 1 год условно!

- *Таким образом, вы спасли человека, и, как я вижу, не его одного.*
- Если бы так получалось всегда. Вот Книга Памяти, которую я написала и издала. Ее задача — показать, что перед смертью, которую посылает человеку Родина, все равны, независимо от звания, заслуг, посмертных орденов и от того, признает ли их Родина героями или нет. Военные чины на меня ополчились за то, что я в одной книге смешала и погибших в Афганистане, и в Чечне, и на задании, и от неуставщины. Погибших в своих казармах они называют недоносками.
- *Это кто так называет?*
- Кочергин Иван Сергеевич и Берило Алексей Николаевич, оба из областного военкомата. Впрочем, они не одиноки в своем мнении.
- *Я, кстати, тоже с этим сталкивался. Например, в разгар Чеченской кампании, совпавшей с предвыборной, некоторые журналисты клемили по телевидению питерский Комитет солдатских матерей, который через комиссование нашел легальный механизм спасения солдат, не желающих воевать в Чечне. Они сформулировали и озвучили антитезу «мать героя» и «мать дезертира».*
- И вообще, при чем здесь Чечня, я им говорю. Давайте обнародуем цифры, сколько гробов мы получаем из мирных казарм? И, если угодно порассуждать о рентабельности профессиональной и непрофессиональной армии, то умножим эту цифру на стоимость цинкового гроба.
- *И к ней добавим сумму страхования и компенсационных выплат. Не говоря уже о том, кого так бездарно теряет наша страна, — уже сформировавшихся личностей, на воспитание и образование которых страна потратила средства, а они погибли просто так, не успели ей сделать ничего полезного. Если мы рассматриваем исключительно экономический аспект проблемы.*
- Так вот, в своей книге я именно это и хотела показать, приводя сведения об их интересах: страна лишается поэтов, философов, физиков, готовых ей полноценно служить, желающих полноценно-

ной жизни и самореализации. Именно этот смысл я вкладывала в первоначальное название книги: «Они не хотели умирать», которое в издательстве вынесли в подзаголовок, заменив его на «Книга памяти».

- Да, именно. В тоталитарном официозе принято считать, что якобы геройская смерть якобы за Родину является апофеозом и целью жизни каждого погибшего. Помните, строчки из пионерской клятвы: «а если понадобится — отдать жизнь». А тут Вы показываете, что их смерти, во-первых, одинаково нелепы перед нераскрывшимися перспективами их жизней, во-вторых, все они в равной мере достойны скорби и уважения.
- Да, одно дело, когда человек погибает на фронте. Но, скажите, пожалуйста, какое мужество нужно каждый день входить в казарму, зная, что тебя здесь будут убивать? Когда была презентация этой книги, то помощник военкома Новосибирской области публично, при журналистах заявил, что теперь он будет меня давить. Я тут же повернулась к журналистам и сказала: «Если меня когда-нибудь убьют в подъезде, то вот перед вами заказчик». И вот когда я стала искать родителей скорбных персонажей этой книги, то оказалось, что каждого шестого уже нет в живых, каждый второй в психбольнице. Сейчас я готовлю издание второго тома этой книги.
- И это нужно делать обязательно! Спасибо Вам <...>.

(ПМА, Новосибирск, 2000 г.)

1.7. Разговоры из дисциплинарного батальона

Покидаю штаб, где имел официальный и бесплодный разговор с командиром, и весьма неспешно направляюсь в сторону КПП. Хотелось поговорить с кем-нибудь менее ограниченным в возможности сообщить что-либо о местных нравах.

На внешних воротах группа людей, видно, что это сержанты и солдаты. Первые по полной форме, остальные раздеты по пояс. Мое появление вызывает всеобщий интерес.

- Сигаретой не угостите?
- Нет сигарет. Но сейчас будут. Я сейчас схожу в магазин, постоим и покурим, да?
- А вы кто, журналист?
- Да, вроде того, интересуюсь вот всякими такими коллективами, типа дисбата. Вы-то здесь служите, знаете жизнь заключенных?

- А мы сами заключенные.
- *То есть?*
- Ну да, расконвойные только. Вот видишь, здесь на территории работаем.
- *Вон оно что. Так, сигареты... Где у вас здесь магазин?*
- Да вы не ходите. Дайте денег, сержант сходит, а мы поговорим. У нас здесь свой магазин.
- *Вот вам полтинник. Считайте, что это вам гуманитарная помощь.*
- Спасибо! Ну, блин, вас нам сегодня бог послал.
- *А мне — вас.*

Сержант уходит, мы продолжаем общаться.

- *Слушайте, мужики, — говорю я им, — расскажите, как вы тут живете. У нас, когда я служил, про «дизель» такое рассказывали, что не дай бог. И сейчас вот на «тачке» сюда ехал, водила говорил, лучше уж на зоне, чем здесь. Истории какие-то вспоминал, когда он тут на автобусе работал. А на вас вот смотрю, у вас вполне счастливые физиономии.*
- Да нет, это про нас в войсках так говорят.
- Здесь можно жить.
- То, что говорят — правильно, но это раньше так было. Вот я, когда только сюда пришел, — еще все так было, тогда сразу почки отбивали.
- *Кто отбивал, конвой?*
- Да нет, сами друг-другу.
- *Так себе развлечение.*
- Ну да... А потом все нормально стало. Теперь у нас командир — хороший мужик.
- Сейчас этого нет.
- *А что ваш командир тогда боится, не разрешает с вами общаться?*
- Боится, что мы Вам наговорим, что тут, дескать, плохо, а тут и не плохо, то есть... ну да, не курорт, конечно, но жить вполне можно.
- Смотря кому.
- *Так кому же в дисбате жить хорошо?*
- Спроси лучше, кому плохо.
- *А кому плохо?*
- А вон, — делает жест в сторону каменной будки, в углу которой кто-то возился. — Тому и плохо.
- Да нет, тому хорошо. (Смеются).
- *Ну, так это кто там у вас. И почему он работает, а вы нет?*

- Видите ли... Люди делятся на три части. Те, которые все делают, которые делают не все и которые ничего не делают.
- Ну, это как сказать, «ничего»...
- Ну, скажем, которые всеми ими командуют, управляют, скажем, чтобы порядок был.
- *Офицеры, что ли?*
- Нет, не офицеры. Из своих же.
- *И как они называются?*
- Блоть. Блатные, типа.
- *А среднее звено, масса?*
- Мужики, пацаны.
- *А те, «кто все делает»?*
- Палево. В смысле, пидоры.
- *Что вы их «любите»?*
- Раньше их е...и. А сейчас вот год уже как их никто не е..., простите, не трахает.
- Кому они нужны.
- *А как их тогда сейчас «опускают»?*
- Да они сами.
- Вот этот сам так жить захотел. Ему сказали — «иди мой очко», он и пошел. А раз пошел сам на «очко» — то он уже «опущенный». И не обязательно его е...ть, в смысле, трахать, или там ссать на него.
- «Опущенные» — это те, кто не хочет жить, как мужики живут. Не хотят со всеми жить. Вот у нас один такой есть. Ему посылка приходит — он не делится, курить начинает, у него попросишь — «дай закурить», а он говорит — «нет, не дам, я сам буду жить».
- Ну, хочешь так жить, — живи. Отгородили ему территорию, он сам там и живет, ее сам и убирает.
- Ох, и много же ему приходится убирать! Ха-ха.
- *А туда, в опущенные, попадают какие люди? За что они в дисбате?*
- Палевом здесь становится тот, кто в своей части был чмом, кто сюда за это и попал.
- Нет, серьезно! Они только о себе думают. Убегают они из части, а ведь не думают, что пацанам потом неделю не спать, его ловить. Вот я, например, здесь сейчас стою, за забором ведь. И что б мне не убежать? Раз плюнуть. Вот она, свобода! А я не бегу, почему? Не потому, что боюсь, что поймают. Не поймают! А потому, что знаю, что пацанов из-за меня по тревоге подымут.

- Убегают они почему? Им, видите ли, тяжело! А кому не тяжело? Все через это прошли...
- *А вы сюда за что попали?*
- Мы-то? За грабеж. Гражданского одного ограбили, когда в отпуске были. А он, сука, в суд подал. ...Нехорошо это, конечно, грабить... Да, ничего, жизнь она же учит. Вот это мне урок на всю жизнь... Без него, наверное, еще чего серьезнее бы натворил... Но зато я из части не убежал.
- *Раз ты здесь за грабеж, ты к какой группе относишься, к блати?*
- Нет, мы здесь все «мужики».
- *А чтобы попасть в блать, по какой статье нужно проходить?*
- Не в статье дело. И вообще-то об этом вот так, на улице, не говорят. Ты уж извини.
- *Понятно. А как на положение в дисбате влияет то, сколько ты прослужил вообще?*
- Никак не влияет, здесь все совсем по-другому. Главное — это вовремя понять. Здесь все зависит не от того, сколько ты прослужил, а от того, что ты за человек. Конечно, это многим не понятно. Бывает, придет та-а-а-кой кру-у-у-той дембель! И ему не понятно, почему он, крутой дембель, должен слушаться, например, меня, маленького и чахлого, и мыть пол. Ему объясняют, что здесь другие порядки. Если поймет, тогда с ним будет все нормально. <...>

(ПМА, 2000 г.)

1.8. Монолог бывшего студента Московского государственного горного института

Когда мне говорят: «Пацан! Ты в армии не служил», дескать, я жизни не знаю, я им отвечаю: «Зато я жил в горняцкой общаге». Это, знаете ли, не хуже любой армии. У нас там все четко: если ты первый курс — должен летать. Хочешь ты или не хочешь — не волнует. Если, к примеру, четвертый курс квасит, и водка кончилась, вламываешься в любую комнату и отправляешь молодого. А почему он будет возражать? Ты же ему денег на водку даешь, еще с собой пригласишь выпить. Все нормально. Но бывает, попадется такая гнида, нет и все. Ты ему объясняешь, что у нас так принято, — он ни в какую. Ты ему последний аргумент приводишь: «Ты же горняк!». Если он и тогда не понимает — тогда сразу в «торец». Ну, если не понимает человек?

И все идут! Ну, почти все, за редким исключением. Если он там каким-нибудь спортсменом окажется, боксером или каратистом каким, например, тогда его, конечно, трудно заставить. А так, идут все. Скажешь ему: «Ты же горняк!», — и все понимают, что надо идти. Так, на фига мне ваша армия, если я в горняцкой общаге жил!

(ПМА, Москва, 1999 г.)

1.9а. Документы от Новосибирского регионального отделения Комитета солдатских матерей России

Уважаемый Константин Леонардович!

Пишет Вам председатель Новосибирского регионального отделения Комитета солдатских матерей России Белик Раиса Александровна.

Я знаю, что Вы занимаетесь вопросами военной тематики, поэтому обращаюсь к Вам за советом — как сдвинуть с мертвой точки проблему бюрократической системы в восстановлении гражданского статуса бывшего военнослужащего Дюнина Сергея Александровича,¹ 1977 г. рождения, призванного в июне 1995 г. Калининским РВК и направленного для прохождения воинской службы в воинскую часть 91060 (г. Новосибирск).

10 марта 1996 г. Дюнин С. А. был найден гражданскими лицами вне территории части с тяжкими телесными повреждениями в состоянии полной амнезии (потери памяти). На «скорой помощи» он был доставлен в 25-ю медсанчасть с диагнозом: сотрясение головного мозга, ушибы мягких тканей головы, ушибы поясничного отдела позвоночника, ретроградная амнезия. Пройдя курс лечения с 10.03 по 3.04.96 г., был выписан и передан представителю в/ч 91060 для продолжения службы.

Во-первых, 25-я медсанчасть не подчинена военному ведомству и обязана была направить Дюнина С. А. в военный госпиталь.

Во-вторых, командир обязан был направить его на ВВК для подтверждения диагноза 25-й медсанчасти.

Вместо этого Дюнина С. А. направляют служить в другую воинскую часть — это в/ч 21005 г. Юрга Кемеровской области.

---

¹ К моменту сдачи данной монографии в печать проблема С. А. Дюнина усилиями Р. А. Белик была успешно решена.

В ноябре того же года я была в в/ч 21005 и хотела встретиться с Дюниным С. А., но мне ответили, что такого солдата у них нет. Один из офицеров вспомнил случай, когда из Новосибирска в/ч 91060 к ним привозили солдата, но его не взяли, потому что не было соответствующих документов. Сопровождающий уехал, а солдат остался на КПП. Дюнин сам вернулся в в/ч 91060 и оказался в ситуации, когда одни ему говорят, чтобы он возвращался в свою новую воинскую часть, а другие спрашивают: «Где твои документы?». По своему психическому состоянию Сережа не мог правильно оценить обстановку и принять конкретные решения для восстановления законности. В слезах он ушел к бабушке в деревню. Сережа сирота. Мать спилась, отец их оставил, когда Сереже не было и 3-х лет. У бабушки он пробыл до 2000 года. Его дальняя родственница хотела ему помочь в получении документов, но не смогла. Привела его к нам. Через депутатский корпус нам удалось его госпитализировать в 4-ю психиатрическую больницу. Дюнин был признан больным. У него заболевание головного мозга органического характера, особенности памяти (т. е. остаточные явления амнезии), внимания, мышления. Декомпенсация личности и многое другое (справки прилагаются). Нам с трудом удалось его госпитализировать в 333-й госпиталь. Дюнина признали негодным к военной службе, судить за вынужденное дезертирство не будут, но у него нет военного билета, он потерял вместе с личным делом, а также нет паспорта, прописки.

Я не буду описывать наши «хождения по мукам». Не хватит бумаги. Нет ни одной двери, в которую бы мы не стучались, и каждый чиновник гоняет нас по замкнутому кругу. Главное — получить военный билет, но в военкомате говорят: «нечего было бегать». Написала письмо министру обороны, может быть он ответит по-другому.

Константин Леонардович, еще хочется поведать Вам о наболевшем. Это призыв на военную службу больных ребят. И каких больных!!!

В мае 2000 г. был призван Полтарашко Иван Антонович (фамилия, имя, отчество изменены. — К. Б.) 1978 года рождения Ленинским райвоенкоматом г. Новосибирска. У него была отсрочка на 3 года по нейродермиту в 1997 г. В 2000 г. ему должны были продлить ее еще на 3 года. Это по закону. Он в течение 10 лет не призывной, страдал еще хроническим бронхитом, гнойным гайморитом, и у него в 1997 году была тяжелая травма после автокатастрофы со сложным переломом ключицы, ноги и сотрясением головного мозга. Переломы открытые. На плече и груди остались глубокие шрамы. Хирург говорит, что он не должен был призываться, но что

пертензионный с-м. ЛОР — б/о. Психолог — признаки заболевания головного мозга органического характера /особенности памяти, внимания, мышления/. Личность с преобладанием тормозных черт характера с социальной податливостью, отказом от самореализации. Декомпенсация личности, выраженные нарушения социальной адаптации.

Лечение: Дегидратационная, рассасывающая, симптоматическая, вит., физиотерапия. Рац. Психотерапия. ЛФК. Ноотропы. Никотиновая к-та 1% — 1,0 в/м № 10, м-ра Кватера, Равкина, амитриптилин 30 мг/сут., диапам н/н 5 мг, кавинтон 4,0 в/в кап. № 5, ницерголин 4 мг в/м № 10, маннит 200,0 в/в кап. № 3, ранитидин 300 мг/сут.

Рек-но: наблюдение у психиатра /курсы дегидрат., расс., вит. терапии. Ноотропы/.

Диазепам н/н 5 мг. Коррекция психотерапевта.

Рекомендовано направить Дюнина С. А. на Военно-врачебную комиссию для решения вопроса о возможности дальнейшего прохождения службы в рядах РА.

ВКК Председатель комиссии:

И.О. зам. главного врача по м/части,

Врач высшей категории Алексеева Н. А.

Члены комиссии:

Зав. отделением № 7, врач высшей категории Редкачова Т. И.

Зав. отделением № 17, врач высшей категории Давыдов С. Э.

Зав. отделением № 18, врач первой категории Григорьева С. В.

РАЗДЕЛ II. ОБРАЗЦЫ АРМЕЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА**II.1 Песни**

[1] «ЗЕЛЕНЬ»

Пробьют часы, по распорядку на обед,
А за столом, а за столом ленивый дед,
Спустив ремень, поставив миску пред собой:
Ну, обслужи, ну, обслужи, дух молодой

Припев:

Стоп, стоп, «зелень»! А, ну-ка, ложки не хватать.
Раз, два, сели, сначала деду дайте взять.
Послушай, малыш, чтоб масло первым получать,
Тебе еще, еще две осени пахать.

Эй, ты, «черпак», ты слишком рано обурел.
Эй, ты «черпак», ты позабыл про свой удел.
Но так и быть, хоть ты и служишь второй год,
Тебе полезен, тебе полезен кислород.

Припев.

Последний раз надену новое х/б.
Последний раз начищу кремом сапоги.
И этот блеск моих начищенных сапог
Закроет рот всем офицерам на замок.

Припев.

[2] ДЕМБЕЛЯ

Уезжают в родные края
Дембеля, дембеля, дембеля.
И куда ни взгляни в те осенние («эти майские», в зависимости от
времени демобилизации исполняющего — К. Б.) дни
Всюду пьяные ходят они.

До свиданья родной КПП.
Не сидеть больше мне на «губе»,
До свиданья «кусок», службы кончился срок,
До вокзала один марш-бросок.

Офицеры завидуют нам,
Дембелям, дембелям, дембелям.
Им служить 25, а мы едем опять
Свои ясные зори встречать.

На перроне девчонка в слезах.
Тихо шепчет: «Останься солдат».
«Нет, — ответил солдат, — пусть на ваших плечах
Руки наших лежат салажат».

Едет поезд, колеса стучат,
Дембеля в ресторане сидят.
Будут пить до утра, все пропьют до рубля
Дембеля, дембеля, дембеля.

Открываю знакомую дверь.
Человек я гражданский теперь.
Буду пить и гулять, буду девок ласкать
И о службе своей вспоминать.

[3] ***

Возьми гитару и аккорд в последний раз.
Салаги, встаньте, это песня не для вас.
Лишь пыль из-под колес по мостовой.
Последней партией поеду я домой.

Домой приеду и порядок наведу.
И первым делом все пивные обойду.
Знакомых девушек попробую опять.
И без подъемов и отбоев буду спать.

На утро встану, голова уж не болит.
Ну на х... нужен на гражданке замполит.
Мне мама родная нальет бокал вина.
Соси ты х... в своей каптерке, старшина!

А старшина все молодых е...т, е...т,
И говорит, что служба даром не пройдет.
С утра до вечера команда: «Становись!».
Как зае...о все, да в рот оно е...ь.

А я с перрончика в вагончик заскочил.
Какой-то фраер мне место уступил.
И с перепугу мне лягавый отдал честь,
Ведь на моих погонах тоже что-то есть.

Эй, Сибирь-матушка, привет тебе, привет!
Ведь в сапогах я отх...л пару лет.
Кузбасс родимый, я пришел к тебе опять
Нажраться в доску и асфальт поцеловать.

[4] ДОМОЙ

Скоро выйдем из казармы
С дипломатами в руках,
И встречать нас будут мамы
Со слезами на глазах.
А пока мы точим бляхи,
Шьем мундиры с давних пор.
Ждем, когда же загорится
Наш зеленый светофор.

Припев:

Домой, домой, домой!
Прощаюсь, армия с тобой.
И пусть послужит молодой.
Домой, домой, домой!
Тебе служить еще, родной.
Домой, домой, домой!
Еду к маме дорогой.

Не ругайте, что мы пьяны,
Не смотрите вы на нас.
Это значит, что осенний
Вышел дембельский приказ.

А пока мы едем к маме,
К нашей маме дорогой.
Это значит, отслужили,
Это значит, что домой.

II.2. Афоризмы из дембельских альбомов, блокнотов и т. д.

День прошел — ремень пониже; дембель стал на день поближе.

Дембель далек, как полярная звезда, но неизбежен, как восход солнца.

Даже если спирт замерзнет
Все равно его не брошу,
Буду грызть его зубами,
Потому что он хороший.

Любить так любить,
Чтоб сердце стучало.
Бухать так бухать,
Чтоб лежа качало.

Если в жизни не везет,
Если счастье обойдет,
Если девушка не ждет —
Водку пей и все пройдет.

Чем больше узнаю людей, тем больше я люблю собак.

Военкомат — страна чудес; туда зашел и сразу же исчез.

Ну вот, пацан, теперь ты взрослый,
И жизнь вручает твой мандат.
Забудь твой старый образ жизни,
Крепись, салага, ты — солдат!

Не радуйся бушлату и тельняшке.
За них заплатишь дорогой ценой.
За них заплатишь девушкой прекрасной,
И юностью, прошедшей стороной.

В глухом неведомом лесу
Погран. наряд убил лису.
Лису — монгольский гражданин.
Напрасно в лес пошел один.

Кто не был здесь, забыв о пьянке,
Тот не поймет цену гражданке.

В руках, ногах — повсюду боль.
В зубах песок, на куртке соль.
В глазах печаль, в душе тоска —
Это и есть погранвойска.

Без вас пройдут, друзья, два года,
Без вас я буду грязь топтать,
Но только знайте, в эти годы
Вы сможете спокойно спать.

Не жалею алые розы,
Они снова весной зацветут,
А жалею юные годы,
Они больше к тебе не придут.

Привет с тех мест, где нет невест,
Где плац гремит под сапогами,
Где юность спрятана в х/б,
И перетянута ремнями.

Тяжело без сигарет,
Тяжело без сна,
Но еще трудней солдату, когда нет письма.

Солдат умирает, не когда его убивают,
А когда о нем забывают.

Мы увидимся, брат, посмеемся не раз,
Поцелуем подруг и обмоем запас.
Нас свела так судьба долгий срок отслужить.
Нас учила борьба жить, дружить и любить.

Не трудно любить,
Не трудно дружить,

Но трудно расстаться,
Но трудно забыть.

Пограничник должен иметь железные нервы, наглуую рожу и ни капли совести.

Пьяный десантник — хуже танка,
А голодный пограничник — хуже пьяного десантника.

Если в службе стало туго, посмотри на рожу друга.

«Нам к трудностям не привыкать», — сказал дед и завалился спать.

«Красиво жить не запретишь», — сказал дух и спиз...л у деда пряник.

«Бессмертен я», — сказал Кошей.
Но зря он так хвалился.
Поел Кошей солдатских шей,
И замертво свалился.

Все бегут, и я бегу,
А куда, не знаю.
Вот до деда добегу,
Все тогда узнаю.

Если хочешь много секса,
Много ласки и любви,
Сделай что-нибудь плохое,
Чтоб тебя потом е...и.

Дембель — не коммунизм, ударным трудом не приблизишь.

«Тревога!» — крикнул комбат.
«Вперед!» — крикнул сержант.
«Ну его на х...», — взяв автомат,
На дерево лезет пьяный солдат.

Живи мой друг, балдей и пьянствуй.
Я охраняю твой покой.
В моём под сумке две обоймы.
Ты — как за каменной стеной.

Когда меня вы провожали,
Всего хорошего желали.
Теперь же вам желаю я
Не попадать сюда, друзья.

Если не загнусь от солдатской каши,
Обязательно вернусь в объятья ваши.

Я умирал, а ты тащился.
Я воевал — ты мирно жил.
Да, чтоб ты, падла, удавился,
Тот, кто от армии скосил.

«Люблю поход», — сказал комбат,
Закинув толстый зад в машину.
«Е...сь ты в рот», — сказал солдат,
Закинув вещмешок за спину.

Два года пройдут незаметно,
Вернусь я в родные края:
И встретит меня у порога,
Любимая мама моя.

Прежде чем крутить любовь,
Научись мотать портянки.

Трамвай обходи спереди,
Автобус сзади, а пограничника стороной.

Десантник догонит — переломает руки, ноги.
А пограничник переломает руки, ноги, но догонит.

Часовой — это труп, закутанный в тулуп,
Заинструктированный до слез
И выброшенный на мороз,
Во все глаза смотрящий:
Не идет ли разводящий.

Овсяную кашу за Родину нашу,
Ремень автомата на грудь.
Сто дней до приказа и бабу ни разу.
Попробуй такое забудь.

Только в России дают два года за то, что тебе 18 лет.

II.3. Дембельский словарь

Армия — это;

волчья тропа, по которой надо идти, оскалив зубы;
первая новобрачная ночь (сколько не крутись, все равно вые...т);
работа, после которой вся жизнь кажется перекурором;
школа, но лучше ее закончить заочно;
единственное место, где молодой мечтает стать старым.

Повестка — путевка в жизнь.

Призывник — изгнанный из рая.

Проводы — прощай молодость.

Нарушитель — убегающий в отпуск.

Тревога — следствие ведут колобки.

Дозор — тройка борзых.

Строевая — хождение по мукам.

Санчасть — у Христа за пазухой.

Канцелярия — «Петровка, 38».

Утренний туалет — кто не успел, тот опоздал.

Денежный перевод — очевидное-невероятное.

Назначение в наряд — рулетка.

Карантин — шайка бритоголовых.

Дед — неуловимый мститель.

Дембель — возвращение блудного сына.

II.4. Армейские «маразмы»

А по какой команде можно почесаться? — По команде “Заправиться!”.

А теперь об экологии. Сколько можно отравлять сук, на котором сидим.

Автобусов не будет. Придут два ЗИЛа: один ЗИЛ, второй КаМАЗ. Армия гибнет! А вы тут в тетрис играете.

Бакенбарды должны быть по верхнему срезу ушей.

Боевой листок должен быть боевым листком, ведь это же боевой листок.

Будете в увольнении, не знакомьтесь с незнакомыми людьми.

Были там караульные собаки. Посмотрели, поговорили — оказались обычные собаки.

В армии виноват не тот, кто виноват, а кого назначат.

В армии все однообразно: покрашено, пострижено и посыпано песком.

В армии много не ясно, зато все правильно.

В вашем возрасте я себе сапогами ноги до задницы стер.

В глазах темно, как лампочка в голове перегорела.

В институте вы можете ходить хоть в лифчиках, но перед военной кафедрой вы их обязаны снять.

В каком вы виде, товарищ солдат? Перед вами целый майор стоит.

В роте семь разгильдяев, а ты волосы на пробор носишь!

В стране должно быть тихо и спокойно, как на кладбище.

В целях повышения дисциплины расписать распорядок дня от отбоя до подъема.

Ваш поступок — удар ниже пояса в спину Перестройке.

Ваша прическа требует повешения ее парикмахера.

Ваши обязанности на оперативном дежурстве заключаются в четком и быстром маневрировании между ведром с водой, электрическим чайником и офицером.

Водка пахнет не спиртом, а гауптвахтой.

Возьмите уставы и перепишите все наизусть.

Вот вы тут сидите, а старшину на Доске почета отодрали.

Вот этот дрянной ремешок стоит сотни рублей. А вот это обмундирование — тысячи. А вот это — прапорщик!

Все в ваших интересах, товарищи солдаты: чем быстрее вы уберете снег здесь, тем быстрее пойдете убирать в другое место.

Все ваши неприятности оттого, что у вас верхняя пуговица расстегнута.

Все мораль читают какую-то нехорошую.

Вы здесь спите, а там Родину снегом заносит!

Вы опять не бриты? А ведь с этого начинается Родина!

Вы, товарищ курсант, не курсант, а настоящий неандерталец, и, я бы даже сказал, антрополог.

Выдать подшивочный материал обратно пропорционально количеству имеющегося.

Выходите строиться, а то сейчас из-за двух человек выключу весь телевизор.

Горло болит? Учите уставы — болеть не будете.

Да, я принципиальный, но не дебил.

Для военного праздник, что для лошади свадьба: голова в цветах, а задница в мыле.

Доложить о наличии людей. Кто не все — накажем.

Допустим, я поднимаюсь по лестнице в роту, значит, я — посторонний объект.

Если будете блудить — пушу ракету.

Если в природе существует понятие «фанера», то вы ее найдете.

Если вас наказали ни за что, радуйтесь тому, что вы ни в чем не виноваты.

Если всех в стране переодеть в военную форму, тогда я смогу управлять государством.

Если вы такие умные, тогда почему вы строем не ходите?

Если у вас есть какие замечания, предложения, высказывайте сейчас, а то вы всегда так: сейчас молчок, а как генерал приедет, так и выдаете все в лоб, как нож в спину.

Если у самолета отказали все двигатели, то траектория полета самолета проходит через поверхность планеты Земля.

Если человек поет, он либо пьян, либо придурок.

Есть два способа нанесения ракетно-ядерного удара в зависимости от того, какой вариант войны мы развязываем. Отставить, рассматриваем.

Ешьте суп, а то живот заболит, и вы тогда армии нужны не будете.

Здесь вам не тюрьма, два года отрубил — и свободен.

Здесь из девушек-курсантов мы будем делать женщин-офицеров. Сначала вами займусь я, потом другие офицеры кафедры.

Здесь поставьте шлагбаум, или толкового майора.

Каждая складка на солдатском одеяле — это лазейка для шпионов мирового империализма.

Каждый солдат должен быть либо поощрен, либо наказан.

Когда вы поворачивали направо, я плакал от счастья потому, что вы шли в ногу.

Когда приезжает начальство, командир эскадрильи с пеной у рта (или без пены — это зависит от того, как он относится к своим служебным обязанностям) носится по аэродрому.

Кто смеется хорошо, тот смеется в последний раз.

Куда вы стреляете? Я-то здесь для чего стою!

Курсант! Крепи свою морально-политическую готовность к предстоящему лагерному сроку!

Куст — это совокупность веток и листьев, произрастающих из одной точки.

Листопад — это то же самое, что и гололед, только еще хуже.

Лицо курсанта должно выражать скорбь и задумчивость.

Ложбина — это кратчайшее расстояние между двумя горами, предназначенное для их преодоления.

Люди службу служат, полеты летают, матчасть устраняют, а вы только спиртоводочную смесь пьянствуете.

Майор не бегает, так как в мирное время бегущий майор вызывает смех, а в военное — панику.

Могу полком командовать, дивизией могу. Голос позволяет.

Мухи на плафоны гадят! А к чему это приводит? К неуставным отношениям.

Натянул свою кровать, натяни товарища.

Не мажь заборы солидолом и отходами ГСМ, не позорь часть!

Не надо мне здесь валить с больной головы на здоровую задницу.

Не хотите жить как люди, будете жить по уставу!

Необходимо ликвидировать всех не состоящих на комсомольском учете.

Нонсенс, как говорят в околонучных кругах.

Ну, выпил стакан, ну два, ну бутылку. Но зачем же так напиваться?

Ну, что, рапорта написали, гражданской жизни захотели? А Родину кто защищать будет, я, что ли? Да на фига она мне сдалась?!

Окна моют те, кто возле них спит, — они ими чаще пользуются.

Они думали, они думали! Тьфу! Кто вам вообще разрешил думать?

Освобождайте тумбочки, жизненное пространство вам будет необходимо.

Открыв тумбочку, обнаружил трех голых женщин. Двух я отодрал на месте сам, а про третью решил, что я не мальчик! Дежурный по роте, суточному наряду отодрать с горячей водой и мылом и доложить не позже 12:00!

Первой любовью молодого бойца должен стать Устав, второй — командир!

По команде: «Вольно!» ослабляется не правая, и никакая другая нога, а левая.

По этому вопросу существует два мнения. Одно неправильное, а другое мое.

Пуля — дура, а вы — дурак. Извините за резкость, но это наша обязанность.

Решетка — это лист железа с прорубленными в нем отверстиями.

С автоматом надо обращаться бережно, как с любимой девушкой, смазывать раз в неделю.

Сейчас разберусь, как следует, и накажу, кого попало.

Сидите вы с удочкой на берегу реки, а тут прохожий со своим уставом.

Собака — животное, покрытое шерстью для несения службы.

Совместно с врачами выяви всех дебилов, кому нельзя доверять оружие, руль, рычаги.

Солдат — самое мелкое живое существо.

Солдат должен подчиняться слепому инстинкту командира.

Сон — это не личное время, сон — это отбой.

Социализм планирует запуск космических ракет непрерывно, далее Луны и так далее, а студент Иванов не хочет изучать тактику!

Студенты умнее баранов, но ими нужно командовать.

Танк, бесшумно лязгая гусеницами.

Ты у меня смотри. Я где нормальный, а где и беспощаден!

Что вы за ногти на ногах отрастили? Как у орла! Хоть по деревьям ползай!

Что вы там матом ругаетесь! Потом этими же руками станете хлеб кушать.

Эй, вы! Будете принимать пищу через задний проход.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамян, 1983** — Абрамян А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.
- Абрамян, 1992** — Абрамян А. Тайная полиция как тайное общество: страх и вера в СССР // Этнографическое обозрение 1993, № 5.
- Антропология насилия, 2001** — Антропология насилия / Отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Тишков. СПб., 2001.
- Аристотель, 1984** — Аристотель. Политика // Сочинения. М., 1984. Т. 4.
- Арутюнов, 1989** — Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Асмолов, 1996** — Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва — Воронеж, 1996.
- Банников, 1999** — Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Постановка проблемы // III Конгресс российских этнографов и антропологов. Москва, 1999.
- Банников, 2000** — Банников К. Л. Перемалывающая судьбы... и кости. (Интервью с председателем Новосибирского отделения Комитета солдатских матерей Российской Федерации Р. А. Белик) // Новая Камчатская Правда, № 27, от 13 июля 2000 г.
- Бахтин, 1975** — Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бедановский, Марзеева, 1999** — Бедановский С., Марзеева С. «Наш подход» // Точка зрения кандидата военных наук. www.russ.ru:8080/antolog/vek/1990/11/voina.htm.
- Бердяев, 1993** — Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993.
- Бердяев, 1994** — Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. Униженные и оскорбленные. СПб., 1994.
- Бочаров, 1996** — Бочаров В. В. Власть и время в культуре общества // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996.

- Бродский, 1999 — Бродский И. А. Меньше единицы // Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 1999. Т. 5.
- Бутовская, 1999 — Бутовская М. Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования // Этология человека на пороге XXI века. М. 1999.
- Выготский, 1956 — Выготский Л. С. Избранные психологические произведения. М., 1956.
- Гак, 1971 — Гак В. И. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова / Отв. ред. Леонтьев А. А. М., 1971.
- Герасименко, 2000 — Герасименко О. Госдума уходит в завязку // Комсомольская правда, 30 мая 2000.
- Гольц, 2002 — Гольц А. У вас генштаб отвязался // Еженедельный журнал. М., 2002.
- Губерман, 1991 — Губерман И. Проголки вокруг барака. М., 1991.
- Гуревич, 1999 — Гуревич А. Я. От пира к лену // Одиссей. М., 1999.
- Дмитриев, 1998 — Дмитриев А. В. Социология политического юмора. М., 1998.
- Довлатов, 1998 — Довлатов С. Зона. М., 1998.
- Достоевский, 1875 — Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. СПб., 1875.
- Жиран, 2000 — Жиран Р. Насилие и священное. М., 2000.
- Журинский, 1971 — Журинский А. Н. О семантической структуре пространственных прилагательных // Семантическая структура слова. / Отв. ред. Леонтьев А. А. М., 1971.
- Кабо, 1990 — Кабо В. Р. Структура лагеря и архетипы сознания // Советская этнография. 1990, № 1.
- Калинина, 1999 — Калинина Ю. «Голубая казнь для дезертира. Военно-половой роман» // Московский комсомолец. 5–12 августа 1999.
- Карпов, 1999 — Карпов В.
Армия рабов. Так наши сыновья “прислуживают” своему Отечеству... // www.bkv.salekhard.ru/map/slave.htm.
- Клейн, 1990 — Лев Самойлов (Клейн Л. С.) Этнография лагеря // Этнографическое обозрение, 1990, № 1.
- Ковальская, 2001 — Ковальская Г. Тупой твердый предмет // Итоги, № 13, 3 апреля 2001.

- Козинцев, Бутовская, 1996 — Козинцев А. Г., Бутовская М. Л. О происхождении юмора // Этнографическое обозрение, 1996, № 1.
- Козлова, 1999 — Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М., 1999.
- Концепция, 1992 — Концепция программы «Архаический синдром в бывшем Советском Союзе. Проблемы возрождения архаического сознания в экстремальных жизненных ситуациях и в закрытых культурных средах» // Пространство и время в архаических культурах (материалы коллоквиума) / Отв. ред. Следзевский И. В. М., 1992.
- Коул, 1998 — Коул М. Культурно-историческая психология. М. 1998.
- Ксенофонтова, 1992 — Ксенофонтова Н. А. Личность, общество и социальное время // Пространство и время в архаических культурах (материалы коллоквиума) / Отв. ред. Следзевский И. В. М., 1992.
- Культура жизнеобеспечения, 1983 — Культура жизнеобеспечения и этнос / Отв. ред. Арутюнов С. А. Ереван, 1983.
- Левинсон, 1999 — Левинсон А. Об эстетике насилия. Армия и общество в СССР/России за последние 10 лет // Неприкосновенный запас. М., 1999, №2 (4). См. также виртуальную версию публикации www.russ.ru:8080/antolog/vek/1990/11/voina.htm.
- Лев Самойлов (Клейн), 1990 — Лев Самойлов. Этнография лагеря // Этнографическое обозрение 1990, № 1.
- Лекомцева, 1979 — Лекомцева М. И. Структура ролей в коммуникативном акте и теория литературных жанров // Вторичные моделирующие системы / Отв. ред. Лотман Ю. Тарту, 1979, с. 22.
- Леонтьев, 1969 — Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Леонтьев, 1967 — Леонтьев А. А. Психолингвистика. М., 1967.
- Леонтьев, 1969 — Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Лотман, 2000 — Лотман Ю. М. Семниосфера. СПб., 2000.
- Лурье, 1994 — Лурье С. В. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994.
- Молодежный экстремизм, 1996 — Молодежный экстремизм / Отв. ред. Козлов А. А. СПб., 1996.

- Монахов, 1995 — Монахов Н. А. Плоды подсознания. М., 1995.
- Наумова, Сычева, 1993 — Наумова Н. Ф., Сычева В. С. Общественное мнение о социальных проблемах армии России // Социологические исследования, 1993, № 12.
- Нихонсэки, 1997 — Нихонсэки. Анналы Японии / Перевод и комментарии Л. М. Ермаковой и А. М. Мещерякова. СПб., 1997.
- Петухов, 2000 — Петухов А. «Дедовщина» в армии и на флоте. СПб., 2000.
- Политковская, 2000 — Политковская А. Дедские игры // Новая газета, №23(Д), от 15–18 июня 2000 г.
- Полосьмак, 2000 — Полосьмак Н. В. Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. № 4.
- Померанц, 1995 — Померанц Г. Язык абсурда // Померанц Г. Выход из транс. М., 1995.
- Попов, 1996 — Попов В. А. Символы власти — власть символов // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996.
- Пропп, 1999 — Пропп В. Я. Проблемы смеха и комизма. Ритуальный смех в фольклоре. М., 1999.
- Сергеев, 2000 — Сергеев И. Оружие на закуску. Казармы танкового батальона могли стать камчатской “горячей точкой” // Новая Камчатская Правда, №5 от 10.02.2000 г.
- Серебряников, Дерюгин, 1996 — Серебряников В., Дерюгин Ю. Социология армии. М., 1996.
- Серж Кардинеле, 2000 — Серж Кардинале. Территория абсурда // Вне закона. 2000, № 21 (124).
- Солдат отправляют в рабство, 2000 — Солдат отправляют в рабство // «Новая газета», №52 (620) от 2–8 октября 2000 г..
- Соловьев, 1993 — Соловьев С. С. Методика измерения социальной напряженности в Вооруженных Силах // Социологические исследования, 1993, № 12.
- Тендрякова, 1992 — Тендрякова М. В. Мужские и женские возрастные инициации // Этнографическое обозрение, 1992, № 4.
- Терентьев, 2000 — Терентьев Д. Гарем цвета хаки // Вне закона, 2000, № 21 (124).
- Тишков, 2001 — Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001.

- Тэрнер, 1983 — Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
- Фролов, 1993 — Фролов В. А. Станет ли религия духовным пастырем российского солдата? // Социологические исследования, 1993. № 12.
- Фуко, 1996 — Фуко М. Рождение тюрьмы. Москва, 1999.
- Ходорыч, 2001 — Ходорыч А. Белый билет по-черному // Деньги, № 17–18 от 15.05.2002 г.
- Юнг, 1997 — Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев—Москва, 1997.
- Юнг, 1998 — Юнг К. Г. Бог и бессознательное. М., 1998.
- Яковлев, 1999а — Яковлев В. «Командир сказал «нет» // НКП, № 19(183) 27 мая 1999 г.
- Яковлев, 1999б — Владимир Яковлев. На контракт через контакт. Расследование НКП // Новая Камчатская Правда, 24 июня, № 23, (187), 1999.
- Яковлев, 1999с — Яковлев В. Тихая обитель дедовицы // Новая Камчатская Правда, №37 от 07.10.1999 г.
- Яковлев, 1999д — Яковлев В. На мысе Желтый очень скучно... // Новая Камчатская Правда, №42 от 11.11.1999 г.
- Янин, 1993 — Янин С. В. Факторы социальной напряженности в армейской среде // Социальные исследования, 1993. № 12.
- Bandura, 1973 — Bandura A. Aggression, a Social Learning Analysis. New Jersey: Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1973.
- Bannikov, 2000 — Bannikov K. L. The Anthropology of Outlying Groups. Relations of Dominance in Social Interactions among Russian Soldiers. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS — Institute for Social Anthropology Research, 2000.
- Barker, 1993 — Barker F. The culture of violence tragedy and history. Publikationstyp: Book Utgivning — Manchester: Manchester University Press, 1993.
- Bataille, 1965 — Bataille G. L'Erotisme. Paris, 1965.
- Blau, 1960 — Blau P. M. A Theory of Social Integration // American Journal of Sociology, 1960. No. 65.

- Briedis, 1975** — **Briedis C.** *Marginal Deviants // Social Problems*, 1975. No. 22.
- Cloward, 1960** — **Cloward R. G.** *Theoretical Studies in Social Organization of the Prison*. N.Y.: Social Science Research Council, 1960.
- Curtis, 1975** — **Curtis L. A.** *Violence, race, and culture*. Lexington: Lexington Books, 1975.
- Dominance Relations, 1991** — **Dominance Relations: An Ethological View of Human Conflict and Social Integration**. Ed. by D. R. Omark, F. F. Strayer, D. G. Freedman. N.Y. & London: Garland STPM Press, 1991.
- Frank, 1990** — **Frank S.** *Popular Justice, Community and Culture Among the Russian Peasantry 1870–1990 // The World of the Russian Peasant: Post-Emancipation Culture and Society*. Boston: Boston University Press, 1990.
- Galtung, 1978** — **Galtung J.** *Peace and Social Structure Essays in Peace Research*. Vol. III, Copenhagen: Ejlers, 1978.
- Galtung, 1999** — **Galtung J.** *Cultural Violence // Violence and Its Alternatives*. Ed. by Manfred B.S. and Nancy S.L. New York: St. Martin's Press, 1999.
- Gennep, 1960** — **Gennep A. Van** *The Rites of Passage*. Chicago: Chicago University Press, 1960.
- Goffman, 1967** — **Goffman E.** *Interaction Ritual Face-to-Face Behavior*. Chicago: Aldine, 1967.
- Goffman, 1971** — **Goffman E.** *Relations in Public Microstudies of the Public Order*. London: Methuen, 1971.
- Hatty, 2000** — **Hatty S. E.** *Masculinities, violence and culture*. California: Thousand Oaks — London: Sage Publications, 2000.
- Heider, 1958** — **Heider F.** *The Psychology of Interpersonal Relations*. New York: Wiley, 1958.
- Megargee, 1966** — **Megargee E.I.** *The Psychology of Violence: a Critical Review of Theories of Violence // Crimes of Violence*, Vol. 13. Ed. by Mubihill D.J., Tumin M.M. Washington: U.S. Government Printing Office, 1969.
- Schultz, Lavenda, 1994** — **Schultz E. A., Lavenda R. H.** *Cultural Anthropology. A Perspective on the Human Condition*. St. Paul — New York — San Francisco — Los Angeles: West Publishing Company, 1994.

- Sholnich, 1969** — Sholnich J. H. *The Politics of Protest*. N.Y.: Simon & Schuster, 1969.
- Goffman and Social Organization Studies, 1999** — *Goffman and Social Organization Studies in a Social Legacy*. Ed. by Greg Smith G. London: Routledge, 1999.
- Sociology of Deviant Behavior, 1967** — *Sociology of Deviant Behavior*. Ed. by Marshall B. Clinard, 3-rd ed. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1967.
- Sotherland, Cressey, 1966** — Sotherland E. H., Cressey D. R. *Principles of Criminology*, 7-th ed. Philadelphia, Lippincott, 1966.
- Strawson, 1959** — Strawson P. F. *Individuals*. London: Methuen, 1959.
- The Psychology, 1981** — *The Psychology of Ordinary Explanations of Social Behavior* Ed. by Antaki C. London: Academic Press, with European Association of Experimental Social Psychology, 1981.
- Turner, 1957** — Turner V. W. *Schism and Continuity in an African Society. A Study of Ndemby Village Life*. Manchester, 1957.
- Turner, 1968** — Turner V.W. *The Drums of Affliction. The Study of Religion Process among the Ndembu of Zambia*. Oxford: Oxford Clarendon Press, 1968.
- Turner, 1977** — Turner V. W. *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. Ithaca — New York: Cornell University Press, 1977.
- Violence, 1999** — *Violence and Its Alternatives*. Ed. by Manfred B. S. and Nancy S. L. New Yourk: St. Martin's Press, 1999.
- Violence, Culture, 1996** — *Violence, Culture and Censure* (Ed. by Sumner C.) London: Taylor & Francis, 1996.
- Wolfgang, 1993** — Wolfgang M. E. *Sociocultural Overview of Criminal Violence // Aggression and Violence. Social Interactionist Perspectives*. Ed. by Felson R. B., Tedeschi J. S. Washington: D. C. American Psychological Association 1993.
- Yochelson, Samenow, 1984** — Yochelson S., Samenow S. *The Criminal Personality*. Vol. 1-2, N.Y.: Jason Aronson, 1984.

The present paper focuses on the sociocultural communities genetically formed under mechanical suppression of the free will of individuals socialized in various cultural traditions and value systems. The social pattern of the modern Russian army and the former Soviet one is a great confrontation of the two systems of organized violence. The first system is the forcible conscription for military service under inhuman conditions when individual rights and liberty are suppressed by the state. The second system is the dominant relations between raw recruits and old soldiers, the so-called *dedovshchina*. Both systems complement each other due to the invalid official military machine, which does not provide any motivations for an honorable service.

The totality of facts related to the violence in the sociocultural structures needs immediate and detailed investigating. It is surprising that although these facts are on the surface of our everyday life, they almost have not been paid attention to in the anthropological context. Moreover, the reality of army internal organization natural and vital for one half of Russian population is absolutely unknown to the other half.

For those people who did not serve in the army, the relations inherent are beyond the common sense and can not be understood because they are based on not just a violence, but an absurd violence. Thus, public conscience solves army problems by regarding them as a social anomaly or even perversion. This viewpoint is very convenient for ministers and generals — those who are responsible for the present situation in the army — because, in fact, there is no need to be responsible for an anomaly. However, even a superficial glance at the situation brings us to a conclusion that the informal relations are mostly caused by the invalid regulations. Why invalid? The possible answer is that the coercive system of the military service forfeiting one's freedom offers neither incentives nor punishments. The informal relations beyond the regulations substitute the lack of logical completion of army regulations, the *dedovshchina* in Russian, that unlimitedly control people and their bodies. This system is a system of violence, and it helps to maintain an elementary order.

The *dedovshchina* rules may seem rather chaotic and amorphous to the devotees of the Regulations. Nevertheless, this system has its inherent logic and rules. Moreover, its symbolic expressions are analogous to the symbolism of some traditional societies based on the totalitarian suppressing an individuality integrated by general and archetypal structures of the unconsciousness. Therefore, the army realia should be thoroughly examined basing on the general laws of human nature.

Violence in the modern Russian army is not only a mechanically consolidating factor, but also an inherent tool for the army self-organization. The violence grasped within the social paradigm is a framework of the army value system, having become the apologia of the life style of everyone, it turns into the ideology. The consciousness of such communities is full of extremes due to the dominant ideology of violence; hence, we suggest determining such outlines communities as extreme communities.

The scientific investigation of aggression and violence in contemporary Russia is rather specific: resulting from the structural transformation of all socio-political systems, violence and aggression invading all social strata are developing much faster than our knowledge about them. A discussion on the work by L. Klein presented in *Ethnological Review* edited at Russian Academy of Sciences (*Etnograficheskoe Obozrenie*) pioneered this way in the Russian anthropology of the perestroika period. Nevertheless, despite its particular significance for Russia, the problem of aggression, deviant social behavior, and status violence still remains unresolved. In Western anthropology, such works have established an independent division where the concepts and methods borrowed from other disciplines—psychology, sociology, ethology, and ethnology—were combined. These works consider aggression as a structure-forming, normalizing, and cultural factor. The analysis of informal social communities such as those of prisoners, marginal people, and policemen, as well as the theoretical studies of the deviant and protesting behavior are presented in the works on the problem discussed.

Thus, a set of key problems necessary for the analysis of extreme communities as an anthropological phenomenon can be defined as follows: (1) norms of aggression and semiotics of violence in the social interaction, (2) person dependence on his social role performed, and (3) transformation of the personal value system during the transition from one sociocultural environment to another.

The analysis of these problems aids answering the questions on why educated and civilized people when joining the army adopt really inhumanly cruel forms of social contact, why their victims take violence as a social norm, and how it is possible to revive human moral values.

THE SOCIAL STRUCTURE OF EXTREME COMMUNITIES**Time as a Socio-Forming Category**

New recruits gathered at recruiting offices seem to be an amorphous mass, kind of social plasma. Since they passed in their passports, they do not exist as citizens and before the oath rite they would not exist as soldiers yet. These people are civilly dead, because already deprived of their civil rights, at the same time they are not soldiers, in fact, as they have not entered the military service. The mass of recruits is amorphous in the sociojuridical context, too. This situation is caused by a range of official measures in order to sink recruits' personality and unify their appearances; recruits are bald-shaved, stripped to the buff during the health examination, lined up, deprived of their belongings prohibited or not necessary in the opinion of superiors. Thus, the unifications of appearance, clothes, and belongings performed during recruiting procedures level off the individual features.

New recruits being forcibly reduced to social zeros and turned into unified and shaved units, nonetheless, react to the situation adequately: if they could not escape from the draft, so it would be better to take it as a kind of a carnival. The exact meaning of this carnival is the inversion of social roles and ritual destructuring of the society. Recruits respond to the factual desocialization of their individualities with a clownish behavior accordingly performed. Note that recruits mark their socially amorphous state by tearing their clothes, smudging their undershirts with a toothpaste, drawing something in pen on their bald heads, or even shaving simple inscriptions like DMB — 19.. (i. e. a demobee, or to be demobilized), etc.

Such a clownish behavior usually yields positive emotions; as a rule, it is quite a cheerful atmosphere at the recruit offices.

The transformation of stress into positive emotions through signs, as described above, enables us to consider the carnival as an apology for the life-style and a sort of psychological adaptation of individuals to the extreme social situations.

As mentioned above, the social function of the carnival is a role inversion, ritual destructuring of the society. The carnival results in a psychological safety valve. The army, in its definition, is a social inversion of a civil society, and such a clownish behavior preliminary organizing recruits performs as a psychological defense. Normal for the civil society, within this aggressive environment the totality of previous experience, knowledge, cultural values, and civil habits, is considered as a burden one should take off. The less one knows and signifies, the more malleable he is. This is

very important for the whole army system because the relationships in the army are essentially based on the complete obedience. In a conscript army, a good soldier is a reflexly obeying soldier (unlike in a professional army).

In the words of Michelle Foucault, "There is no need to explain or even formulate an order. It is sufficient enough that the order recalled the behavior required. The person responsible for the discipline communicates with the subordinates by signals only. One should not understand the order, but having received a signal, he must immediately react in response, following more or less artificial code preliminary determined".

An individual preparing himself for joining the army starts to break off his cultural norms in advance. This is called hell out. To hell out means to drink off all vodka and make love to all women. Such a conscious deviant behavior often instigates the young to commit a crime. Preparing for the coming limitation of individual freedom, a person completely breaks off with his cultural norms and creates his transient environment free from any restrictions. This transformation causes the emergence of a carnival pattern. Such a pattern is an adaptive mechanism to the future state as a military unit. We took a liberty to cite a letter written by a student in his last few days before joining the army.

Hi there!

The First of May is left behind and, as you may have figured it out, there was a holiday. With other classmates we rushed not to miss the mayovka,¹ with some vodka, snax and then some rubbers, if you know what I mean. As you know, they are fucking rare these days. In the balka² they sell at 3 roubles each. Hell, what a rip-off! Well, we had some vodka, and then went hunting for sluts. None of that let's-have-a-friendly-talk experience with other chaps, just sluts running after us like crazy, but you know what:

If a pussy kitty
On her way to your cock
Beware! It's gonna getcha
to make you roll and rock,³

¹ *Mayovka* — the official title of an event on the eve of the First of May.

² *Balka* (coll.) — abbr. from *barakholka* = black market place

³ That is laterality English interpretation of origin text. Find the moral norms inversion here:

If a beautiful lady
Is running after your cock,
Be warned,
A tripper is a possibility.

we got them fuck off, picked up three more, but they were no locals at all, and we had no lodging [to f the girls]. Took a lift to Rechnogo,¹ then to NETI,² now walking. Pulled out a couple of flags, and moving along over the bridge,³ smashed all around into pieces, upsetting litter-bins, breaking bottles, screwed off a road sign. Barged into the hostel at 4 am, had loads of shouting something in German from the balcony, waving with a blue flag. The fun lasted half an hour. With our stream mates, I bet we woke the rest of them folks in the hostel, yeah, we did.

Soon after we went out for a flat, the woman on duty called a detail of pharos. So the time was right we had slipped away.

Now I am trying to catch up with my studies wading through subjects I feel a complete dumb about. Go figure, only a handful out of a total of more than 200 can boast understanding them! You see, they are the most fucking subjects ever: probability theory and discrete mathematics basic. Not the slightest idea about how to get away with it. Exams time. On May 12, we will run after them sluts to a disco at the DKZh⁴ (things to soothe our passion with!). Not to worry, this booty is all around, won't miss it, we are just ploughfolk at these virgin lands of debauchery, so to speak. Ah, yeah, the big one, I passed my test in Foreign Language⁵ ahead of the schedule. I am messing around with a gal trying my utmost to make her mine, but either I am a big time fucking crook, or I don't know, but, hell, she doesn't seem to care at all.

To think I will soon be pitted into the life of a newbie soldier, which is coming up, thinking about what a poor fool I was to let that gem slip clear by!

Well, problems persist, screw it. If I missed something, that is might probably because I don't know.

Let's hope luck will shine on us all!!!

The author of this opus is anything but an insane, sexual maniac, or alcoholic, as it can be concluded from the text. This letter rather shows a

¹ *Rechnoi Vokzal* – literally “River Station”. Formerly what it says, but now a large junction.

² *NETI* – the Novosibirsk Electrotechnical Institution, the former name of the Novosibirsk Technical University.

³ “*Kommunalnyi Most*” over the Ob river spans more than one kilometer bank-to-bank.

⁴ *DKZh* – *Dom Kul'tury Zheleznodorozhnikov*, i.e. Railways Workers' Club.

⁵ This collective term used for the subject really obscures the matter when it comes to translation. No Russian-enabled addressee can know what exactly language is taught to the guy unless a bit of additional information comes in.

cultural diffusion and transformation of the motivations of a person getting from a civil society into an extreme community.

Raw recruits going to their units are mostly under stress caused by a sociopersonal disorientation, which defines their territorial behavior. On their way to the unit, they mark off the territory writing on all available walls inscriptions like DMB-19. (i.e. to be demobilized in 19..). An individual imposed such an honorable duty as military service starts to think about the demobilization from its very beginning.

Having reported to the unit, the recruits are forced to leave their last personal belongings and, very often, money. Even personal toilet articles get unified. Officers of all ranks look out for the uniformity of personal belongings, such as a toothpaste, toothbrush, soap, etc., in the recruits' bedside tables. For this purpose, officers practice regular checkups of pockets and bedside tables. These checkups embody the institution of social control. As a result, all extra minimum articles are taken out on the pretext that it is "too early for you". The phrase "too early" threads through the first half of the service. One can be subjected to penalty only for a calendar with crossed days.

In fact, people in the army can be divided into two main groups: (1) old soldiers who are eligible to count time left until demobilization, and (2) raw recruits for whom it is not appropriate to keep count of time and possess individual articles because "it is too early", and they are too green. Hence, it is too early for new recruits to think about time that should not exist for them. The ideas "everything is good in its season" and "permitted due to the term of service" are the main principles for granting privileges. These ideas play a normative role in the extreme community under study.

Social Strata: the System of Privileges and Duties

The social structure of extreme communities is expressed through an original system of terms, which reflect a wide spectrum of fixed social states. These hierarchical terms characterizing the system from the lowest levels to the highest ones determine the process of social transition, namely, the growth of dominance.

Dukhi (i. e. spirits meaning something non-material) are the raw recruits who have been just conscripted. They have absolutely no rights and comprise the lowest caste. In the social context, the term dukhi implies something socially amorphous. The duration of this status is the first six months of the service.

Molodye (i. e. green, young) is the term for the next stage of army hierarchy. They have maximally extended duties and few privileges. Their

main privilege is the right to abuse dukhi in a psychological way. Molodye are responsible for the socialization of dukhi in a "proper" direction. The duration of this status is from the sixth till the twelfth months of the service. Then, they are moved to the next stage where they become an elite of the extreme community under study.

Cherepa (i. e. skulls, crania), sometimes cherpaki, (i. e. scoops) is the first privileged level in the extreme communities system. Their main duty is to control how dukhi and molodye discharge their duties. They enjoy the privileges fully. They have a right to count the time left for the demobilization, talk their coming discharge from the army. This category differs from the mentioned above in having special hierarchical symbols and more aggressive executive dominant behavior.

Dedy (i. e. seniors, grandfathers) are full members of the extreme communities. They are the soldiers of "the forth period of service", that is, from the eighteenth till the twenty-fourth months. They enjoy all possible privileges. Their main duties are to look out for themselves, keep up their elite status, and prepare to the demobilization. Actually, these duties are really important because, finally, everything leads to confrontation with officers. Their dominance is quite legitimated. They act as the "guarantors" of an unwritten law, namely, the dedovshchina. Dedy control all the strata, the interrelations within the hierarchical system, and a fixed symbolic arrangement. Moreover, they symbolize a social actualization so desperately wanted by rightless dukhi and molodye.

Dembelya (i. e. demobees) are those already included in the demobilization order, but not actually discharged. Practically, an indefinite prolongation is implied between the issuance of the order and a factual discharge from the army, usually, until the end of the current draft (January 1 and July 1). In most cases, the discharge day is determined by a direct commanding officer; in special cases, by a unit commander. As a rule, officers are not hurrying to discharge their demobees and often find different reasons to prolong their service. There is a general practice of the dembel'skie akkordy (i.e. the last, final spurt) when a commander employs demobees in various fatigue duties. The officer promises to discharge them straightway after they build, for instance, a new pigpen. This is the first and the last really effective stimulus to work for the whole period of service.

A dembel' is a person of a special status. He is a transcendent subject of the army system who is eligible to associate himself with a civil community. His main duty is to arrange a remarkable demobilization with the full set of relevant army symbols. Although he has all possible privileges in army terms, he is already beyond them. The demobee defiantly leaves the sphere of fixed

relations and marks such a transition by numerous symbols denoting his outside status. Time is the stimulus to the social movement within the hierarchy of the extreme community regarded as a self-contained caste system. A square fence surrounding each military camp presses under soldiers, thus, forming a hierarchical pyramid, and dembelya are on the top of this pyramid.

Chmo (culls, outcasts) are army pariahs sunk to the lowest stratum in the army hierarchy. The general transitive rules described above are not valid in this category. Being unable to move from one level to another, they are not able to establish their positions in such a community. This trinomial model "pariah-mass-elite" seems to be universal. In our case, it is combined with a more specific, pentarchical model "dukhi-molodye-cherepa-dedy-dembelya".

L. Klein identifies the trinomial model as an archetypal model of the structural configuration of the society. His observations showed that a group of outcast prisoners isolated to avoid abuse and dominant relations restructured and rebuilt the same configuration. Former prisoners of Nazi death camps describe the stages of the personality breakdown in the first year of their confinement. At first, there was a great confrontation with guards; however, the prisoners then even started to imitate guards' behavior and their uniform. They tried to transform their prison garbs into something like the guard uniform with the help of different rags. Such a behavior can be regarded as an attempt to symbolically mark their status.

The model "pariah-mass-elite" is in excellent agreement with the pentarchical model of the contemporary army community. The position of the first half-year soldiers is not greatly different from that of the second half-year soldiers; both of them are subjected to the dominant relations. The cherepa category also subjected to the dominant relations nominally differs from the dedy category. Dembelya is the most outstanding group, the very elite of the extreme communities, and everyone wants to become a part of this group.

The uniform also demonstrates the existence of the trinomial model in the hierarchical system. The uniform of pariahs (dukhi and molodye) does not have any extra stripes or badges. The privileged groups (cherepa and dedy) are allowed to have a transformed regulation uniform with some extra details according to the fixed informal rules. These privileged groups wear the regulation badges and stripes following the principle "the more, the better" and regard extra details as a symbol of their status. The elite represented by dembelya, in fact, disregards both the regulation uniform and unofficial symbols. Neither do they wash their uniforms nor change their undercollars; they defiantly draw up a belt shield and cap insignia,

making everyone understand that they are beyond both the regulation rules and dedovshchina privileges. Dembel'skaya paradka (i. e. a demobee parade uniform) substitutes the demobees' body and can be regarded as a materialization of a festival. Note that in army units the relevance of the trinomial model and the insignificance of the pentarchical one are well understood. Thus, in some units, the nominal strata are removed by the leading group. This is especially characteristic of the corps competing for the right to be the elite among other corps, such as airborne troops, borderguards, marine corps, etc. For instance, the first I was told in a Siberian frontier outpost sounded like a manifestation of their specificity. In the words of an informant, "We don't have any cherepa or something. We have only dukhi, dedy, dembelya. That's all."

Nevertheless, there is a more complicated nominal symbolical hierarchy among dukhi in the same unit. It was created as a parody of a real status transition. The same informant continues, "You know, dukhi while they are going to the unit are not dukhi yet. They are just nyukhi (i. e. a very slight odor). After being dressed in uniforms, from quarantine until the oath rite they become zapahi (i.e. a stronger smell, odor). When they are put on oath, they become full dukhi. The first half-year while they are entering the service they are dukhi trainees controlled by dukhi trainers, the second half-year soldiers. It's not my care to teach them to love their country".

The magnetism of social actualization is the very mechanism, which activates the extreme communities machine and resolves the question why people allow others to dominate them. Under conditions of a negative social interaction typical of mechanical communities, only dominant relations guarantee the vertical social mobility and transition from an object to a subject of dominant relationships. In extreme communities, the meaning of the ethical golden rule (I treat my neighbor as was treated) is absolutely inverted.

The basic trinomial structure of the extreme communities in some cases could be complicated with two outside levels: the lowest is chmo and the highest, dembelya. These levels are ethically and aesthetically inverted unlike dukhi and dedy, which are in permanent antagonism with each other.

An individual grows in the process of his becoming or actualization, that is, an actualization in terms of time. This is the process of an ongoing transition from duties only to privileges granted according to the status. A person separated by the military machine from his native sociocultural environment where his personality has formed gets into the system of relationships based on a cruel but, nevertheless, logic agreement. At first,

the person agrees to be an object of dominant relations, that is, to be pabulum or an object for self-affirmation of others. Others provide the conditions for further social mobility for the next generation, pave the way for future becoming and self-affirmation confronting with a common enemy — official regulations and their agents, namely, officers. Hence, the problem of dominant relations in the extreme communities is an inherent part of the whole conscript army at the peacetime.

The perverted dominant relationships in the army stem from the total impossibility to realize one's personal ambitions and individuality. The realization factors developed in the extreme communities are relevant to all aspects of life activities and closely connected with the integrating principles of traditional and archaic societies. In extreme communities, the behavioral pattern is constrained by status stereotypes, and all life support systems such as behavior, clothes, nutrition, space, and even physiological perceptions are symbolically transformed.

BEHAVIOR

The question how one should behave oneself in the army is the main problem of an individual preparing to get into a new community. At the recruit offices, young people try to behave themselves like leaders (following a leadership stereotype): their manner is unreserved, they are rude to everyone, gesticulate more than necessary, laugh loudly, speak in a deep voice, and, in general, they try to look aggressive. This is their defense reaction used when a person wants to keep up himself under hard circumstances violating his individuality. Hence, he creates his image, a kind of a shell for his weak features. This can be called as "establishing its own position".

— How will I serve in the army?

— As you establish yourself

Or,

— Colonel, transfer me to another unit!

— What for? There's really a cruel dedovshchina.

— I will establish myself there in another way.

Factually, in some cases, a person suffered from torments in his unit can not resist the abuse because his opposition would not be taken seriously and put down. However, in a new place, the experienced former victim has a chance to establish himself as a tough dominant leader. The main impulse for that is the fear to take a previous position in the hierarchical system.

However, there are other cases. When a person during his way to the unit or quarantine right after the recruiting establishes himself as a leader among other individuals of the same status, in a full unit he becomes a main object of dominant relations because he invaded the privileges of the elite. If he did not timely change his behavioral pattern, he would be subjected to cruel pressure.

The relationships in army units are regulated by an unwritten rule prescribing a particular behavioral pattern for each status. This process can be defined as a natural formation of ethic norms. Two behavioral patterns are typical for extreme communities: a complex of a subject and a complex of an object of dominant relations. The first complex implies active, vulgar, aggressive, and cheerful behavior; the second, neutral, dutiful, and obedient behavior.

However, each stratum has a particular set of variations among the symbolical range relevant to its behavioral pattern. Dukhi's behavioral pattern implies a maximum of neutrality as they are regarded as amorphous individuals. They should not have any emotions expressed. They operate more as machines rather than men, and such machines need an impulse or to be stimulated from time to time. A good dukh is that who quickly and readily performs his duties without a hitch and takes this situation as normal. A dukh must be modest, dutiful, and silent. All deviations from this pattern are cut off by the phrase "not permitted due to the term of service". It is appropriate when a dukh is slovenly in appearance and immoderate in eating. Although they are sometimes faulted for this, they are usually excused.

An adequate behavior in the first half-year of service guarantees a higher position in the next stratum in the second half-year. The most malleable dukh becomes a favorite of cherepa and dedy, and he is pointed at as an example of what a dukh should be.

Molodye are those, whose position and, sometimes, official status in the next stratum are already defined. They are in charge of dukhi behavior and play a great role in socialization within extreme communities. During the last months of the second half-year, molodye become ardent supporters of the dedovshchina system. They are highly motivated by the desire to join the elite. The reputation of a molodoi soldier depends on his tidiness very much. The untidy appearance excusable for dukhi can greatly harm their future position.

Cherepa are those who have just become full members of an extreme community. In most cases, their behavioral pattern is extremely aggressive. They do remember themselves suffering many indignities; therefore, they

demand their compensation. The more they abuse dukhi, the sooner they extirpate their indignity — this is the logic of their aggressive compensation. Thus, every cherep reproduces the dominant model, which he suffered from yesterday. The best argument and excuse for their tough dominance is the idea that "they suppress us at our term". Their distinctive features ("virtues") are alertness, aggression, and personal tidiness.

Dedy should be lazy and fat. The appropriate behavior for them is to walk slowly dragging their feet, complain that they are fed up with the service, and exchange words with the officers. They are very tidy and picky in eating.

Dembelya are aesthetically and ethically isomorphic to chmo and dukhi due to their transcendence. There is a phrase, "dembel' dolzhen byt' chmoshnym" (i. e. a demobee should be like a shit). This is a sign of their "outside" position. In fact, dembelya rarely shave themselves, do not wash their uniforms, change their undercollars, or polish their belt shields and boots; that is, they symbolically demonstrate their "social death".

The social outside position of a dembel' is regarded as a kind of antistate; therefore, marked by relevant signs. Such an antistate should be matched with a kind of antibehavior analogous to the situation in some archaic societies.

When a dembel' gets his demobilization documents, he becomes a new citizen served his term in the army. On that day he takes off his old uniform and puts on his "dembel'skaya paradka" (i.e. a parade uniform)—a self-made something decorated with aglets and shoulder knots. Usually, the demobees leave their units in civilian clothes because they can be taken to the guard-house for the "violation of the regulation uniform". They put on their parade uniform after coming back home in the second and the last time to rise to relatives' view in the full dress. This is an apotheosis of the status aesthetics.

HIERARCHICAL SIGNS AND SYMBOLS

All kinds of activities in the army units are aimed at reproducing and supporting the hierarchical system. Developed in symbolical models, all life-support systems serve for preserving the existing strata. Thus, a material basis of life support is both a background and an environment where the relations between the signifying and the signified are formed. As the social status is growing, the symbolical aspect is becoming more significant and starts dominating in all life-support systems. In other words, for a dukh, any kind of food is acceptable and food itself is regarded as a number of

calories required, while for a *ded*, food is a sign of his status up to a limitation of a ration. A status of a "radical" *dembel'* requires a rejection of a regulations ration. He prefers, if possible, not to eat at mess but to pay for the meal at a canteen. If he has no money, he can eat and cook individually, not at mess. For instance, he can make fried potatoes with the cook after the last post. Thus, the structure of ethnographic life-support systems apparently coincides with the structure of army system. Therefore, it is appropriate to examine the army realia in the following categories: food or meal, housing, and clothes according to their symbolical semiotic meaning. In fact, it is the signs that transform food into a cuisine or a kitchen, a house into architecture (i.e. space architectonics), or clothes into a costume. Signs and signifying transmute a real aggression into the dominance full of symbols and signs. The symbolical equivalents prevent physical abuse and transform it into psychological pressure.

Sociosymbolical Transformation of a Regulation uniform

For each term of service and social status, there is a strictly corresponded transformation of a regulation uniform. Such transformation marks and demonstrates the informal status of the wearer within the hierarchical system.

Sign transformation of the uniform is allowed from the beginning of the second half-year of service. Non-privileged groups are strictly prohibited to deviate from the regulation uniform. Both *dukhi* and *molodye* have to wear the uniform as it is prescribed in the Regulations. A cap should be put on straightly, and its edge is two fingers higher than the eyebrows. A belt should be tightened so as it could not be twisted, a belt shield should be between the fourth and the fifth buttons, etc. The uniform is a sign of social amorphism and impersonality of a wearer. According to the Regulations, all belongings, from toothbrushes to boots, should be unified.

The regulation uniform transformed according to the symbolical system of social hierarchy is, in fact, a costume, which is a type of clothes corresponding to the symbolical range accepted in this community or society. Hence, clothes can be considered as a substitute for a body, and the costume is a substitute for individuality.

The uniform can be transformed just after the transition to the *cherepa* class or it is the continuation of the rite of passage, which is held at the night of issuing the demobilization order and the order about the beginning of the next draft.

The garrison cap. Unless they do not belong to a cherepa class, soldiers are not allowed to do something with their garrison caps. On the first day after their transition (or even at the night of their transition), the new cherepa tear off a leatherette band attached around the inner side of the cap and flatten it making the outer flaps join over the inner side. In some units, stars on the caps become a symbol of time; when it is half-circle turned, it says that the owner of the cap has served the half of his term. Thus, as time goes, it is being turned clockwise. One is allowed to tilt a garrison cap as well as other caps backwards or over one's eyes. Those dedy and cherepa who are too much worrying about the term of their service can put on their caps on the wrong way or across the head. Of course, they do it not always and everywhere, because it is not quite comfortable and good-looking; this way of wearing a cap emphasizes their dominant position when they "work with personnel" or, simply, torment young soldiers.

The panama hat. Other kinds of caps are similarly transformed depending on the corps and their dislocation. In hot regions, soldiers are prescribed to wear panama hats. Two contrast variants or oppositions "socially significant form" "socially amorphous form" are well represented in the form of panama brims. Dukhi wear panamas with dropped brims, dedy's panama brims are parallel to the horizon line. To make such an effect some springs taken from a dukh's service cap are put into the panama brims.

The service cap. Although service caps are very difficult to transform due to their specific form, a ded should have a service cap with a high crown and a badge of the cap should be convex and curved inward. Dukhi usually wear unmodified service caps.

Shapka-ushanka (a Russian winter hat, i.e. the hat with earflaps). Unlike service caps, winter caps are easily modified. Actually, they are steamed and boiled, washed and dried on the Regulations books, cut down and blacked. Although the climatic zones of our large country are greatly different, the rules of winter caps modifying are almost the same. For instance, even though the winter in Siberia is severe, while in Central Asia it is rather warm, the winter caps of dedy from the Central Asia units or Siberian units do not differ very much. In Central Asia army units all earflaps are sewn together, the laces are run inside through the hole made in the center of the cap and tied inside. In Siberia where winters are really cold and it is necessary to put down earflaps, they are not sewn together, the hole is not made and the laces are tied outside. Yet, there is a difference between the way of tying the laces: soldiers in a higher position must have smoothed laces, which make up a triangle at the back end of a winter cap.

Caps produced by the Soviet industry were not always equivalent from the informal esthetical view of the army community. Thus, the Ahunbabaeva factory made service caps and panamas unacceptable for a true *ded*. The panamas of this factory had very high tops and narrow flaps, while service caps had too low crowns and for those reasons, they were called sailor caps. The panamas of the Volgograd factory and service caps of the Odessa factory were highly valued because they agreed with the esthetical standards of the community. These caps were illegally exchanged and had a commercial value. Hence, staffs in charge of distribution of the uniform—warehousemen, quartermaster-sergeants, etc.—were greatly respected and belonged to the elite regardless of their term of service. Although, a young warehouse staff was on the top of the hierarchical system, he could not have the same symbols as a *ded* before his due time.

Thus, a cap transformed in a certain way can be regarded as a substitute for the head that thinks about status.

Underwear. This kind of clothes in the army is a special and very important thing to be examined. The process of the distribution and change of underwear is very significant and has a lot of restrictions and rules. The change of underwear occurs once a week during the organized bathing. A warehouse man receives underwear for the whole company, and *dukhi* of this company must distribute it according to hierarchy. While *dedy* are bathing, *dukhi* must take all dirty clothes and change it for the clean clothes. After this, *dukhi* must sort the clean underwear. The *dedy's* underwear should be of a proper size, with all knobs and rubber bands, without holes, and fresh-looking. Underwear can be classified as follows: (1) new underwear, (2) already worn, (3) mended, without some buttons, and (4) ragged underwear, etc. Old underwear is renewed not because it has become worn out but it can be charged off only in certain periods.

In some cases when more or less new underwear is insufficient for all *dedy*, *molodye* or *dukhi* have to go to warehouses and beg warehouse staffs to replace old and worn underwear sets with better ones. Soldiers in lower positions are last to care about themselves.

Therefore, a bathing day is a day of an increased risk. On that day, the internal hierarchy within the *dukhi* category is clearly seen. Every *dukhi* has to pick only the particular pieces of underwear, which correspond to his position within the whole stratum of *dukhi*. Evidently, there is a trinomial hierarchy within the *dukhi* class, which can be clearly defined in comparing with the "scale of things". For example, in case of underwear, the value scale of underwear pieces is (from the most privileged to the least privileged) towels, undershirts, drawers (pants), and *portyanki* or foot wraps, which are

a specific piece of clothes of Russian soldiers, i.e. strips of cotton cloth used to wrap one's feet instead of socks. More privileged dukhi who readily conform to the norms of the hierarchy pick more privileged pieces of underwear. Others pick the rest. Pariahs or chmo collect foot wraps portyanki only.

The tunic and trousers. Tunics and trousers can be either field or dress (parade). Field uniform is sorted by seasons. There are summer uniform (made of cotton), its indigenous name is he-be, and winter uniform (made of union cloth), pe-sha. The main principle of their transformation is a proper silhouette and a variety of symbols. Both tunic and trousers are made to fit on (dukhi should wear the uniform without any modifications; they are not allowed to make it fit). Mostly, tunics both field and dress are taken in their lower parts; trousers need taking in their wide upper parts. Military garment industry makes the regulation uniform in the shape of an hourglass, when an upper part of a tunic is equal in width with its lower part, and the lower part smoothly goes into wide upper parts of trousers. Visually, such shape of the uniform makes backside wide and shoulders narrow. This shape conflicts with the masculine esthetical standards; therefore, it should be eliminated. Although, a new model of the uniform — camouflage — has a straight silhouette and does not look like the former uniform, the masculine esthetical standards require to stitch up hip patch pockets. To outline the sharp silhouette, it is necessary to iron pleats. According to the Regulations, the pleats should be pressed only on trousers not on sleeves. Soldiers do everything upside down: they press the sleeve pleats continuing the upper edge of shoulder boards. Cherepa have to press a pleat going across the back, the so-called strelka-godichka. To hold pleats tighter they are glued before pressing.

Shoulder boards, chevrons, stripes, tabs, metallic emblems, buttons, and different badges can be regarded as symbols of the army costume.

Either metallic or plastic plates are inserted inside or glued under the shoulder boards to thicken them. Depending on the situation, the thickening linings, however, can be made in different ways. One way is to make them of a milk pack because the paper of such pack is polyethylene-based. The first step is to scissor out board-sized stripes from a milk pack. Then, these stripes are put under a shoulder board and ironed together. The polyethylene base melts attaching the paper to the board. While a board is still warm, it can be made convex pressing it to a bottle or it can be left flat. In the regions where milk packages are not available, the same effect can be made with the help of layers of cloth lining overlaid by polyethylene layers or a glue. The same operation can be made with chevrons, tabs, and other kinds of stripes.

Different metallic badges are shaped into a convex, well-rounded hemisphere. Military garment industry produced two sorts of furniture for military uniforms: for soldiers and for officers. The furniture for officer uniforms such as buttons, insignia, cap badges, etc., is made more thoroughly and sharp-contoured, so soldiers try to attach it to their uniforms. Although, the new uniform implies more chevrons, insufficient army funding causes their deficiency. This gap is easily filled by numerous informal rules when a higher strata of army communities decorate their uniform by all possible stripes and chevrons, like arms insignia, blood group badges, etc. All this stuff soldiers buy for their own money through those soldiers able to get into cities or towns. Dukhi can not use this privilege for any money because it is "not permitted due to the term of service".

Some badges as well as the star on a cap can serve as a kind of a calendar or clock face. Usually, a badge "Soldier-sportsman" or begunok (i.e. a running man) with a sportsman on it is turned clockwise imitating the hands of a clock. If a man on that badge is running upside down, it means that the wearer has "run" the half of the term; if a man is running normally, the term of the wearer is running out.

The undercollar is a very important piece of the uniform and a symbol. It should be regularly changed. According to the Regulations, the undercollar is a double stripe of a white cloth, 1.5–2 cm wide. It should be changed every day and stitched with a white thread; when it gets not fresh, it should be washed.

However, as a symbol reflecting the rules of the hierarchical system, the undercollar implies something absolutely opposite to the regulation norms. Highly positioned soldiers can make stand-up collars instead of their original turn-down collars. For this purpose, they make the undercollar from a large piece of cloth, about 1 m long folding it many times to get a band of cloth, 10 cm wide and 5 mm thick. It can be sewn with black, red, or green threads. Cherepa, having served in the army more than a year, can embroider one zigzag at the undercollar ends, while dedy can embroider two zigzags. During the last hundred days before the discharge from the service, a number of days left before the issuance of the order is being embroidered on the undercollar. In penalty battalions, a black spider web can be embroidered on the undercollar. Radical dedy find washing an undercollar not appropriate to their position (Rus.: zapadlo); therefore, they buy meters of new cloth because the under-collared should be always fresh. Dedy should wear their collars unhooked, hence, lower positioned soldiers should wear their collars always hooked up.

Footwear. Dedy's boots should be highly polished and have almost a mirror-like surface; their boot lugs can be fold concertina-like or, on the

contrary, have a smooth surface. Box calf boots are the most highly valued in the army. "Proper" boots should have soles lathed around the perimeter and taken in legs. Some experts from fixing units can heel and calk boots for additional charge. Although, it is difficult enough to concertina boot legs of pigskin boots, some experts using the well-known soldier wit can fold a tough pigskin with pliers in the places of supposed folders. Soldiers get the shine of boots with the help of multiple hot ironing and a good shoe cream mixed with paraffin (simple blacking is not for this procedure). In this case, the iron is sacrificed for such absolute beauty. Some prosperous dedy can order new boots or remake the old ones at the cobbling place.

The same steps mentioned above are taken for lace-boots. The bootlaces are usually ironed.

The overcoat. This piece of the winter uniform is neither loose nor comfortable to wear. The pea-jacket gradually displaces the overcoat, because the latter looks nice only during a parade, but it is not comfortable on the battlefield. Nevertheless, the overcoat retains its role as a symbol. Coats are usually taken in seams, the back fold is sewn up, and a half-belt is attached to the back. Since overcoats are hooked, not buttoned, buttons are only nominally attached. To look better, buttons are usually not sewn to an overcoat; they are held by small nails, which are put into button loops from the inside. The most highly valued overcoats are of non-standard length (too long or too short) and color (too dark or bright). Also, the best coats are shaggy. A shaggy overcoat is an extraordinary transformation of the army aesthetics, an archetype of fur coat. A shaggy overcoat serves for a wearer's self-actualization; it is not laughed at, but sympathized. Soldiers shag their coats by combing the cloth with a metallic brush, which is usually used in industry to clean machines from swarf.

The belt is a key element of the whole sign system of clothes. As prescribed by the Regulations, soldier belts must be made of thick leatherette. Belts made of true leather are for cadets only. At the first glance, these two sorts of belts do not differ from each other; and it has no difference for officers, whether the belt was received at the warehouse or bought at the shop. But this is not so. In fact, the belt is almost the principal element in the sign system. First, it is an initiation tool; second it is not a personal property only, but the property of the whole unit (e.g. a ded gives to his vassal dukh his belt during the initiation of the latter and buys a new one to get ready for the demobilization); third, the belt symbolizes the life potential of its wearer, serves as a materialized model of time (i.e. term of service), and embodies the socialization process for an ex-dukh when he is transferred from socially nothing to socially something. The army belt is

not just a calendar with the marked number of months spent in the army; it is a model of time continuum reflecting a life path and a life essence of the wearer.

The belt shield of an initiated soldier should be sharpened, beams running from the star should be flat and smooth; the surface, highly polished.

Shield edges should be sharpened so that one could even open a tin with it. A clasp, which holds the belt tight, is usually taken off; instead, a loop made of thick wire is used or a hole can be cut out. The belt modified in this way is usually worn loosely, not tightly; although, it is not quite comfortable and even sometimes dangerous. Thus, the principal status symbol of a person initiated within an extreme community—the belt as a symbol of one's life essence—is worn directly on the penis. This fact is widely reflected in army folklore and is an inexhaustible theme of officers' jokes during evening and morning parades. For example, when an officer sees a loose belt, he calls to attention, then, he draws the shield upwards and unhands short. Even though a ded is twisted with pain, he is still proud of his informal elite status publicly recognized. Note that such kinds of jokes are allowed to those officers only who have authority with their subordinates.

In cultural terms, the belt is an archetypal phenomenon. It embodies the idea of vital forces, substitutes the body, and serves as an amulet (or, exactly, obereg i.e. the thing that protects the wearer from any harm). As a key element of the entire sign system, the belt symbolizes the time continuum identified with the life essence measuring unit. All traditional cultures empower the belt with such properties.

Ritual belting is widely practiced during initiation rites. As a symbol of war honor, it could substitute the warrior himself. In particular, in cases when the body of a killed warrior had been lost, ancient Turks widely practiced the burial of his belt instead of the body. Thus, identical socio-symbolic functions of the belt in the army and traditional societies entitle us to consider the belt as an example of the archetypal phenomenology of the collective unconsciousness.

The Sign Organization of Space

The conflict between the individuality and the space is one of the main social problems in the army. This problem is closely related to the moral stability and normal atmosphere in the units. Material things arrange space and make it more or less comfortable. In cultural terms, the thing is a social phenomenon because it defines the essence and position of its owner. Things contain the information and emanation of their owners.

On the other hand, a person acts as a space subject; concentrating and placing personal things; it is he himself who establishes his territory and organizes his space. Here we can see a great contradiction of the army regulations, which prescribe to refuse private things and conform to the esthetical norms of a unified and strictly geometrical order.

The dwelling space of barracks does not leave a chance for self-actualization. The barracks organizing principle is to make a person that is forcibly placed into this unified space forget about self. In army terms, it is called "the barrack disciplines", any deviations from the fixed rules are called "bardak" (i. e. a mess, disorder), and any initiative is strictly punished.

The minimum of private space limited to a bunk and a half of a bedside table contains a strictly regulated set of personal belongings permitted. Even some toilet articles such as a toothbrush, soap, toothpaste, etc., are sometimes centrally bought by sergeant majors especially before important checkups. The Regulations permit soldiers to have some personal things, e.g. a camera, but these things must be stored in the warehouse and used at special time only. Such extra things are not engaged in everyday space organizing.

Undoubtedly, a soldier tries to express somehow his esthetical needs in a space context. As usual, in the period between the last checkup and the next checkup, some tiny prohibited things temporarily get into the bedside tables; pictures are stuck to the inside of table doors.

Clothes as the closest thing to the body should be properly marked with the name of the wearer. Gas masks are individually chosen and also marked. But all labels with the names are made by one person, because the hand-style of all inscriptions should be the same.

The practice of regular morning and evening parades adds a space-architectural function to the uniform. Mostly, the regular army parades are made in order to check up the uniformity of the clothes. The overcoat is a very illustrative example of this function. The overcoat is a highly architectural piece of clothes; most probably, it is not just a piece of clothes, but something like a face of a house. Esthetic properties of the overcoat are subjected to the aesthetics of the rank. For example, coat flaps must be at the same height from the ground. Therefore, to make a line look tidy, a sergeant lines up all the soldiers and draws a line with a piece of chalk on the overcoats at a certain height. All coats should be cut along this line. To level a line from above is a much more difficult thing because in this case sergeants would have to cut soldiers' heads. In fact, sometimes the heads are cut but only symbolically: first, all heads are shaved; second, they are shaved along one line on

the napes. This institute of army aesthetics with every new parade turns a person into a new military unit. The most illustrating examples are the parades on occasion of visits of generals or top officers. A general followed by a unit commander and his closest staff goes along the ranks trying to find out flaws in soldier appearances. Sergeants usually stand behind the ranks obsequiously clutching mechanical clippers in their sweating hands; they are ready to cut soldiers' hair at the first signal. The most interesting thing is that sometimes soldiers were cut and shaved even on the parade ground. This action publicly demonstrates exercising dominion over the heads of the subordinates.

This, partly comic situation can hardly be explained by reasons of necessity. During such regular parades, the archetypal algorithm of the total power is reproducing a semiotic public execution. Moreover, the situation described above is not a fable or a "black humor" story. It took place during an important inspection in a brigade of Signal Corps of the South-Western Group of Arms in 1989, and the author himself was one of the participants. Thus, the ritual of cutting coats and shaving heads helps to make up a geometric figure from a human mass. The aesthetics of military parades and the ethics of a totalitarian state consist in a geometry of the unified human mass.

The very act of wearing the uniform deprives a person of his territorial autonomy. To put on a uniform means to get included into some macrostructure, and for an ordinary soldier, this is nothing of his business even to understand the purposes and main principles of the macrostructure existence to say nothing about creative influencing it.

Like in prison camps, in the army everyday life, the chance to have sometimes a territorial autonomy and privacy is greatly valued. But the territory of the army camp is organized in such a way that privacy is impossible there even from time to time. Therefore, the most valued places in the barracks are located apart from the others, such as an outside bunk (near the wall, window, etc.). Some kinds of duties implying a possibility of isolation and mobility are valued for the same reason. In our unit, the most popular duties were in a pigpen (despite the dirty job) and at the check outpost because it was the closest place to the outside, which was beyond the fence, despite its disadvantage of being close to the authorities.

The distribution of the space is entirely controlled by dominant relationships and reveals the informal hierarchical system.

Describing hierarchy in prison camps, Klein noted the territorial factor in individual self-actualization in extreme communities. He himself had a

status of an *uglovoi* (i.e. a corner man), which he achieved due to certain features of his character, in spite of his intelligent social origin and the punitive article disreputable in the criminal world. The *uglovoi* person is usually fully named and respected; hierarchical leaders are eager to talk to him. According to his status, he occupies a bunk in the corner.

In some army units, to author's knowledge, the highest class members occupy the lower row of bunks along the walls. A bunk for the elite should be sided with walls having another bunk from above; a person trying to create an illusory atmosphere of autonomy instinctively tends to find a box and hide in it.

In the army as well as in prison camps, pariahs or individuals at the lowest hierarchical level occupy places adequate to their social status. These can be the most uncomfortable bunks, such as upper bunks, bunks on the way out, or close to the exit, that is, too visible.

Thus, the quality of a space occupied reflects a position of a person. In a dominant and aggressive environment, a stronger and dominant individual occupies more isolated territory and vice versa.

The Regulations keep up the discipline by suppressing individuality. Space in the army is neither the emptiness filled up with things nor a configuration of things. In the army, the only thing organizing space is people themselves, a human mass geometrically formed. Line or ranks are the only spaces for an individual. A person out of ranks is asocial and suspicious. In some strictly regulated units, a soldier is not permitted to move in a normal way, that is, to walk with normal steps, but allowed to move abnormally, that is, to run. Actually, a soldier in those units should only march in ranks or run. It is implied that he either conforms to collective schedule or readily performs his duties. A "single" body is regarded as an element that can be placed, forced to move, or combined with other elements. Its main specifying values are not valor or force, but a place this body occupies, the space it covers, and proper coordination of its movements within this space. A soldier first and foremost is a fragment of a movable space, and only then the person of valor and courage.

Time suppresses space in the army; the barracks routine does not provide any privacy possible. That is, there is no legal time for a soldier to be in privacy, alone with his thoughts. The time-and-space continuum is determined by the total mass geometry. Self-expression of every kind in both time and space is considered as disorder. Trying to establish order, an officer first aligns or ranks soldiers forming a geometrical figure from a human mass. The status quo of official power in terms of time

and space is renewed by this creative act; moreover, this act makes the semiotics of the ranks closer to the ritual. Some of the methods used by officers effectively affect the personality. For example, these methods can be night linings up or endless reading of the list during the evening parades, if some whispers — in psychological terms they mean that individuals are trying to escape from the line — are heard, then the list is read from the very beginning.

"The discipline consists of interchangeable elements; each of the elements is defined by its position in the ranks and space intervals separating it from other elements. Therefore, the unit is neither a territory (a unit of dominance) nor a place (a unit of location), but the ranks". However, if "the discipline is an art of ranks and a technique of space transformation", hence, it can not be achieved within the status regulation system with its inviable hierarchy. The Regulations themselves de facto not recognizing the existence of informal hierarchy are not viable. In this sense, the role of a young sergeant commanding *dedy* and *dembelya* is rather tragicomic.

Within an unofficial status model the rights of an individual in terms of space are growing as time is passing. The bunk of a *ded* is a model of his self-actualization in time. A narrow, long strip of paper or cloth with the numbers from 100 to 1 written is glued on the bunk frame. Every midnight *dukhi* must cross or tear off one number. This triumph of a semiotic modeling of a calendar is called *stometrovka* (i. e. hundred meters). *Dukhi* must tear off only one number at midnight, when a *ded* is sleeping. This model of the space-time continuum directly reproduces an extent of *ded's* body.

The distribution of individuals in the space directly depends on the reasons which brought them together: internal or external. If the meeting is of official kind: a formal meeting in the club, classes on political issues, or marching on the ground, the illegal elite is on the background, behind *dukhi's* backs. If the meeting is unofficial, like watching TV after the last post or seeing a film in the club, *dedy* occupy the first rows and the center. Thus, depending on the situation or event (formal or informal) a space can be distributed according to two main principles of social organization.

In some cases the space itself forms the status of an individual. If a soldier due to his post has his own workplace, even for temporary use, for example, a radio operator has an operations room; a photographer works in a laboratory; a cook, in the kitchen; a medic, in a medical unit, etc., his status is quickly growing reaching the highest positions. Every soldier

eligible to have even a one square meter of an autonomous territory does not simply own or work at this place, but decorates it like his own house. There are some instances known when drivers made some nychki (hiding places for some personal, not allowed things) in their small private places, that is, their cabins. By the way, the word nychka means the hiding place in the sense of privacy.

The high social status is a focal point of the social landscape. Hence, the low status is vice versa. Dukhi are socially amorphous as though they are dissolved in the air. Even their name supports this thesis (in Russian dukh is a spirit, ghost, etc., i. e. not a material thing). Their social uniformity is absolute. Every morning they have to organize the barracks space: they make all the beds, wash and scrub everything, flatten beds with a thread forming them into geometric figures using exotic techniques (beating the bed edges with slippers or a stool, pressing the folds with a stool or a brush, etc.). "Dukhi must fly", that is, they must always be busy with their duties; they can not even sit or sleep when it is not the due time for that. This means that they can not use their territory in spare time.

Dukhi found guilty in something deserve to be punished. The usual and the most humiliating punishment is to clean outhouses. Chmyri, the pariahs of extreme communities, always perform this duty. To make a chmo who is discharging from the army clean a toilet seat in his demobee uniform is the act highly regarded in the army community. This act semantically means mixing these people up with a shit, and a toilet seat is identified with the unit gates, which they have to pass when they are leaving their unit.

In one unit located in Novosibirsk, a soldier who produced a complaint to the commander was put to death in the toilet. The commander returned the complaint to a sergeant major, his direct superior, and he cruelly punished the soldier. The sergeant compelled all soldiers of that company to defecate in one place and then he sank the soldier into the heap of feces and hold him there until he suffocated. Although this fact was made public, the name of the offender is still not known. The soldiers of this unit are aware of the punishment for finking and they are scared to testify against the superiors. Note that the disposition to a sign behavior and a symbolism of thought sometimes lead to such inhumanly cruel acts, which even the most aggressive animals would never commit. Torment is the semiotics of violence.

In the army all sorts of work, the decoration and arrangement of the space included, are irrational and absurd and serve as a repressive mean to keep the existing social structure.

Status Signs in Nutrition

The semiotic status of food fully reflects the social relationships. Food in cultural terms always has an essential meaning, that is not simply a calculation of the caloric content. This essential meaning transforms food into cuisine. And otherwise, the low semiotic status of food considering only its caloric context transforms the nutrition as a culture of eating into a technology of life support.

A degree of the semiotic significance of nutrition is in direct proportion to the hierarchical scale: the higher is the status of an individual, the more restrictions and ethical norms, privileges and duties he has to conform in his diet, and vice versa.

The ration in the army is based on the calculation of caloric content. In the army the culture of eating is substituted by a calculation of energetic value, hence, the words "ration", "menu", "coarse" are normally replaced by the words "daily allowance" or "distribution of food", which mean the fixed daily norm of calories.

The nutrition system as well as clothes clearly reflects the hierarchical relations, so the components of daily allowance are ranked according to the sign hierarchy.

The lowest strata should be content with the fixed daily allowance only. The daily allowance contents vary from the prestigious dishes to the least prestigious ones (in Russian, *podlye*). The quality of dishes is defined primarily by the taste. The list of dishes from the most prestigious to the least prestigious ones is as follows: bread and butter, cutlets (on holidays), two eggs (on Sundays), fish, beef slices in sauce, macaroni, potatoes, and kasha or porridge (barley porridge or all-mash). Accordingly, as a person is going up the social scale, the number of dishes he can eat without damaging his reputation is essentially diminishing. A ration made according to the hierarchical rules can be imaged in a shape of a pyramid. *Dukhi* are at the foot of the pyramid, they must eat everything; *molodye*, the next group, can eat not everything; *cherepa* eat only tasty dishes; *dedy*, a high class, eat sandwiches only; and *dembelya*, the top class, should not eat at mess. During the last hundred days before the discharge from the service *dedy* deny themselves the most privileged food, that is butter, and give it to *dukhi*. Of course, this scheme is of ideal kind but mostly it is well realized and followed.

There are certain status etiquette norms detailing taking meal. If a *dukh* is very fastidious or, on the contrary, intemperate about his food, he can be forced to eat an enormous amount of bad food, for example, a big pot of a nasty barley porridge. The same can be done if a *dukh*

tries to eat the food of the elite. In our unit at supper dedy used to sent dukhi to bring some vegetable oil from the kitchen to add it to dry boiled potatoes. Once, a dukh who took this privilege without permission was forced to drink a cup of oil.

Dukhi should not sit with dedy or cherepa at one table, but have to eat quickly and clear the table for them. When this fact has been noticed by authorities, dedy started to sit dukhi at their tables for not to be liable to suspicion: he ate here himself and clears the table for himself. Highly dominant dedy tend not to go at the mess hall. Hiding from the eyes of officers, dukhi bring them some food like bread, butter, fish, etc., into the barracks.

Some tiny human joys not included into the fixed daily ration are available at the canteens. Primarily, these are different milk products and sweets. A visit to a canteen is a privilege, therefore, it is a sign of social status defined according to the term of service. Etiquette norms do not allow dukhi to go to the canteens, because they are still very green and have not drunk up the cup of camp life and hardships of military service. For this reason, such an intrusion upon tiny sweets of life, for example, having a bun at the canteen, is regarded as tactless attitude to the seniors.

When one is punished for the canteen, another young soldier who has been in the army for a half of year and has not even been to the canteen serves as a model of the proper behavior. All young soldiers are strictly forbidden to eat additional sorts of food due to their term of service. This taboo is violated only when a young soldier gets a parcel from home. However, this situation clearly shows a low social position of the young, too. The young soldier who has got a parcel from home has to share everything with all room-mates starting from the superiors, so he has little left. Needless to say that dedy mostly do not share their parcels with dukhi, but if they do it, they only want to emphasize their superior position. Sometimes, after a night feast a ded gives a pack of leavings to a dukh saying, "This is for you. After you eat, clear up everything". Of course, such situations are very casual and can be very different depending on the traditions of each particular unit. Dedy have different attitudes to the parcels of young soldiers; they can either take the parcels or ignore the small presents. Sometimes dedy believe that to deprive dukhi of their food is below them due to their high status; sometimes dedy with studied indifference refuse the gifts saying, "I am going home tomorrow, and you are to be in the army for very long yet". But anyway, the parcels from home accentuate the hierarchical distinction.

SOCIAL MOBILITY AND TRANSITIONAL RITES

Army communities differ from prison communities only a little. These differences are: the same term of army service for everybody, the guaranteed discharge, and seasonal manning. The term of service can not be reduced due to the decision of direct superiors or an amnesty, like in prison camps. Under the conditions when the hierarchical position is mostly defined by the term of service, the social mobility, namely, the transition from the lowest stratum to the highest one, is accompanied by the transitional rites.

From birth to death, human beings everywhere are positioned in various social states. Periodic transitions from one state to another involve changes in social status and are always times of social and emotional crisis for those undergoing the changes.

In army communities, the rites of transition to the next hierarchical stage involve a ritual (in essence but not in form) beating or flogging of a neophyte. This ritual can slightly vary in different units, but its main principle remains unchangeable: the number of months served defines the number of blows. A soldier can be beaten with a belt shield or with the different sides of a belt, and he has to distinguish the blows with a shield from those with the plain side. Dukhi are beaten six times, after it the initiators can autograph the back side of the belt. The transition to molodye is more formal and not strictly institutionalized because this transition does not involve any radical changes in soldiers' life, except the fact that from this moment he is responsible not only for himself, but also for his personal dukh-ward. The transition to cherepa is of great importance because after it the initiate becomes a part of the elite, that is, he becomes not an object of dominance, but the subject.

If he has stable subdominant relations with a certain ded, this ded will initiate him. Otherwise, every senior can do it. A ded beats an initiated molodoi twelve times with his belt, and then the belt itself is passed to the new cherep who will give it to his dukh next time. The back side of the belt is autographed, sometimes some phrases or precepts are written. Undoubtedly, the act of a transition to cherepa is a transitional rite due to its apparent socializing function. The ritual of passing the belt is a quintessence not only of a transitional ritual, but also the whole system of the dedovshchina self-reproduction. This system involves the reanimation of archetypal structures as socializing factors clearly shown by the composition of the transitional rite itself, which semantics we will consider apart.

Acculturation in the Hierarchical Value System

Socialization is considered here as a process of reproducing the society by forming the pro-social value system. Of course, one question arises: how a dukh can be made to regard dedovshchina as his personal value? However, the socialization itself regarded as above means more than a simple desire to revenge for one's suffer. Socialization is a mechanism of life style apology forming the group identity.

Transitional rites are regarded as a benefit because they fill up the gap in the Regulations where the hierarchy between soldiers is strictly forbidden, and, hence, the transition from one stage to another is not implied. Nevertheless, an individual has to somehow establish himself, and this feeling is getting stronger in the army atmosphere where a person is always told that he is a social nothing. Dedovshchina is a self-developing and flexible system basing on a stadial transition from socially nothing to socially something by the institutionalized rite. Thus, its severe cultural norms seem attractive even to dukhi, which is clearly seen from their attitude to the transition.

The transition is a very important event in army life, young soldiers do their best before the issuance of the order to deserve to be transferred. Blows with a shield is not the worst thing they saw during their term; therefore, they take them as a benefit, not punishment. When dedy refuse to initiate somebody, this is even more than just a punishment. Sometimes dedy intimidate their dukhi not to initiate them. This is almost the strongest impact of social activity, which has been used in the army for almost forty years. However, usually everybody is transferred, both those who zealously conformed dedy (zolotoi dukh, or golden dukh) and those conformed them not so readily. Those who tried to oppose dedovshchina during the first year are also transferred, but only if they have shown the strong sides of their characters and have been eager to get a higher position in the system. This clearly demonstrates the instinct of group self-preservation, which causes the society self-reproduction as time passes. For this purpose, even those who did not perform their duties are granted with rights because the privileges lacking in the Regulations are the main self-reproduction mechanism. The privileges mark off the elite, which is the class providing the functionality of the whole system. Chmo, the individuals positioned the lowest in the system, are usually publicly refused to transfer; such an extreme measure is regarded as a lowest depth of humiliation.

Reasonably, dedy performing the initiation rites are taking a great risk because officers consider this ritual to be the source of all troubles in

the army and cruelly persecute for that. Moreover, it is rather easy to find out and punish an initiator on the autographs on the belts. For that reason, it is molodye who persuade the seniors to transfer them. Dedy not hurrying to consent provoke a love of masses, "We will transfer you, and you will rat on", but after some time they usually give up and transfer the young.

Dedy forcing dukhi to take the initiative in performing the ritual provoke them to choose between two value systems: official system based on the Regulations and unofficial one based on dedovshchina. The festive atmosphere of the ritual relieves the conflict between strata and strengthens the socialization within the value system, forming dukhi's positive attitude to the dominant system on the whole. Thus, rightless and subdued victims of dedovshchina accept the very idea of a status transition as their personal value long before they undergo this ritual in fact. The norms of dominance are the essence of the social value system indifferently to the social stratum.

Although the transition from one social state to another in the army community seems to be fully analogous to the initiation rites, actually, the whole first year of service is the real initiation. During the first year of service a young boy should be killed for the following re-birth in his new state of a warrior.

With worldwide cultural development, the ritual gradually withdraws from the everyday life of the society and goes into social unconsciousness, nevertheless, it appears in the environments of cultural vacuum, for example, in extreme communities and becomes a behavioral and ideological imperative. Soldiers are impatient for this ceremony because of hope of deliverance from numerous duties and the beginning of self-affirmation. After the first year they are eligible to have their personal belongings and transform their uniform, watch TV after the last post and sleep after the reveille, go to the canteen, not to the mess hall, spend much time on the sports ground, and miss an evening parade. Their right to be masters of their time and place is provided by their high status. Thus, a status of the elite implies self-actualization, which begins from an unconscious establishment of spatiotemporal autonomy and then develops into the conscious recognition of one's outstanding features.

Consequently, when regarding the dedovshchina as a system, we find the initiation rites to be the main principle, which underlies dominant relations. In fact, during the first year of service an individuality is being steadily destroyed, while during the second year this individuality destroys another person's individuality. Social mobility in extreme communities reproduces a system of an organized violence on the principles of archaic initiation rites. Note that a patriarchal part of the society justifies the military

service regarding it as a long-term initiation. During the telephone conversation organized by Komsomol'skaya pravda, Vladimir Putin, President pro tempore, was asked a question, "Why not to annul a student privilege for suspension from military service?" The data obtained from interviews showed that the majority of middle-aged men is for the total compulsory two-year draft, while the majority of women is against it. Adherents of the military service believe that the army "makes men from green boys" and this idea is very accordant to the dedovshchina principles. A phrase reflecting the popular attitude to the service can be seen in almost all demobee albums: "who was a student saw the youth, who was a soldier knows life".

PHYSIOLOGY AND SEXUAL DETERMINISM OF SOCIAL HIERARCHY IN EXTREME COMMUNITIES

In the words of Michelle Foucault, "Historians started writing the history of the body long time ago. The body has been described in terms of historical demography and pathology. But the body it self belongs to a political sphere, too. Power structures hold the body like grim death. They grasp it, brand, discipline, torture, force to work and take part in ceremonies, produce signs". In the army the two competing systems of organized violence are fighting for the right to possess the body: the first system is official and the second is unofficial dedovshchina. A person decorates his body and clothes with different signs and symbols, which define his status. Status relations go deeper than simply the semiotic transformation of a body or its substitutes and they subdue the physiology and sexual relations.

The system itself is of patrilocal character, and its terms, such as fathers-officers or dedy (Russian "a grandfather") are patrilocal, too.

The unwritten law prohibits dukhi from talking about women, while dedy and cherepa have to keep up their image. They try to get acquainted with women when they are on leave, after the last post they talk about the advantages of a normal sexual intercourse, describe the sexual relationships in fulsome details, celebrate Women's Day, etc.

The totality of formal and interpersonal relationships is noted for extreme dominance and denoted in terms of sexual intercourse, and this shines through in folklore. «To fuck a countryman is like to visit homeland», — argues a superior officer for putting down his countryman, who is lower in rank. «Getting fucked we're getting stronger», — so is the

soldiers' consolation, a sort of psychological protection against the dominant expansion coming from the higher ranks or more advanced mates. "I'm just ensign but I'm not a big gun, and my buttocks are not wider than my back" — argues an ensign explaining his unwillingness to stand wiggling from higher commander. And so on. All the formal relationships in the army are expressed in terms of homosexual expansion, not only among the lower ranks, but also among the higher officers.

In one of the training signal brigades, the so-called "intellectual elite of military forces", a brigade commander clearly expressed his physiological dominance, and he often said from the rostrum how he has the whole brigade. His voice was spread through the speakers, and it was heard far away in the military camp by officers' wives and their children. Having orally, that is, verbally all these "sons of gun" who break step during a usual marching, the brigade commander was unaware of how close he was to the archetypal symbol of a male patriarch; and he expressed his emotions in the terms of sexual intercourse.

The physiological dominance within the army realia performs itself in signs and symbols. Thus, culture with its inherent semantics comes back to the basis where the totality of signs and their meanings semantically progresses.

Every sexual intercourse and, particularly, a homosexual intercourse acquires strong dominant characteristics in the system of trappings of power. A homosexual dominance as a physiological symbol of social dominance is known among some species of animals, for example, — among baboon. Of course, in extreme communities the homosexual dominance is verbally and symbolically expressed, and, comparing with herds of geese, this characterizes such communities as a higher level of evolutionary stage. The cultural evolution can be reversible when the dominance is aimed at a socially disabled person or, to be more accurate, an asocial person, such as chushka in prison communities or chmo in army communities. Such a person can be put on his place or hold at the lowest social level by a symbolic or real homosexual intercourse.

Sexual determinism in the army dominant relationships is reflected in the clothes as well. Thus, a garrison cap of a dukhi is obscenely called vagina, while a garrison cap of an initiated dominant is shaped into a conical form. The social opposition of dukhi and dedy is kept within phallic-vaginal opposition.

In the Soviet Army the spectrum of interpersonal relationships was fully regulated, and, of course, the problem of love was given a particular attention. The Regulations, the basic law of the army, says, "A soldier must

love his arms". Aleksei Levinson said commenting this idea, "We are not aware of any other case, when love to something is juridically prescribed. The Regulations and the oath rite formalize the relationships between a soldier and his arms as a kind of matrimony. A "bride" in this case differs from a real bride not in her mechanical nature (marriage with mechanical brides is typical for millions of car owners, according to MacClusne's metaphor), but in the lack of choice; that is, a "bridegroom" can not choose his bride voluntary. To choose arms for oneself is a prerogative of a knight, bogatyr' (i.e. an epic mighty man), terrorist, or a gang, but not of a soldier". The semiotics of standard arms differ from the semiotics of the arms bought, even if it is the same gun.

The Regulations prescribe to young men 18-20 years old to love their arms and, in fact, celibacy. Arms can be divided into two categories. The first category is the arms in the form of a mechanically enforced phalli. From a 5.45 mm cartridge to an intercontinental ballistic missile, all these arms have similar phallic form, which is due not only to aerodynamics, but also to the archetypal consciousness. The other category of arms includes a variety of armored shelters, which have a form of a mechanical steel womb. These can be tanks, armored personnel carriers, submarines, etc."

I can say nothing about connecting archetypal consciousness with aerodynamics. The phallic image of a cartridge is often used in tattoo making. This image can be seen in the vignettes framing the blood group tattooed on the chest from the left side or on a shoulder. In the army at the peacetime, it is not a thing essential for life, but an initiation sign. Dukhi mostly have no right to make army tattoos. They are not eligible even to tattoo their blood group "due to the term of service". There are some cases when a dukh who tattooed his blood group was cut his skin off this place. Only initiated individuals have a right to mark their status with the blood group tattooed and framed by a phallic vignette, which adds them a stronger social potency.

Another kind of initiation tattoos is insignia images composed with the images of kinds of arms typical for them: tanks, armored personnel carriers, submarines, etc., as symbols of a maternal shelter, as Levinson describes.

Voluntary marking their bodies with symbols and signs of the environment can be explained as the initiation threshold when yesterday newcomers start to identify themselves with new individuals brought up in the army environment. Such a state can be gained only after one year of service, in terms of army folklore "when home made mother's pies digests in soldiers' stomachs".

Everything described above results in that a soldier starts dramatically loving his mechanical bride, even more than a real bride who is waiting for his discharge from the service at home. A general plot of the army folklore describes a heartbreaking story: when a young guy is called up, and while he bears arms his bride starts to go out with a guy who escaped from the draft. And his old mother and his only true friend — a gun — is everything left in his life.

There are also some funny stories about the sex appeal of military men contrasting with a sad rather story described above. A soldier is sexy not because he is just a soldier, but because he is a soldier of a particular military branch. Wherever he served in Missile Corps, Tank Brigades, Frontier Corps, or Signal Corps, he would always distinguish his own corps from others due to the archetypal principle of an apology of life style. In each division there are special pieces of folklore that depict a soldier of a particular division as a playboy, a lucky fellow both in love and service who makes love with not a simple woman, but with a wife or a girlfriend of soldiers serving in other corps.

For example, ditties cited below are only few from dozens heard by the author from a commander in classes on political issues where the advantages of particular corps are clearly demonstrated.

While the signalman was busy winding the coil
The tankman was fucking his gal.

And, to be sure, vice versa,

While the tankman was fucking [= was extremely busy] with the truck.
The signalman put his wife sideways.

Or yet another gem, this time from the navy life:

Rather a lion will deny food,
Than a woman a marine.

Evidently, the hypersexuality of a hero is an emanation of the brave military brunch he belongs to and reasonably boast of.

From these texts one can conclude that, first, the formal love of a tankman to his tank or love of a signal man to his coil dictated by the Regulations are kinds of a doleful dedication transformed to love natural for partners to their opponents in the army.

Another folklore story line on the class sexuality of soldiers is the seducing a wife or a daughter of an officer, primarily, a direct commander, by a trickster *ded* or *dembel'*. Dozens of folklore pieces can be cited on this subject. On the outposts along the Russian-Chinese frontier one can be often told as "a wife of a commander climbed up an observation tower to make love with a sexy *dembel'* who was on duty guarding the frontier". The commander in this case can be either a commander of the outpost or a top sergeant depending on their character and attitude to subordinates in every particular case.

These stories have already stepped out from barracks into the stage. A folklore image of a trickster-soldier animates a dull life within the Regulations with vivid emotions; therefore, folklore makes army realia more suitable for life. This unconsciousness image of a trickster stems from the archetype or public unconscious, and this can be supported by numerous analogies in myth-ritual systems around the world. This image of a trickster becomes a behavioral pattern to be followed by all "true warriors", i. e. *dedy* and *cherepa*. Right after their initiation, new *cherepa* when they are on leave rush into towns to seek a girlfriend. They believe that with their convex shields and numerous budes they look extremely sexy and attractive. Even dominant relationships temporarily give place to the relationships between sexes. Once a counsel of *dedy* gathered in the first leave of new soldiers. The *dedy* decided to let the most amenable *dukhi* make their shields convex in order not to discredit the unit with their appearance.

In other case, a mate of the author replied to the question why not to go to the leave in the civil clothes saying, "No way! When you are in the uniform, as you appear in *Leninskii prospect*, all girls will hang round you!" In this case as well as in many other cases only patrols hung around, but it did not affect the stereotype. When a soldier in fact found a girlfriend in the town, this greatly raised his authority among the mates, and he, in his turn, tried to keep it up describing the details of his relationships after the last post.

— I had her so many times.

— You're lying.

— Don't believe? Look, it's red! (Demonstrates his penis as a symbol of his social actualization. The penis was, indeed, extremely red).

— Hey, you've rubbed it with a brick!

After this conversation a ritual competition takes place where the opponents pretend to try their strength with each other.

This is not a joke, but a real story. In numerous archetypal symbols the phallus is a leader's warder. In extreme communities, this archetype

takes extreme forms. Apart from the regular acts of expressed dominance and control based on a sexual actualization, among military, prisoners, and marginal people piercing, scarification and other transformations with genitals are widely spread. There is even a special slang term "ushi (ears) — a foreign body sewn into the penis" in a dictionary of jargon phrases and expressions printed in Russia for official use only. The author was told that in prisons there are some experts that can successfully implant ears of alive mice into the head of penis. Of course, this fact is hard to believe.

The fact of love itself gives place to status symbolism in love fantasies of monosexual communities. A girlfriend of a soldier becomes a common girlfriend, because she is valued not for her merits, but for her symbolical aura that adds her lover a prestige position in the opinion of mates.

A deadly function of a military man, destructive in its very basis, in a stereotypical perception makes this man sexually attractive, because the destructive functions apotheosize the potency of expansion. Eros, actually, is the apotheosis of expansion of destruction and creation. Thanatogenic extremes inherent to the military aesthetics are taken as erotic extremes; the theme of death—unpunished and uncomplaining — becomes in fact not so scary, and women in the uniform acquire extra sexuality. This can be considered as a transformational link between Thanatos and Eros.

FOLKLORE AND ARTS

Dembel' is a category that includes a social status, conscious state, value system, and an ethic-esthetical paradigm together. Respectively, this category can be expressed through a variety of stereotypes. These stereotypes can be elaborated by the whole unit and this collective work transforms the stereotypes into industrial materialization of archetypes within esthetical forms appropriate in a community. Esthetical forms are elements necessary for an honorable demobilization of a respected dembel'. To produce such elements, usually the elements made by previous generations are taken as a pattern, but, nevertheless, any innovation is welcomed. Therefore, the esthetical decoration of a demobilization act is a scope to imagination, a kind of self-expression, and the protest against the army unification.

The main element is a dembel'skii al'bom (i.e. an album of a demobee). It is a materialization of dominant relations in a form of a chronicle illustrated with comics and photographs.

A classical album must be wholly handmade from pages to the screws, which hold them together. The technological process depends on the meanings

of album's structural components. Twenty-four sheets made of a thick cardboard symbolize twenty-four months spent in the army. They are coated with black ink in sign of mourning because a dembel' mourns the time spent in the army. The sheets then can be lacquered and decorated with different cutouts (applications), decorative spraying, metallic vignettes, etc. Then dembelya stick photographs in their albums commenting them with mawkish texts copied from others' albums. Usually, these albums are full of banal verses, wise sentences, and stock jokes. Each sheet is overlaid with sheets of tracing paper pictured with comics illustrating the stages of dominant relationships. The cover is made of any sort of materials at hand. The material for the cover can also be sent from home or bought at the shop, for example, a piece of red velvet. The most popular hardcover is made of two boards wrapped in military cloth. The sheets of the album are put together with screws made specially for this occasion.

The process of making these albums forms a special microindustry with the inherent microeconomics, barter and monetary circulation, and services. The individuals occupied in this industry due to their skills or special circumstances have a chance to raise their status or material welfare. These are, for example, painters decorating albums with pictures, ironworkers making metallic vignettes and screws, warehousemen supplying soldiers with necessary materials. Soldiers readily pay for their services a sufficient fee. For example, to our knowledge a ready-made album in some units cost from 50 to 180 roubles in Soviet times.¹ Some sorts of work where special skills are not required, like inking and lacquering, can be assigned to young soldiers working for free. Young soldiers, in their turn, practice in albums' decoration in advance. The phenomenon of making albums is a socialization of an individual in the particular value system through sign-esthetical categories.

The idea of a dembel' is the peak of a particular life period. This idea accumulates the life potency of extreme communities; its role can be compared with a consolidating role of the conception of Other World expressed by the inversion of being and not-being in traditional societies.

Conscripts do not have any motivations for an honorable service. The only stimulus is the coming demobilization. Unit commanders exploit the dedovshchina values with a particular cynicism assigning a great amount of work on a unit scale. This practice is called dembel'skie accordy. The motivation is simple: until the work is performed, dembelya will not be

---

¹ To illustrate this example, an average monthly salary in Soviet times was about 300 roubles.

discharged. It is hard to say what percent of work is done in this way, but we can guess that this percentage is high enough. Of course, this practice is illegal, but every unit commander can report to any committee that dembelya are just happy to make a present for their home unit where they spent so many unforgettable minutes. The result of this practice is that a unit gets new barracks, garages, fences, pigpen, etc., the dedovshchina system gets an official support, and the society gets dedovshchina as a survival strategy.

The army folklore is a defensive-adaptive reaction expressed in ironical reflection of army realia especially when former soldiers meet the problem of adaptation to the civil society. The irony on the irrational violence and absurd relations expressed by folklore means formed a phenomenon of Russian national culture of the end of the 20th-beginning of the 21st centuries known as army marasmus become genre of humorous story.

Some conclusions

Indeed, there are many archetypal correlations between social symbolism of non-formal hierarchy of military communities and archaic societies. But that is not reason to explore evolutionists scheme. I prefer identity terms 'archaic' and 'archetypal' rather than 'archaic' and 'primitive'. On expected data we can trace re-actualization of archetypes of unconsciousness in circumstances of cultural vacuum as only base for consolidation of chaotically gathered community under suppression of legal violence. Social relationship in army is not primitive. Strange forms of relationships in extreme groups are produced by natural adaptation function of deep structures of unconsciousness, which were realized in non-natural atmospheres of their mechanical and violent consolidation. The problem of cultural vacuum is solved by re-actualized archetypal paradigms as a factor of sociogenesis. But it increase another question — is it possible to abolish such deeply transformation of mentality of citizens by any military necessity of their state? That is question of human rights of soldiers.

Translation by Irina Phillipova

Научное издание

Банников Константин Леонардович

АНТРОПОЛОГИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ГРУПП

Технический редактор: *Г. А. Смирнова*

Корректоры: *М. Л. Водолазова, Л. Т. Соловьева*

Художники: *О. В. Когало, Н. П. Сергеева, М. И. Шахматова*

Фотограф: *К. Л. Банников*

Оригинал-макет: *А. Б. Наумова*

Издательская лицензия ИД N 02490 от 31 июля 2000 г.

Информационная поддержка

Института социально-антропологических исследований

Подписано к печати 01.10.02.   Заказ № 6892

Формат 60 x 84¹/16. Усл. печ л. 25. Тираж: 2000 экз.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-201-14632-5

9 785201 146320 >

Константин Банников - кандидат исторических наук, докторант Института этнологии и антропологии РАН, доцент Центра социальной антропологии РГГУ, заведующий Отделом страноведения и путешествий Международной медиа-корпорации "иностронец". В 1995 году закончил исторический факультет Новосибирского Государственного Педагогического Университета. Область научных интересов - мифоритуальные системы, социо- и культурогенез, технологии формирования идеологий и субкультур.

